

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. С. СОКОЛОВА

ОЧЕРКИ
ПО ФОНЕТИКЕ
ИРАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1953

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. С. СОКОЛОВА

ОЧЕРКИ
ПО ФОНЕТИКЕ
ИРАНСКИХ
ЯЗЫКОВ

II

ОСЕТИНСКИЙ, ЯГНОБСКИЙ
И ПАМИРСКИЕ ЯЗЫКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА ~ ЛЕНИНГРАД

1953

Ответственный редактор
И. И. ЗАРУБИН

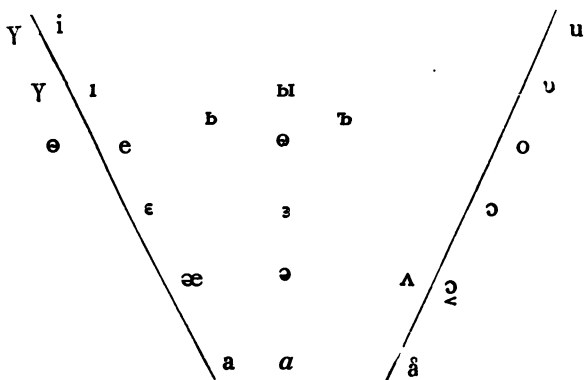
ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем выпуске продолжается публикация очерков по фонетике иранских языков. Общие задачи и методы исследования были изложены в предисловии к I выпуску, включающему в себя очерки по фонетике белуджского, курдского, татского и талышского языков. В настоящем выпуске представлены очерки по осетинскому, ягнобскому и памирским языкам: шугнано-рушанскому, язгулямскому, ваханскому, ишкашимскому.

Работа по сбору материала проводилась в 1948—1950 гг. в Таджикистане (ягнобский язык и памирские языки) и в Северной Осетии (осетинский язык). Каждый очерк, как и в первом выпуске, состоит из предваряющих сведений о задачах и условиях исследования и из описания вокализма и консонантизма данного языка. Детализация и объем каждого очерка зависят от различных задач, поставленных предыдущими исследованиями. К очеркам (за исключением осетинского языка как письменного) приложены тексты в транскрипции, отражающей фонемный состав слов, а также образцы текстов в детализованной транскрипции, отражающей варианты фонем. К осетинскому языку приложены кимограммы, к ваханскому — палатограммы согласных.

Транскрипция и классификационные принципы при описании фонем применяются те же, что и в первом выпуске. Транскрипция, отражающая фонемный состав слова без обозначения вариантов фонем, дается курсивом. Транскрипция, употребляемая при описании фонем с обозначениями их вариантов, дается прямым шрифтом в елочках. При определении качества гласных используется таблица в 6 ступеней подъема с соответствующими знаками, употребляемыми в работе.

Классификационная таблица гласных

Дополнительные знаки

Для гласных

- ˘(o) сужение
- ˘(o) расширение
- ˘(ā) назализация
- ˘(ā) долгота
- ˘(i) краткость
- ˘(ou) дифтонгичность
- ˘(i) неслоговой гласный

Для согласных

- ˘(d) ретрофлексная артикуляция
- ˘(d̄) палатализация
- ˘(l) веляризация
- ˘(tʰ) придыхательность
- ˘(d) оглушение
- ˘(é) средняяязычная артикуляция (второго фокуса)
- ˘(k) средняяязычная артикуляция

Общие

- ˘(o-) продвижение вперед
 - ˘(i-) продвижение назад
 - ˘(л') огубленность
 - ˘(xúbað) ударение
-

ОСЕТИНСКИЙ ЯЗЫК

Состав фонем осетинского языка, как гласных, так и согласных, был довольно точно установлен еще Вс. Миллером и опубликован в его „Осетинских этюдах“.¹ Исследование Вс. Миллера, несмотря на отсутствие соответствующей терминологии, которой в то время не существовало, по существу своему характеризуется фонологическим подходом.

Исправляя и дополняя Шегрена, Вс. Миллер предельно совершенствует его транскрипцию, устраняя обременяющие ее лишние знаки, отражавшие у Шегрена различные варианты фонем, а не фонемы, правильно определяет состав звуков (фонем) и грани между ними и в результате создает вполне фонологическую транскрипцию, которая и сейчас не требует больших исправлений. При описании звуков Вс. Миллер пользуется последними достижениями фонетики того времени, в частности при определении гласных он использует таблицу Сиверса, что придает его определениям большую точность. Правда, Вс. Миллер не дает описания звуков (фонем) в их вариантах, напротив того, различие в звучании иногда даже им отрицается, что, впрочем, вполне естественно в дофонологическом исследовании. В самом деле, если бы пришлось признать различие в звучании, то пришлось бы признать наличие разных звуков и обозначать их различными знаками, чего не мог делать Вс. Миллер, который хорошо понимал, что для осетин в этих случаях никаких разных звуков нет. Поэтому, чтобы сохранить единство звука (его фонемность), Вс. Миллер и не мог говорить о различных его звучаниях, да может быть и замечать их, раз он научился воспринимать этот звук фонологически. Но это сказалось отрицательно на описании некоторых звуков, в частности на описании весьма мутабельного осетинского гласного *ь*, который определяется Вс. Миллером как звук качественно постоянный. Так, он пишет: „Звук, выражаемый этой буквой (*r*),² представлялся Шегрену крайне неуловимым. Он слышался ему то как беглый *e*, то как *i*, то как немецкий *ö* и *ÿ*, то, наконец, близким к русскому *ы*...“. И далее: „Насколько мы можем положиться на наш слух и на свидетельство

¹ Вс. Миллер. Осетинские этюды. Ученые записки Московского университета, вып. II, 1882.

² Транскрипция Миллера.

самых осетин, в настоящее время г, без различия тех случаев, на которые указывает Шегрен, звучит всюду одинаково и ближе всего к русскому *ы*... Вероятно звук, выражаемый буквой г, имел прежде различные оттенки... Но в настоящее время оттенки эти так незначительны и трудноуловимы, что различать их отдельными буквами нет никакой возможности". Таким образом, для выявления диапазона гласных фонем больше материала можно почерпнуть из работы Шегрена, транскрипция которого являлась фонетической и отражала слышимые им варианты. Впрочем, в одном случае при очень резком изменении звучания *Вс.* Миллер отмечает вариант фонемы *ä*: „Заметим, что после *j ä* приближается к открытому *e*, так что можно колебаться, писать ли *jäy* (просо) или *jeu, jä* (его) или *je*; мы пишем в этих случаях *ä*, так как все же гласный в этих словах ближе к *a*, чем к *e*".¹

Тщательно разбирая вопрос о количественных взаимоотношениях гласных, *Вс.* Миллер приходит к выводу, что долготы, отмечаемые Шегреном, возникают исключительно под влиянием ударения для всех гласных, за исключением *i* и *y*, „в которых действительно различается количество даже неразвитым слухом". *Вс.* Миллер различает долгие *ū* и *ī* и краткие *y* и *i*. Однако различие это главным образом междиалектное. Иронский диалект имеет только долгое *ī*, дигорский только краткое, причем они словарно не соответствуют друг другу: ир. *ī* || диг. *ē*, ир. *ū* || диг. *ō*, а дигорским кратким *i* и *y* соответствует иронское г (тоже всегда краткое). При таком положении едва ли можно было бы говорить о различии долгих и кратких *y* и *i* в осетинском. Однако *Вс.* Миллер находит, кроме того, противоположение краткого и долгого *y* также и внутри одного диалекта — иронского. Его примеры: *xūr* 'солнце' и *xur* 'щебень', *xūd* 'шапка' и *xud* 'сшитый', *ūrc* 'белый' и *urc* 'жеребец', *rūxs* 'свет' и *xusk* 'сухой'. К трактовке последнего вопроса никто из исследователей специально больше не возвращался. Однако в современной осетинской графике миллеровское краткое *y* отражено через *уy*: *хуyд* 'сшитый', *уyрс* 'жеребец', *хуyр* 'щебень', *хуyскъ* 'сухой' и т. д. — и определяется в учебниках как дифтонг. Между тем, *Вс.* Миллер ничего похожего на дифтонг здесь не слышал, но весьма показателен его разбор (на стр. 41) грузинской транскрипции Ялгузидзе (в текстах, изданных последним в 1820 г.): „Если после гортанных в иронском следует краткое *y*, например: *куд, хуцау, хуздәр* — Ялгузидзе употребляет для выражения этого гласного рядом две грузинские буквы: *й(w)* и *i*: *кўд, хўцау, хўздәр, Гўірцїи*. Так как трудно думать, что эти слова звучат действительно так, как их пишет Ялгузидзе, нужно предположить, что через *ўi* он хотел выразить краткое *y*, в отличие от долгого, которое он выражает грузинским *и(y)*". При таком свидетельстве Ялгузидзе для начала XIX в. и при современной графике

¹ *Вс.* Миллер, ук. соч., стр. 7—8.

(хуыр и т. д.) следует думать, что Вс. Миллер ошибся в своем слуховом восприятии.

Помимо этого вопроса, неясной оставалась, собственно, и вся система количественных взаимоотношений гласных: Вс. Миллер довольно определенно сказал об отсутствии долгих и кратких пар (\bar{o} — o , \bar{a} — a , \bar{r} — r , $\bar{ä}$ — $ä$), но ничего почти не сказал о количественных взаимоотношениях качественно различающихся фонем. У него есть, правда, отдельные замечания насчет того, что e всегда долгий звук, r и $\bar{ä}$ всегда кратки (впрочем, не отрицается возможность удлинения $\bar{ä}$ под ударением). Остальные гласные (a и o), повидимому, могут быть и долгими (под ударением) и краткими. Ясно, что такое изложение лишь только ставит вопрос о количественной характеристике гласных, а не разрешает его.

Решение этой задачи значительно продвинул вперед В. И. Абаев, разделивший осетинские гласные на две группы: сильные и слабые. Последняя формулировка этого положения представлена в грамматическом очерке к его „Русско-осетинскому словарю“ (М., 1950). Сильные гласные отражают исторически долгие и представлены в иронском диалекте фонемами a , u , y , o ¹ (сюда же относится и иронское новообразование — фонема e). Слабые гласные отражают исторически краткие звуки и представлены в иронском фонемами $ы$ и $æ$. В дигорском диалекте группу сильных составляют e , a , o , группу слабых u , $æ$, y . Деление гласных на сильные и слабые имеет не только исторический смысл, но имеет и в современном языке реальную почву. Именно: слабые гласные в противоположность сильным могут подвергаться редукции, стяжению и выпадению, а также служить протетическим звуком перед группой согласных. Большое значение имеет различие сильных и слабых гласных для ударения, которое как раз зависит от характера гласного.

Однако оставалось неясным, в какой мере подкреплено это деление гласных противоположением их по долготе. Иными словами, оставалось неясным — различаются ли обе группы гласных по долготе, и если различаются, то как и в какой степени. Для решения этого вопроса нужно было провести детальное фонетическое исследование.

Ниже излагаются результаты такого исследования, касающегося также некоторых вопросов осетинского консонантизма. Сбор материалов проводился весной 1950 г. в Северной Осетии по данным как иронского, так и дигорского диалектов. Для определения длительности гласных и качества согласных при исследовании применялся кимограф.

По иронскому диалекту привлекались материалы селений: Ардон, Алагир, Кадгарон, Дзуарикау, Синдзикау и Дзильги. При этом представители Кадгарона (преподаватель Педагогического института К. Гутнев) и Синдзикау (аспирант С. Марзоев) могут скорее считаться пред-

¹ Знаки современной осетинской орфографии.

ставителями литературного языка, чем своего говора. Впрочем, каких бы то ни было существенных расхождений в фонетике всех указанных пунктов и литературного языка не наблюдается. Система вокализма всюду одинакова, имеются лишь незначительные колебания по произношению фонемы *э* и в некоторых случаях различное словарное распределение фонем *ь* и *э*. Также несколько колеблется по говорам использование протетического *ь*. В остальном данные всех указанных пунктов совпадают, так что иронская фонетика в пределах привлекаемых материалов представляется единой. Поэтому в дальнейшем изложение основывается на всех данных, отклонения же от общей нормы для того или другого пункта каждый раз оговариваются.

По дигорскому диалекту привлекались материалы из селений Дурдур, Лескен и Новоурух. Для него в области вокализма, насколько можно судить по имеющимся данным, также характерно единство и общность.

Для удобства пользования ниже приводятся соответствия гласных знаков транскрипции очерка, транскрипции Вс. Миллера и современной осетинской графики.

Транскрипция очерка Транскрипция Миллера Орфография

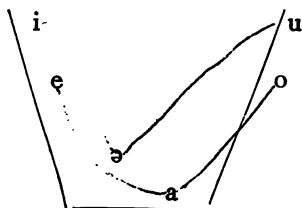
а	а	а
э	ä	æ
е	е	е
	І (иронск.)	
і	і (дигорск.)	и
у	ū (иронск.)	у
	у (дигорск.)	
о	о	о
ь	г	ы

ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ФОНЕМ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Дигорский диалект

Дигорский диалект в основе своей насчитывает шесть гласных фонем, которые могут быть представлены в следующей таблице:

Сильные гласные *e*, *a*, *o* характеризуются большой качественной устойчивостью. Гласный *e* — узкого образования, примерно на 4-й ступени подъема. Фонема *a* — гласный нижнего подъема смешанного ряда, образуется примерно там же, где русское ударенное *a* между твердыми, но более продвинуто назад, так что дает несколько более задний тип звучания, чем русское *a*. Фонема *o* — очень узкий гласный, образуется обычно между 4-й и 5-й ступенями подъема (варианты «*o*» и «*o*»), а в положении перед носовыми может становиться еще уже вплоть до «*u*» (5-й подъем), так что на русский слух иногда может восприниматься как *y*.

Все три гласные являются напряженными, полнозвучными и длительными. Особенно хорошо уловима на слух длительность *a* в исходе слова: «*k'odtā*» 'сделал'. Гласные *u* и *o* в исходе слова встречаются мало, но и в других положениях при отчетливой речи их протяженность хорошо слышна. Все три фонемы соответствуют, как известно, историческим долгим: *e* — долготу \bar{e} (< древнего *ai*), *o* — долготу \bar{o} (< древнего *au*), *a* — долготу \bar{a} . Слуховые впечатления (напряженность и протяжность гласных) говорят о том, что осетинские сильные гласные сохранили в себе качества долгих гласных.

Слабые гласные *i*, *ə*, *u* характеризуются большой качественной изменяемостью. Каждая из фонем имеет широкий диапазон.

Диапазон фонемы *i* колеблется от верхней до почти 4-й ступени подъема. Основной тип ее звучания — открытое *i* (вариант «*i*») или очень закрытое *e* (вариант «*e*»). Примеры:¹ «*fɛŋz*» 'нос', «*sɛŋzi k'ot'əri xuzən*» (*siŋzi k'ot'əri xuzən*) 'подобно колючему кусту', «*əxser*» 'молоко', «*raɣastā ɟɒŋi xəɟsə mɔsi lɛɣz fəzi*» (*raɣastā woni xəccə mosi liɣz fəzi*) 'поиграл с ними на ровной площадке гумна'. Вариант «*e*» чаще встречается в закрытых слогах перед сонантами *r*, *l*, *m*, *n* или перед увулярными, а также в исходе слова. Для остальных положений более характерен вариант «*i*». Узкий вариант («*i*» или «*i*») нормален для открытых слогов, особенно в соседстве со щелевыми, а также после смычных, смягчающихся перед *i*. Всегда очень узким является *i* в соседстве со среднеязычным *y*, которое часто появляется перед *i* в начале слова. Примеры: «*k'lasɪ astə'ɟ*» (*k'lasɪ astəw*) 'посреди класса', «*sk'ap'i bunmə*» (*sk'appi bunmə*) 'под шкаф', «*yibəl*» (*ibəl*) 'о нем', «*yisləwɟətɪ*» (*isləwdtəy*) 'встал', «*fəzzigɒn bɒn*» (*fəzzigon bon*) 'осенний день', «*fidə*» 'отец', «*den-g'iz*» 'море', 'океан', «*ɣizāyɒn*» (*izayun*) 'оставаться', «*c'iɪnə*» (*ciɪnə*) 'радость', «*ficcag*» (*ficcag*) 'первый'.

В характеристику фонемы *ə*, как она давалась до сих пор, следует внести некоторое уточнение. Это — гласный не переднего ряда, а смешанного, и лишь отдельные его варианты продвигаются до переднего ряда. Основной тип образования *ə* — смешанный гласный 2-го

¹ Примеры в синтагмах как для дигорского, так и для иронского диалектов взяты из школьных хрестоматий.

подъема снизу, несколько продвинутый вперед (смешанно-передний тип), как изображено на таблице. По качеству он иногда может быть сближен с неударенным русским *a* рядом с твердыми согласными: «*ǎkná*», «*ǎtsá*» ('окна́', 'отца́'), но осетинское *ǎ* более переднее и более протяженное (ср. близкую характеристику *æ* в „Грамматическом очерке осетинского языка“ В. И. Абаева, приложенном к его „Осетинско-русскому словарю“, стр. 549). Примеры: «*lǎg*» 'человек', «*fǎd*» 'след', «*fǎldǎg*» 'больше', «*ǎdǎmǐ bǎ ʔudǐ dǎg nǎ k'ǎdǎ*» 'а о людях даже и не думал'. В зависимости от влияния соседних согласных и положения в слове *ǎ* может быть более закрытым и более открытым. Более закрыто *ǎ* в закрытых слогах в соседстве со смычными, особенно перед сонантами *l*, *m*, *n*, *ŋ*, где оно может артикулироваться несколько выше второго подъема: «*p'ǎlbǎ*» 'на полу', «*cǎldǎg*» 'несколько', «*fǎlmǎn gǎwǎn*» 'мягкое место', «*sǎbǎ*» 'о чем', «*k'ǎxǎbǎ*» 'на ноги'. Более открыто *ǎ* — в открытых слогах, а также в закрытых в соседстве со щелевыми, особенно увулярными, расширяющими *ǎ*: «*bǎnmǎ*» 'под', 'вниз', «*ǎmǎ*» союз соединительный, «*ʔǎ-ǎmǎ xǎ-stǎg*» 'близ селения'. В соседстве с увулярными и губо-губными *ʃ* является при этом и более задним: «*ʔǎ-ǎ*» 'село', «*bǎ-x*» 'лошадь'. В многосложных словах при сильном сокращении *ǎ* может давать закрытый вариант заднего ряда («*ʌ*»): «*ǎslǎwtǎy*» 'встал'. В соседстве с губными в более кратких своих вариантах *ǎ* может слегка огубляться: «*ǎslǎwtǎj*» 'встал', «*ǎstǎ'ǎ*» 'посреди'. Все эти варианты не являются обязательными и при отчетливом произношении восстанавливаются в основной вариант «*ǎ*».

Перед среднеязычным согласным *y* *ǎ* сильно продвигается вперед, приближаясь к типу передних («*ǎ*» или «*ɛ*»): «*gǎcudǎj || gǎcudǎj*» 'прошел', «*cǎrdǎy || cǎrdǎy*» 'жил', «*fǎndǎgǎj yǎʔustǎj*» 'с дороги слышалось' и т. д.

Таким образом, качественный диапазон фонемы *ǎ* колеблется по подъему — от почти нижнего (вариант «*ǎ*», «*ɛ*») до 3-го (вариант «*ǎ*»); по ряду — от заднего, несколько продвинутого вперед (вариант «*ʌ*») до переднего (вариант «*ǎ*», «*ɛ*»).

Фонема *u* — огубленный гласный заднего ряда, колеблющийся по подъему от верхней до 5-й ступени и несколько ниже, т. е. его диапазон несколько уже, чем диапазон *i*, которое может расширяться вплоть до 4-го подъема. Основной тип звучания — открытое «*u*», характерное почти для всех фонетических положений при отчетливой речи. Примеры: «*cǎbǎg*» 'короткий', «*bǎŋn*» 'ползти', «*bǎdǎr*» 'поле', «*ǎstǎg*» 'большой', «*xǎstǎy*» 'спал'. При обычной речи в закрытых слогах перед смычными и особенно перед сонантами *n*, *m*, *l*, *n*, *ŋ*, а также в соседстве с увулярными *u* нормально расширяется (вариант «*u*»): «*sk'ǎp'i bǎnmǎ*» 'под шкаф', «*sǎm-sǎm k'ǎdǎ*» (*sum-sum kodta*) 'сопел', «*ǎzǎn wǎrstǎ xǎssǎn*» 'еж любил спать', «*dukǎg*» 'второй', «*yǎwǎgǎrdǎg*» 'сплошь', «*ǎstur rǎxs st'ǎlutǎ*» (*ustur roxs st'ǎlutǎ*) 'крупные светлые звезды'. В открытых же слогах *u* остается и при быстром темпе речи более узким: «*sǎvǎlǎndǎtǎ*

uzuney rāyewvārs əncə» 'ребята отошли от ежа', «rācudəy cāldər bōnə» 'прошло несколько дней', «uzun fənnəfsguney əmā əndəmə bürün rāydəttā» 'еж осмелел и начал выползать наружу'.

Все три гласные — ненапряженные, произносимые на сильном выдохе и поэтому обычно шумные. Все они оставляют впечатление более короткого звучания, чем сильные гласные. В отдельных положениях, особенно в неударенных закрытых слогах и в безударном исходе слова, они могут быть очень краткими: «d^uwwə ɛrtəvgə cəsti» 'два блестящих глаза', «ə baxə fārsmə» 'рядом со своей лошастью', «ə fəstag k^faxtəbəl» 'на задние ноги'.

В результате, при сравнении обеих групп гласных, слуховое впечатление говорит о их не только качественном, но и количественном противополжении. Существенно, что слабые гласные *i* и *u* в широких своих вариантах (вариант «e» и «u») могут сближаться или даже совпадать качественно с соответствующими сильными *e* и *o*, особенно при быстрой речи. Тогда различие в длительности выступает как доминирующий признак. Качественное сближение, а иногда и совпадение могут наблюдаться и для фонемы *ə* (в открытых задних ее вариантах) с фонемой *a*. Разбор соотношения обеих групп гласных по длительности будет дан ниже, в специальном разделе.

Седьмая фонема *i*. До настоящего времени в существующей литературе для дигорского вокализма отмечались только указанные шесть фонем. Эти шесть фонем действительно составляют основу дигорского вокализма. Однако, кроме них, с несомненностью выделяется седьмая фонема — сильное (или долгое) *ī*, противопоставляющееся слабому (или краткому) *i*. Заслуга выявления этой фонемы принадлежит студенту Восточного факультета Ленинградского Государственного университета М. Исаеву, посвятившему ее исследованию свою дипломную работу.¹ Поэтому здесь можно ограничиться лишь указанием на ее наличие и на ограниченность ее употребления. В словах иранского происхождения она употребляется, повидимому, исключительно в положении перед *n* (əxsīnə 'хозяйка', suʔzərīnə 'золото'), соответствуя этимологическому *ē* (< древнего *ai*). В заимствуемых словах (в частности в русских) может употребляться в любых фонетических положениях. Таким образом, хотя эта фонема имеет очень узкий круг применения, она все же не представляет собой чисто традиционного, отходящего явления, поскольку она активизируется и развивается употреблением ее во вновь заимствуемых словах (mašīnə, gīps и т. д.).

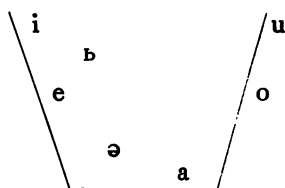
Таким образом, в системе дигорского вокализма имеем противополжение фонемы *i* двум сильным гласным переднего ряда *e* и *ī*, причем с ними обоими она качественно может совпадать (диапазон *i* по подъему колеблется в пределах диапазона *ī* и *e*). Выходит, что краткость всегда фонологически важна для *i*, а это уже, еще до детального рассмотре-

¹ В настоящее время работа М. Исаева печатается в „Трудах Института языкознания“, № 4.

ния количественного взаимоотношения всех гласных, непосредственно подводит к пониманию „сильных“ и „слабых“ дигорских гласных как долгих и кратких.

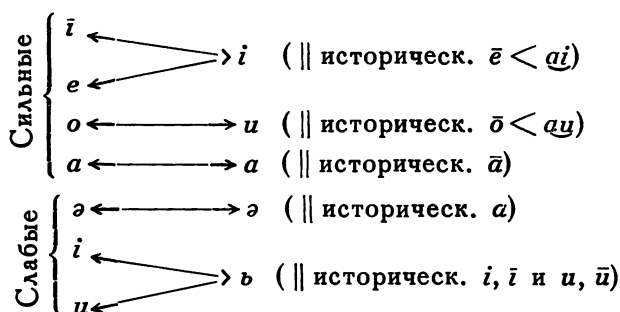
Иронский диалект

Иронский вокализм, насчитывающий семь фонем, может быть представлен в следующей таблице:

К группе сильных относятся пять фонем: *a, i, u, o, e*; к группе слабых — две фонемы: *э* и *ь*. Иронско-дигорские соответствия гласных известны.¹ Здесь приводятся схематично лишь главные соответствия с добавлением в схему дигорского *ī*.

Дигорские Иронские

Таким образом: 1) семь дигорских гласных отражены пятью иронскими; различающиеся в дигорском фонемы *i, u* совпали в иронском в одной фонеме *ь* (дигорские *fidə* 'отец', *bun* 'основание' соответствуют иронским *fьd, бьн*). Одной фонемой *i* представлены в иронском дигорские *ī* и *e* (диг. *dīn* 'религия', *met* 'снег' || ир. *din, mit*). 2) В большинстве случаев наблюдается качественное расхождение соответствующих друг другу гласных: совпадают в звучании, если не считать дигорского *ī*, только две фонемы: *a* и *э*. 3) Соотношение сильных и слабых сохраняется: сильные соответствуют сильным, слабые — слабым.

Иронское *o* — позднего образования. Исторически оно соответствует, во-первых, долговому \bar{a} перед носовыми (*zопьл* 'знать', *пот* 'имя'), совпадая

¹ В. И. Абаев. Очерк расхождений иронского и дигорского диалектов. Осетинский язык и фольклор, I. Изд. Акад. Наук СССР, 1949, стр. 364 и сл.

в этих случаях с дигорским *o*, которое в этом положении тоже продолжает *ā* (диг. *zonun*, *nom*); во-вторых, старому сочетанию *x^wa*, которое в дигорском сохранилось (ир. *xordta* || диг. *x^wardta* 'он ел'); в-третьих, как живой процесс оно возникает из стяжения группы *əwə* (*nəwəg* > *nog* 'новый'). Кроме того, *o* используется в заимствованных словах, где оно также совпадает с дигорским *o* (ир. и диг.: *kolxoz*, *gorət*).

Иронское *e* — тоже позднего образования. В осетинских словах оно возникает из стяжения группы *ə(y)ə*: *dələyə* > *dələ* 'внизу', *fembəld yembəlttəl* (< *fə-əmbəld yə əmbəlttəl*) 'встретился со своими товарищами', *negas* (< *nə əgas*) 'мы все' и т. д., а также используется в заимствованных словах.

Сильные гласные *a*, *i*, *u*, *o*, *e*. Качественно иронские гласные *a* и *e* совпадают с дигорскими.

Гласный *o* несколько шире дигорского, не сужается до варианта «*u*» даже перед носовыми и образуется обычно на 4-й ступени подъема. На русский слух хорошо узнается как *o*. Гласный *u* колеблется по подъему от узкого «*u*» верхнего подъема до довольно открытого, между верхней и 5-й ступенями подъема (вариант «*u*» и даже «*u*»). Широкие его варианты появляются в быстрой речи в соседстве с сонантами *m*, *n*, *r*, *l* и увулярными. Примеры:¹ «*št̪r ruχš št̪^aaləf̪æ*» (*št̪r ruχs št̪^aalb̪tə*) 'крупные светлые звезды', «*baxt̪ə - furd̪t̪ə - ta*» (*baxt̪b furd̪t̪b̪tə*) 'фырканье лошадей', «*m̪^uš̪ə - laγ̪z̪ fəz̪₁ - l*» (*mus̪b ləγ̪z̪ fəz̪bl*) 'на ровной площадке гумна', «*п̪ьqquš̪ št̪ə - l*» (*п̪ьqquš̪ st̪b*) 'замолчали', «*w̪ärz̪t̪ä fədk̪^a - v̪^ut̪ə əm̪ə ənguš̪t̪ə*» (*warz̪t̪ä fədk̪^a - u^ubt̪ə əm̪ə əngust̪ə*) 'он любил яблоки и орехи'. Именно благодаря широкому диапазону *u* иронское *o* не сужается так сильно, как в дигорском, иначе обе фонемы могли бы смешиваться. В дигорском же фонеме *o* противостоит не сильный, а слабый гласный (*u*), который, совпав с *o* по качеству, хорошо отличается от него своей краткостью.

Фонема *i* — тоже не всегда самого верхнего подъема, часто она более открытого типа, образуясь между верхним и 5-м подъемом. Расширяется *i* обычно в исходе слова, а также в соседстве со смычными и увулярными согласными. Узкие варианты *i* характерны в соседстве со щелевыми, особенно среднеязычной артикуляции, а также в открытых слогах. Примеры: «*db̪^oww̪ə - ərtiv̪g̪ə - səšt̪b -*» (*db̪ww̪ə ərtiv̪g̪ə səšt̪b*) 'два блестящих глаза', «*fəndag̪əy q^uošt̪iš̪*» (*fəndag̪əy qu^ubst̪is*) 'с дороги слышалось', «*m̪il̪^u ənək̪əron b̪d̪br̪*» (*m̪it̪b ənək̪əron b̪d̪br̪*) 'снежная бескрайная равнина', «*m̪ə - na - yaχi əy^uv̪əšt̪ä . . .*» (*m̪ənə yəχi əy^uv̪əšt̪ä*) 'вот он потянулся. . .', «*št̪ə₁ š̪qil̪ kōd̪t̪ä yinn̪ə*» (*st̪əy š̪qil̪ kod̪t̪ä innə*) 'затем поднял другое (ухо)', «*š̪išt̪o₁*» 'подняли', «*ax̪iž̪n̪*» 'перейти'. При четком произношении широкие варианты *i* восстанавливаются в узкий вариант.

¹ В фонологической записи для равнинных иронских «*š̪*» и «*ž̪*» приняты, как и в орфографии, знаки *s* и *z*, поскольку эти фонемы в ряде иронских говоров произносятся «*s*»- и «*z*»-образно.

По слуховому впечатлению, иронские сильные гласные несколько менее напряжены и несколько менее длительны, чем в дигорском. Их полнозвучие несколько стерто и долгота их слышится не так хорошо, как в дигорском, особенно при более быстром темпе речи. Все же их большая напряженность и длительность по сравнению со слабыми гласными, особенно с *ь*, хорошо распознается. При более отчетливом произношении долгота их всегда слышна отчетливо.

Слабые гласные *э* и *ь*. Фонема *э* несколько отличается от дигорского *э* своим диапазоном. Она более продвинута вперед и более открыта, приближаясь по звучанию то к «æ», то к «а» (тип «æ-» или «э-»). Закрытых вариантов типа «ə» или «ʌ», которые встречаются в дигорском, иронское *э* не имеет. В более задних своих вариантах (в соседстве с увулярными, а иногда также в неударном исходе слова) оно тоже более открыто, близко сходясь по качеству с фонемой *а*. Перед согласным *у*, как и в дигорском, имеет постоянный, сильно продвинутый вперед или передний вариант «æ(-)» или «ε(-)». Большая его открытость объясняется, повидимому, его противоположением фонеме *ь*, артикулирующейся в том же ряду и имеющей иногда довольно открытые варианты. Примеры на выявление *э*: «lɛ-g» 'человек', «fɛ-d» 'след', «ənəkəron» 'бескрайний', «afəlgəʃɛd» 'посмотрел', «arxəʃtā :kʰola-mə» 'принес в школу', «saʃtə-» 'глаза', «mɔ-nə-» 'вог', «bəxtə» 'кони', «qɑɟmɑ vvaχs» 'близ селения', «laʒʒ» 'ровный', šəvərɟtɑ yə qʉtə yə raʒɟl» 'положил на спину свои уши'. По говорам, в разной степени наблюдается тенденция к редукции *э*. Так, в Алагире имеем: «fəɲnərdəm» 'в разные стороны', «rbaɟtɪʃ» 'он сел', «fɛləwɔd» 'остановился', «xʰrdmə ʃiʃtoʒ» 'подняли вверх', «fʰlɛ kʰ ɛrsəχʃon» (*fələ kʰ ɛrsəχʃon*) 'но если я поймаю'. Такую же, если не большую, неустойчивость проявило *э* в произношении представителя селения Зильги (близ Беслана): «sʰvərɟtā» 'он положил', «mənə» 'вог', «fʰlmən rən» 'мягкое место', «kʰəʃkə-yə-» 'глядя...'

Фонема *ь* имеет очень широкий диапазон звучания. Обычно образуется в том же ряду, что и гласный *э*, т. е. в смешанном, продвинутом вперед, между 5-й и 4-й ступенью подъема (вариант «ь»). При быстрой речи может восприниматься на русский слух как *i* или *e* (в зависимости от степени открытости) неясной окраски. В соседстве с согласными среднеязычной артикуляции всегда имеет более переднее образование (варианты: «ь-, ɪ-, ɛ-») и нормально ассоциируется в русском восприятии с *и* или *е*. Рядом с увулярными и *ш* может продвигаться назад (вариант «ъ»). В закрытых слогах между смычными, особенно перед сонантами *т*, *п*, *л*, *р*, рядом с увулярными и в ударенном исходе может расширяться вплоть до 3-й ступени подъема (варианты: «ə, ɛ-»). В соседстве с губными, особенно рядом с губо-губным *ш*, может слегка огубляться и тогда напоминает *о* или *и* неясной окраски. Примеры на выявление фонемы *ь*: «yɪɟ fəʒʒi-gon bon...» (*iw fəʒʒigon*

bon) 'одним осенним днем...', «^wʊʒe-n x^oʊšše-d še-nzje-n k^oriye x^oʊʒe-n» (*ubzbn xubssbd sbnzjbn k^ooriyb xubzbn*) 'еж лежал, как колючий шарик', «... sʏm-sʏm etə xʏm-xʏm kōd̄tā» '...сопел и фыркал', «... xudʏn rāyud̄toy» '...начали смеяться', «... š^bk^aapp^b bənmə» (*sk^aapp^b bənmə*) '...под шкаф', «... k^aaxtyl» '...на ноги', «yə alfəmbɣlay yiw^wɣldər wɣd mitʏ-ənək^aeron bɣdɣr» (*yə alfəmbɣlay yiw^wɣldər wɣd mitʏ ənək^aeron bɣdɣr*) 'вокруг него все было снежной бескрайной равниной', «... ʒe-nde-šte-štʏr št^aalbətə» (*zəndəstʏ stʏr št^aalbətə*) '...виделись крупные звезды', «... fəlləw^wɣd fəndaɣe-r rāʒ» (*fəlləw^wɣd fəndaɣe raz*) '...остановился перед дорогой'.

Фонема *ɔ* сильнее редуцируется в открытых слогах, чем *ə*: «... yə s^bɣr k^aaxtyl» 'на своих коротких ногах', «s^bvəllədtə-» 'дети', «s^bdəridtər» 'все, что'. В соседстве со смычными и увулярными может расширяться, давая редуцированный тип «ə»: «... ax^wurgəninəgtʏe-x^oʒi-ntə dər» (*ax^wurgəninəgtʏ xʏzəntə dər*) '... также сумки учеников', «d^bvər» 'двойной' (*dvər*).

Наблюдается также факультативное появление сильно редуцированного *ɔ* между или перед двумя согласными: «š^bk^aap» 'шкаф', «s^bštʏr št^aalbətə» 'крупные звезды', «s^bqil k^od̄tā» 'поднял', «s^bʒogʏn» 'бежать'.

Однако редукция *ɔ* и появление его между согласными (или перед группой согласных) не очень широко распространены в рассматриваемых равнинных селениях. Оба эти явления несколько чаще наблюдаются в Алагире: «ʒ^məgon» 'зимой', «s^bštʏr» 'большой', «s^bstəy» 'потом', «xərd^mə ʒiʒdoy» 'подняли вверх' и т. д. Благодаря тому что корневое (не вставочное) *ɔ* может редуцироваться, роль обоих *ɔ* начинает отождествляться как слогообразующего гласного призвука. Отсюда становится возможным переход корневого *ɔ* в начальный призвук: «ʒɣnarɣ > ʒɣnarɣ» 'дорогой'.

Кроме того, поскольку в Алагире (а еще в большей степени у представителя из Зильги) *ə* тоже может редуцироваться, то иногда наблюдается его смешение с *ɔ* (обычно перед *m*, *r*, *n*, *l* или увулярным, где *ə* сильнее редуцируется): *ərɣttvota* || *ɣrttvota* 'сверкал', *alfəmbɣlay* || *alfɣmbɣlay* 'вокруг', *ərxasta* || *ɣrxasta* 'принес', *əxsər* || *ɣxsər* 'молоко'.

Таким образом, если для дигорских слабых гласных редукция не характерна, то в иронском диалекте наблюдается тенденция к их редукции (особенно для фонемы *ɔ*), развитая в разной степени по говорам. Фонема *ə* может сильно сокращаться только в определенных фонетических положениях (это обычно — закрытый первый слог перед сонантами *r*, *l*, *m*, *n* и увулярными). А так как бóльшая краткость и привычная редукция являются характерной чертой, в первую очередь для фонемы *ɔ*, то тем самым редуцировавшееся *ə* отождествляется с ней, иначе говоря, переходит в фонему *ɔ*. Следовательно, в иронском диалекте существуют предпосылки для расщепления *ə* на две фонемы: в какой-то части слов, редуцируясь, оно может перейти в *ɔ*. В положениях же,

неблагоприятных для редукции (а таких положений — подавляющее большинство), э противопоставляется ь четко, не только качеством, но и большей своей протяженностью. В результате в тех говорах, где происходит частичный переход э в ь, за э закрепляются четкие и более протяженные его варианты, что ведет к сближению э с сильными гласными.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Дигорский диалект

Записи на кимографе по длительности гласных проводились в г. Дзауджикау у двух лиц: Цаллаева из селения Дурдур, студента Педагогического института, и Гатагова из селения Новоурух, аспиранта Североосетинского научно-исследовательского института. Данные Цаллаева обозначаются буквой Ц., данные Гатагова — буквой Г. Приведенные цифры указывают среднюю длительность, в скобках обозначено число измерений, из которых выведена средняя. Длительность гласных дается в $\sigma = 0.01$ сек. Выделяемые положения по влиянию согласных обозначаются арабскими цифрами.

Долгие (сильные) гласные е, а, о

В односложном слове перед одним согласным

1) Перед щелевыми и г		2) Перед смычными	
тип: <i>des, boz</i>		тип: <i>met, sag</i>	
	Ц.	Г.	
е	23.4 (8)	22.1 (22)	21.4 (6)
а	—	—	22.3 (10)
о	24.8 (17)	21.3 (9)	24.1 (6)

Расхождения между данными обоих дикторов небольшие: Ц. дает несколько более длительные варианты. Из цифр видно, что длительность всех трех гласных одинакова. Несколько большая протяженность о в произношении Ц. необязательна, что можно видеть из сравнения с данными Г., в произношении которого о не длиннее других гласных. Смычные несколько сокращают гласный. В силу малых расхождений, приведенные данные представляется возможным суммировать. Тогда имеем для всей группы гласных:

Средняя длительность	1) 23.0 (56)	2) 20.7 (58)
Типовая длительность ¹	25—19	23—18
Крайние отклонения	30—19	27—16

¹ Типовая длительность устанавливается путем подсчета числа произнесений, падающих на каждую единицу длительности. Отрезок длительности, на котором концентрируется главная масса произнесений, выделяется как типовая длительность.

В односложном слове перед двумя согласными

Г.

2) тип: *gapp*

Средняя длительность	21.2(19)
Типовая длительность	24—20
Крайние отклонения	24—18

Как видно, в этом положении гласные не короче, чем в предшествующем.

Поскольку, как отмечалось, данные обоих дикторов близки и длительность всех трех гласных одинакова, то и в дальнейшем для простоты изложения данные суммируются.

В открытом первом слоге двусложного слова

Словарное ударение в осетинском языке очень слабое, и трудно бывает определить ударенные и неударенные слоги. На длительность гласного большее влияние оказывает характер второго гласного в слове. Именно: если в обоих слогах гласные одной группы (*baba* 'дед', *bæræg* 'ясный'), то более длительным оказывается гласный второго слога, несущего на себе легкое ударение. Если в слове гласные разной группы (*medæg* 'внутри', *mesin* 'пахтанье'), то гласный будет более кратким при втором сильном гласном и более длительным при втором слабом гласном. Поэтому в дальнейшем будут различаться два положения: при втором сильном гласном и при втором слабом гласном, соответственно обозначаемые римскими цифрами I и II.

I. Перед сильным гласным

1) тип: *baba, bec^o*

Средняя длительность	16.3 (42)
Типовая длительность	18—14
Крайние отклонения	22—14

II. Перед слабым гласным

1) тип: *goguz, medæg*

Средняя длительность	19.2 (53)
Типовая длительность	21—16
Крайние отклонения	24—14

Как видно из цифр, длительность гласных несколько короче, чем в односложном слове, особенно в положении перед сильным гласным.

В открытом слоге в исходе

I

1) тип: *dada*

Средняя длительность	21.4 (15)
Типовая длительность	22—18
Крайние отклонения	27—15

Выходит, что исходные гласные более длительны и почти достигают долготы, характерной для односложного слова.

В закрытом первом слоге

II

2) тип: *gorpəu*

Средняя длительность	16.2 (14)
Типовая длительность	18—16
Крайние отклонения	19—13

В этом положении длительность гласных несколько короче, чем в соответствующем открытом слоге.

В закрытом втором слоге

I

II

1) тип: *goban,*
*gak^hon*1) тип: *duc^har,*
iʒa g

Средняя длительность	18.1 (22)	21.1 (9)
Типовая длительность	21—17	24—18
Крайние отклонения	21—13	24—18

Как и для открытых слогов, гласные второго слога оказываются более протяженными.

В результате, из приведенных цифр выявляется очень малый количественный диапазон сильных гласных. Под влиянием различных фонетических условий в произношении двух разных дикторов длительность рассмотренных гласных меняется мало. В односложном слове их нормальная длительность колеблется в пределах 25—18σ, в двусложном обычно в пределах 22—16σ. Засвидетельствованные пределы отклонений от нормы тоже не велики: в односложном слове 30—16σ, в двусложном—27—13σ. Такая длительность гласных с общим типовым диапазоном в 25—16σ достаточна для того, чтобы сохранялась их напряженность (полнозвучность). Поэтому их вполне можно определить как долгие гласные. Однако длительность в 16σ является гранью перехода к менее напряженной, вялой артикуляции. При такой длительности гласные уже не так полнозвучны. Кроме того, в одном фонетическом положении (в неударенном первом слоге двусложного слова) рассмотренные гласные могут сокращаться нормально и до 14σ. Существенно также, что дигорские долгие имеют малые пределы удлинённости: нормально не свыше 25σ. Таким образом, сохраняя еще все существенное, что характерно для долгих, они уже имеют тенденцию к утере долготы.

Краткие (слабые) гласные *ə, i, u*

Поскольку оба диктора и для этой группы гласных дают весьма близкие друг к другу результаты, то их данные также суммируются. Гласные *i* и *u* имеют одинаковую длительность, и данные по ним

также объединяются. Гласный *э* несколько отличается своей длительностью, поэтому при изложении выделяется особо.

ФОНЕМА *э*

В односложном слове

	1) тип: <i>dəs</i>	2) тип: <i>səg</i>	3) тип: <i>gəpp</i>
Средняя длительность	15.4 (14)	13.5 (21)	13.0 (7)
Типовая длительность	18—14	16—12	15—12
Крайние отклонения	19—11	16—12	15—10

Существенно отметить, что типовая длительность *э* вплотную сближается с типовой длительностью долгих гласных (типовая длительность которых в 1-м положении 25—19σ, во 2-м 23—18σ). В отклонениях от нормы возможны и совпадения длительности *э* (в вариантах его максимальной длительности) с длительностью долгих гласных (в вариантах их минимальной длительности).

В открытом первом слове двусложного слова

	I		II	
	1) тип: <i>gərax,</i> <i>lat^o</i>	1) тип: <i>gəbu,</i> <i>bərag</i>	2) тип: <i>səkər,</i> <i>gəmax</i>	
Средняя длительность	9.1 (7)	12.0 (30)	7.7 (6)	
Типовая длительность	11—8	13—11	10—6	
Крайние отклонения	11—8	15—8	10—6	

В этом положении типовая длительность *э* четко отличается от типовой длительности долгих (типовая длительность долгих в аналогичных положениях равна: II—21—16σ, I—18—14—σ). Особенно сильно *э* сокращается и тем самым наиболее резко отстоит по длительности от долгих гласных, в положении II, 2 (в соседстве с глухими согласными или сонантами *m, n, l*). Это еще больше усиливает второй слог по сравнению с положением II, 1.

В открытом слове в исходе слова

	I	II
	1) тип: <i>berə</i>	1) тип: <i>durə</i>
Средняя длительность	14.3 (19)	15.4 (14)
Типовая длительность	16—10	17—14
Крайние отклонения	21—10	17—12

Характерно, что в исходе слова *э* сильно удлиняется. Его типовая длительность вплотную сближается с типовой длительностью долгих, равной в этом положении 22—18σ. Даже после долгих гласный *э* не обязательно ослабляется и сокращается, а может сохранять свою длительность.

В закрытом первом слоге

II

2) тип: *gəppəu*

Средняя длительность	11.4 (7)
Типовая длительность	14—10
Крайние отклонения	14—8

В этом положении пределы типовой длительности *ə* и долгих гласных близки (типовая длит. долгих = 18—16σ), даже при не вполне аналогичном положении (долгие даны в этом положении при неравных гласных: *gəppəu*).

В закрытом втором слоге

I

II

1) тип: *medəg, berəγ*2) тип: *nigəd, gəbər*

Средняя длительность	9.4(10)	11.1 (19)
Типовая длительность	11—7	14—10
Крайние отклонения	14—6	14—7

Выходит в результате, что в ряде фонетических положений длительность *ə* и долгих гласных может сближаться и даже совпадать. Постоянную и более резкую грань по отношению к долгим *ə* сохраняет только в слабых слогах: либо при втором долгом гласном в слове (исключая исход слова, где *ə* даже в этом условии не ослабевает), либо в начальном слоге в соседстве с глухими и перед сонантами, сокращающими и поэтому ослабляющими *ə*.

ФОНЕМЫ *i*, *u*

В односложном слове

1) Между звонкими
тип: *bid, bun*2) Рядом с глухими
тип: *nix, fus*

Средняя длительность	12.3 (54)	9.9 (30)
Типовая длительность	14—10	12—9
Крайние отклонения	17—9	14—7

Гласные *i* и *u* заметно короче *ə*. Типовая их длительность совпадает с типовой длительностью лишь частично (на отрезке 12—14σ), засвидетельствованные крайние отклонения — для *ə* 11 σ, для *i*, *u* 7 σ. Меньшая абсолютная длительность *i* и *u* сказывается и на ином их выявлении в речи: *i* и *u* больше подвергаются влиянию глухих в односложном слове, чем *ə*. Для *ə* в этом положении сильнее сказывается влияние смычных или щелевых (смычные сокращают, щелевые удлиняют *ə*). От долгих гласных *i* и *u* по своей длительности отличаются очень резко.

В первом открытом слоге двусложного слова

	I	II
	1) тип: <i>duc^har</i>	1) тип: <i>giriz, budur</i>
Средняя длительность	6.3 (18)	8.6 (54)
Типовая длительность	8—4	11—7
Крайние отклонения	8—4	16—4

В открытом слоге в исходе

	I	II
	1) тип: <i>gagu</i>	1) тип: <i>gədi, gəbu</i>
Средняя длительность	13.3 (6)	13.4 (27)
Типовая длительность	—	17—11
Крайние отклонения	19—10	19—9

В исходе слова, как и э, гласные *i* и *u* могут сильно растягиваться приближаясь по длительности к долгим гласным (типовая длительность которых в этом положении = 22—18), и не ослабевают даже в положении после долгого.

В первом закрытом слоге

	I	II
	2) тип: <i>zikka</i>	2) тип: <i>guppəu</i>
Средняя длительность	5.2 (4)	6.2 (10)
Типовая длительность	—	8—5
Крайние отклонения	8—5	8—5

Во втором закрытом слоге

	I	II
	1) тип: <i>mesin, goguz</i>	1) тип: <i>giriz, gubur</i>
Средняя длительность	8.1 (23)	11.1 (36)
Типовая длительность	11—6	14—8
Крайние отклонения	12—4	15—7

Выводы

В результате рассмотрения всех приведенных данных можно выделить следующие основные черты количественного взаимоотношения дигорских гласных.

Гласные *a, e, o* являются долгими, противопоставаясь кратким *ə, u, i*. Долгие характеризуются большой протяженностью и напряженностью звучания. Диапазон количественной изменчивости небольшой: 25—14с.

Краткие, имея широкий качественный диапазон, могут совпадать по качеству с соответствующими долгими, особенно *u* и *i*. Поэтому противоположение по долготе и краткости является актуальным для дигорского диалекта. Вместе с тем в диалекте наблюдаются черты, говорящие об изменении системы противоположения по долготе и краткости.

Во-первых, долгие могут сокращаться до 14с, длительность же, начиная с 16с и ниже, уже не характерна для типичных долгих, так как при такой длительности они теряют напряженность и полнозвучие.

Во-вторых, дигорские краткие в количественном отношении не однородны: гласный *э* выделяется своей большей протяженностью. Диапазон его нормальной длительности в зависимости от фонетических условий колеблется между 18—10с. Диапазон же кратких *i* и *u* — между 14—4с. В большинстве фонетических положений длительность *э* либо сближается с длительностью долгих, либо даже частично совпадает (в отклонениях от типовой длительности). Поэтому резкого количественного противоположения между *э* и долгими гласными нет. Два других же кратких гласных почти всегда имеют малую протяженность, в двусложных словах длительность в 9—6с для них нормальна и обычна. Если же 2-й слог слова содержит долгий гласный, то *i* и *u* могут сокращаться и до 4с. А длительность в 9—4с характерна уже для гласных редуцированного типа. Следовательно, дигорские гласные *i* и *u* смещаются к типу редуцированных гласных.

Таким образом, *э* сближается с долгими (в кратких их вариантах), а *i* и *u* тяготеют к типу редуцированных. В конечном итоге, такой процесс должен дать при естественном своем течении полное количественное совпадение долгих с гласным *э*, при дальнейшем общем сокращении абсолютной длительности долгих и дальнейшей редукции кратких *i* и *u*.

В тех фонетических положениях, где *э* сильно сокращается (в двусложных словах при втором долгом гласном, а также в соседстве с глухими и перед сонантами) и где оно совпадает в своем выявлении с *u* и *i*, резко отделяясь от долгих, существуют предпосылки для совпадения *э* с *u* и *i* при условии дальнейшей редукции последних, т. е. для частичного перехода *э* в редуцированный гласный.

Совпадение в иронском диалекте этимологических *u* и *i* в одну редуцированную фонему *ь* и случаи перехода *э* в *ь* в отдельных иронских говорах в названных фонетических положениях, о чем уже говорилось в предшествующем разделе, следует рассматривать именно как дальнейшее движение системы вокализма в указанном направлении. Поэтому для иронского вокализма ожидается большее схождение долгих с фонемой *э* по длительности и большая краткость *ь* по сравнению с дигорскими *i* и *u*, что и подтверждается цифровыми данными, излагаемыми в следующем разделе.

Иронский диалект

Записи на кимографе производились в Дзауджикау у трех лиц: Марзоева из селения Синдзикау (аспирант Североосетинского научно-исследовательского института), Гутиева из селения Кадгарон (преподаватель Педагогического института) и Хадарцева из селения Дзуарикау (студент Педагогического института). Данные того или иного диктора обозначаются начальной буквой его фамилии. Отсутствие буквы означает, что данные всех трех дикторов суммированы.

Сильные гласные *i, e, a, o, u*

В односложном слове

1) Перед звонкими и щелевыми¹

тип: *dis*

	М.	Г.	Х.
<i>i</i>	а) 24.8 (10)	а) 17.8 (18)	19.6 (21)
	б) 24.6 (14)	б) 19.8 (7)	
		в) 19.1 (16)	

2) Перед смычными

тип: *mit*

	М.	Г.	Х.
	а) 20.8 (2)	а) 17.5 (1)	17.4 (1)
	б) 22.1 (2)	б) —	
		в) 17.5 (4)	

Поскольку разновременные записи у одного и того же лица не дают больших расхождений, то в дальнейшем изложении их результаты суммируются. При суммировании имеем:

1) тип: *dis, fag*

	М.	Г.	Х.
<i>i</i>	24.7 (24)	18.7 (41)	19.6 (21)
<i>e</i>	26.3 (11)	19.6 (28)	19.7 (8)
<i>a</i>	25.0 (23)	20.1 (31)	21.3 (13)
<i>o</i>	23.0 (20)	20.9 (23)	19.6 (15)
<i>u</i>	28.1 (9)	19.6 (37)	19.7 (17)

2) тип: *mit, cot*

	М.	Г.	Х.
	21.4 (4)	17.5 (5)	17.4 (1)
	—	—	—
	—	—	—
	22.0 (6)	18.0 (6)	15.7 (5)
	—	—	—

Произношение Марзоева дает максимально долгие варианты в результате подчеркнуто четкого произношения.² Гутиев же и Хадарцев дают типичное произношение для обычного темпа речи, их данные близки и могут быть суммированы. Как видно по приведенным цифрам, длительность всех пяти гласных одинакова, так что данные по ним тоже можно суммировать, как и будет делаться в дальнейшем. В результате для всей рассматриваемой группы гласных с приведением типовой длительности и крайних отклонений имеем:

¹ Буквы перед цифрами средней длительности означают разновременные записи, произведенные от одного и того же лица.

² Кроме того, Марзоев — представитель селения Синдзикау, подверженного влиянию дигорского диалекта, что могло сказаться в частности и на длительности гласных.

	Г. Х.		М.	
Средняя длительность	1) 19.7 (236)	2) 16.9 (17)	1) 24.9 (87)	2) 21.8 (10)
Типовая длительность	21—17	20—14	27—23	24—19
Крайние отклонения	27—15	21—14	31—19	26—15

Выходит, что при подчеркнуто отчетливом произношении рассматриваемые гласные могут значительно растягиваться. Но существенно, что нормально их длительность, даже в благоприятных условиях (между звонкими и щелевыми), лежит в пределах 21—17 с, являясь короче длительности соответствующих дигорских гласных на 4 с. В положении перед глухим смычным иронские гласные могут сокращаться еще сильнее — нормально до 14 с.

В открытом первом слоге двусложного слова

	I		II	
	1) тип: <i>becaw, didin</i>		1) тип: <i>babvz, midæg</i>	
	Г. Х.	М.	Г. Х.	М.
Средняя длительность	13.9 (43)	17.8 (20)	16.1 (70)	20.1 (34)
Типовая длительность	17—11	19—13	19—12	21—17
Крайние отклонения	19—9	27—12	21—10	27—15

В этом положении при почти одинаковых пределах максимальной длительности диапазон сокращаемости иронских гласных тоже значительно шире, чем дигорских, которые в этом положении не сокращаются ниже 14 с. Существенно, что даже произношение М. дает большее сокращение, чем наблюдалось для дигорских гласных.

В открытом слоге в исходе

	I	
	1) тип: <i>ziža, baba</i>	
	Г. Х.	М.
Средняя длительность	20.7 (25)	22.6 (12)
Типовая длительность	23—16	27—16
Крайние отклонения	27—16	31—16

В этом положении гласные имеют наибольшую длительность и более устойчивы, не сокращаясь ниже 16 с.

В первом закрытом слоге¹

I	
	2) тип: <i>gorpəu</i> ²
Средняя длительность	14.2 (37)
Типовая длительность	18—12
Крайние отклонения	19—8

Здесь имеем примерно тот же диапазон типовой длительности, как и для соответствующего открытого слога, лишь с несколько большей устойчивостью (в открытом слоге предел типовой длительности — 11 σ).

Во втором закрытом слоге

	I	II
	1) тип: <i>didin</i> , <i>gak^əon</i>	2) тип: <i>dɔc^əar</i> , <i>bɔron</i>
Средняя длительность	13.2 (23)	18.8 (33)
Типовая длительность	17—12	21—16
Крайние отклонения	21—10	27—12

Выявление гласных в этом положении примерно такое же, как в первом закрытом слоге: заметно выявляется бóльшая длительность в словах со вторым слабым гласным. Характерно, что если вторым гласным является *ə*, сильный гласный растягивается меньше, чем при втором *ɔ*. Так, в слове *zəbug* средняя длительность *u* равна 17.0 σ (6), в то время как с предшествующим *ɔ* длительность сильных гласных равна 19.4 σ (27). В положении после глухих при втором гласном *ə* сильные могут сокращаться еще больше; так, в слове *zəkkor* имеем среднюю длительность *o* в 13.7 σ (11) с типовой длительностью в 18—12 σ. Значит, при неблагоприятных условиях сильные гласные могут быть сравнительно краткими и при предшествующем слабом гласном (*ə*). Это возможное сокращение относится ко всем сильным гласным, за исключением *a*, которое всегда остается устойчивым. В сочетании с другими сильными гласными оно оказывается сильнее их и преодолевает их влияние. Так, в словах *dudaq*, *guppar* *a* сохраняет длительность, а *u* ослабевает. Для *a* в этих словах имеем среднюю длительность в 19.0 σ (15).

В результате все приведенные данные по длительности иронских сильных гласных показывают, что они имеют существенные отличия от дигорских, поскольку они значительно больше способны к сокращению. Если для дигорских сильных (долгих) гласных пределом сокращаемости являет-

¹ В этом положении данные всех трех дикторов близки, что позволяет их суммировать.

² Поскольку иронское *ə* резко отличается от *ɔ* и ближе сходится с сильными гласными, то и по влиянию на второй гласный в слове оно иногда приравнивается к сильным гласным.

ся 14σ, то для иронских — 11σ. Их длительность в 16—11σ нормальна для двусложных слов при втором сильном гласном. А такая длительность уже не характерна для типа долгих. Даже в условиях, благоприятных для сохранения длительности (в односложных словах или в двусложных словах при втором слабом гласном), они могут сокращаться до 14σ. При отчетливом же произношении они могут значительно растягиваться: предел их максимальной длительности может быть не ниже, чем для дигорских долгих. В результате иронские сильные гласные имеют больший диапазон длительности в каждом фонетическом положении за счет их большей сокращаемости. Так, для первого закрытого слога при втором сильном гласном длительность в 12 и 18σ одинаково типична. А большой диапазон длительности в одном и том же фонетическом положении означает уже известное фонологическое безразличие к длительности, более долгие варианты постепенно становятся лишь функцией отчетливого произношения.

Все эти черты не позволяют уже относить рассмотренные иронские гласные к типу долгих: они значительно дальше продвинулись по пути утери своей долготы по сравнению с дигорскими. Если дигорские долгие только в одном положении могут сокращаться до 14σ, утрачивая напряженность (в открытом первом слоге при втором долгом гласном), то иронские сильные гласные лишь в части фонетических положений выявляются как долгие (в односложных словах и в двусложных словах при втором слабом гласном в условии звонкого согласного окружения, а также в исходе слова). Следует оговориться, что гласный *a* выделяется своей устойчивостью, выявляясь в большинстве фонетических положений как долгий.

Слабые гласные *ə*, *ь*

Оба гласные выявляются в речи различно, поэтому рассматриваются раздельно.

ФОНЕМА *ə*

Все три диктора дают очень близкие результаты. Так, в односложном слове в положении перед смычными имеем: М. 14.5 (24), Г. 14.5 (31), Х. 14.0 (12); в положении перед щелевыми: М. 16.3 (17), Г. 14.6 (21), Х. 15.5 (12). Поэтому все данные суммируются.

В односложном слове

	1) Перед щелевыми тип: <i>dəs</i>	2) Перед смычными тип: <i>mət</i> , <i>gən</i>
Средняя длительность	15.6 (50)	14.5 (67)
Типовая длительность	18—14	16—13
Крайние отклонения	20—11	21—11

Существенно, что типовая длительность *э* на отрезке в 2—3σ может совпадать с типовой длительностью сильных гласных (типовая длительность которых для 1-го положения равна 21—17σ, для 2-го—20—14σ), т. е. *э* может быть не только равно сильным гласным, но может в отдельных случаях превышать их длительность. Если же учитывать отклонения от типовой длительности, совпадения возможны на протяжении 7—8σ (зафиксированная минимальная длительность сильных для 1-го положения 15σ, для 2-го—14σ).

В открытом первом слоге двусложного слова

Словарное ударение в иронском диалекте развито сильнее, чем в дигорском; при сочетании в слове двух слабых гласных гласный второго слога получает ударение. Таким образом, в первом слоге слабый гласный всегда безударен. Поэтому для длительности слабого гласного первого слога второй гласный безразличен.

	1) Между звонкими	2) Рядом с глухими и перед сонантами
	тип: <i>ʒəbug</i> , <i>bəgub̆</i>	тип: <i>səgub̆t</i> , <i>sənbkk</i>
Средняя длительность	11.7 (20)	8.5 (23)
Типовая длительность	13—9	10—7
Крайние отклонения	15—9	13—3

Существенно, что в этом положении сильное влияние на *э* оказывают глухие согласные и сонанты (*n*, *l*, *m* и *ŋ* после глухого), сокращая его. Между звонкими типовая длительность *э* на отрезке в 3σ совпадает с типовой длительностью сильных гласных, равной в этом положении 17—11σ. Рядом же с глухими и перед сонантами она четко отличается от длительности сильных гласных, их совпадение возможно только в отклонениях от нормы.

В закрытом первом слоге

	2) тип: <i>bətt̆n</i> , <i>ʒəkkor</i>
Средняя длительность	9.1 (33)
Типовая длительность	12—7
Крайние отклонения	12—7

В приведенных словах типовая длительность *э* лишь частично совпадает с типовой длительностью сильных гласных, равной в этом положении 18—12σ. В общем, если принять во внимание малое сокращающее влияние полуглухого (непридыхательного) *t* и приравнять его к звонкому, то *э* в первом закрытом слоге между звонкими оказывается несколько короче, чем в открытом, и больше отличается по длительности от сильных гласных.

В закрытом втором слоге

	I	II
	1) тип: <i>birəγ, midəg</i>	1) тип: <i>dьməg, dьссəg</i>
Средняя длительность	10.0 (28)	12.4 (23)
Типовая длительность	11—7	14—10
Крайние отклонения	16—7	17—10

Гласный *ə* при первом сильном гласном во втором закрытом слоге дает картину, близкую к первому слогу; он является довольно кратким и заметно отличается по длительности от сильных гласных, совпадения с которыми для него в пределах нормы, в отличие от предшествующего положения, не наблюдается. При этом *ə* в приведенных примерах дано в звонком согласном окружении. Соседний же глухой еще больше сокращает *ə*, отделяя его еще больше от возможного совпадения по длительности с сильными гласными. Так, для *ə* в слове *gorət* имеем среднюю длительность в 9.1σ (13) с возможным удлинением всего лишь до 11σ. Гласный *ə* после слабого гласного заметно устойчивее, но поскольку сильные гласные в аналогичном положении также устойчивы, совпадения их типовой длительности тоже не происходит.

В результате, все изложенное показывает, что *ə* в большинстве фонетических положений сливается по длительности с сильными гласными; количественное их противоположение уже значительно стерто и поддерживается лишь сохранившейся способностью сильных растягиваться. Резко отличается от сильных гласных *ə* лишь в слабых слогах в соседстве с глухими и перед сонантами *n, m, l, r*. Слабые слоги для *ə* — это любой первый слог и исходный закрытый слог при сильном гласном первого слога. В исходе слова для *ə* данных нет, но исход слова вообще является сильной позицией для кратких. Несомненно, что в исходе слова иронское *ə* также не должно противоположаться по длительности сильным гласным.

ФОНЕМА ь

В односложном слове

	1) тип: <i>dьs</i>	2) тип: <i>сьd</i>
Средняя длительность	11.6 (41)	9.9 (59)
Типовая длительность	13—9	11—7
Крайние отклонения	15—6	16—6

Гласный *ь* по своей длительности резко отличается от сильных гласных и заметно расходится с гласным *ə*, совпадая с ним в типовой длительности лишь на отрезке в 1σ (типовая длительность *ə* для 1-го положения равна 18—14σ, для 2-го 16—13σ). По сравнению с дигорскими краткими *u* и *i*, фонема *ь* имеет больший диапазон

сокращаемости: общий диапазон типовой длительности дигорских *и* и *і* в односложном слове равен 14—9σ, а иронского *ь* 13—7σ.

В открытом первом слове двусложного слова

	1) Между звонкими тип: <i>бьдыг, бьгон</i>	2) После глухого тип: <i>сьбыг, сьгаγ</i>
Средняя длительность	5.8 (37)	4.8 (20)
Типовая длительность	9—4	7—3
Крайние отклонения	9—3	9—2

В положении между звонкими гласный *ь* совпадает в своей длительности с *э* только на отрезке в 1σ (типовая длительность *э* 13—9σ, крайние отклонения 15—9σ). В положении после глухого совпадения обоих гласных более часты — при совпадении их типовой длительности тоже на отрезке в 1σ (типовая длительность *э* = 10—7σ), значительно увеличиваются случаи их совпадения в отклонениях от типовой длительности, возможные на отрезке в 7σ (засвидетельствованный предел сокращения *э* — 3σ).

Сравнительно с дигорскими краткими *и* и *і*, иронское *ь* заметно короче (особенно для 1-го положения): типовая длительность дигорских *и* и *і* равна для 1-го положения 11—7σ, с крайними отклонениями 16—4σ, для 2-го положения 8—4σ.

В закрытом первом слове

	2) тип: <i>гьссыл</i>
Средняя длительность	5.1 (32)
Типовая длительность	7—4
Крайние отклонения	7—3

Длительность *ь* и его отношение к *э* в общем такое же, как в аналогичном открытом слове.

В закрытом втором слове

	I	II
	1) тип: <i>бавьз, дотъп, беськк</i>	1) тип: <i>бьдыг, ъьгъп</i>
Средняя длительность	7.9 (50)	10.3 (26)
Типовая длительность	10—6	11—8
Крайние отклонения	12—2	15—7

Гласный *ь* несколько устойчивее, чем в первых слогах (открытом и закрытом), имея типовую длительность в положении I до 10σ. В этом положении он почти целиком совпадает с типовой длительностью *э*, равной 11—7σ. В положении II *ь* совпадает с длительностью *э* лишь

частично, на протяжении 2σ (типичная длительность э здесь равна 13—10σ).

В итоге гласный ь характеризуется малой абсолютной длительностью для большинства фонетических положений. Обычная его длительность ниже 10σ. Растягиваться (максимум его нормальной длительности 13σ) свыше 10σ он может только: 1) в односложных словах перед щелевыми, при этом только после звонкого; перед смычными даже в односложном слове длительность в 10σ и ниже для него более обычна, 2) в ударенном слоге двусложного слова (которым может быть только исходный слог после слабого гласного), где он может растягиваться, однако не свыше 11σ.

В первых слогах двусложного слова он нормально может редуцироваться до 4—3σ. Таким образом, иронское ь весьма близко к типу редуцированных гласных.

В большинстве фонетических положений ь по своей длительности сильно расходится с э. Совпадение длительности обоих гласных происходит лишь в слабых для э положениях, где оно максимально сокращается (в слабых неударенных слогах в соседстве с глухими и перед сонантами).

Общие выводы

Дигорский и иронский диалекты представляют собой две ступени одной системы вокализма. Дигорский вокализм, представляющий более раннюю ступень, характеризуется сохранением долгих и кратких гласных. Противоположение по долготе и краткости актуально для диалекта, поскольку краткие *и* и *і* позиционно могут совпадать по качеству с долгими *е* и *о*. Вместе с тем в дигорском диалекте наблюдаются и признаки изменения существующей системы. Долгие могут в некоторых положениях сильно сокращаться (до 14σ), теряя полноточность и напряженность. Краткие *і* и *и*, постоянно имея малую абсолютную длительность, приближаются к типу редуцированных гласных. Фонема э является более протяженной и в большинстве фонетических положений приближается по длительности к долгим гласным, расходясь с гласными *и* и *і*. Таким образом, в дигорском диалекте наблюдаются предпосылки (и частичная их реализация) для превращения долгих в недолгие („простые“) при совпадении их в длительности с фонемой э и для превращения кратких *и* и *і* в редуцированные.

В иронском диалекте реализация этих предпосылок зашла значительно дальше. Диапазон сокращаемости гласных, соответствующих дигорским долгим, значительно увеличился (они могут сокращаться уже до 11σ). В результате этого частичное совпадение их с гласным э по длительности стало нормой для ряда фонетических положений, и их различие в длительности сводится по существу лишь к сохранив-

шейся способности бывших долгих значительно растягиваться. Длительность же гласного *ь* еще более сократилась по сравнению с соответствующими ему дигорскими краткими *и* и *і*, в результате чего гласный *ь* резко отошел по длительности от *э* и еще больше приблизился к типу редуцированных гласных. Таким образом, для иронского диалекта уже нельзя говорить о долгих и кратких; его вокализм совсем близок к переходу в новый тип количественного противопоставления гласных: к противопоставлению простых и редуцированных (или сильных и слабых), при окончательном слиянии в одну группу бывших долгих и бывшего краткого *а*.

Сводные цифры типовой длительности гласных дигорского и иронского диалектов

		Сильные гласные диг. е, а, о ирон. і, е, а, о, и		Слабые гласные			
				э		диг. и, і. Иронск. ь	
		I	II	I	II	I	II
В одно- сложном слове	дигорский	25—19	23—18	18—14	16—12	14—10	12—9
	иронский	21—17	20—14	18—14	16—13	13—9	11—7
В открытом первом слоге	дигорский	21—16	18—14	13—11	10—6	11—7	8—4
	иронский	19—12	17—11	13—9	10—7	9—4	7—3
В открытом слоге в исходе	дигорский	22—18	—	17—14	16—10	17—11	16—10
	иронский	23—16	—	—	—	—	—
В закрытом первом слоге	дигорский	18—16	—	—	14—10	8—5	6—5
	иронский	18—12	—	—	12—7	—	7—4
В закрытом втором слоге	дигорский	24—18	21—17	14—10	11—7	14—8	10—6
	иронский	21—16	17—12	14—10	11—7	11—8	10—6

Примечание. Под цифрой I приводятся данные фонетического положения, удлиняющего гласный (при втором слабом гласном, а также в звонком или щелевом согласном окружении). Под цифрой II — данные фонетического положения, сокращающего гласный (при втором сильном гласном, а также в глухом или смычном согласном окружении).

Наличие кратких или редуцированных вариантов *ə* в определенных фонетических положениях (длительность ниже 9σ) создает предпосылки для перехода *ə* в этих вариантах в фонему *ь*.

Повидимому, аналогичный путь развития количественной стороны вокализма прошел курдский язык, где в настоящее время представлен законченный тип противоположения простых и редуцированных при слиянии по длительности бывшего краткого *a* с бывшими долгими, с параллельным превращением бывших кратких *u* и *i* в редуцированные, а также с частичным переходом этимологического краткого *a* в редуцированную фонему *ь* (см. 1-й выпуск „Очерков“).

Для более наглядного представления о количественных взаимоотношениях осетинских гласных приводятся сводные цифры их типовой длительности по обоим диалектам (стр. 33).

КОНСОНАНТИЗМ

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Состав фонем и общая характеристика осетинского консонантизма по обоим диалектам достаточно известны (см., например, таблицу и описание согласных в „Грамматическом очерке осетинского языка“ В. И. Абаева, приложенном к его „Русско-осетинскому словарю“). Различия в консонантизме обоих диалектов, подробно изложенные В. И. Абаевым в „Очерке расхождений иронского и дигорского диалектов“,¹ незначительны и относятся главным образом к различному словарному использованию тех или иных фонем. Суммировать данные по осетинскому консонантизму, известные из литературы, можно следующим образом.

Состав фонем

Губные: *b, p, p^h, f, v, w, m*
 Переднеязычные: *d, t, t^h, s, z, n, r, l*
 Аффрикаты: *ʃ, c, c^h*
 ʒ, č, č^h
 Среднеязычные: *y*
 Заднеязычные: *g, k, k^h*
 Увулярные: *q, x, ɣ*

В дигорском диалекте не представлены как самостоятельные фонемы аффрикаты: *ʃ, č* и *č^h*. Иронские *ʃ, č* и *č^h* возникли перед передними гласными из палатализованных *g, k* и *k^h*, которые в дигорском диалекте сохраняются (ир. *karčʃ* || диг. *karki* род. падеж от *kark* ‘курица’). Звуки *č, č^h* и *ʃ* могут возникать в дигорском (по говорам) из палата-

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 376 и сл.

лизованных *c*, *c^h* и *ʒ* перед гласными переднего ряда («*čiraγ*» < *ciraγ*), что не свойственно иронскому диалекту. Однако эти дигорские «*č*, *č^h* и *ʒ*» фонологически не значимы и не являются самостоятельными фонемами. В остальном состав фонем обоих диалектов совпадает. Следует отметить только меньшее распространение в дигорском диалекте увулярного *q*. В частности, дигорский диалект сохраняет начальное *γ*, заменившееся в иронском фонемой *q* (диг. *γos* || ир. *qus* 'ухо').

Общей характерной чертой осетинского консонантизма является наличие смычно-гортанных и в связи с этим противоположение трех рядов согласных: звонких, глухих и смычно-гортанных. Глухие обязательно придыхательны, и поэтому непридыхательные глухие других языков (например русского) передаются обычно в осетинском смычно-гортанными. Следовательно, отсутствие придыхательности для глухих оказывается более существенным, чем отсутствие гортанной смычки для смычно-гортанных. Однако Г. Ахведиани отметил весьма существенный факт, исследование которого развил в дальнейшем В. И. Абаев.¹ Оказывается, глухие смычные после глухих щелевых, а также при их удвоении (геминации) обычно теряют придыхательность, а поскольку придыхательность обязательна для глухих смычных, то тем самым они превращаются в новую фонему, создавая четвертый ряд смычных — глухие непридыхательные. Существуют даже пары слов, противопоставляющиеся исключительно звуками *t^h* и *t*: *xast^hb* 'в долгах' и *xastb* 'на войне', *st^harbn* 'гнать (вверх)' и *starbn* 'лизать'. Однако В. И. Абаев все же колеблется в признании смычных четвертого ряда полноценными фонемами и не включает их в дальнейшем в таблицу согласных фонем.

Второй характерной чертой всего осетинского консонантизма, отличающей его от других иранских языков, является совпадение в одной фонеме этимологических *š* и *s* и аналогично — *ž* и *z*. В обоих диалектах эти фонемы обозначаются соответственно буквами *s* и *z* (в современной графике *c* и *ʒ*), но их звучание, как можно судить по описаниям, весьма расходится по говорам. Для дигорского диалекта Шегрен определял их как «*š*» и «*ž*» перед передними гласными, в остальных позициях как «*s*» и «*z*». Но Вс. Миллер определяет шегреновские «*š*» и «*ž*» не как чистые «*š*» и «*ž*», а как звуки, средние между «*š*—*s*» и «*ž*—*z*». Оба исследователя для иронского диалекта отмечают только звуки «*s*» и «*z*». Между тем, В. И. Абаев для литературного языка (основанного на иронском диалекте) определяет орфографические *c* и *ʒ* именно как звуки, средние между «*s*—*š*» и «*z*—*ž*». Следовательно, и этот вопрос осетинского консонантизма нуждается в дальнейшем исследовании.

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 512—517.

Ниже излагаются результаты проведенных наблюдений, которые могут пополнить имеющиеся в литературе сведения по осетинскому консонантизму.¹

СМЫЧНЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Из 28 перечисленных согласных осетинского языка 15 являются смычными, входящими в систему трехрядного противоположения: звонкий—глухой—смычно-гортанный, составляя однотипную по противоположению и наибольшую по числу группу согласных. Три из них являются губными (*b, p, p^h*), три — переднеязычными (*d, t, t^h*), шесть — переднеязычными аффрикатами (однофокусные *ʒ, s, s^h* и двухфокусные *ʃ, č, č^h*), три — заднеязычными (*g, k, k^h*). Представляется важным точно установить, на чем основано противоположение указанных трех рядов, и в связи с этим выяснить фонологическую роль так называемого четвертого ряда согласных (глухих непридыхательных).

Фонетическая природа осетинских смычно-гортанных в общем ясна еще со времени описания их В. С. Миллером. Это обычные для кавказских языков глухие смычные, сопровождающиеся параллельным основной смычке смыканием голосовых связок, прекращающим дальнейший доступ воздушной струи. Следовательно, по физиологической своей природе (при сомкнутых голосовых связках) смычно-гортанные могут быть только глухими. Отмеченная В. С. Миллером в своем собственном произношении смычно-гортанная пауза между взрывом согласного и началом гласного, отнесенная им целиком на счет еще не вполне усвоенной им артикуляции, в действительности существует всегда и является обязательной для смычно-гортанного согласного. У природных кавказцев она может быть лишь максимально краткой, а у обучающегося этому звуку иноязычного человека, естественно, бывает утрированной. Дело в том, что взрыв обеих смычек происходит не одновременно: замыкание голосовых связок на какую-то долю секунды (нормально на 3—4 сотых секунды) отстает от взрыва смычки в полости рта. А поскольку весь или почти весь воздух, накопленный в полости рта, расходуется в момент взрыва, то за ним на протяжении 3—4 сотых секунды действительно следует почти бесшумная пауза, длящаяся до момента раскрытия голосовых связок, т. е. до начала следующего гласного. На кимограмме (рис. 1) видно резкое падение воздушности после взрыва смычно-гортанного вплоть до нулевой линии,² т. е. до абсолютного беззвучия. Это отста-

¹ Вышедшая в 1949 г. работа Е. Гендерсон (E. Henderson. A Phonetic Study of Western Ossetic (Digoron). Bulletin of the School of Oriental and African Studies, vol. XIII, p. 1, 1949), специально посвященная фонетике дигорского диалекта, не дает чего-либо существенно нового по сравнению с работами В. С. Миллера, В. И. Абаева и Г. Ахведиани.

² Линия, прочерчиваемая пером при абсолютной паузе.

вание в размыкании голосовых связок физиологически лишает смычно-гортанные согласные возможности быть придыхательными. Возможно провести известную аналогию между придыхательными и смычно-гортанными: для обоих типов артикуляции взрыв не означает конца согласного, и гласный не начинается сразу за взрывом. Но у придыхательных взрыв переходит в придыхание (шум выходящей струи воздуха), а у смычно-гортанных — в паузу. Поскольку смычно-гортанный физиологически, по природе своей артикуляции, не может быть ни звонким, ни придыха-

Рис. 1.
Смычногортанный t^e в слове $t^e pa$ (слова $t^e pa$)

тельным, равно как не может меняться по силе артикуляции, то он имеет минимальное количество фонетических вариантов. Можно сказать, что это наиболее постоянный в своих фонетических свойствах тип согласных.

Для того чтобы несмычно-гортанный глухой других языков был воспринят фонологически осетинами как смычно-гортанный, необходимы следующие условия: 1) следующий гласный не должен начинаться одновременно со взрывом или непосредственно за взрывом, 2) при наличии этого

Рис. 2.
Глухой придыхательный p в слове pa (слова $t^e pa$)

условия промежуток между взрывом согласного и началом гласного должен быть максимально бесшумным. Малая шумность (при падающей воздушности после взрыва) обычна для несильных глухих смычных, встречающихся как частые варианты, например, в русском языке. Поэтому в осетинском языке нередко русские глухие смычные передаются смычно-гортанными. (Ср. на кимограмме, рис. 3, артикуляцию русского глухого смычного при резко падающей воздушности после взрыва с артикуляцией осетинского смычно-гортанного; ср. также обе артикуляции с артикуляцией осетинского глухого придыхательного при сильной воздушности (придыхательности) после взрыва на рис. 2).

Фонетическая природа глухих придыхательных тоже представляется вполне ясной. Это — всегда глухой сильный смычный, имею-

щий после взрыва до начала гласного придыхание, т. е. шумный выдох воздуха (рис. 2). Длительность придыхания может быть разной — от очень краткой в 2—3 с до довольно долгой в 8—9 с. Наиболее обычна длительность в 4—6 с. Такой тип артикуляции постоянен в положении перед гласным в начале слова, между гласными в середине слова и после гласного в исходе слова («t'ar» 'мрак', «p'es» 'печь' «t'er'a» 'мелкая рыба', «mit'» 'снег'). Такая же артикуляция нормальна и для положения глухого смычного после сонорных согласных: «ərt'əx» 'роса', «fəlt'ərd» 'испытанный', «xwark'orəg» (диг.) 'просящий помощи хлебом'. Т. е. глухие придыхательные после сонорных согласных выявляются так же, как после гласных. Правда, после сонорных, особенно после *r* (наиболее шумного из сонорных), придыхательность глухих смычных может ослабевать, но более четкое произношение восстанавливает сильную придыхатель-

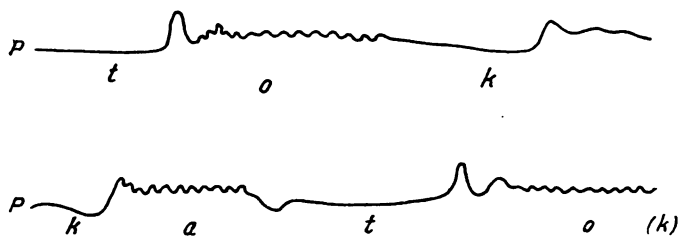

Рис. 3.

1. Русское *t* в слове *tok* (ток). 2. Русское *t* в слове *katok* (каток)

ность. В положении после шумных согласных придыхательные смычные нормально теряют придыхательность. Это может происходить не только после глухих щелевых, на что указывали В. И. Абаев и Г. Ахведиани, но и после любого шумного согласного. Утеря придыхательности глухими смычными после шумных согласных — общая тенденция в осетинском языке. Однако эта тенденция не всегда реализуется; придыхательность может сохраняться (во всяком случае при отчетливом произношении), если стечение согласных возникло в результате живого сложения слов, исходные формы которых еще живо ощущаются. Так, имеем: «fьd̥k'ond || fьd̥kond» 'дурно сложенный', «fьd̥k'ou || fьd̥kou» 'дурная молва', «xəɹʒkond || xəɹʒk'ond» 'хорошо сложенный'. Нужно отметить, что в дигорском диалекте придыхательность более устойчива, чем в иронском, и в случаях, аналогичных приведенным, всегда сохраняется: «fudk'ond», «xwəɹzk'ond» и т. д. Далее, придыхательность сохраняется также при наличии противопологающегося парного слова, например: «st'əɹɲ» 'гнать (вверх)' и «stəɹɲ» 'лизать'. Обязательно теряют придыхание геминированные глухие смычные: «əmbəlttə» 'товарищи'. Лишенный придыхательности вариант смычного глухого фонетически может быть охарактеризован следующим образом. Это глухой, сравнительно слабый смычный согласный, за взрывом которого непосред-

венно без всякого промежутка следует гласный без падения воздушности (рис. 4). Начало гласного может совпадать даже с самим моментом взрыва, т. е. в момент взрыва исходит уже звучащий поток воздуха. Такая артикуляция далека от артикуляции рассмотренного выше смычно-гортанного, для которого существенным моментом является пауза между взрывом согласного и следующим гласным, и поэтому рассматриваемый вариант не сближается фонетически со смычно-гортанными и не может быть отождествлен с ним фонологически. Но, с другой стороны, такая артикуляция сильно отличается и от артикуляции придыхательных, для которых существенным моментом является шумный промежуток между взрывом согласного и началом гласного (рис. 2).

В описание фонетической природы осетинских звонких смычных следует внести существенное дополнение. Вс. Миллер мельком, и притом не в основном описании осетинских звуков, а в главе

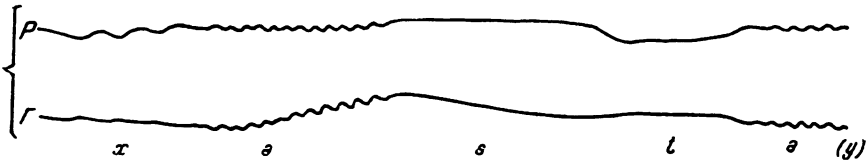

Рис. 4.

Непридыхательный вариант глухого *t* в слове *xəstəy* (с войны)

о диалектах, отмечает следующее (стр. 42): „У осетин *mediae t, d, b* иногда произносятся без участия голоса, т. е. беззвучно (*tonlos*), как у швейцарцев, которые, по словам Сиверса, отличают слоги *pa* и *ba*, *ta* и *da* более сильным напором при *p* и *t* и более слабым при *b* и *d*, причем эти звуки равно беззвучны“. Но это замечание Вс. Миллера осталось неразвитым, и в дальнейшем осетинские *b, d, g, j, ʒ* определялись просто как звонкие.

Между тем эти согласные действительно являются неполнозвонкими. Они всегда и, повидимому, обязательно полнозвонки только в положении между гласными, а также после сонорных и звонких щелевых согласных перед гласными: «*təxədəg*» ‘я сам’, «*xarbz*» ‘арбуз’, «*ərdəg*» ‘половина’, «*tʰuɟon*» ‘военный’ (диг.). В остальных же положениях: в начале слова, в середине слова перед согласными и после согласных (исключая сонанты и звонкие щелевые), а также в исходе слова, они либо постоянно, либо факультативно, либо полностью, либо наполовину глухие. В начале слова при отчетливом произношении они могут быть целиком звонкими, но нормально в этом положении они либо только звонкоконечны, либо полностью безголосы. В соседстве со звонкими смычными оба звонкие (если это не геминаты) могут быть полнозвонкими: «*fʉdɟul*» ‘соперник’, «*sogdonə*» ‘сарай для дров’ (диг.); при отчетливом произношении, но могут быть и безголосыми («*fʉdɟul*», «*sogdonə*») и т. д. При геминации звонкие смычные обязательно безголосы:

«qəddag» 'лесной' и т. д. Нормально безголосы они также рядом с глухими согласными: «bəxgəš» 'конюх', «сəxɔn» 'солонка', «nixɔr» 'угловой камень' (диг.), «artzəšt» 'очаг', «fьɔk'ond» 'дурно сложенный', «fьɔkɔr» 'плотоядный', «miɔxəzər» 'внутренняя часть дома'. В этом положении лишь при нарочито отчетливом произношении они могут стать звонкоконечными или звонконачальными. В исходе слова после гласного они либо звонконачальны, либо, при более нечетком произношении, полностью глухие: «təxədəx» 'я сам', «k'ɔɔ» 'как', «bьɔɔ» 'связка' и т. д. Указанные варианты артикуляции звонких смычных можно видеть на приложенных в конце очерка кимограммах (№№ 26—50).

Безголосый вариант звонкого смычного фонетически представляет собой глухой, сравнительно слабый смычный, за взрывом которого непосредственно следует гласный без падения воздушности (рис. 5). Этот вариант полностью совпадает с непридыхательным вариантом

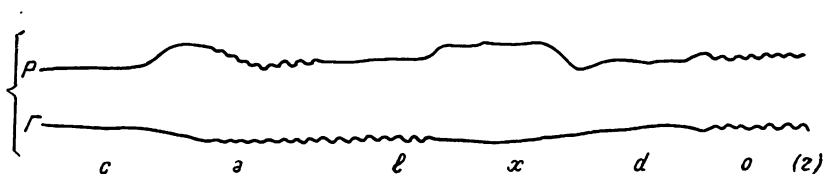

Рис. 5.

Глухой вариант *d* в слове *cəlxɔr*.

глухих смычных согласных. Сравнение артикуляции этих вариантов обоюдо-ряда фонем на кимограммах (№№ 17—25 и 35—44) наглядно показывает полное их тождество. Существенно, что этот совпадающий для обеих фонем вариант возникает в одних и тех же фонетических условиях: в соседстве с глухими согласными и при геминании. Нет никакой разницы при обычном стиле речи в артикуляции и акустическом восприятии звуков *t* и *d* в словах *bəxɔn* 'конюшня' и *bəxtərəg* 'возчик', *пьхɔr* 'препятствие' и *tьxɔn* 'связка', 'klubok', или звуков *k* и *g* в словах *cəsgom* 'лицо' и *xəzɔkond* 'хорошо сложенный', *fьɔgənəg* 'злодей' и *fьɔkoj* 'дурная молва'. Во всех случаях это тождественные согласные, которые можно было бы фонетически обозначить или как безголосые звонкие: «ɔ, g» и т. д., или как глухие непридыхательные: «t, k» и т. д. («bəxɔrəg, пьхɔr, tьxɔn, сəsgom» или «bəxtərəg, tьxɔn» и т. д.). Разница между ними в отдельных случаях может выявляться лишь при отчетливой речи, когда этимологический состав слова еще хорошо ощущается: так, в слове «пьхɔr» 'угловой камень' или «cəlxɔr» (камень для подкладывания под колесо на спуске) «ɔ» при более отчетливом произношении может стать звонкоконечным. С другой стороны, в таких словах, как «fьɔgond» 'дурно сложенный', «xəzɔkond» 'хорошо сложенный', «g» при более отчетливой речи может восстанавливаться в «k». В очень большом числе случаев при забвении этимологического состава слова, а также в не-

составных словах, где данное сочетание согласных неразложимо (например: *fəstəg* 'задний', 'последний', *stəɾɐn* 'лизать' и т. д.), непридыхательный вариант глухих смычных, совпадая фонетически с возникающим в аналогичном положении безголосым вариантом звонких смычных, отождествляется с последними и фонологически, иначе говоря, придыхательные глухие переходят в указанных фонетических позициях в фонологический ряд звонких. Такой переход во многих случаях (в сложных словах) узаконен орфографией. Так, имеем: *bəxɪkəs* < *bəx + kəs* 'конюх', *artdʒəst* < *art + cəst* 'очаг' (при *syɾxɪkəs* < *syɾx + cəst* 'красноглазый', где оба компонента слова осмысляются отдельно), *usɪp* < *us + kɪr* 'жених', *ɪkəgɔm* 'лицо' (< *cəst + kom*), *ləgɪdɪx* < *ləg + tɪx* 'человечья сила' и т. д.

Таким образом, четвертый ряд смычных раскрывается как один из главных вариантов осетинских звонких согласных, характеризующихся своей неполнозвонкостью. Этот вариант возникает не только в соседстве с глухими согласными, но и в начале слова. Поэтому про фонологический ряд осетинских звонких скорее можно сказать, что они озвончаются под влиянием гласных и сонантов, чем сказать, что они оглушаются под влиянием глухих согласных. Их безголосый вариант в начале слова показывает их неполнозвонкую фонетическую природу. Существенно, что безголосые варианты звонких вовсе не замечаются самими осетинами и не воспринимаются как чем-то отличающиеся от полнозвонких. Поэтому фонологически существенным для осетинских звонких в первую очередь является отсутствие придыхания и начало следующего гласного непосредственно вслед за взрывом или одновременно со взрывом согласного. Звонкость же — сопровождающий признак, который закрепился как постоянный лишь в благоприятных фонетических условиях — в интервокальном положении. В связи с этим понятными становятся случаи передачи осетинами русских глухих смычных звонкими. Русские глухие, весьма мутабельные по артикуляции, иногда могут иметь и звонкий взрыв (гласный начинается одновременно со взрывом; см. на рис. 4 артикуляцию *k* в слове *каток*); такой вариант русского глухого и может быть отождествлен осетинами со своим звонким (*bulkʰon* 'полковник', *kabuska* 'капуста' и др.). Таким образом, термин „звонкие согласные“ для осетинского языка следует принимать только как условное обозначение фонологического ряда, всегда имея в виду, что звонкость для них фонологически не всегда обязательна. Главное противоположение между звонкими и глухими смычными идет по линии „придыхательность — непридыхательность“. Естественно, что, теряя в определенных фонетических позициях придыхательность, смычные глухие тем самым попадают в фонологический ряд звонких. Такой процесс перехода глухих в звонкие в тех же самых условиях и при той же фонетической природе звонких согласных наблюдается и в других иранских языках Кавказа, в частности в боль-

шинстве татских говоров. То же самое наблюдается и в талышском языке, где звонкие также неполнозвонки.¹

Впрочем, в настоящее время в осетинском языке есть предпосылки, которые не только могут задержать наблюдающийся процесс перехода глухих придыхательных в фонологический ряд звонких, но и изменить его направление. Во-первых, весьма большую роль играет орфография при теперешней массовой грамотности, и письменный облик слова весьма успешно конкурирует с произносительной тенденцией при тех условиях, когда эта тенденция (к утере глухими смычными придыхательности) не стала еще фонетическим законом. Этимологическое написание через *t*, *p* и т. д. непридыхательных вариантов глухих смычных постоянно возвращает говорящего к их связи с фонемами *t*, *p* и т. д., что может привести либо к преодолению фонетической тенденции и закреплению придыхательности в любом фонетическом положении, либо к расширению фонетического диапазона глухих смычных, для которых фонологически существенным моментом станет только их глухость. Но последнее возможно лишь при условии параллельного изменения фонетического облика звонких смычных, т. е. превращения их в полнозвонкие согласные. А такое движение осетинских звонких к полнозвонкости действительно имеется. Возможно, что не малую роль здесь играет влияние русского языка, но у равнинных осетин, во всяком случае у молодежи, начинают побеждать полнозвонкие варианты звонких. В начальной позиции отчетливое произношение всегда дает полнозвонкий вариант, который у отдельных представителей закрепляется в любом стиле речи. Далее, при отчетливом произношении даже в весьма неблагоприятных позициях (в соседстве с глухими) звонкие могут частично озвончаться, становясь, смотря по положению, либо звонкоконечными, либо звонконачальными. Все это говорит о том, что основным признаком звонких (выявляющимся в отчетливом произношении) начинает становиться именно звонкость. Таким образом, вполне возможным кажется дальнейшее движение не по линии перехода глухих придыхательных в звонкие в указанных фонетических позициях, а по линии изменения фонетического облика обоих рядов согласных с превращением звонких в полнозвонкие, а придыхательных в простые глухие, для которых придыхание станет лишь сопровождающим признаком.

ЩЕЛЕВЫЕ СОГЛАСНЫЕ *s* (š), *z* (ž)

Существующие описания осетинских фонем, обозначаемых в орфографии буквами *s* и *z*, как уже говорилось, отмечают три варианта произношения: 1) переднеязычные, совпадающие с русскими: для иронского

¹ См. „Очерки“, вып. I.

диалекта во всех положениях, а для дигорского — в положении не перед передними гласными (Шегрен, Вс. Миллер); 2) средние между русскими с—ш и з—ж: для дигорского диалекта — перед передними гласными (Вс. Миллер), для иронского диалекта Северной Осетии — во всех положениях (В. И. Абаев); 3) „чистые“ ш и ж для дигорских перед передними гласными (Шегрен). Картина, как видно, очень пестрая, но из неё выделяются два существенных момента. Шегрен и Вс. Миллер слышали у равнинных иронцев только „чистые“, равные русским, s и z. Нечто похожее на š и ž они слышали только у дигорцев как фонетические варианты s и z. В. И. Абаев, напротив, вовсе не находит в иронском „чистого“ s и z, а слышит нечто похожее на š и ž, но не равное š и ž. Несомненно, здесь нельзя говорить о слуховых ошибках. Очевидно, мы имеем дело с весьма мутабельными согласными, артикуляция которых менялась не только по говорам, но и во времени. Для того чтобы выявить весь их произносительный диапазон и ход их фонетических изменений, необходимо проследить их звучание и их артикуляторные тенденции для всех говором, что остается задачей дальнейшего исследования. Настоящий же очерк, основанный на ограниченном материале, вносит лишь некоторые дополнительные сведения.

Проведенные наблюдения еще больше усложняют существующие описания. В произношении равнинных иронцев (диапазон наблюдений: Дзауджикау—Ардон—Алагир) рассматриваемые согласные несомненно принадлежат к типу «š» и «ž», т. е. являются двухфокусными. От русских ш и ж они несколько отличаются своим вторым продвинутым вперед фокусом, что акустически придает им мягкость. Однако эта мягкость незначительна и меньше, чем у таджикского, персидского, или, из европейских языков, — английского š. Осетинские «š» и «ž» на русский слух могут быть восприняты только как ш и ж и ни в коем случае как с и з. Выходит, что за последние 70 лет, прошедшие со времени свидетельства Вс. Миллера, артикуляция этой фонемы на данной территории резко изменилась. В. И. Абаев в статье „150 лет жизни одного языка“,¹ указывая на три существенных фонетических изменения в иронском диалекте (переход палатализованных k, g, k* в č, ĵ, č*, переход начального ə в ъ и переход начального γ в q), заключает: „Все вместе создает впечатление интенсивной фонетической жизни иронского диалекта за последние 150 лет“. К этому следует добавить и изменение «s, z» в «š, ž», что связано с другим фонетическим изменением на этой же территории, о котором будет сказано ниже.

Для дигорского диалекта по произношению двух его представителей (из селений Дурдур и Лескен) отмечено следующее. У представителя из Дурдура во всех фонетических положениях рассматриваемые фонемы являются обычными переднеязычными круглощелевыми «s» и «z»,

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 509—511.

такими же, как русские *s* и *z*. У представителя из Лескена (селение на границе с Кабардой) во всех фонетических положениях слышатся „шепелявые“ мягкие «*s*» и «*z*». Такими же „шепелявыми“ он передает и русские *s* и *z* в своей русской речи. При этом оба осведомителя не замечают различия в своем произношении. Для селения Лескен имеется и другое свидетельство, не совпадающее с первым. Студент Ленинградского университета М. Исаев, родом из Лескена, дает то произношение, которое отмечал для дигорцев Шегрен: всюду обычное «*s*», но перед гласными переднего ряда «*š*» (двухфокусное со вторым средним фокусом, несколько мягче иронского). Повидимому, такой же тип артикуляции отмечает для своего дигорского осведомителя Е. Гендерсон в упомянутой работе, употребляя для обозначения *s* перед передними гласными знак *ʃ*. Однако фонетического описания этого звука она не дает.

„Шепелявые“ *s* и *z* первого представителя из Лескена могут быть определены артикуляторно как среднеязычные однофокусные круглощелевые согласные, т. е. как среднеязычные «*š*» и «*ž*». Они сильно продвинуты вперед и артикулируются более передней частью языка сравнительно с немецким среднеязычным (*ich-laut*) или с русским *й* — примерно против или чуть повыше альвеол.

Наконец, следует разобрать указания В. И. Абаева относительно иронского диалекта, данные в статье „О языке южных осетин“:¹ „Нужно заметить, что во всех почти иронских говорах нет ни зубных *s* и *z*, ни палатальных *š* и *ž*, а есть промежуточные между ними характерные передненебные сибиланты *ś* и *ž*“. Нельзя сомневаться в том, что приведенная характеристика соответствует фактам, но она не совпадает с данной выше характеристикой соответствующих звуков ардонско-алагирского круга. Следовательно, ардонско-алагирский тип произношения (двухфокусные «*š*» и «*ž*») не распространяется на весь иронский диалект северных осетин, а какая-то часть его — может быть большая — имеет иной тип произношения. По приведенному В. И. Абаевым описанию он ближе всего подходит к дигорскому „шепелявому“ варианту, т. е. к типу среднеязычных «*ś*» и «*ž*»; об этом достаточно четко говорит определение их как „передненебных“ (т. е. щель образуется против передней части нёба, следовательно — средней частью языка). Такой тип артикуляции характерен для произношения самого В. И. Абаева, родина которого — горная Осетия. В его произношении *s* и *z* можно определить следующим образом: это среднеязычные щелевые, но не продвинутые вперед, в отличие от дигорских „шепелявых“, а образующиеся именно средней частью языка при круглой щели, отчего они и дают впечатление «*s*»- или «*ś*»-образного, а не «*x*»-образного звучания (как при немецком плоскощелевом *ich-laut*). Поскольку образование круглой щели средней

¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, I, стр. 498.

частью языка несколько затруднено (средняя часть языка не так гибка и подвижна, как кончик языка), то при артикуляции в виде поддержки может принимать участие и передняя часть языка, что уже создает двухфокусность артикуляции. В результате этого, элемент «š»-образности, который слышится и при чистом среднеязычном, еще более усиливается. И если дигорские «š» и «ž», артикулируемые почти передней частью языка (на грани между передней и средней частью языка), дают лишь впечатление мягких и шепелявых, то рассматриваемый тип артикуляции воспринимается на русский слух как очень мягкое ш.

Таким образом, возникает известная картина артикуляторного диапазона рассматриваемых фонем, а сравнение приведенных фактов может указать и пути их изменений по говорам. Все имеющиеся факты, а также более ранние свидетельства подводят к следующей реконструкции. Кажется несомненным, что для обоих диалектов еще в недавнее время среднеязычная артикуляция согласных не давала самостоятельного фонологического ряда, а являлась вариантной артикуляцией для переднеязычных и заднеязычных перед передними гласными. Для дигорского диалекта это состояние сохраняется до сих пор. Так, в дигорском в настоящее время наблюдается сильное смягчение задних смычных и переднеязычных аффрикатов перед гласными переднего ряда, доходящее до среднеязычной артикуляции: «g'et'en» 'парусина', «kizg» 'девушка', «s'i || śi» 'что' и т. д. Известно, что иронские фонемы *š*, *j* и *č* возникли именно из таких мягких вариантов (ир. *čbzg* || диг. *kizgə*). Следовательно, для иронского диалекта в прошлом мы должны предполагать аналогичное состояние в отношении среднеязычной артикуляции, какое имеем сейчас в дигорском. В этот общий ряд палатальных вариантов в дигорском попадает и среднеязычная артикуляция *s* и *z* (варианты «š» и «ž»), которую отметил для дигорского диалекта В. С. Миллер, определяя дигорские *s* и *z* перед передними гласными как „средние звуки между *s*—ш и *z*—ж“, которую слышал также Шегрен, но воспринимал как *š* и *ž*, и которая сохранилась, как мы видели, в дигорском до сих пор.

Несомненно, что такое же выявление фонем *s* и *z* (со среднеязычным вариантом перед передними гласными) было типично и для иронского диалекта в тот период, когда и для него среднеязычная артикуляция являлась вариантной. Если предположить обратное, т. е. что для иронских *s* и *z* было характерно единообразное их звучание во всех позициях, то тогда невозможно будет объяснить позднейшие их расхождения в звучании по говорам (отмеченные Шегреном и В. С. Миллером для равнинных осетин «*s*» и «*z*» и современные «š, ž» и «š, ž»). Предположить, как это склонен сделать В. И. Абаев, что Шегрен и В. С. Миллер просто не заметили специфики иронских *s* и *z*, невозможно, так как среднеязычные «š» и «ž» невозможно не заметить русским слухом и отождествить их с *s* и *z*. Кроме того, В. С. Миллер хорошо

слышал аналогичные среднеязычные «š» и «ž» в дигорском, определяя их акустически как средние между с—ш и з—ж, которые слышал также Шегрен, сближая их акустически с ш и ж, а не с с и з. Остается только один вывод: во времена Шегрена и Вс. Миллера равнинные осетины действительно произносили обычные, неотличимые от русских, s и z (которые, может быть, и сохранились еще в некоторых местах).

В тот период, когда в иронском диалекте с переходом среднеязычных вариантов задних смычных в самостоятельные фонемы ($k, g, k^{\text{в}} > \check{c}, \check{j}, \check{c}^{\text{в}}$) среднеязычная артикуляция приобрела фонологическое значение, диапазон переднеязычных согласных соответственно изменился. Переднеязычные аффрикаты (с и ж) перестали палатализироваться перед гласными переднего ряда, так как, продвигаясь к среднеязычной артикуляции, они могли попасть в новый фонологический ряд и смешаться с фонемами \check{c} и \check{j} ; отсутствие палатальных вариантов [с и ж] отличает, между прочим, современный иронский от дигорского. Фонемы s и z при возникшей фонологизации среднеязычной артикуляции тоже не могли сохранять прежние варианты без опасности расщепления каждой из них на две фонемы ($s > \check{s}$ и $\check{s}, z > \check{z}$ и \check{z}). Но перед ними, в отличие от переднеязычных аффрикат, было два пути произносительной унификации: либо в сторону среднеязычной артикуляции, со включением их в фонологический ряд среднеязычных при утере переднеязычных вариантов, либо в сторону переднеязычной артикуляции с утерей среднеязычных вариантов. Как показывают факты, иронский диалект использовал оба эти пути: в одних говорах победили переднеязычные варианты (свидетельство Шегрена и Вс. Миллера для равнинных осетин), в других — среднеязычные. Начало подобного же процесса можно наблюдать теперь и для дигорского диалекта, где звук «š» начинает восприниматься фонологически (по крайней мере в заимствованных словах), что ведет к выделению вариантного среднеязычного «š» (вариант фонемы с перед передними гласными) в самостоятельную фонему, в результате чего начинается произносительная унификация остальных согласных, имеющих среднеязычные варианты. В частности, варианты заднеязычных перед передними гласными в дигорском не чисто среднеязычные, а продвинуты назад; при отчетливом же произношении они вообще остаются задними и только слегка палатализуются. В отношении же фонем s и z произносительная унификация в некоторых говорах уже закончилась почти совсем, дав переднеязычные «s» и «z» во всех положениях, и только при небрежном произношении перед передними гласными спорадически могут появляться «шепелявые» их варианты (у осведомителя из Дурдура). И, напротив, в отдельных случаях наблюдаются всегда «шепелявые» s и z (осведомитель из Лескена), но, как уже говорилось, — это не чистые среднеязычные, а сильно продвинутые вперед, акустически сближаемые с s и z, так что намечающаяся унификация в дигорском ориентируется на переднеязычную артикуляцию.

Можно ли найти те фонетические предпосылки, которые в одних иронских говорах привели к распространению среднеязычных вариантов *s* и *z* («*ś*» и «*ž*» > «*š*» и «*ẓ̌*»), а в других — переднеязычных? Эти предпосылки могут быть найдены в артикуляции аффрикатов *с* и *ž*. Дело в том, что у иронских *с* и *ž* щелевой элемент довольно сильный, и поэтому они склонны к спирантизации (по крайней мере, это наблюдается в ряде говоров), т. е. к «*s*»- и «*z*»-образному звучанию или к полному переходу в «*s*» и «*z*». Еще В. С. Миллер отмечал для высокогорного селения Нар случай полного перехода *с* и *ž* в *s* и *z* («*zag*» вместо «*žag*» 'полный', «*səus*» вместо «*сəus*» 'ты идешь'), а В. И. Абаев отмечает эту тенденцию как одну из главных черт всего туалъского (высокогорного) говора. Естественно, что в таких говорах, где активизировалась спирантизация *с* и *ž*, во избежание смешения с ними, унификация фонем *s* и *z* пошла по среднеязычному типу. В тех же говорах, где *с* и *ž* были более устойчивы, победил переднеязычный вариант как чаще употребляемый. Именно там, где Шегрен и В. С. Миллер отмечали чистые переднеязычные «*s*» и «*z*» (у равнинных иронцев), аффрикаты *с* и *ž* являлись более устойчивыми. Оба исследователя вовсе не отмечали для равнинных иронцев признаков спирантизации обоих аффрикат.

В результате, как будто получается довольно ясная картина разобранных фонетических переходов. Однако большая трудность заключается в следующем. Описание фонем *s*, *z* и *с*, *ž*, данное Шегреном и В. С. Миллером, совершенно не соответствует современному произношению равнинных иронцев (по крайней мере для Ардона, Алагира, Беслана и Эльхотово). Здесь мы находим, во-первых, постоянные двухфокусные «*š*» и «*ẓ̌*» вместо «*s*» и «*z*», во-вторых, «*s*» и «*z*» вместо «*с*» и «*ž*» почти во всех фонетических положениях. Аффрикатная артикуляция последних двух фонем сохраняется только после смычных согласных и при геминации, если не считать несколько искусственного, книжного произношения, т. е. мы здесь находим в развитом виде то, что отмечалось раньше лишь для горных районов. К тому же у современных равнинных иронцев процесс изменения фонем *s* и *z* пошел еще дальше, окончательно сменив двухфокусными «*š*» и «*ẓ̌*» среднеязычные «*ś*» и «*ẓ̌*», которые в настоящее время еще характерны, повидимому, для туалъского говора.

Надо предполагать, что тип артикуляции «*s*, *z*» и «*с*, *ž*» был характерен для сравнительно небольшой округи и что основная масса иронцев имела другой тип — «*ś*, *ẓ̌*» и «*s* (< *с*), *z* (< *ẓ̌*)», который при интенсивном общении населения распространился и на эту округу. Во всяком случае, для дальнейшего исследования необходимо будет проследить фонетическое выявление фонем *s*, *z*, *с* и *ž* по всем иронским говорам, а также привлечь имеющиеся данные по переселению осетин за последние 80—70 лет.

ОГУБЛЕННЫЕ СОГЛАСНЫЕ

Следующий существенный пункт осетинского консонантизма, нуждающийся в исследовании, — это вопрос об огубленных согласных, не ставившийся до сих пор в литературе. В дигорском диалекте имеем такие сочетания, как $x^wə$ и $x^w a$, восходящие к этимологическим $x^w a$ и $x^w \bar{a}$: $x^w ar$ 'хлеб' ('зерно'), $x^w ayun$ 'колотить', 'стучать', $məx^w ədæg$ 'я сам', $x^w ərə$ 'сестра', $x^w əɣun$ 'есть' и т. д. Вопрос заключается в следующем — имеем ли мы здесь сочетание трех фонем: $x + w +$ гласный, или сочетание двух фонем: огубленного x (« x^o ») + гласный. Дело в том, что осетинское w очень сонорно, а в положении после согласных (а также в исходе слова) оно всегда фонетически равно неслоговому u (« u »), так что в таких словах, как $dwar$ 'дверь', фонетически имеем дифтонг « $duar$ ». Звучание слова $x^w ar$ тоже дает впечатление дифтонга и может быть воспринято как « xua ». В орфографии оба случая обозначаются одинаково: $xuap$ и $дуар$. Исследователи применяют тоже одинаковое обозначение (так, у Вс. Миллера: $x̄jar$ и $d̄jar$).

Помимо этимологии, а также соответствия осетинского x^w огубленному x^o в родственном осетинском ягнобском языке (ягнобские: $x^o ar$ 'ешь', $x^o r$ 'сестра', $x^o ou$ 'колоти', $x^o at$ 'сам'), поставить этот вопрос заставляет и следующее соображение. В иронском диалекте дигорским $x^w ə$ и $x^w a$ соответствуют закономерно $xə$ и xo : диг. $x^w ar$ || ир. xor , диг. $x^w əɣun$ || ир. $xəɣun$ и т. д. Между тем, сочетание w с другими согласными не различается в обоих диалектах. Например: ир. и диг. $dwar$ 'дверь', ир. $twas$ и диг. $twasə$ 'шило' и т. д. Отсюда несомненно, что в какой-то период в осетинском языке сочетания типа $x^w a$ и dwa были фонетически и фонологически различными явлениями, раз они дали по говорам разные результаты. Но отсюда возможно, что это различие сохраняется в дигорском и до сих пор.

Во всяком случае, при дальнейшем исследовании необходимо будет детально исследовать звучание и артикуляцию обоих типов сочетаний ($x^w a$ и dwa), что до сих пор не сделано. Акустические впечатления говорят об их фонетическом различии, которое заключается в следующем. 1) В сочетаниях типа $dwar$ слышится настоящий дифтонг с сильным первым элементом (« $duar$ »); в сочетаниях с x — первый элемент более слабый и краткий (« $x^o ar$ »). А такая дифтонгичность нормальна при предшествующем огубленном согласном, следовательно, фонологическое сочетание $x^o a$ должно дать именно звучание « $x^o a$ ». 2) При сочетании типа dwa гласный не меняет своего качества, сохраняя свое постоянное звучание (« $duar$ »). В сочетании же $x^w a$, $x^w ə$ гласный меняется, получая легкую огубленность. Более заметно меняется a , которое приближается к « o »-образному звучанию, особенно при более быстрой речи (« $x^o ər$ »). В этом нетрудно усмотреть начальный этап того пути, который привел в иронском к переходу бывшего $x^w a$ в xo .

Однако этих наблюдений еще не вполне достаточно для выяснения вопроса. Необходимо будет в дальнейшем изыскать более объективные критерии и разобраться в вопросе четче, тем более что аналогичный и тоже спорный в трактовке факт имеет место в курдском языке. Одним из таких объективных критериев может явиться сравнение долготы дифтонга «иа» в сочетании типа *dwa* и предполагаемого простого *a* в сочетании $x^w a$. Если во втором случае действительно имеет место сочетание $x^o + a$, а не $x + w + a$, то его гласный элемент должен быть короче, чем в сочетании *dwa* (дифтонг нормально должен быть длиннее простого гласного). Напротив, такие сочетания, как $x^w a$ и *xa*, должны дать одинаковую длительность гласного.

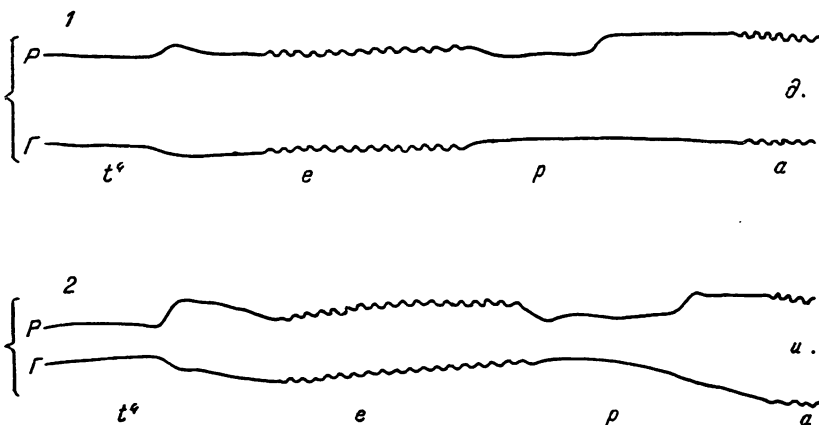
Тот же самый вопрос в дигорском относится и к заднеязычным смычным *k, g* и k^x , сочетающимся с губной работой и соответствующим простым согласным. Например: диг. $k^w ar$ || ир. $k^x ord$ 'группа', диг. $\text{əfcəgk}^w atə$ || ир. əfcəgkot 'воротник', диг. $ig^w əs$ || ир. $uəgəs$ 'сноп'.

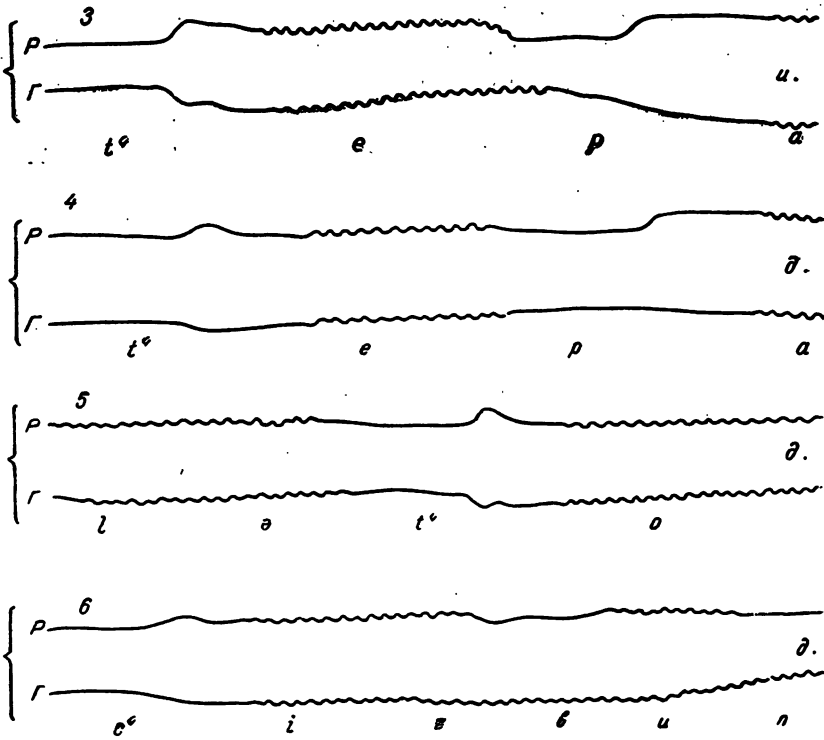
В связи с этим следует рассмотреть и артикуляцию иронских заднеязычных *k* и *g* перед *ь*. Орфографически это сочетание изображается как *к^уь* и *г^уь*. Фонетически слышится дифтонгоид с изменением качества *ь* в направлении к «*и*», так что часто слышится не « $k^u d$ », а « $k^o u d$ », что и заставило Вс. Миллера находить в этих случаях краткое *и*. Следует определить, имеет ли здесь место дифтонг *иь*, или остатки огубленного ряда согласных, сохранившегося только в одной фонетической позиции — перед *ь*?

КИМОГРАММЫ ОСЕТИНСКИХ СОГЛАСНЫХ

Буквы *P* и *Г* означают соответственно ротовую и гортанную кривые. Буквы *и* и *д* с правой стороны кривых означают соответственно иронский и дигорский диалект.

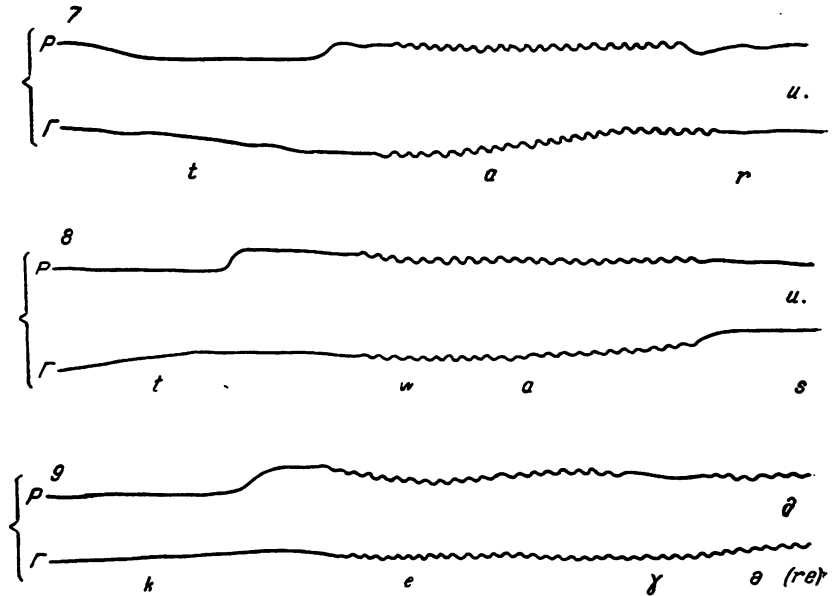
Смычногортанные

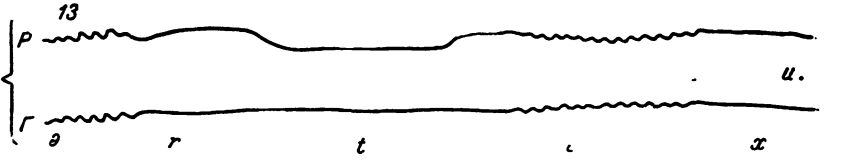
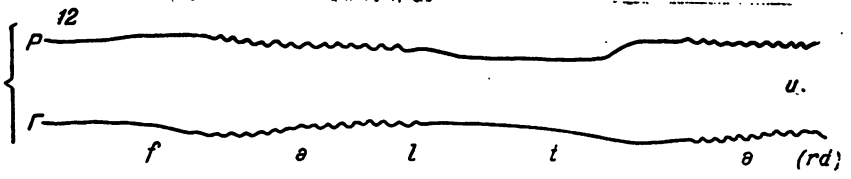
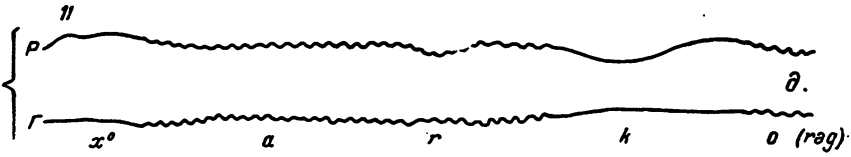
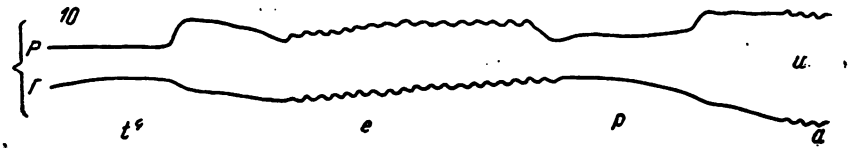

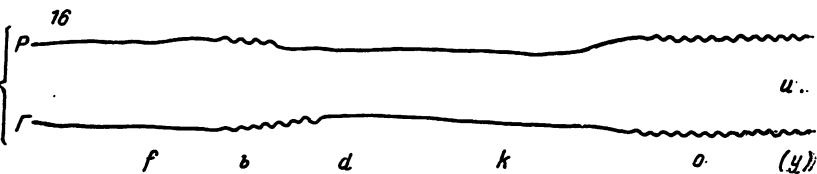
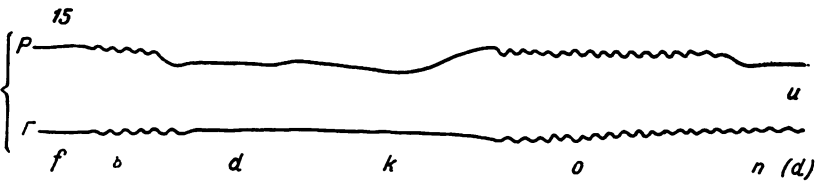
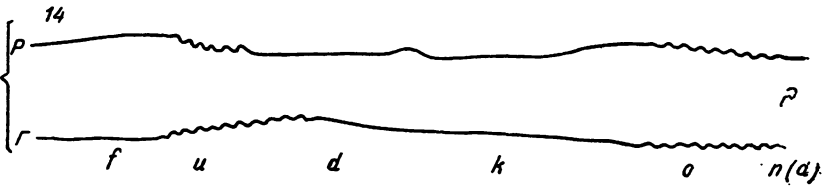
Глухие смычные

В начале слова, между гласными и после сонантов

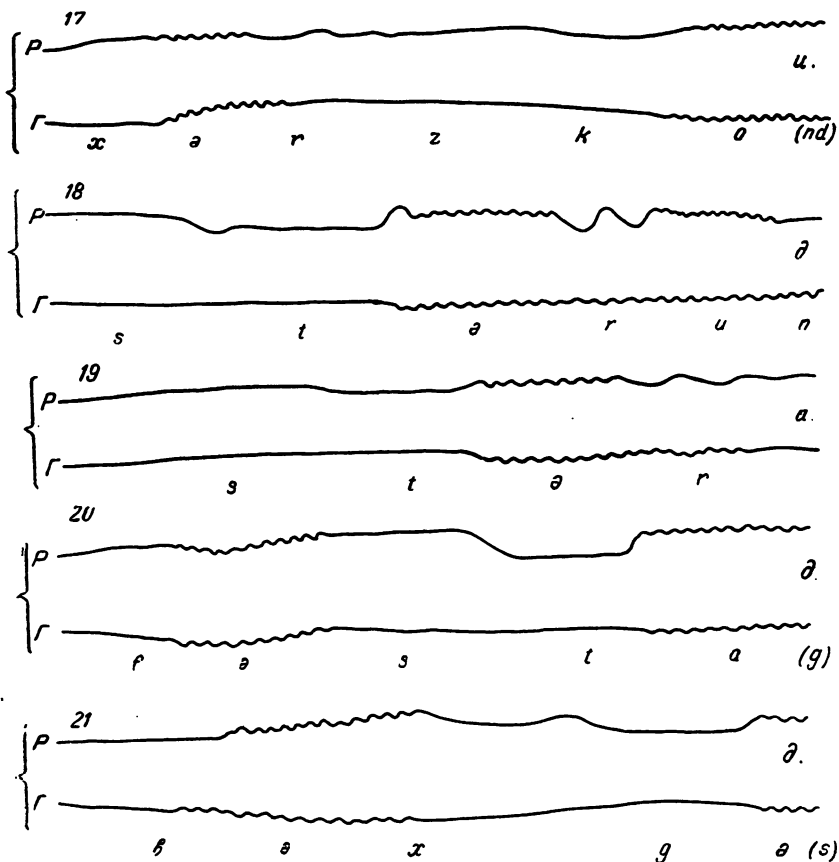

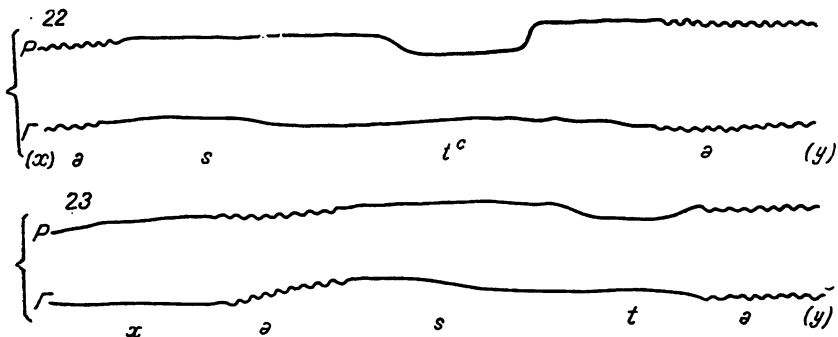
После звонких шумных

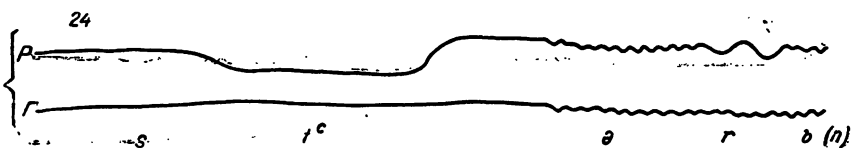

После глухих щелевых

Различающиеся пары в иронском диалекте после
глухих щелевых

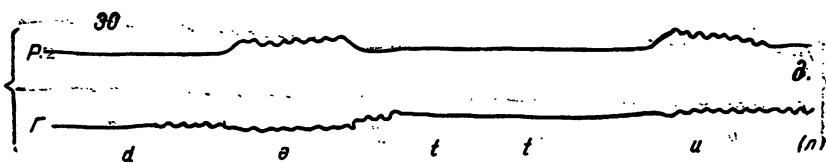
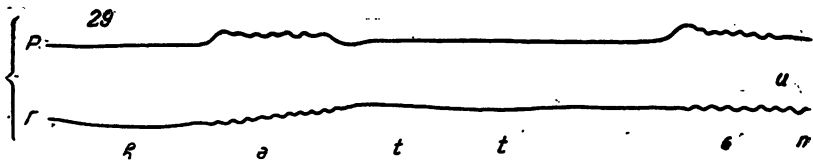
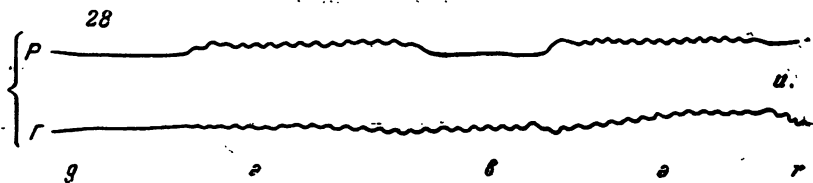
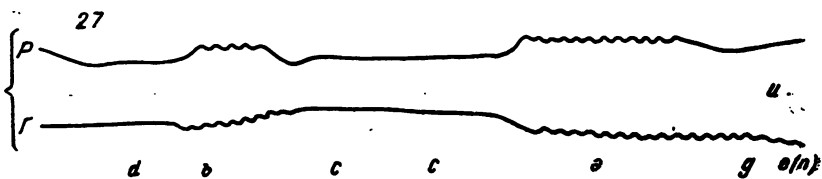
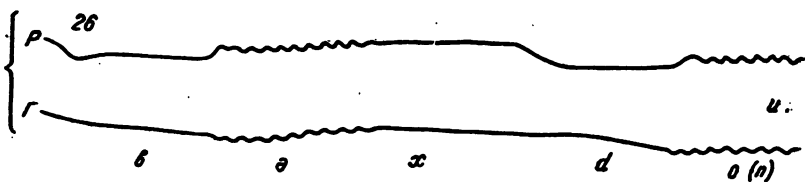
xæstəi 'из-за долгов' и *xæstəi* 'с войны'; *stəryn* 'гнать вверх' и *stəryn* 'лизать'. Фонологически: *xæstəy* («xæst'əy») 'из-за долгов', *xæsdəy* («xæstəy») 'с войны' и *stəryn* («st'əryn») 'гнать вверх', *sdəryn* («stəryn») 'лизать'.

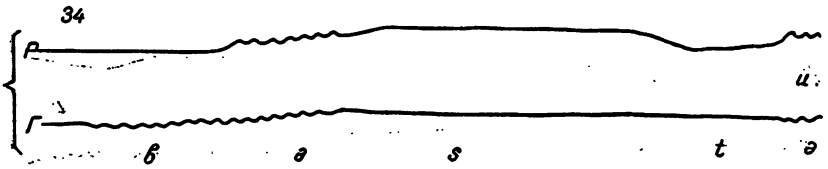
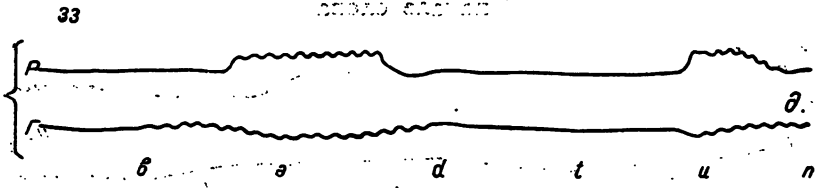
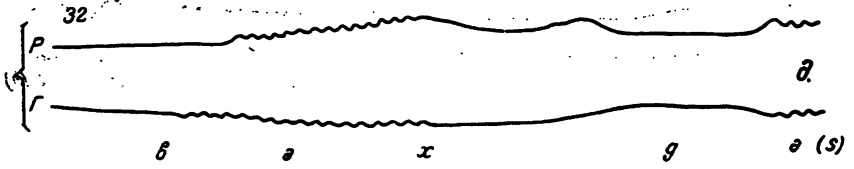
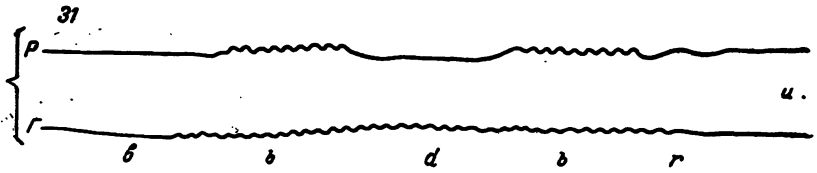

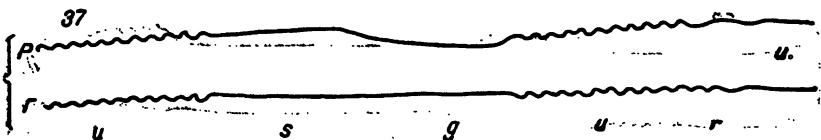
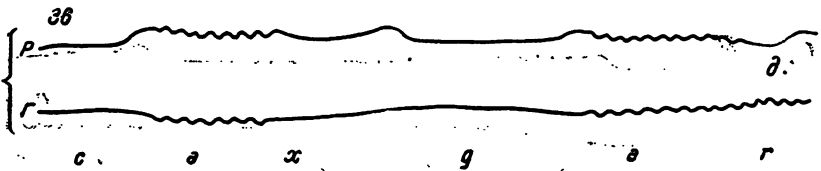
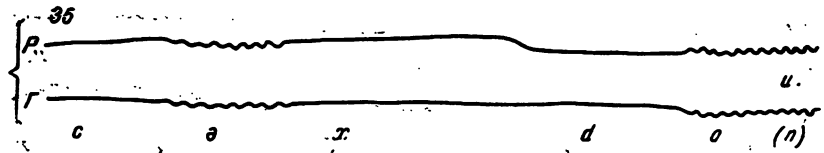
СМЫЧНЫЕ ЗВУКИ

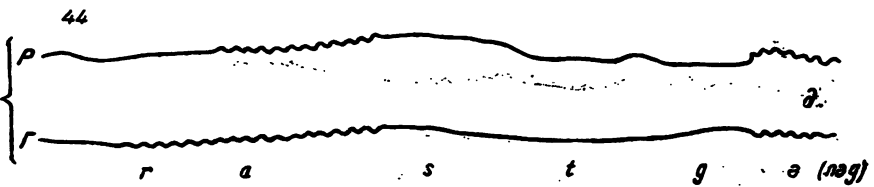
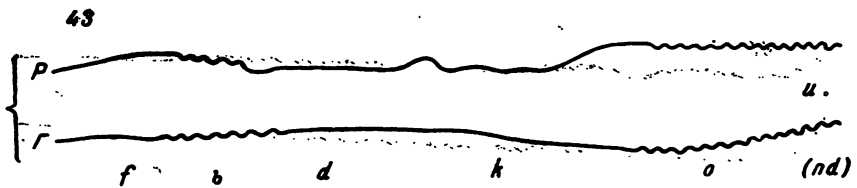
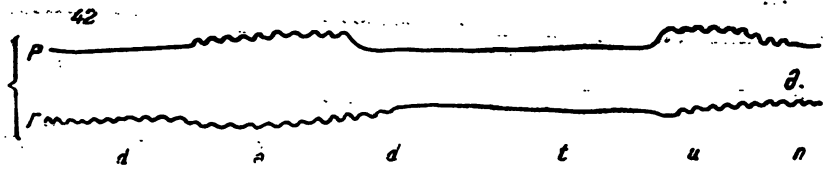
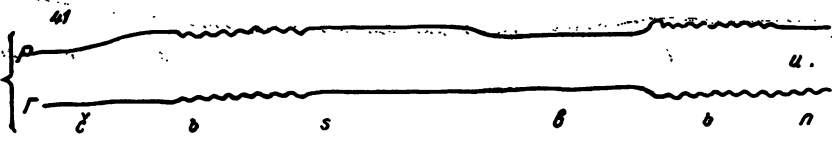
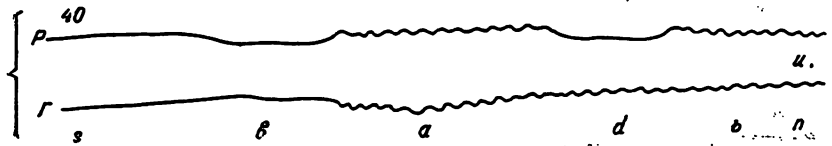
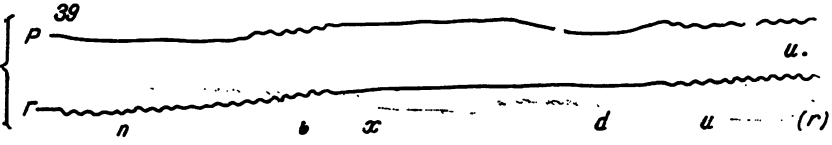
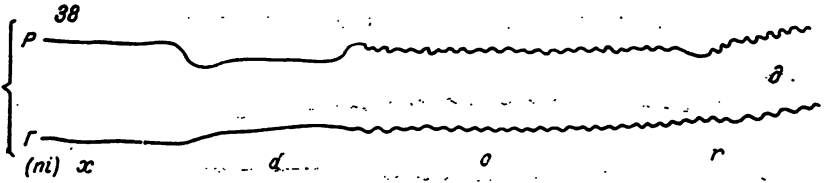
В начале слова

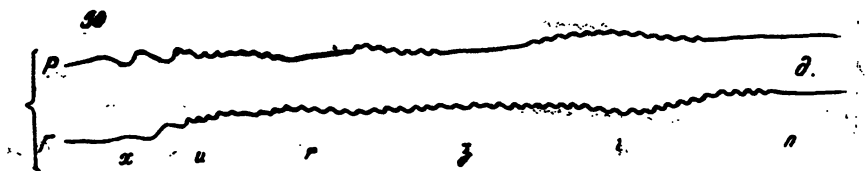
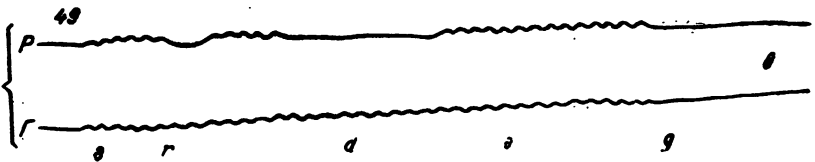
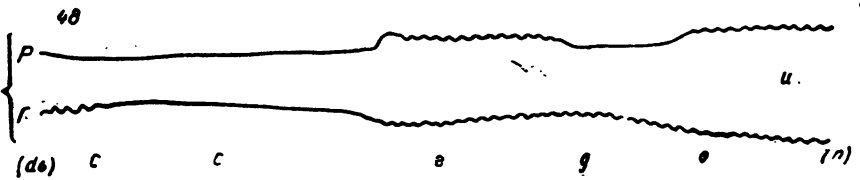
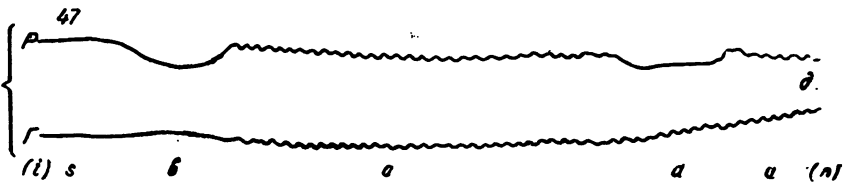
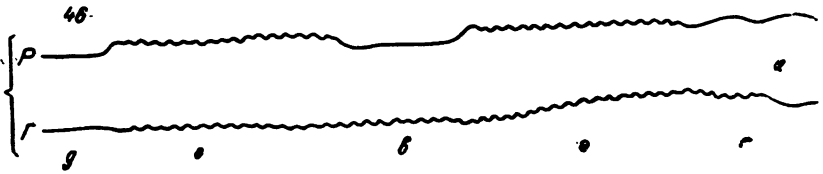
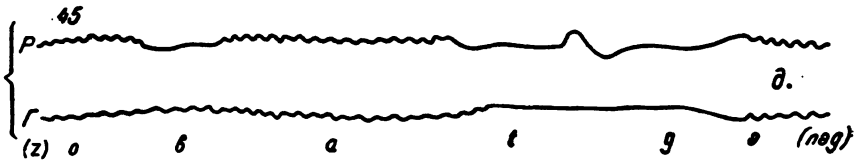

Рядом с глухими

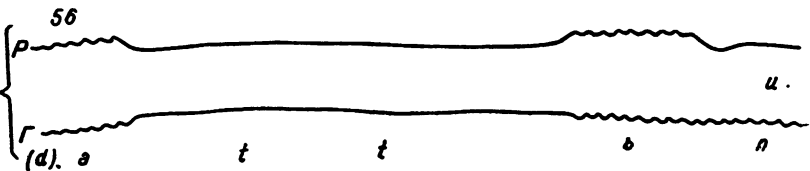
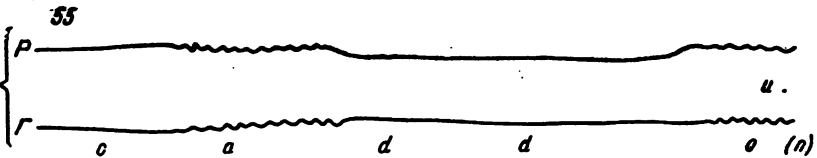
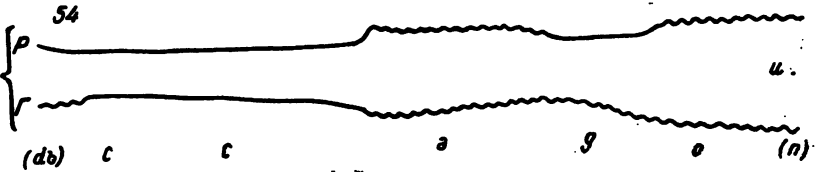
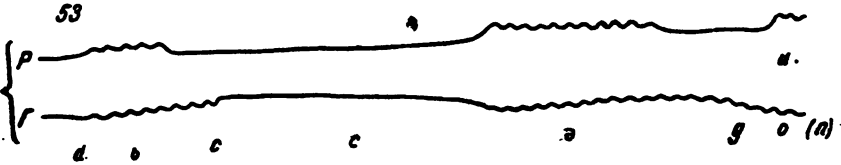
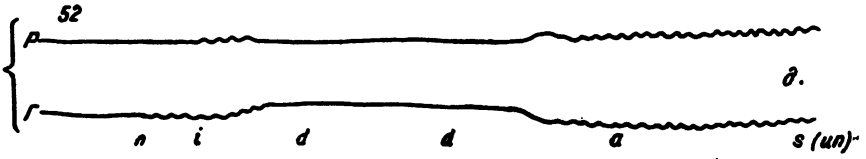
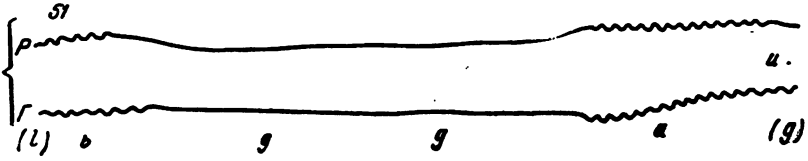

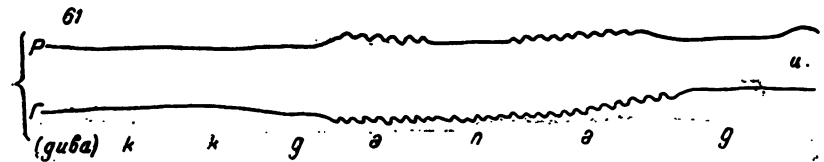
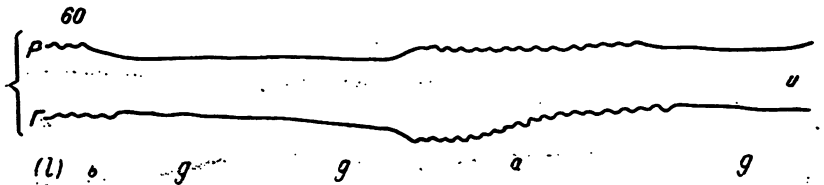
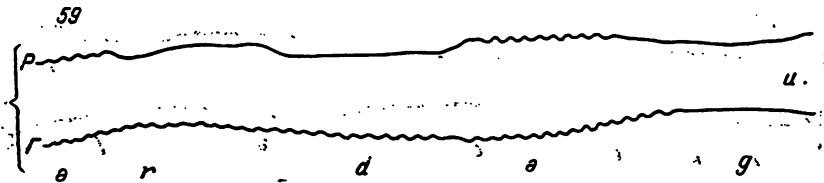
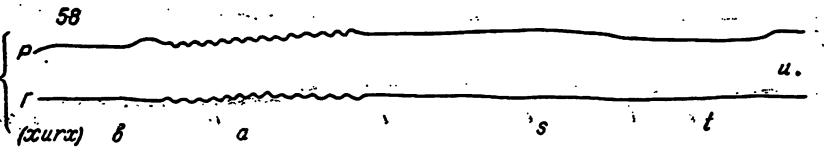
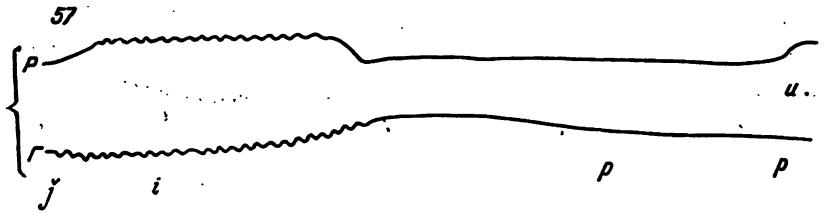
Между гласными и после сонорных

Геминаты

Смычные глухие и звонкие в исходе слова

—————

ЯГНОБСКИЙ ЯЗЫК

Хотя первые сведения по ягнобскому языку, представляющему собой сохранившийся диалект согдийского языка, появились еще во второй половине XIX в., он до сих пор остается мало изученным. Опубликованных материалов по ягнобскому языку очень немного: краткая сводка В. Гейгера, составленная по неизданным материалам К. Г. За-лемана с приложением одной сказки;¹ три сказки и один небольшой текст этнографического содержания, изданные Г. Юнкером,² и одна сказка, опубликованная С. И. Климчицким.³ По части фонетики эти работы далеко не достаточны. Описания звуков нет вовсе, а в области вокализма остается неясным и состав фонем. Правда, С. И. Климчицкий в своей статье, представляющей последнюю по времени работу по ягнобскому языку, выделяет семь гласных (*i, ī, ē, a, ǝ, ī, u*), называя их фонемами, однако какого-либо обоснования этому не дает. Выделение же долгих и кратких, если этому не дано обоснования, иногда вызывает сомнение, поскольку такое выделение, возникшее под влиянием этимологий и ставшее традиционным для многих исследователей, часто не соответствует действительности. Тот же С. И. Климчицкий, выделяя для ваханского языка долгие и краткие гласные, доводит число гласных фонем до 13, в то время как в этом языке всего 6 гласных фонем и вовсе нет кратких и долгих пар.

Кроме указанных 7 гласных, С. И. Климчицкий отмечает еще \bar{u} и $\bar{ü}$, которые определяет как передние варианты фонем \bar{u} и $\bar{ü}$. О фонетических условиях возникновения этих вариантов ничего не сказано. В кратком отчете об экспедиции в Ягноб, помещенном в том же томе „Трудов таджикостанской базы“ (стр. 137—139), он пишет: „Собран обширный материал по фонетике ягнобского языка, что даст возможность сделать более подробное фонетическое описание ягнобского языка, чем это имело место до сего времени“. Однако такого фонетического описания или каких-либо других материалов, собранных им, в свет так и не

¹ W. Geiger. Grundriss der iranischen Philologie, Bd. I, Abt. 2. Strassburg, 1901.

² H. Junker. Drei Erzählungen auf Yağnābī. Heidelberg, 1914; он же. Jaghnōbī Studien, Abh. der ph.-hist. Klasse d. Sächsischen Akad. der Wissensch., Bd. XLI, № 11, Leipzig, 1930.

³ С. И. Климчицкий. Ягнобская сказка. Труды Таджикостанской базы Академии Наук СССР, IX, М.—Л., 1940.

вышло. Не опубликованы также материалы, собранные М. С. Андреевым и Е. М. Пещеревой, равно как и материалы последней экспедиции на Ягноб М. Н. Боголюбова и К. К. Курдоева, состоявшейся в 1947 г.

При таком положении к изучению фонетики ягнобского языка, особенно к определению его гласных фонем, приходилось подходить заново, так как твердых опорных пунктов в этом отношении дано не было. Таким образом, основная задача данного исследования была по необходимости узкая — точнее определить состав фонем ягнобского языка и дать их хотя бы минимальное фонетическое описание. Детальное же изучение фонетики ягнобского языка может быть осуществлено лишь вместе с более детальным изучением всего языка.

Основная масса ягнобцев, по подсчетам Климчицкого — численностью свыше 2000 человек, живет в верховьях Зеравшана в долине реки Ягноб. Все опубликованные до сих пор сведения по ягнобскому языку получены от этих ягнобцев. В их речи исследователи выделяют 2 главных говора — восточный и западный. Главным различием между обоими говорами являются соответствия: $t \parallel s$ (в западном говоре *mēi* 'день', в восточном *mēs*, а у Юнкера даже *meθ*) и $ai \parallel ē$ (в западном *waǰš* 'трава', *piraǰš* основа глагола 'убегать', в восточном соответственно *wēš*, *pirēš*).

Настоящий же очерк основан на материалах, собранных у ягнобцев, живущих на южном склоне Гиссарского хребта в Варзобском районе, до сих пор исследованию не подвергавшихся. Их язык заметно не отличается от языка ягнобцев долины Ягноба и относится по указанным признакам к западной его разновидности. Работы по сбору материалов были по необходимости кратковременными и проводились в течение нескольких дней в сентябре 1949 г.

Поскольку в данном очерке впервые даются сведения о языке варзобских ягнобцев, кажется полезным, помимо приложенных текстов, которых по краткости пребывания удалось записать очень мало, дать также список слов, записанных изолированно (в этот список не включены слова, совпадающие с таджикскими и по значению и по звучанию, например: *bozor* 'базар', *oša* 'мать' и т. д.). Не лишним, как кажется, будет и приложение некоторых грамматических сведений (служебные морфемы, спряжение глагола), поскольку они могут дать известный материал для сравнения с речью ягнобцев долины Ягноба.

В Варзобском районе ягнобский язык представлен в пяти кишлаках. Один из них (Харангони Дара) находится близко к Сталинабаду, в сельсовете Айни, в долине реки Харангон, в 15—16 км от варзобской дороги. По расспросным сведениям, язык этого кишлака, оторванного от общения с другими ягнобцами, сильно перемешан с таджикским языком.

Другой кишлак (Куртепа) расположен в верховьях Варзоба (сельсовет Зидди) и тоже значительно отдален от общения с другими ягнобцами Варзобского района.

Остальные три кишлака входят в состав сельсовета Варзоби Боло и расположены по течению р. Тагоб, впадающей в Варзоб примерно в 45 км от Сталинабада: один (Обисафед) находится в верховье Тагоба, на расстоянии 50—55 км от устья, два других — самый крупный ягнобский кишлак Кухистон (44 дома) и маленький кишлак Зуман (10 домов), находящихся друг от друга на расстоянии 1.5 км и составляющих один колхоз (им. Микояна), — расположены в среднем течении реки Тагоб, примерно в 20 км от ее впадения в Варзоб. Оба эти кишлака составляют около половины всего ягнобского населения Варзобского района, насчитывающего 600—700 человек. Работа производилась в кишлаке Кухистон.

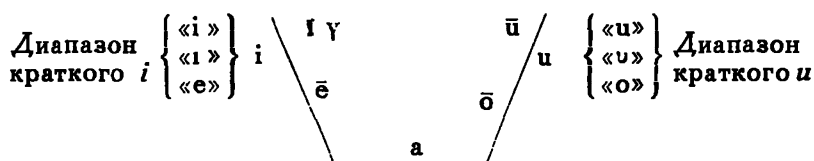
Кишлак Кухистон расположен в 12—13 км (по реке) или в 6—7 км (через перевал) от Тагобстроа, связанного со Сталинабадом автомобильной дорогой. В кишлаке имеется начальная школа (4 класса), обучение в которой ведется на таджикском языке. Школьные учителя — таджики. Таджикский язык вообще оказывает на ягнобский язык сильное влияние. Все ягнобское население сплошь двуязычно и владеет таджикским языком, как родным. Помимо постоянного общения с соседними таджикскими кишлаками, и внутри кишлака общение с таджиками не прерывается, поскольку в кишлаке встречаются смешанные ягнобско-таджикские семьи. В присутствии таджиков ягнобцы в разговоре легко переходят на таджикский язык. Однако между собой в домашней обстановке ягнобцы всегда говорят по-ягнобски, так что даже в смешанных семьях (мать — таджичка) дети сначала учатся ягнобскому языку и уже позже таджикскому. В результате и проживающие в кишлаке таджики (в том числе и учителя) в той или иной степени учатся ягнобскому языку.

Влияние таджикского языка сказывается в первую очередь на словарном запасе: в настоящее время в ягнобском языке не меньше половины словарного запаса (исключая глаголы) — общие с таджикским языком. Заметные колебания под влиянием таджикского языка наблюдаются и в фонетике. В частности, это касается консонантизма (наличие верхнефарингальных ξ и h), а также использования долготы в вокализме, фонологическая значимость которой стирается для части ягнобцев, превращаясь в функцию ударения. Так, для одних ягнобцев имеем четкое различие *avír* 'он нашел' и *atír* 'он ушел', для других уже оказывается возможным удлинение ударенного *i* в слове *atír*. Впрочем, это наблюдается далеко не во всех случаях, и долгота остается существенной, а не остаточной или исчезающей чертой ягнобского вокализма. Для младшего поколения отмечена замена переднего огубленного y фонемой i : *xyr* > *xír* 'солнце'.

В дальнейшем излагается фонетическая система, представленная средним поколением. Запись приложенных текстов произведена по произношению Одинаева Курбана 40 лет.

ВОКАЛИЗМ

Наиболее характерным для ягнобского вокализма является различие долгих и кратких гласных. Всего вокализм насчитывает 8 фонем, из которых 5 долгих: \bar{i} , \bar{e} , \bar{o} , \bar{u} , \bar{y} и 3 кратких: a , u , i . Вокализм может быть представлен в следующей таблице:

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ \bar{i} , \bar{e} , \bar{o} , \bar{u} , \bar{y}

Долгие характеризуются своей устойчивостью как в качественном, так и количественном отношении. Существенным является тот факт, что долгие гласные сравнительно редко встречаются в неударенном положении. Как правило, ударение в слове падает на долгий гласный. Так, например, имеем различное ударение в одной и той же форме глаголов с кратким и долгим корневым гласным: *anídōr* 'они сели', но *akunōr* 'они сделали' и *akisōr* 'они посеяли', *vōw nīdim* 'давай сядем' и *vōw tirim* 'давай пойдем'. В результате этого, колебания в длительности долгих гласных незначительны.

С качественной стороны долгие тоже в общем устойчивы. Диапазон фонемы \bar{i} очень узок: она образуется на верхнем подъеме («*ri̯s*» 'борода', «*ri̯g*» 'старый', «*ti̯r*» 'стрела') и может лишь незначительно расширяться между смычными: «*ti̯k*» 'снова'. Фонема \bar{i} монофтонгична, однако под влиянием окружающих согласных звучание ее может быть неоднородно: после смычного начало \bar{i} может быть несколько шире конца («*ti̯is*» 'войди'), после щелевого, напротив, начало \bar{i} несколько уже конца («*fi̯k*» 'плечо'). Но и эти колебания \bar{i} очень незначительны.

Фонема \bar{e} имеет несколько более широкий диапазон. Основной ее вариант — узкое «*e*» (4-го подъема): «*sēb*» 'яблоко', «*rēp*» 'открой'. Под влиянием щелевых со среднеязычной артикуляцией, а также носовых, \bar{e} может заметно сужаться до варианта « \bar{e} »: «*ṣ̌ṛg*» 'лев', «*mēt*» 'день', «*ẉp̣*» 'посмотри'. При отчетливом произношении « \bar{e} » восстанавливается в основной вариант: «*mēt*, *wēp*». Обращает на себя внимание редкое употребление фонемы \bar{e} : по большей части она встречается в таджик-

ских словах, причем и в них в ряде случаев таджикскому *e* соответствует фонема *i*: *bíva* 'вдова', *ríša* || *rěšá* 'корень', *tíša* || *těšá* 'тесак'. Неударенное *ē* не в таджикских словах не засвидетельствовано вовсе. Также не засвидетельствовано *ē* в исходе слова.

Фонема *ū* — узкий гласный заднего ряда верхнего подъема, качественно устойчив и каких-либо заметных вариантов не имеет. В неударенном положении *ū* засвидетельствовано только в таджикских словах: *rūbá* 'лиса', *tūkí* род обуви.

Фонема *ō* наиболее употребительна из всех долгих гласных, часто встречается в неударенном положении (поскольку входит в состав ряда глагольных морфем) и имеет более широкий диапазон, колеблясь от открытого *o* («о») таджикского типа, образующегося на 3-й ступени подъема и являющегося основным вариантом, до закрытого *o* («о») на 4-й ступени подъема, встречающегося по преимуществу в ударенных закрытых слогах. У отдельных лиц фонема *o* может сужаться еще больше, вплоть до варианта «*o*» или «*u*», т. е. артикулироваться выше 4-го подъема: «*rut*» 'дорога', «*dirut*» 'серп'. Такое узкое звучание закономерно появляется в положении перед носовыми, где даже возможно дублетное произношение *ō* и *ū* (*pirōnt* || *pirūnt*).

Фонема *y* — огубленный гласный переднего ряда, верхнего подъема, ни в каких фонетических положениях заметно не расширяется. В отчетливом произношении его звучание однородно, при менее отчетливом дифтонгично, к концу звучания огубленность ослабевает, так что возникает дифтонгоид «*y*¹»: «*dy¹m*» 'хвост', «*dy¹d*» 'дым', «*x¹g*» 'солнце'. В неударенном положении фонема *y* не засвидетельствована.

Примеры употребления долгих гласных

Фонема <i>i</i>		<i>wēn</i>	смотри
<i>tik</i>	снова	<i>mēt</i>	день
<i>rit</i>	лицо	<i>saféd</i>	белый
<i>tir</i>	стрела	<i>néki</i>	однако
<i>pír</i>	старый	<i>sēb</i>	яблоко
<i>vír</i>	ищи	<i>sēr</i>	сытый
<i>tis</i>	войди	<i>těšá</i>	топор
<i>fik</i>	плеча	Фонема <i>ū</i>	
<i>nīd</i>	сядь	<i>xūd</i>	шапка
<i>š</i>	шей	<i>būd</i>	запах
<i>zīn</i>	седло	<i>γūš</i>	ухо
<i>víta</i>	веревка	<i>žúta</i>	сын
<i>bíva</i>	вдова	<i>rūp</i>	жни
<i>tirma</i>	осень	<i>arūpim</i>	я жал
Фонема <i>ē</i>		<i>rūbē</i>	веник
<i>pēn</i>	открой	<i>zūr</i>	сильный

<i>duyũš</i>	слышать	<i>vyt</i>	вы станьте
<i>rũbá</i>	лиса	<i>vũci</i>	он станет
<i>sitũr</i>	баран		Фонема <i>õ</i>
<i>ũr</i>	принеси	<i>tifõr</i>	четыре
<i>dũst</i>	друг	<i>ruwõn</i>	ягненок
<i>kũcá</i>	улица	<i>akišõr</i>	они посеяли
	Фонема <i>y</i>	<i>anidõr</i>	они селят
<i>dȳd</i>	дым	<i>dõnõ</i>	умный
<i>dȳm</i>	хвост	<i>mõx</i>	мы
<i>angȳr</i>	виноград	<i>võrza</i>	чашка (тадж. <i>tabaq</i>)
<i>kabȳd</i>	синий	<i>yõta</i>	мясо
<i>dȳr</i>	далекий	<i>rõt</i>	дорога
<i>tȳt</i>	тутовое дерево	<i>dõdõ</i>	отец
<i>kȳrta</i>	рубашка	<i>mõmõ</i>	бабка
<i>mȳš</i>	мышь	<i>dirõt</i>	серп
<i>xȳr</i>	солнце	<i>bõrõnĩ</i>	чекмень

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ *a*, *i*, *u*

В группе кратких гласных фонема *a* выделяется своей устойчивостью: она мало сокращается, вовсе не редуцируется и отчетливо звучит во всех фонетических положениях. В ударенном положении в соседстве с сонантами она может заметно растягиваться («*yãr*» 'гора', «*vãnt*» 'завязи'), однако не до такой степени, которая характерна для долгих гласных. Таким образом, с количественной стороны фонема *a* занимает как бы промежуточное положение между долгими и краткими гласными, чему способствует тот факт, что она не имеет противопологающейся ей долгой пары и ее растяжение не влечет за собой возможности ее смешения с одной из долгих гласных. Включение фонемы *a* в группу кратких, а не долгих, диктуется следующими ее свойствами.

1. Случаи растяжения *a* обусловлены фонетическим положением и интонацией. Так, например, случаев растяжения *a* между смычными вовсе не наблюдается (*kat* 'дом').

2. Растяжение *a* в благоприятных фонетических положениях не достигает длительности долгих гласных в том же положении.

3. В неударенных слогах фонема *a* встречается так же часто, как и в ударенных, причем ее длительность в неударенных слогах значительно короче длительности долгих: «*dõdõ*» 'отец', но «*kabȳd*» 'синий'.

4. Ударение в словах с фонемой *a* в корневой морфеме подчиняется той же закономерности, что и с краткими *i*, *u*, т. е. при наличии в слове долгого гласного ударение переходит на него. Так, имеем: *adawõr* 'они побежали', *asanõr* 'они поднялись' при *awẽnõr* 'они увидели', *atĩsõr* 'они вошли'.

С качественной стороны фонема *a* представляет собой передний гласный нижнего подъема таджикского типа («а»). В положении рядом с увулярными она продвигается назад до нейтрального ряда, совпадая с русским *a* между твердыми (вариант «а»): «*ʎag*» 'холм', «*xag*» 'осел'. При сочетании противоположных влияний (согласный со среднеязычной артикуляцией + увулярный) побеждает передняя артикуляция, поэтому в слове *ʎax* 'вставай!' имеем звучание «*ʎax*», а не «*ʎax*», а иногда даже «*ʎæx*» и «*ʎex*». Однако сильное продвижение вперед и вверх мало характерно для фонемы *a* и возникает только в аффекированной речи, как в приведенном примере. Сочетание *a+u* или *a+i* не дает сильного продвижения *a* вперед, оно сохраняет здесь основной вариант своего звучания: «*róda(y)i*» 'нога' (косв. падеж). В общем качественно *a* довольно устойчиво, и диапазон его колеблется от «а» до «а». Примеры употребления фонемы *a*:

<i>ax</i>	он	<i>ašt</i>	восемь
<i>námta</i>	кошма	<i>das</i>	десять
<i>dára</i>	живот	<i>náxna</i>	ноготь
<i>ʎúrda</i>	глаза	<i>mákša</i>	теленок
<i>xišap</i>	ночь	<i>warf</i>	снег
<i>ark</i>	дело	<i>wayš</i>	травя
<i>rax</i>	рот	<i>yaw</i>	ячмень
<i>tifar</i>	дай	<i>ʎayk</i>	дочь
<i>tiray</i>	три	<i>árka</i>	спина

Фонемы *i* и *u* выявляются в речи аналогично друг другу. Общие их свойства следующие.

1. Они сильно сокращаются в неударенных слогах, особенно в открытых, доходя до редукции: «*v¹gód*» 'брат', «*x¹šar*» 'ночь', «*x¹sift*» 'молоко', «*s¹tūr*» 'баран', «*š¹tur*» 'верблюды', «*š¹tóx*» 'вы', «*r¹wón*» 'ягненок'. Однако такое сильное сокращение *i* и *u* характерно только в тех слогах, на которые никогда не падает ударение. В тех слогах, где краткий гласный может быть и ударным и безударным (в зависимости от формы слова), сильного сокращения безударных *u*, *i* не происходит: «*akū-póŋ*», но не «*ak¹póŋ*» 'они сделали' (при наличии ударенного *u* в *akūn* 'он сделал'), «*v¹ów tīrim*», но не «*v¹ów t¹rim*» 'давай пойдем' (при наличии ударенного *i* в *tīrim* 'пойду-ка я').

2. В ударенных положениях длительность *i* и *u* значительно короче длительности долгих гласных: «*tīr*» 'иди' и «*tīr*» 'стрела', «*xūd*» 'тюбетейка' и «*kut*» 'собака'. Растягиваться ударенные *u* и *i*, в противоположность фонеме *a*, не могут без того, чтобы не слиться с соответствующим долгим гласным. У отдельных лиц, как уже говорилось, такое растяжение в отдельных словах может наблюдаться, благодаря чему грань между долгими и краткими фонемами стирается. Так, имеем иногда одинаковое произношение ударного гласного в словах: «*avīr*» 'он

нашел' и *atír* 'он ушел' (фонетически «avír» и «atír») рядом с обычно различающимся произношением других лиц: *avír* и *atír* (фонетически «avír» и «atér»).

3. Качественный диапазон обеих фонем весьма широк.

Фонема *i* колеблется от гласного верхнего подъема (вариант ⁷«i») до открытого «е». Закрытый «i»-образный вариант фонемы *i* характерен для открытых слогов рядом со щелевыми: «viród» 'брат', «sitúr» 'баран', а также для закрытых слогов в соседстве с согласными со среднеязычной артикуляцией (š, ž, k, g): «kiš» 'посей', «iš» 'этот'.

Наиболее часто встречающийся вариант фонемы *i* — закрытое краткое «е», которое характерно: а) для всех закрытых безударных слогов и для закрытых ударных слогов рядом со смычными и сонантами: «piréd» 'спи', «tér» 'иди', «amér» 'он умер', «pež» 'выйди', «wahép» 'кровь', «áxtet» 'они'; б) для всех слогов, закрытых двумя согласными: «nídumešt» 'я сяду', «xišéft» 'молоко'; в) для открытых слогов рядом с увулярными: «čeréft» 'узнайте', «čezéq» 'удивительный', «хеšár» 'ночь' (в последнем слове следующее «š» несколько сужает «е»). «е»-образное произношение *i* распространяется и на остальные открытые слоги при более небрежном произношении: «peréd» 'спи', «хеšéft» 'молоко' и т. д. При подчеркнuto отчетливом произношении во всех случаях имеет место более узкое, «i»-образное звучание: «piríd» 'спи', «piž» 'выйди', «wahíp» 'кровь' и т. д.

Более открытый вариант *e* («е» и даже «э») возникает в исходе слова как в безударном, так и в ударном положении: «áxteté» 'их', «áwe» 'его' (губо-губное *w* расширяет гласную), «avé» 'он стал', «asinóуе» 'ты вымыл' (*y* сужает гласную). После щелевых в этом положении, как в последних примерах, фонема *i* до степени «е» и «э» не расширяется, а остается в пределах вариантов «е» или «i», а иногда и уже (после *y*): «tangáyi || tangáyi» 'танга' (косв. падеж), «hišse» 'часть' (косв. падеж) и т. д.

Фонема *u* по подъему имеет тоже широкий, но несколько уже, чем *i*, диапазон, колеблясь от верхнего «u» до закрытого «o». Наиболее частым и обычным является вариант 5-го подъема «u». Аналогично фонеме *i*, узкий, «u»-образный вариант более характерен для открытых слогов и рядом со щелевыми; более широкий, «o»-образный вариант более характерен для закрытых слогов и рядом со смычными. Например: «akúpóг» 'они сделали', «akúp» 'он сделал', «vuz» 'коза', «šútoх» 'вы', «uxš» 'шесть'.

При более отчетливом произношении фонема *u*, как и *i*, дает более узкое звучание во всех положениях: «uxš» 'шесть', «ušk» 'волк', «púl» 'деньги', «kút» 'собака'; при небрежном — более широкое: «uxš, ušk» и т. д.

Наиболее широкий вариант фонемы *u* — закрытое краткое «o» — возникает перед носовыми: «víгоm» 'я найду', «peróntomešt» 'я продам', «роп» 'полный'. В исходе фонема *u* почти не встречается.

В отличие от фонемы *i*, фонема *u* может заметно колебаться по признаку ряда. Будучи при отчетливом произношении гласным заднего ряда, она при более быстрой речи во всех фонетических положениях, исключая соседства с увулярными согласными, может заметно продвигаться вперед: «*ku-t*» 'собака', «*aku-p*» 'он сделал', «*u-rk*» 'волк', «*ʃu-tu-r*» 'верблюду'. Кроме того, более передний или более задний характер фонемы *u* определяется также индивидуальными навыками говорящего.

Примеры употребления фонем *i* и *u*:

Фонема <i>i</i>		Фонема <i>u</i>	
<i>vir</i>	муж	<i>kut</i>	собака
<i>tir</i>	иди	<i>pun</i>	полный
<i>niž</i>	выйди	<i>vuz</i>	коза
<i>izm</i>	дрова	<i>uxš</i>	шесть
<i>nipid</i>	спи	<i>urk</i>	волк
<i>ɣirif</i>	узнай	<i>ɣurda</i>	глаза
<i>waxin</i>	кровь	<i>čuwán</i>	котел
<i>xišap</i>	ночь	<i>čumčá</i>	ложка
<i>xišift</i>	молоко	<i>akun</i>	он сделал
<i>nipša</i>	гребень	<i>gudar</i>	пройди
<i>áxtit</i>	они	<i>ruwón</i>	ягненок
<i>áxtiti</i>	их	<i>purs</i>	спроси
<i>qišqúl</i>	чашка	<i>pul</i>	деньги
<i>dirót</i>	серп	<i>tu</i>	ты
<i>ziwók</i>	язык	<i>du</i>	два

ПРОТИВОПОЛОЖЕНИЕ КРАТКИХ *i* и *u* СООТВЕТСТВУЮЩИМ ДОЛГИМ ПАРАМ (*ī*, *ē*, и *ū*, *ō*)

Фонемы *i* и *u*, имея широкий диапазон, противопоставляются двум долгим фонемам каждая. Фонема *i*—долгим *ī* и *ē*, фонема *u*—долгим *ū* и *ō*. В отдельных случаях, при сильном продвижении вперед, фонема *u* противопоставляется также длительностью фонеме *ɣ*, сближаясь с ней качественно. В общем, картина противопоставления ягнобских кратких своим долгим парам близка к описанным в 1-м выпуске „Очерков“ белуджским противопоставлениям: они противопоставляются долгим по двум признакам—количеству и качеству: *i* в слове *tir* 'иди' отличается от *ī* в слове *tīr* 'стрела' не только длительностью, но и качеством («*tɛr*» и «*tīr*»). В приведенном случае фонема *i* качественно более близка к фонеме *ē*. Аналогичную картину имеем с фонемой *u*: *u* в слове *urk* 'волк' отличается от *ū* в слове *ūr* 'при-

неси' не только долготой, но и качеством («urk» и «ūg»), сближаясь качественно с фонемой *ō*. Полное качественное совпадение *u* с фонемой *ō* может происходить в положении перед носовыми «pirōntomešt» (фонологически *pirōntumišt* 'я продам'), где обе фонемы *ō* и *u* различаются уже только количеством. Таким образом, фонемы *i* и *u* качественно сближаются то с одной, то с другой из своих долгих пар, и количественный признак для них фонологически существен.

Важно отметить в противополжении ягнобских долгих и кратких тот факт, что это противополжение в значительной мере ограничено ударенным положением: безударенные долгие гласные встречаются редко (за исключением *ō*). Благодаря этому долгота гласных связывается с ударением, в чем заложены предпосылки превращения фонологической долготы гласных в функцию ударения. Начало этого процесса можно наблюдать, как уже говорилось, у некоторых представителей говора, когда в отдельных словах или формах слова ударенные краткие растягиваются, совпадая с соответствующими долгими: *atīr* < *atir* 'он ушел', при четком сохранении краткого *i* в повелительном наклонении: *tir* 'иди', поскольку это слово противополгается слову *tīr* со значением 'стрела'.

Фонема *a*, не сближаясь качественно ни с одним долгим гласным, может в отдельных случаях растягиваться, приближаясь к длительности долгих.

Эта некоторая обособленность фонемы *a* от группы долгих и кратких представляет лишнюю предпосылку возможного разложения системы количественных отношений в ягнобском языке. Включение фонемы *a* в группу кратких диктуется общими с ними чертами выявления фонемы *a* в потоке речи, перечисленными при ее описании.

Восемь рассмотренных ягнобских гласных довольно отчетливо продолжают восьмифонемную систему вокализма среднеиранского периода, сохраняя и число фонем и противополжение по длительности. Однако вместе с тем в ягнобском вокализме наблюдаются существенные изменения в качестве некоторых фонем, а также связанные с этим некоторые перебои в исторических соответствиях. Основные же линии исторических соответствий устанавливаются довольно ясно: фонема *i* соответствует исторически долготому *ī* и частично *ē*, фонема *ē* — долготому *ē*, фонема *ū* — долготому *ō*, фонема *u* — долготому *ū*, фонема *ō* — долготому *ā*. Краткие гласные *a*, *u*, *i* нормально продолжают исторически краткие *a*, *u*, *i*.

КОНСОНАНТИЗМ

Ягнобский консонантизм близок к таджикскому и может быть представлен в следующей таблице.

			Губо-губные	Губо-зубные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Увулярные	Верхнегортальные	Нижнегортальные
Шумные	Смычные	жростые	p b		t d		k ɣ	q		
		аффрикаты			č j					
	Щелевые	однофокусные		f v	s z			x x ^o ɣ (h ɛ)		h
		двухфокусные			š ž					
Сонанты			w			y				
	Носовые		m		n					
	Боковые				l					
	Дрожащие				r					

Примечание. Заштрихованные клетки означают, что для данных органов речи данный способ артикуляции физиологически невозможен.

Существенные отличия ягнобского консонантизма от таджикского следующие.

1. Ягнобский язык различает два губных щелевых согласных как самостоятельные фонемы: губо-зубное *v* и губо-губное *w*. Обе фонемы встречаются в одних и тех же фонетических положениях и строго различаются говорящими. Примеры: *waxtɪn* 'кровь' и *vɔrza* 'чашка', *warf* 'снег' и *vuz* 'коза', *awūr* 'он принес' и *avɔr* 'они стали', *āwi* 'его' и *avi* 'он стал', *šawt* 'идите' и *awd* 'семь'.

Фонема *w* позиционно может быть и круглощелевой (рядом с огубленными гласными и в конце слова) и плоскощелевой (рядом с неогубленными гласными): «*yow*» 'корова', «*awūr*» 'он принес', «*yaw*» 'ячмень', «*čuwān*» 'котел', «*ɔarf*» 'снег', «*saʔdī*» 'овца', «*daβišt*» 'бежишь', «*āβi*» 'его'. После *ɔ* в исходе слова фонема *w* может чрезвычайно ослабляться, превращаясь в слабый неслоговой гласный и создавая дифтонгоид «*o*»: «*vo*» 'иди сюда', «*yɔ*» 'корова'.

Губо-зубная фонема *v* в исходе слова и перед глухими согласными не встречается. Попадая в эти положения, она оглушается, превращаясь в *f*. Например: *γirtvumišt* 'знаю', но *γirif* 'узнай' и *γirift* 'узнайте'.

2. Ягнобский язык сохранил как самостоятельную фонему огубленное *x^o*. Примеры: *x^oar* 'ешь', *x^oor* 'сестра', *x^oou* 'молоти', *x^oat* 'ты сам'.

Противоположение x^o фонеме x несомненно, поскольку последняя встречается в тех же фонетических положениях: *xar* 'осел', *xor* 'колючка', *xou* 'он был'.

3. Существенным отличием в консонантизме от окружающего таджикского говора является обязательное сохранение фонемы b в поствокальном положении даже в общих с таджиками словах: *seb*, но не *sev* 'яблоко', *kabūd*, но не *kavūd* 'синий', *podabōn*, но не *podavōn* 'пастух', *tabār*, но не *tavar* 'топор'.

4. Ягнобский язык в отличие от таджикского имеет более широкое употребление фонемы $ž$: *žūta* 'сын', *žou* 'читай', *žaw* 'пей', *niž* 'выходи', *ptrayž* 'убегай'. При этом замена $ž$ фонемой j вовсе не допускается.

5. Фонетически фонема $ž$ и ее глухая пара $š$ также несколько отличаются от таджикских, будучи более мягкими: их среднеязычный фокус выражен более отчетливо. Сильная мягкость ягнобских $š$ и $ž$ (фонетически « $ṣ̌$ » и « $ẓ̌$ ») сохраняется во всех положениях, несколько ослабляясь лишь под влиянием увулярных: «*žou*» 'читай', «*žūta*» 'сын', «*xišár*» 'ночь', «*ší*» 'шей', «*šumóh*» 'вы', «*ixš*» 'шесть'. Соответственно, несколько более мягкими, чем в таджикском, являются и корреспондирующие фонемам $š$ и $ž$ двухфокусные аффрикаты $č$ и j : «*jam*» 'собрание', «*judo*» 'отдельный', «*viči*» 'он станет', «*či*» исходный предлог.

6. Фонемы k и g в исходе после гласных переднего ряда могут сильно продвигаться вперед вплоть до среднеязычной артикуляции: «*fik*» 'плечо', «*kahik*» 'всякий', «*tik*» 'снова', «*šarik*» 'друг'.

7. Звонкие согласные перед глухими оглушаются сильнее, чем в окружающем таджикском говоре, причем в ряде случаев наблюдается полное оглушение с переходом звонкого в глухую пару: «*xūdš* || *xūtš*» 'его шапка', «*a(h)tš* < *ahdš*» 'его обещание'. В остальных фонологических и фонетических отличиях от консонантизма окружающего таджикского говора (варзобского)¹ не наблюдается.

Верхнефарингальные фонемы $ɕ$ и $ħ$ ягнобцы употребляют в такой же степени и в тех же самых словах, что и окружающие таджики: *ħisob* 'счет', *ħiss* 'часть', *ħosil* 'урожай', *ɕilm* 'наука', *ɕid* 'праздник', *tuɕalim* 'учитель' и т. д., с тем же возможным опусканием $ɕ$, которое характерно для варзобских таджиков.

ТЕКСТЫ

1

Фонологическая запись²

Nasridŋ i xūd ċi bozór uxš tangá(y)i axirín. kahík woxúrd-š (|| tš) aví, ċ-áwi apursóšt: „xūd ċof pul axiríni?“. Nasridŋ i-pi-š jawób atifár, dú(y)i-pi-š jawób atifár, tiráyi-pi-š jawób atifár, aŋór: „háma(y)i-pi jawób tifarúm,

¹ О котором см.: Фонетика таджикского языка. М. — Л., 1949.

² В фонологической записи долготы обозначаются только над i и $ü$.

ziq vumišt“. ax xūd-š či sar-š anós, bozóri-sa adáw, fayród akún: „e odámt! daraw-darawí maydóni-sa šawt (|| iyóka jam výt)! kattóti šumóx-pi árksint ast!“ odámt hámaš iyóka maydóni jam avór, áni šáhri hičuxs na apiráxs. Nasridín balandí(y)i sári asán, fayród akún: „e odámt, yirift, nihiš xūd man uxš tangáy(i) axirínim“.

Детализованная запись

Nasredín i xūd č̣i bōzōr uxš taŋgáye axirín, kaxek wəxurtš(|| ṭé) avé č̣ápe apürsōšt: „xūd č̣ōf pul axerīne?“ Nasredín i^opeš¹ jawób atefár, du – ye peš¹ jawób atefár, t¹ráyepēš¹ jawób atifár, a¹ór: „hámay¹pe¹ jawób tifaróm, zeq vomēšt“. ax xūtš(|| xūdš || xū^oṭé) č̣e sár^oš anós, bōzōr¹-sa adáw, fajrōd akún: „ē odámt, daraw-darawé majdōneša š^oat (iyōka jam výt), kattóte šumóxpe¹ árksint ast“. ōdāmt hámaš maydōne (iyōka) jam avōr, áne šá¹re¹ ḥeč̣uxs na apērāxs. Nasridín balandíye sáre asán, fayrōd akún: „ē odámt, yeréft, neheš xūd man uxš taŋgáye axerīnem“.

Насреддин купил на базаре шапку за шесть танга. Всякий, кто с ним встречался, у него спрашивал: „За сколько купил шапку?“. Насреддин одному ответил, другому ответил, третьему ответил, — видит: если я всем буду отвечать, — замучаюсь. Он снял шапку с головы, побежал на базар, закричал: „Эй, люди! Быстрее идите на площадь (собирайтесь в одно место), у начальников к вам дело есть“. Все люди на площадь (в одно место) собрались, так что в городе никого больше не осталось. Насреддин взобрался на возвышенность и возгласил: „Эй, люди, знайте! Эту шапку я купил за шесть танга“.

2

Фонологическая запись

Nasridín xap šutúri-š pináyšta-š-xast. ax vaadá atifár: „agar vírum-š, i tangá(y)i-pi piróntumišt-iš“. šutúri avír. Nasridín či xap ahtš pušaymón aví. ax i pišáki avír, šutúri káma(y)i-š avánt, fayród akún avów: „šutúri i tangái-pi piróntumišt, pišáki sad tangái-pi piróntumišt“, néki či hamdigári-šint juđó na akún. odámt jam avór, šutúri arzóni víaki xotír-š qiziq-šint atifár, nékin pišák qimát xoy, — na-š axirínošt.

Детализованная запись

Nasredín xap š^oṭú¹-r¹š pinájštašxast. ax vaadá atifár: „agar vírum¹š, i taŋgá(y)e-pe¹ peróntomīštš“. š^oṭúre¹ avír. Nasreddín č̣e xap ahtš(|| ṭé) p¹šaymón avé. ax i p¹šák¹e avír, š^oṭú¹-r¹ káma(y)š avánt fajrōd akú¹-n, avó¹: „š^oṭú¹-r¹ i taŋgái-p¹ piróntomešt, p¹šák¹e sad taŋgá(y)¹ piróntomešt“, néki č̣e hamdigáre-šint juđō na akun. ōdāmt jam avōr š^oṭú¹-re¹ arzóni víaki xōtír-š qez¹-qšint atifár, nékun p¹šák qimát xōj, naš axerīnošt.

Насреддин потерял своего верблюда. Он дал обещание: „Если его найду, продам за одну тангу“. Верблюда он нашел. Насреддин в своем обещании раскаялся. Он нашел кошку, привязал на шею верблюду, закричал, сказал: „Продаю верблюда за одну тангу, кошку продаю за сто танга“, но друг от друга их не отделил. Люди собрались. Дешевизна верблюда их удивила, но кошка была дорогая, и они не покупали.

3

Фонологическая запись

dehqón xirsi-pi šarík avór. ýala akišór. tírma ḥosíl-š ḥis akunór. ḥisi káraki wáxti dehqón ýala(y)i sár-š anós, xirs ýala(y)i ríša-š anos. dehqón, zamistón buhór aví, ýala(y)i non ax^oár, néki xirs či divaznokí(y)i qaríb amír. tik buhór avów, šalyám akišór, šalyám arás. ḥisi káraki wáxti xirs či sár-š anós, dehqón či ríša-š anós.

Детализованная запись

dehqón xé_rsepi šarík avór. ýala ak'íšór. tírma ḥōsílš ḥes akunór, ḥesse kárakè wáxtè dehqón ýalay^o sár^š anós, x₁-rs ýalayè ríšaš anós. dehqón zamistón buhór avé, ýalayè nōn ax^oár, néki x₁-rs é₁ deḥavznōkíyè qaríb amér. tik buhór av^o, šalyám akišór, šalyám arás. wáxtè ḥesse kárake x₁rs či sár^š anós, dehqón çe ríšaš anós.

Крестьянин и медведь подружились, посеяли пшеницу. Осенью поделили урожай. Во время дележа крестьянин взял верхи пшеницы, медведь взял корни пшеницы. Крестьянин зиму до весны ел пшеничный хлеб, а медведь чуть не умер с голоду. Снова пришла весна. Они посеяли репу. Репа поспела. Во время дележа медведь взял верхи, а крестьянин получил корни.

4

Фонологическая запись

i odám kúcai-nut agúdarišt. či sitám-š i owoz aduýš. iš owóz yoš podabóni owóz xoy. podabón dásti sári-sa adawišt, iyóci nišón atifarišt. odám ayór: dásti sári du úrki dawák-šint ast: i-š očá-š, i-š žúta-š xoy. úrki žúta-š i kuštagi ruwóni(|| ruwūni) či póda-š axišóji árka(y)i sári-sa-š apartów, rít-o-rít adawišt, očá-š č-áwi sitám adawišt. úrkti awénor, odam podabóni-pi č-áwtiti dym adawóšt. áxtit fayród akunór. owóz aduýšor, kolxozčít kút(t)i-pi-šint dáwki asanór, katta urk kút(t)i odámti-pi awén, dono(y)i akun: či žúta(y)i árka-š ruwūni anós, xápi árka-i-š apartów. urkt čaqqón adawór, či nazár-šint yoib avór.

Детализованная запись

i ɔdám k'úćainu-t agú-darešt. češetám^š i ɔwɔz aduγúš. iš ɔwɔz yɔš pɔdabóni ɔwɔz xɔy. pɔdabón dašt sári-sa adawišt, iγóci níšón atɪfarišt. ɔdám aγór: dášte sáre du- ú-rke adawéšt (|| dawak-šint ast), iš ɔćáš, iš žútaš xɔy. ú-rki žútaš i kuštagi ruwónē či pɔdaš aχúšó, árkaγ¹ sárisaš apartów, rítorít adawéšt, ɔćáš ćawe sítám adawišt. ú-rkte awénor, ɔdám pɔdabónere ćawtete dy¹m adawóšt. axtet fajróđ akunór. ɔwɔz adu-γúšɔr, kɔlxɔzčít kú-ttepešint dáwke asanór. kattá ú-rke kú-tti ɔdámtepi awén, dɔnɔyí akú-n: či žútaγi árkaš ruwōne anōs, xápi árkaš apartów. u-rkt čaqqón adawór, či nazáršint γɔéβ avór.

Один человек проходил по улице. Сзади он услышал какой-то крик. Этот крик был крик молодого пастуха. Пастух бежал вверх по полю и на что-то показывал. Человек увидел: по полю бегут два волка, один из них была мать, другой — волчонок. Волчонок, закусив за ногу, закинул на спину убитого ягненка и бежал впереди. Его мать бежала за ним. Увидев волков, человек вместе с пастухом побежали вслед за ними; они стали кричать. Услышав крик, подоспели колхозники вместе со своими собаками. Старая волчица, увидев собак и людей, схитрила: она сняла ягненка со спины волчонка и перекинула к себе на спину. Волки быстро побежали и скрылись из глаз.

СПИСОК СЛОВ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАПИСИ

ИМЕНА

Существительные, прилагательные и наречия¹

<i>angyr</i>	виноград	<i>divaznokí</i>	голод
<i>ark</i>	дело	<i>dodó</i>	отец
<i>árka</i>	спина	<i>dork</i>	дерево
<i>awóka</i>	там	<i>dūst</i>	друг
<i>bíva</i>	вдова	<i>dyd</i>	дым
<i>boroní</i>	чекмень	<i>dym</i>	хвост
<i>būd</i>	запах	<i>dyr</i>	далеко
<i>čumčá</i>	ложка	<i>fik</i>	плечо
<i>čuwán</i>	котел	<i>γála</i>	пшеница
<i>dára</i>	живот	<i>γayk</i>	дочь, девушка
<i>díndak</i>	зубы	<i>γar</i>	гора
<i>dírúw</i>	волосы	<i>γow</i>	корова
<i>dírót</i>	серп	<i>γúrda</i>	глаза

¹ В список не включены слова, совпадающие по звучанию и значению с таджикскими.

<i>γūš</i>	ухо	<i>ruwón</i>	ягненок
<i>idóka</i>	здесь	<i>rūbč</i>	веник
<i>inč</i>	жена	<i>sančak</i>	козленок
<i>izm</i>	дрова	<i>sawđi</i>	овца (матка)
<i>kabyd</i>	синий	<i>sitūr</i>	баран, овца
<i>kálla</i>	кувшин	<i>tim</i>	тоже, также
<i>kat</i>	дом	<i>tik</i>	снова
<i>kat(t)a</i>	большой	<i>tir</i>	стрела
<i>kut</i>	собака	<i>tirma</i>	осень
<i>kūca</i>	улица	<i>tyt</i>	тутовое дерево
<i>kūsar</i>	крыша	<i>urk</i>	волк
<i>kyrta</i>	платье	<i>van</i>	длинный
<i>mákša</i>	теленок	<i>vir</i>	муж
<i>met</i>	день	<i>virod</i>	брат
<i>mūki</i>	обувь	<i>víta</i>	веревка
<i>mórti</i>	мужчина	<i>vórza</i>	чашка (тадж. tabaq)
<i>nays</i>	нос	<i>vuz</i>	коза, козел
<i>námta</i>	кошма	<i>wayš</i>	трава
<i>náxna</i>	ноготь	<i>warf</i>	снег
<i>néki(n)</i>	однако	<i>waxín</i>	кровь
<i>nipša</i>	гребень	<i>xap</i>	свой
<i>níma</i>	половина	<i>xišap</i>	ночь
<i>op</i>	вода	<i>xišift</i>	молоко
<i>pašná</i>	подошва	<i>xok</i>	мякина
<i>pír</i>	старый	<i>xūd</i>	шапка
<i>pun</i>	полный	<i>xūr</i>	солнце
<i>qišqúl</i>	чашка (тадж. kosa)	<i>x^oor</i>	сестра
<i>qušqúr</i>	баран (самец)	<i>yaw</i>	ячмень
<i>rax</i>	рот	<i>yóta</i>	мясо
<i>raxšin</i>	рассвет, свет, день	<i>ziván</i>	уполовник
<i>ríša</i>	корень	<i>zivók</i>	язык
<i>rít</i>	лицо	<i>zūr</i>	сильный
<i>rot</i>	дорога	<i>žúta</i>	сын, мальчик

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

<i>i</i>	один	<i>uxš</i>	шесть
<i>du</i>	два	<i>avd</i>	семь
<i>tiray</i>	три	<i>ašt</i>	восемь
<i>tifór</i>	четыре	<i>naw</i>	девять
<i>panj</i>	пять	<i>das</i>	десять

Местоимения

Личные

Прямой падеж		Косвенный падеж
--------------	--	-----------------

<i>man</i>	я	<i>man</i>
<i>tu</i>	ты	<i>taw</i>
<i>ax</i>	он	<i>áwi</i>
<i>tox</i>	мы	<i>tox</i>
<i>šumóx</i>	вы	<i>šumóx</i>
<i>áxtit</i>	они	<i>áwtiti</i>

Возвратные

<i>x^oáttim</i>	я сам
<i>x^oat</i>	ты сам
<i>x^oatš(x^oač)</i>	он сам

Прочие

<i>iš</i>	этот
<i>nihš</i>	именно этот
<i>kaxtk</i>	всякий
<i>hičúxs</i>	никто
<i>iyóč</i>	что-то

Служебные именные морфемы

- t показатель множественного числа
- i показатель косвенного падежа
- či исходный предлог
či *sitám* 'сади', č-*áwi* 'от него' (< či *áwi*)
- pi послелог адресата и совместности действия
- sa послелог направления
- nut послелог направления внутрь и прохождения через: *odám kūcai-nut agúdarišt* 'человек шел по улице'
- sári послелог направления вверх, на поверхность
balandīyi sári asán он поднялся на возвышение.

ГЛАГОЛЫ

Глагольные основы

<i>daw</i>	бежать	<i>yiriv(f)</i>	знать
<i>duyúš</i>	слышать	<i>yor</i>	смотреть
<i>gudár</i>	проходить	<i>jax</i>	вставать

<i>kiš</i>	сеять	<i>san</i>	подниматься, идти вверх
<i>kun</i>	делать	<i>sinóy</i>	мыть
<i>kuš</i>	убивать	<i>šaw</i>	идти
<i>mir</i>	умирать	<i>ši</i>	шить
<i>nipíd</i>	спать	<i>tir</i>	уходить
<i>nipíš</i>	писать	<i>tifár</i>	давать
<i>niž</i>	выходить	<i>tis</i>	входить
<i>nīd</i>	сидеть	<i>ūr</i>	приносить
<i>nos</i>	братъ, получать	<i>vant</i>	завязывать, привязывать
<i>pēn</i>	открывать	<i>var</i>	уносить
<i>pináýš</i>	терять	<i>vi</i>	стать, сделаться
<i>piráýž</i>	убегать	<i>vīr</i>	находить
<i>piráxs</i>	оставаться	<i>vow</i>	приходить
<i>pirónt</i>	продавать	<i>vow</i>	говорить
<i>purs</i>	спрашивать	<i>wēn</i>	видеть
<i>puxs</i>	зреть	<i>xirín</i>	покупать
<i>puxsón</i>	варить	<i>xišóy</i>	кусать, хватать зубами
<i>rūp</i>	жать (траву, хлеб)	<i>x°ar</i>	есть
<i>rant</i>	подметать	<i>x°ou</i>	молотить
<i>ras</i>	достигать, доходить, поспевать	<i>žaw</i>	пить, хлебать
		<i>žou</i>	учиться, читать

Прошедшее причастие

Основа	Причастие
<i>tir</i> уходить	<i>tórtá</i>
<i>nos</i> братъ	<i>nóta</i>
<i>var</i> уносить	<i>vúrta</i>
<i>x°ar</i> есть	<i>x°órta</i>
<i>mir</i> умирать	<i>múrta</i>
<i>kun</i> делать	<i>kárta</i>
<i>vi</i> стать	<i>vúta</i>
<i>šaw</i> идти	<i>šáwta</i>
<i>nīd</i> сидеть	<i>nístá</i>
<i>wen</i> видеть	<i>wéta</i>
<i>ūr</i> приносить	<i>úxta</i>

Спряжение (*nīd* 'сидеть')

Аорист (желательное) Настояще-будущее

<i>man</i>	<i>nídum</i>	<i>nídumišt</i>
<i>tu</i>	<i>nīd</i>	<i>nīdišt</i>
<i>ax</i>	<i>nīdot</i>	<i>nīdši</i> (<i>nīči</i>)

<i>mox</i>	<i>nídím</i>	<i>nídimišt</i>
<i>šumóx</i>	<i>nít</i>	<i>nítišt</i>
<i>áxtit</i>	<i>nídant</i>	<i>nídošt</i>

Прешедшее простое

Прешедшее длительное

<i>man</i>	<i>anídím</i>	<i>anídimišt</i>
<i>tu</i>	<i>anídi</i>	<i>anídišt</i>
<i>ax</i>	<i>aníd</i>	<i>anídišt</i>
<i>mox</i>	<i>anídímox</i>	<i>anídimišt</i>
<i>šumóx</i>	<i>aníti</i>	<i>anítišt</i>
<i>áxtit</i>	<i>anídor</i>	<i>anídošt</i>

Отглагольное имя действия

Основа	Отглагольное имя
<i>rūr</i> жать	<i>rūrak</i> жатва
<i>vi</i> стать, быть	<i>viak</i> бытие
<i>tir</i> уходить	<i>tirak</i> уход, отъезд
<i>kup</i> делать	<i>karak</i> делание

ПАМИРСКИЕ ЯЗЫКИ

Принятое в иранистике название „памирские языки“ объединяет территориально близкие восточноиранские языки Припамирья. К памирским языкам относят: шугнано-рушанскую языковую группу, язгулямский язык, ваханский язык и ишкашимский язык, которые все (за исключением отдельных их диалектов) представлены на территории Советского Союза в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана. К памирским языкам относят также и мунджанский язык (Грирсон, Моргеншерн), однако не все исследователи разделяют это мнение безоговорочно (Готто, И. И. Зарубин). Общность памирских языков в области фонетики больше всего сказывается в консонантизме. Наличие так называемых межзубных ϑ и δ и заднеязычных щелевых \tilde{x} и $\tilde{\gamma}$ как самостоятельных фонем составляет общую черту памирских языков, за исключением ишкашимского.¹ Впрочем, одновременно со сходством в консонантизме, каждый из языков имеет и существенные расхождения в нем, так что каждый язык имеет свою собственную систему консонантизма. Что касается вокализма, то здесь какую-либо общность между отдельными памирскими языками установить трудно. Системы их вокализма весьма различны, а соответствия гласных между языками, как и исторические их соответствия, еще не установлены. Памирские языки, как известно, вообще еще очень мало изучены, и требуется дальнейшее их всестороннее изучение, чтобы для них могли быть установлены исторические соответствия фонем и соответствия их между собой. Поэтому настоящие очерки в основном ограничиваются изложением современного состояния их фонетических систем: более или менее полно устанавливаются соответствия гласных лишь внутри шугнано-рушанской языковой группы.

В „Очерках“ представлена фонетика всех перечисленных языков: 1) шугнано-рушанской языковой группы, 2) язгулямского языка, 3) ваханского языка и 4) ишкашимского языка.

Работы по сбору материалов проводились осенью 1948 и 1949 гг., в г. Сталинабаде. Осведомителями были памирцы — студенты Сталинабадского педагогического института, Учительского института и Университета, обычно I курса, только что приехавшие с мест. Задачи исследования и более детальная характеристика условий работы излагаются при каждом отдельном очерке.

¹ А также мунджанского, если его включать в памирские языки.

ШУГНАНО-РУШАНСКАЯ ГРУППА

Шугнано-рушанская языковая группа представляет собой известное языковое единство и состоит из следующих разновидностей: шугнанской, рушанской, хуфской, бартангской, орошорской и сарыкольской.¹

Последняя разновидность не представлена на территории Советского Союза (сарыкольцы живут в Синьцзянской провинции Китая), поэтому она не отражена в очерках. Шугнанцы, рушанцы (и примыкающие к ним по языку хуфцы), бартангцы и орошорцы, общей численностью в 25—30 тысяч человек, составляют главную массу нетаджикского населения Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, при этом больше половины из них составляют шугнанцы, которые занимают административно 2 района, в то время как рушанцы (с хуфцами) и бартангцы (с орошорцами) — лишь по одному району. Языковая близость между этими разновидностями такова, что взаимопонимание может быть достигнуто без большого труда. В этом смысле их язык может быть назван единым. Однако общего названия, которое объединяло бы между собой шугнанцев, рушанцев, хуфцев, бартангцев и орошорцев, нет; общего языка, который выработался бы на основе этих разновидностей или одной из них и которому эти разновидности подчинялись бы как диалекты, — тоже нет: все разновидности равноправны, и лишь шугнанцы выделяются своей большей численностью и большей экономической значимостью.

Однако какой-либо заметной ориентации на шугнанскую речь не наблюдается, так как объединение всех памирских народностей идет по пути слияния с таджиками.

Эти отдельные языковые разновидности в дальнейшем для удобства изложения будут называться диалектами, но с той оговоркой, что они самостоятельны и не подчинены какому-либо общему языку.

Предшествовавшие исследования уделяли больше всего внимания шугнанскому диалекту как более распространенному и более доступному, в результате чего он оказался наиболее изученным. Фонемный состав шугнанской речи был совершенно точно установлен И. И. За-

¹ Выделяемая исследователями баджуйская разновидность настолько близка к шугнанской, что может быть определена как ее говор.

рубиным,¹ так что задачей исследования явилась лишь более детальная характеристика фонем. Для остальных же диалектов состав вокализма оставался не вполне ясным или вовсе неизвестным (хуфский диалект) и подлежал установлению.² Это и явилось главной задачей исследования. В области рушанского и бартангского консонантизма подлежали выяснению роль и характер палатализации смычных *k* и *g*. Кроме того, в консонантизме всех диалектов существенно было определить фонетическую природу заднеязычных *ħ* и *ǰ*, характерных почти для всех памирских языков, акустически не равных русским заднеязычным щелевым, а имеющих некое *ш*- и *ж*-образное звучание.

Основной сбор материала проводился в Сталинабаде в 1948 и 1949 гг., где была исследована фонетика трех диалектов: шугнанского, рушанского и бартангского. Осведомителями были студенты, обычно 1-го курса, только что приехавшие с мест. Шугнанцев и рушанцев среди студентов было много, так что всегда имелась возможность осуществить нужный контроль. Для всех диалектов выбирались осведомители, представляющие основной (непереходный, несмешанный) говор: для шугнанского — из Хорога и близлежащих к нему селений; для рушанского — из центральных крупных селений — Дерзута и Барушана; для бартангского — из селения Равмид (в нижнем течении Бартанга). В 1951 г. во время поездки в Хорог по изучению шугнано-рушанской языковой группы фонетический материал по бартангскому диалекту был проверен и пополнен данными из селений Сипондж и Басид (в среднем течении Бартанга), представляющих тот же основной бартангский говор, а кроме того, были собраны материалы по фонетике хуфского диалекта. Осведомителями в г. Хороге были учащиеся педучилища и старших классов средней школы.

Для определения длительности гласных по шугнанскому и рушанскому диалектам были произведены записи на кимографе.

Буквы *ш*, *р*, *х*, *б* в приводимых примерах обозначают соответственно: шугнанский, рушанский, хуфский и бартангский диалекты.

ВОКАЛИЗМ

Характерной объединяющей чертой вокализма всей шугнано-рушанской группы является противоположение долгих и кратких гласных. Однако, имея общую основу, вокализм отдельных диалектов имеет и существенные расхождения между собой. Во всей группе выявляются

¹ Изложен в курсе по шугнанскому языку, читанном И. И. Зарубиным в Ленинградском Государственном университете в 1937—1938 гг., фонологическая трактовка звуков шугнанской речи отражена также в его транскрипции (см. шугнанский текст: Two Yazghulami Texts, Bulletin of the School of the Oriental Studies, vol. VIII, London, 1936).

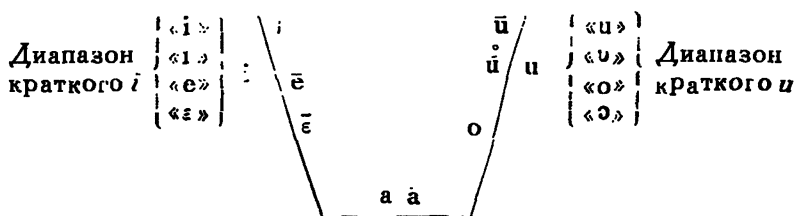
² См. об этом в последней по времени работе: И. И. Зарубин. Бартангские и рушанские тексты и словарь. М.—Л., 1937, стр. 4—5.

4 различных системы вокализма: 1) шугнанская, 2) рушанская, 3) хуфская и 4) бартангская. Орошорский вокализм совпадает с бартангским. Вокализм шугнанского поддиалекта Баджу совпадает с шугнанским.

ШУГНАНСКИЙ ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ФОНЕМ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Шугнанский вокализм насчитывает 10 фонем, 7 из которых долгие (\bar{i} , \bar{e} , \bar{a} , \bar{o} , \bar{u} , \bar{u} , \bar{u}) и 3 краткие (a , i , u). Краткие i и u , имея широкий качественный диапазон, противопоставляются всем долгим своего ряда. Вокализм может быть представлен в следующей таблице.

Долгие гласные

Долгие гласные характеризуются большой качественной устойчивостью и напряженностью. Произносятся они при сравнительно малой воздушности (силе выдоха), что при напряженности органов речи обуславливает чистоту или бесшумность их звучания. Поэтому акустически они могут быть определены как гласные полнозвучные. Будучи долгими и полнозвучными, они качественно мало изменчивы и мало подвергаются влиянию различных фонетических положений даже в быстрой речи. В полном же стиле речи вообще очень редко можно отметить для них заметные оттенки или варианты.

С количественной стороны долгие гласные более изменчивы и имеют довольно широкий диапазон. Положением, наиболее способствующим их сокращению, являются закрытые слоги. Однако даже наиболее краткие варианты долгих гласных нормально не снижаются ниже 16—14с, а такая длительность еще достаточна для сохранения гласными их долготы и полнозвучности. При отчетливом произношении все долгие гласные во всех фонетических положениях очень сильно растягиваются, — до 28—30с. Более детальная количественная характеристика гласных (как долгих, так и кратких) дается в специальном разделе.

Каждый долгий гласный в отдельности может быть охарактеризован с качественной стороны следующим образом.

Фонема \bar{i} — всегда очень узкий, образующийся на верхней ступени подъема, монофонгичный гласный переднего ряда, неогубленный: « $\bar{i}d$ »

‘дом’, «qatír» ‘вместе’, «šig» ‘теленок’, «yiw» ‘один’. Не расширяется сколько-нибудь заметно и не отодвигается назад даже в соседстве с увулярными: «xir» ‘солнце’, «qin» ‘трудный’, «tārix» ‘история’. Примеры на употребление фонемы *i*: *yiw* ‘один’, *pinz* ‘пять’, *asid* ‘этот год’, *xir* ‘солнце’, *cid* ‘дом’, *žiz* ‘дрова’, *kil* ‘голова’, *tir* ‘верх’, *žir* ‘камень’, *rizin* ‘дочь’, *xabiz* ‘ветка’, *wiz* ‘груз’, *pic* ‘лицо’, *fiript* ‘достиг’, *xiri* ‘ест’, *nist* ‘сидит’, *virt* ‘несет’, *nažizd* ‘выходит’, *qiw* ‘зовет’, *wiživ* ‘вернулся’. В заимствованных словах: *qarib* ‘близко’, *daqiqá* ‘минута’, *tārix* ‘история’, *mualim* ‘учитель’, *tālim* ‘воспитание’, *qin* ‘трудный’, *kino* ‘кино’, *qrim* ‘Крым’, *pedučiliš* ‘педучилище’.

В исходе слова фонема *i* почти вовсе не встречается. Отмечена только в одном, заимствованном из таджикского языка слове — *zi* ‘тридцать’. Долгое *i*, попадая в исход слова, всегда становится кратким гласным переднего ряда: *ti* < *tir* ‘верх’, *-andi* < *-andir* послелог места, *qati* < *qatir* ‘вместе’, *-di* < **-dir* суффикс сравнительной степени (*katadi* ‘старший’). Также и в заимствованных словах ударенное исходное *i* или этимологически долгое *i* передается в шугнанском кратким гласным: *qōzi* ‘судья’, *tifli* ‘детство’, *tangi* ‘теснота’, *badí* ‘зло’, *zōrgi* ‘мольба’, *awqō.wori* ‘пропитание’. Если в такого рода словах встречается долгое *i*, то это говорит лишь об усвоенной данным лицом таджикской манере произношения.

Фонема *ē* — чрезвычайно узкого образования: ее диапазон по подъему колеблется от 4-й до 5-й ступени, т. е. до так называемого открытого *i*. При этом для обычного — разговорного — стиля речи характерны именно узкие «*i*»-образные варианты: «*mēd* || *mīd*» ‘день’, «*yēw* || *yīw*» ‘охота’, «*rēd* || *rīd*» ‘он остался’, «*xēz* || *xīz*» послелог направления («*tar tamá-xīz*» ‘к вам’). Особенно сильно сужается *ē* в положении перед носовыми согласными, где в обычном стиле речи нормальным является именно вариант «*ī*»: «*tōjidin*» (фонологически *tōydēn*) ‘они пошли’, «*gardint*» ‘повернул’, «*v¹rōdarin*» (фонологически *virōdarén*) ‘братья’, «*šagin*» ‘телята’. Поэтому на русский слух без надлежащей тренировки шугнанское *ē* может быть смешано с фонемой *i*. При отчетливом произношении *ē* более открыто и колеблется по подъему от «*ē*» до «*ē̄*»: «*mēd* || *mēd̄*», «*rēd* || *rēd̄*», «*xēz* || *xēz̄*», «*šagēn*», «*v¹rōdarēn*» и т. д.

Примеры на употребление фонемы *ē*: *pēx* ‘впереди’, *wēd* ‘ива’, *sēr* ‘сытый’, *dēw* ‘див’, *dēk* ‘котел’, *wēv*, *dēv*, *mēv* косв. падежи указат. местоим. множ. числа, *žēw* ‘охота’, *cēmt* ‘хочет’, *yēt* ‘открытый’, *midēn* ‘посреди’, *avēn* ‘ради’, ‘для’, *xēxá* ‘стекло’, *mēv* ‘день’, *rimēd* ‘приказывает’, *dēd* ‘бросается’, ‘попадает’. В заимствованных словах: *rēxtā* ‘пролитый’, *sē* ‘три’, *xēl* ‘сорт’, ‘вид’, *safēd* ‘белый’, *fērma* ‘ферма’, *sēlsavēt* ‘сельсовет’, *mētr* ‘метр’.

Во многих случаях *ē* возникло из стяжения *ay* > *ē* как в своих, так и в заимствованных словах: *mēdūn* (|| тадж. *maydon*) ‘площадь’,

nēzā (|| тадж. *payza*) 'копье', *qēčī* (|| тадж. *qayči*) 'ножницы', *wēgūn* (|| тадж. *wayron*) 'разрушенный', *riméd* (|| б. *rimáyud*) 'приказывает', *dēd* (|| б. *dayd*) 'бросается', 'попадает'. Сочетание *ay* в шугнанском встречается вообще очень редко, сохраняясь по преимуществу в заимствованных словах в начале слова: *ayb* 'изьян', 'вина', *ay cídōw* 'гнать', *Aydār* имя собственное. Случаи сохранения *ay* в середине слова редки и относятся, повидимому, к словам более позднего заимствования: *sayl* 'прогулка', *bayt* 'стихи'.

Фонема *ē* возникает, кроме того, при стяжении наиболее употребительных слов: *dēn* < *diyēn* 'бросаются', 'падают'. При этом обе формы существуют параллельно: *dēn* || *diyēn* 'падают', *dēn* || *dādēn* 'дают', *dēt* || *dādēt* 'дайте', *zēt* || *zēzēt* 'возьмите'.

В исходе слова *ē* хотя и может произноситься, но почти не встречается. Засвидетельствованы лишь два случая *ē* в исходе: *χimlē* 'завтра', *šambē* (|| *šambi*) 'суббота'.

Фонема *ē* — открытый, образующийся на 3-й ступени подъема монофтонгичный гласный переднего ряда, неогубленный. Вполне совпадает по подъему с широким вариантом русского *e* между твердыми согласными (*цех*, *шеф*): «*sēr*» 'умолот', «*tēr*» 'черный'. Сколько-нибудь заметных качественных колебаний не наблюдается. Примеры на употребление фонемы *ē*: *tēr* 'черный', *mēst* 'луна', *dēr* наст. основа глагола 'иметь', *pēyd* прош. основа глагола 'следить', *cēd* 'нож', *cērtōw* 'пахать', *nēz* 'нос', *tēχiōw* 'тесать', *tēzdōw* 'цедить', *χēvdōw* 'спать', *ϑēwdōw* 'зажигать', *nēddōw* 'сажать', *χērtōw* 'кормить (скот)', *wēd* 'канал', *χēr* 'племянник', *pēd* 'силок', *vērz* 'кобыла', *nibēs* 'внучка', *γēv* 'рот', *kiχērc* 'сорока'.

В заимствованных словах (из таджикского) через *ē* передается, повидимому, только то *e*, которое находится в соседстве с увулярными и фарингальными: *tēr* 'бритва', *fēl* (тадж. *fe^hl* || *feɣl*) 'характер', *bēx* 'корень'. Рядом с увулярными *ē* возникает также из стяжения *ay*: *χēr* (|| тадж. *χayr*) 'добро', *šēx* (|| тадж. *šayx*) 'шейх'; *ē* может возникать также из стяжения *i + a*: *mīϑōgētā* < *mīϑōgī-atā* 'однажды', *sārakēϑ* < *sāraki-aϑ* 'утром'.

В исходе слова фонема *ē* не встречается вовсе: попадая в исход в сокращенных формах слова, *ē* аналогично *ī* сокращается в *i*: *zēz* > *zī* 'возьми'. С другой стороны, наблюдаются случаи развития фонемы *ē* в исходе слова из широких вариантов краткого гласного переднего ряда, о чем подробнее будет сказано при описании последнего.

Все рассмотренные долгие гласные переднего ряда (*ī*, *ē*, *ē*) в начале слова всегда йотируются: *yīw* 'один', *yīdōw* 'молоть', *yēd* 'мост', *yēdand* 'тут', 'там', *yēnāk* 'зеркало', *yērūn* (|| *ayrūn*) 'удивленный', *yēl* 'открытый', *yēdōw* 'нести', *yēϑ* 'гнездо'.

Фонема *ā* — гласный нижнего подъема нейтрального (смешанного) ряда, неогубленный. Язык при произношении *a* плоско лежит на дне полости рта, как и при артикуляции русского ударенного *a* между твердыми согласными (в словах: *дам*, *сад*), с которым шугнанское *ā* вполне

совпадает по качеству, отличаясь, однако, длительностью и напряженностью. Какого-либо заметного продвижения шугнанского *ā* назад или вообще каких-либо заметных качественных его изменений не наблюдается.

Примеры употребления фонемы *ā*: *maš* 'мы', *daδ* наст. основа глагола 'давать', *nān* 'мать', *tā!* 'отец', *mā* отрицание при глаголе (*mā luv* 'не говори'), *bāt* 'мучная каша', *cān* 'ружье', *cāx* 'горькая', *xāy* 'сладкая', *wāj* 'долг', *vāx* 'веревка', *γās* 'девушка', *cāy* 'кто', *yā* 'она', 'та', *γāγ* 'гадка', *kā*, *kād* 'где', 'куда', *dām* 'спина', *tāptōw* 'топтать', *xār* наст. основа глагола 'есть', *tāž* наст. основа глагола 'тащить', *θāw* наст. основа глагола 'гореть', *vār* наст. основа глагола 'приносить', *sāw* наст. основа глагола 'итти'. В заимствованных словах: *γām* 'горе', *kām* 'мало', *gāp* 'слово', *bās* 'хватит', 'достаточно', *gārm* 'теплый', *rāng* 'вид', 'образ', *qārg* 'долг', *mārt* 'март'. Совершенно закономерно *ā* возникает в заимствованных словах в результате заменительной долготы на месте не произносимых шуганцами фарингальных: *fām* (< *fahm*) 'пойми', *rabār* (< *rahbar*) 'вождь', *māqūl* (< *maɣqul*) 'приемлемый', *mākām* (< *mahkam*) 'крепкий', *mālūm* (< *maɣlum*) 'известный', *āwōl* (< *ahwol*) 'положение', *ād* (< *ahd*) 'договор', *ād* (< *hadd*) 'граница'.

Закономерное позиционное растяжение *a* в *ā* наблюдается в абсолютном исходе. Можно сказать, что всякое конечное «а» в именах является долгим как в заимствованных, так и в своих словах: *γidā* 'парень', *garḁā* 'лепешка', *murḁā* 'труп', *kōsā* 'чашка', *kučā* 'улица', *kurtā* 'платье', *mālā* 'здание', *puχtā* 'склон горы', *γulā* 'большой'. Однако если во фразе за исходным *ā* не следует паузы, то оно нормально произносится как краткое: *garḁā-yum zōχt* 'я взял лепешку', *tar wi mālā-yi yat* 'он подошел к тому зданию'. В таких случаях, как *yi γidā yat* 'пришел один парень', т. е. когда пауза после *a* возможна, но не обязательна, употребление *a* или *ā* (*γidā* || *γidā*) зависит от четкости произношения. При более четкой паузе преобладает долгое *ā*: *yi γidā¹ yat*. В абсолютном же исходе во фразе, т. е. при заключительной паузе, *ā* в именах всегда долгое: *čūχt-i didi: arām yik-ū γidā* 'он посмотрел, а там тот самый парень'.

Однако, наряду с этой тенденцией к растяжению конечного *a*, вполне сохраняет свою силу общая закономерность, характерная для шугнанских долгих гласных, о которой уже говорилось при описании *ī* и *ē*: при отпадении конечного согласного долгий гласный, попадая в конец слова, становится кратким. Так, для *ā* имеем: *sa* < *sāw* 'иди', *da* < *daδ* 'дай'.

В ряде слов, к которым относятся главным образом частицы и наречные слова, краткое *a* в исходе сохраняется и никогда не растягивается: *yigā* 'другой', *agā* 'если', *idā* 'во', 'вон', *-ta* энклитическая модальная частица.

Фонема *o* — открытый огубленный гласный заднего ряда, образующийся на 3-й ступени подъема («о»), близкий к таджикскому *o*, но от-

личающийся от него большей длительностью. Качественно очень устойчив и не меняется сколько-нибудь заметно под влиянием различных фонетических условий даже в быстрой речи. /

Примеры употребления фонемы \bar{o} : *viród* 'брат', *vō* 'снова', *tōḅč* 'миска', *ḍōrg* 'палка', *pōḅ* 'нога', *piró* 'перед', *dōd* 'отец', *bōb* 'дед', *xōḅ* 'рог', *žōw* 'корова', *pōu* наст. основа глагола 'стеречь', *zōd* прош. основа глагола 'рождать', *cōr* 'муж', *pōḅ* 'стрела', 'пуля', *mōḅž* 'голод', *mōḅ* 'клюка', 'посох', *tōv* 'раз', *ḅōj* 'страх', *rōšt* 'красная', *pōc* 'очередь', 'смена', *pōu* 'горло', *zōḅt* 'он взял', *nōst-ām* 'мы сели', *ḅōvd* 'он заснул', *xōḅ* 'шесть', *pōw* 'девять', *zōrḅ* 'сердце', *ōt* 'видимый'. В заимствованных словах: *čōu* 'чай', *cōrpō* 'скот', *čōrbōy* 'сад', *gōw* 'крупный рогатый скот', *dūnō* 'знающий', *čōrdā* 'четырнадцать', *mōl* 'имущество', *ōzīr* 'сейчас', *ōšiq* 'влюбленный', *pō* 'нога', *qōq* 'сухой', *dōskā* 'классная доска', *šōfir* 'шофер', *kōmsamōl* 'комсомол', *kōmunīst* 'коммунист'.

В положении перед носовыми согласными *п* и *т* фонема \bar{o} не встречается вовсе, закономерно давая в этом положении фонему \bar{u} : *jūn* < *jōn* 'душа', *būn* < *bōn* 'борода', *ḅūm* < *ḅōm* 'вечер' и т. д. Во всех остальных положениях фонема \bar{o} употребляется одинаково часто, в том числе в исходе и в начале слова.

Фонема \bar{o} может возникать в речи из стяжения фонем *u + a*: *tōḅ* || *tū-ḅ* 'ты' (с усилительной частицей), *xōḅ* || *xū-ḅ* 'себя' (с той же усилительной частицей), *xōmāk* || *xu amāk* 'свой дядя', *mōmāk* || *mu amāk* 'мой дядя' и т. д.

Фонема \bar{u} — закрытый огубленный гласный заднего продвинутого вперед ряда, образующийся между 4-й и 5-й ступенями подъема (от « \bar{o} » до « \bar{u} »). На русский слух чаще сближается с *у*, чем с *о*. Более открытый вариант (чуть выше 4-й ступени подъема « \bar{o} ») встречается в закрытых слогах в соседстве с увулярными согласными и *г*: « $\gamma\bar{o}\bar{y}$ » 'ухо', «*kōg*» 'слепой'. Обычное же его звучание более узкое (5-й подъем или чуть ниже, вариант « \bar{u} »): «*gavū-n*» 'идуший', «*tarū-*» 'там', «*yū-d*» 'здесь', «*jū-n*» 'душа'. Степень продвинутости вперед незначительна, в соседстве с увулярными продвижения вперед может не быть вовсе: « $\gamma\bar{o}\bar{y}$ » 'ухо'.

В большинстве случаев фонема \bar{u} представляет собой шугнанское новообразование: 1) из \bar{o} перед носовыми: *jūn* 'душа', *dūmān* 'пола', *dūmōd* 'зять', *pūnd* 'дорога', *ayrūn* 'удивленный', *kūm* 'небо' и т. д.; эти случаи как раз и представляют собой основное употребление фонемы \bar{u} ; 2) из дифтонгичных сочетаний *āw* и *aw*: *sūd* < *sāwd* 'идет', *nūd* < *nāwd* 'плачет', *wūn* < *wāwn* 'шерсть', *nūbāt* < *nawbat* 'очередь' и др.; 3) в заимствованных словах из *u* рядом с увулярными и фарингальными: *mūlāt* (< *muhlat*) 'срок', *tūmāt* (< *tuhmat*) 'клевета'. Фонема \bar{u} употребляется также в междометиях и звукоподражательных словах: \bar{u} во-просительно-эмоциональная частица, *šūg-šūg* призывная кличка телят, *ūššā* призывная кличка коров и быков, *wūr-wūr* призывная кличка

верблюдов, *xūt-xūt* призывная кличка ослов, *fūqqást* 'хрюканье', *būy: būy'd* 'мычать', *wūy: wūy'd* 'реветь'.

Случаев старого употребления фонемы *ū* (из исторического *o* < *au*) сравнительно мало. Ниже приводятся все остальные засвидетельствованные случаи употребления *ū*: *kūr* 'слепой', *virū* 'бровь', *ʔū* 'ухо', *rūb: rūvd* основы глагола 'мести', 'сгребать', *rūz* 'отверстие в крыше', *rūpc* 'лицо', *pūstin* 'меховой', *būy* 'запах', *dūz* наст. основа глагола 'дойти', *jūx* 'кипенье', *dūv* наст. основа глагола 'собирать, срывать', *kūʔz* 'отверстие', 'дыра', *mūrāx* 'насекомое', *pūt* 'мячик', *tūm* 'семя', *vūr* 'бурый', *būd* 'уток', *čūk* 'очень высокий', *dūr* 'корзина для зерна (на мельнице)', *γūk* 'колыбель', *γūt* 'нырянье', 'погружение', *γūz* 'орех', *sūg* 'сказка', *gūr* 'могила', *gūy* 'мяч', *Xūf* 'Хуф' (название местности), *xūj* 'полка', *marūd* 'груша', *kiłul* 'комок', *kiłūx* 'глыба', *kiškul* 'деревянная миска', *sitūr* 'крупный рогатый скот'.

Фонема *ū* может употребляться во всех фонетических положениях, но в исходе встречается редко: *tarū* 'здесь'.

Фонема *ū* — очень узкий гласный заднего ряда, образующийся на верхней ступени подъема, огубленный. Качественно очень устойчив, не изменяется сколько-нибудь заметно ни в каких положениях. Примеры на употребление фонемы *ū*: *sūr* 'свадьба', *šūnc* 'смех', *tūd* 'тутовое дерево', *xūz* 'ветер', *xūvd* 'молоко', *xūd* 'сон', *wūs* 'балка', *xūrn* 'ворона', *būn* 'горсть муки', *čūy* 'пестрый', *vūy'd* 'длинный', *čūrd* 'кривой', *mūrǰak* 'муравей', *kūzā* 'безбородый', *dūs* 'немного', *vūd* 'принес', *xud* 'съел', *tūyd* 'ушел', *vūst* 'завязал', *nūst* 'сел'. В заимствованных словах: *čūb* 'дерево (материал)', *čūpūn* 'пастух', *gūxwór* 'серьги', *pūl* 'деньги', *rū* 'лицо', *rūz* 'день', *ruyxát* 'список', *sūrát* 'портрет', *sūxtá* 'подгорелый', *tūti* 'попугай', *tūr* 'пушка', *xūn* 'кровь', *rūčká* 'ручка (для письма)', *sūd* 'суд'.

В исходе слова фонема *ū* встречается чрезвычайно редко и почти исключительно в заимствованных словах: *kū* 'гора', *rū* 'лицо', *jōdú* 'колдовство', *Vajū* 'Баджу' (название селения). В шугнанских словах, попадая в исход слова, *ū* нормально переходит в *u* краткое: *ču* || *čūd* 'сделал', *xu* || *xūd* 'съел', *vu* || *vūd* 'принес'.

В начале слова *ū* без предшествующего *w* не встречено: *wūs* 'балка', *wūvd* 'семь'.

В результате в группе долгих гласных можно выделить следующие особенности:

1) Фонемы *ī*, *ē*, *á*, *ō*, *ū* не имеют заметных качественных вариантов и во всех фонетических положениях звучат одинаково. Фонемы *é* и *ū* имеют колебания в звучании по степени открытости и могут быть слегка дифтонгоидными. Фонема *ū* отличается от всех других фонем способностью изменяться по признаку ряда: нормально она слегка продвинута вперед.

2) Фонемы *ī*, *ē*, *é*, *ū*, *ū* в исходе слова или вовсе не встречаются (*ī*, *é*), или встречаются очень редко, в единичных случаях (*ē*, *ū*, *ū*). Для

фонемы \bar{o} положение в исходе слова обычно. Фонема \bar{a} отличается от других фонем своим чрезвычайно широким распространением на исход слова: всякое краткое a (в именах) переходит в этом положении в долгое.

3) Гласные переднего ряда \bar{i} , \bar{e} , $\bar{\epsilon}$ и гласный заднего ряда \bar{u} не встречены в начале слова — первые без предшествующего y , \bar{u} — без предшествующего w . Перед начальным \bar{a} может развиваться «h» («^hād» 'граница'), но это мало характерно для \bar{a} , которое к тому же редко употребляется в начале слова.

4) Фонема \bar{i} отличается сравнительной ограниченностью своего употребления: она встречается главным образом в положении перед носовыми, где она возникла из фонемы \bar{o} .

Краткие гласные

Все краткие гласные (a , i , u) характеризуются более шумным звучанием (в положении между глухими при сильном сокращении они могут целиком оглушаться) и большой качественной изменчивостью под влиянием различных фонетических условий, что особенно характерно для кратких переднего и заднего ряда. Их диапазон по подъему весьма широк, и обозначение их посредством букв i и u является условным, так как они могли бы обозначаться и буквами e и o . Диапазон кратких гласных с количественной стороны тоже весьма широк, и они могут быть в неударных слогах довольно краткими. Однако редукция для них мало характерна и наблюдается лишь иногда для фонем i и u в наиболее благоприятных для редукции положениях (например перед r : $v(i)rod$ 'брат'). Для a очень сильного сокращения вовсе не наблюдается.

Краткий переднего ряда (i) колеблется по степени подъема от закрытого «i» до открытого «ε». В зависимости от положения в слове он меняется по степени подъема следующим образом: в открытом слоге он наиболее узок, «i»-образного типа: «siyō» 'черный', «dičōr» 'встреча'; в закрытых слогах — более открыт, «e»-образного типа: «meš» 'также', «peđ» 'отец', «kejt» 'делает'; в абсолютном исходе — наиболее открытого типа: «sáwε vō na yadé» 'пойдешь — назад не вернешься'. Кроме положения в слове, на качество гласного влияют также окружающие согласные. Из них наиболее заметное расширяющее влияние оказывают увулярные x , γ , q , а также согласные w и r ; наиболее сужающее — среднеязычный y и другие согласные со среднеязычной артикуляцией (\check{s} , \check{z} , \check{c} , j): «režín» 'дочь', «wənd» 'у него', «wəxen» 'кровь', «siyō» 'черный', «čisum» 'смотрю', «vīdōv-m» 'потолок'. Крайние варианты фонемы («i» и «ε») дают особенно контрастное впечатление, встречаясь в пределах одного и того же слова или синтагмы: «dīdε» союз подчинительный (фонологически *didi*), «dī dε» 'побей его' (фонологически *di di*).

К характеристике широкого варианта фонемы i («ε») в абсолютном исходе необходимо добавить еще следующие черты: 1) попадая в абсолютный исход, передний краткий гласный под ударением не только

расширяется, но и может заметно удлиняться, приближаясь к длительности долгих гласных; 2) в односложных словах исходный ударенный вариант «ε» характеризуется резким и мгновенным обрывом артикуляции, а поскольку она происходит на сильной воздушной струе (краткие ударные гласные весьма энергичны), то за резко оборвавшимся гласным следует безголосый шум — придыхание: «d^ε^h» 'ударь', «zε^h» 'возьми'. В этих случаях заметного удлинения «ε» не происходит.

В двусложных словах, где, как правило, придыхание не появляется и где вариант «ε» может заметно удлиняться («sawjε» 'бедро'), возникают фонетические предпосылки для отождествления этого варианта с долгой фонемой ē. Это отождествление и может происходить в тех словах, за которыми, как правило, в речи следует пауза и которые не принимают или редко принимают суффиксы, — иначе говоря, в тех словах, в которых исходное *i* всегда или почти всегда в речи будет находиться перед паузой. Такой случай представляет собой слово *didi* — союз подчинительный, всегда требующий после себя большей или меньшей паузы и не осложняемый какими-либо суффиксами. В этом слове широкий, удлинённый и не сопровождающийся придыханием вариант «ē» является постоянным. Естественно, что он ассоциируется с фонемой «ē», и в настоящее время, по крайней мере в произношении молодежи, фонологический состав этого слова чаще определяется не как *didi*, а как *didē*. В других словах, когда отсутствие паузы или суффиксальное наращение изменяет звучание исходного варианта («sawjε» 'бедро', но с суффиксом: «sawjⁱ-yε»), о переходе переднего краткого в фонему говорить нельзя, так как вариант «ε» этого слова имеет постоянную фонологическую связь с вариантом «i». Поэтому и в абсолютном исходе в таких словах, как «sawjε» (другие случаи этого же типа: «qozε» 'судья', «badε» 'зло' и т. д.), наряду с частым звуковым совпадением варианта «ε» с фонемой ē, может быть при более отчетливом произношении сохранено фонетическое расхождение с ней. Более энергичного произношения варианта «ε», сопровождающегося хотя бы легким придыханием, или меньшего его удлинения, или некоторого его сужения уже достаточно для различения обеих фонем. Но всякий раз, когда эти различительные фонетические черты исчезают, можно говорить о звуковом совпадении исходного *i* с фонемой ē. В этом живом процессе схождения двух фонем можно видеть некоторую аналогию с русскими звонкими в исходе, которые то полностью отождествляются со своей глухой парой, то при подчеркнутом произношении могут восстанавливать звонкость, хотя бы частично, то в определенных категориях слов никогда вполне не теряют звонкости (например в словах иностранного происхождения: «код», но не «кот»). В обоих языках в этих случаях наблюдается определенный фонетический процесс, разно реализуемый в разных категориях слов, в зависимости от их значения и употребления.

Примеры на употребление фонемы *i*: *siž* 'иголка', *pid* 'отец', *zimád* 'земля', *ziv* 'язык', *wixin* 'кровь', *virúŋ* 'бровь', *tirák* 'свежий', 'новый', *viród* 'брат', *birúj* 'береста', *cirów* 'светильник', *sipin* 'железо', *čidír* 'сажа', *tiká* 'рваный', *yid* 'тот', *di*, *mi*, *wi* — косвенный падеж указательных местоимений мужского рода, *dis* 'так', *divi* 'дверь', *piró* 'вперед', *pis* 'вслед', 'за', *zibó* 'сзади', *pisén* 'точильный камень', *piš* 'кошка', 'кот', *pirx* 'иней', *žiniž* 'снег', *xisúr* 'свекор', 'тесть', *xidír* 'старший', *xist* 'мокрый', *vidów* 'быть', *sidów* 'итти', *xidów* 'слышать', *nivistów* 'писать'; настоящие основы глаголов: *čis* 'смотреть', *virí* 'находить', *win* 'видеть', *ris* 'оставаться', *niθ* 'сидеть', *ki(n)* 'делать'. В заимствованных словах: *bisyór* 'очень', *dinyó* 'мир', *diráxt* 'дерево', *fikr* 'мысль', *kirm* 'червяк', *kitób* 'книга', *qišlōq* 'кишлак', *sinf* 'класс', *rōzi* 'довольный', *tilfi* 'детство', *qīni* 'трудность', *tū'i* 'попугай', *sinfi* 'классовый', *kiló* 'килограмм', *pōyiz* 'поезд', *pirōgūl* 'прогул', *lōčik* 'летчик', *sēntabir* 'сентябрь', *institūt* 'институт', *ōdix* 'отдых'.

Фонема *i* закономерно возникает из долгих переднего ряда *ī*, *ē*, *ē* в исходе слова: *tīr* > *ti* 'верх', *andīr* > *andi* 'внутри', *zēz* > *zi* 'возьми'. С этим связан обычный исход глагольных основ настоящего времени на краткое *i*: *ribi* при *ribidów* 'класть', *rimi* при *rimidów* 'приказывать', *ti* при *tidów* 'итти', *di* при *didów* 'бить' и т. д. То же при передаче заимствованных слов: *šambe* > *šambi* 'суббота', «*tuti*» > *tuti* 'попугай', «*rozi*» > *rōzi* 'довольный'.

Краткий заднего ряда (*u*) по своему выявлению аналогичен краткой фонеме переднего ряда и имеет такой же широкий диапазон по подъему: от закрытого «*u*» до открытого «*э*». Изменение *u* по степени открытости зависит от тех же фонетических условий, что и изменение фонемы *i*: наиболее узкий «*u*»-образный вариант *u* встречается в открытых слогах («*čuyáŋ*» 'чугун', «*sútum*» 'я ушел'), более открытый «*о*»-образный — в закрытых слогах («*sot*» 'ушел', «*ros*» 'сын'), наиболее открытый — в абсолютном исходе («*xə*» 'съел', «*čə*» 'сделал'). Наиболее расширяющее влияние из согласных оказывают те же фонемы *x*, *q*, *ʔ*, *w*, *r*: «*xu čid*» 'свой дом', «*toŋx*» 'курица', «*boŋj*» 'угол', «*boq*» 'бугор', «*xə*» 'съел', «*xə*» — союз соединительный.

В соседстве с другими согласными (особенно щелевыми) в аналогичных фонетических положениях *u* звучит заметно уже: «*tu čid*» 'мой дом', «*xuŋ*» 'легкие', «*dust*» 'рука', «*sust*» 'слабый', «*čuŋ*» 'петух', «*čə*» 'сделал', «*vo*» 'принес'.

Наиболее открытый, исходный вариант фонемы *u* («*о/э*») в отличие от исходного открытого варианта фонемы *i* («*э*») встречается сравнительно редко, поскольку слов с исходом на *u* вообще мало, а особенно тех, которые могут стоять в конце синтагмы или фразы, т. е. перед паузой. Это обычно сокращенные формы глаголов (*ču* < *čūd*), т. е. слова односложные. В односложных же словах, как мы видели при описании *i*, исходный краткий нормально характеризуется резким обрывом

гласной артикуляции, переходящей в придыхание («*šo^b*» 'сделал'), т. е. сохраняет фонетические различия с соответствующим долгим гласным *ō*. В результате для фонемы *u* не наблюдается в отличие от фонемы *i* заметной тенденции к переходу в соответствующий долгий гласный в исходе слова. Существенно в этом отношении также и то обстоятельство, что долгое *ō* в исходе встречается часто, так что расширение и удлинение *u* могло бы привести в ряде случаев к смешению слов (*ḍu* 'сделал' противостоит *ḍō* 'колодець', *vu* 'принес' противостоит *vō* 'опять'). Этого препятствия не существует для развития исходного *i* в фонему *ē*, поскольку последняя вовсе не встречается в исходе слова. Пределы открытости *u* по сравнению с *i* тоже несколько уже: степени открытого «э» оно достигает только в особо благоприятных условиях — после увулярных: «*xə*» 'свел', «*xə*» союз соединительный.¹

Примеры на употребление фонемы *u*: *buc* 'козел', *bun* 'дно', *čust* 'крепко', 'прочно', *čuyan* 'чугун', *dud* 'дым', *ḍum* 'хвост', *fuk* 'весь', *guj* 'козленок', *zul* 'маленький', *pic* 'сын', *kud* 'собака', *kurúk* 'квочка', *kut* 'короткий', *nur* 'сегодня', *surb* 'олово', *tuḫá* 'дорожные припасы' *tuḫp* 'кислый', *ḫumné* 'завтра', *yuḡ* 'ярмо', *žurn* 'круглый', *wuz* 'я', *tu* 'ты', *yu* 'он', *ḫibaḍ* 'сам', *ḫu* 'свой', *tu* 'мой'; прошедшие основы глаголов: *kuḫt* 'резать', *vud* 'быть', *ḫud* 'слышать', *pid* 'гнить', *sut* 'итти'. В заимствованных словах: *duyut* 'второй', *suwwút* 'третий', *guftigúy* 'разговор', *duzd* 'вор', *gurg* 'волк', *jumá* 'пятница', *lōzūm* 'нужно', *muallim* 'учитель', *mudir* 'заведующий', *muyim* 'важный', *quwát* 'сила', *surx* 'красный', *suwól* 'вопрос', *žurnál* 'журнал', *fakuliét* 'факультет', *nuyabr* 'ноябрь'.

Фонема *u* закономерно возникает в исходе из долгого *ū* в сокращенных формах слова: *ḫu* < *ḫūg* 'свел', *vu* < *vūd* 'нашел' и др. Но таких слов сравнительно мало. Фонемы *ū* и *ō* при отпадении конечного согласного не сокращаются в *u*: *tarūd* > *tarū* 'там', *pirōd* > *pirō* 'перед'. Конечное ударное *u* заимствованных слов тоже передается через *ū*: *ōrzū* 'желание', *jōdū* 'колдовство'. Таким образом, фонема *u* отличается от *i* значительно меньшим употреблением в исходе слова.

Оба рассмотренные краткие гласные как переднего, так и заднего ряда, имея очень широкий диапазон по подъему, по признаку ряда почти вовсе не меняются. Можно наблюдать лишь легкое продвижение *i* назад в соседстве с увулярными («*qí-šlóbq*»), которое при более отчетливом произношении устраняется. Так же не характерно продвижение вперед для фонемы *u*.

¹ Последнее слово представляет исключительно благоприятный случай для развития *u* в *ō*. Будучи энклитическим, союз *ḫu* не несет на себе словарного ударения, благодаря чему и не имеет здесь придыхательного варианта («*ə^b*»). В то же время союз *ḫu* требует за собой паузы, что дает для *u* и постоянный открытый вариант («*ə*»). В результате при быстрой речи здесь возможно смешение *u* с *ō*: *ḫu* || *ḫō*. Однако при отчетливом произношении *u* всегда восстанавливается.

В неударенном открытом слоге перед *r*, если предшествующий согласный не звонкий смычный, и после *w*, если последующий согласный — звонкий щелевой, фонемы *i* и *u* могут редуцироваться вплоть до исчезновения: *v(i)ród* 'брат', *u(i)zún* 'узнай', *k(u)rúk* 'квочка'. При отчетливом произношении звучание гласного всегда восстанавливается. Случаи подобной редукции чаще встречаются для гласного *i* (хотя и для него они редки), для гласного же *u* они единичны. В положении между глухими в неударенном открытом слоге в быстрой речи оба гласные могут полностью оглушаться.

Краткий гласный нижнего подъема (*a*) — обычно нейтрального (смешанного) ряда (вариант «*a*»), как русское ударенное *a* между твердыми (*сам, дар*). Диапазон качественных изменений сравнительно неширок — *a* может лишь незначительно продвигаться вперед до варианта «*a*» под влиянием согласных среднеязычной артикуляции: «*пау*» 'нет', «*уак*» 'один', «*уат*» 'этот', «*уат*» пришел, причем продвижение это не обязательно и при отчетливой речи устраняется. Еще более устойчиво *a* по признаку подъема: оно может несколько сужаться лишь при сильном сокращении в быстрой речи, давая впечатление краткого гласного смешанного ряда («э»): «*iktərwi*» 'к тому', «*kər̥tušká*» 'картофель'. При более отчетливой речи всегда восстанавливается основной вариант «*a*».

Таким образом, по основным качественным признакам — подъему, ряду и отсутствию огубленности — фонема *a* нормально совпадает со своей долгой парой *a*. Дополнительные качественные свойства кратких гласных — большая их шумность при более сильной воздушной струе и характерная обрывистость конца их звучания — не обязательны и проявляются не во всех фонетических положениях. В результате, главным звукоразделом между *a* и *ā* является длительность.

Противоположение же по признаку длительности, о чем уже говорилось в связи с фонемами *i* и *u*, значительно ослабляется в положении абсолютного исхода, где краткие гласные удлиняются и где поэтому они могут совпасть с качественно близким долгим гласным.

Для фонемы *i* эта возможность реализуется лишь частично ($i > \bar{i}$), для фонемы *u* почти вовсе не реализуется. В этом наряду с другими препятствующими факторами, о которых уже говорилось при описании этих фонем, значительную роль играет также следующее обстоятельство. Исходные *i* и *u* имеют широкий диапазон по подъему и могут меняться по степени открытости в зависимости от влияния предшествующего согласного, характера последующей паузы и стиля речи, так что в каждом отдельном случае они могут и не совпадать по качеству с соответствующим долгим гласным. Так, для *i* даже перед заключительной паузой вариант «*e*» не обязателен: всегда возможно его сужение, случаи же расширения *u* до степени «э» (т. е. до степени подъема фонемы *ō*) вообще единичны.

Для фонемы же *a* этого задерживающего фактора, т. е. постоянной возможности качественных колебаний, не существует, поскольку она в исходе качественно устойчива и равна фонеме \bar{a} . Поэтому при удлинении *a* в исходе, что сопровождается и утерей обрывистости конца его звучания, оно по звучанию совпадает с фонемой \bar{a} . Это приводит к слиянию фонем *a* и \bar{a} в исходе. В результате во всех именах, которые могут замыкать синтагму или фразу, т. е. в подавляющем большинстве имен, имеем долгое \bar{a} : *dará* 'долина', *čaḡmá* 'ручей', *rūyá* 'сторона', *gardá* 'лепешка', *γidá* 'парень', *tuḡá* 'дорожные припасы', *bačgalá* 'ребята', *kattá* 'большой', *ōsta-ōstá* 'медленно', *tōqá* 'в одиночку', *γullá* 'большой' и т. д. Долгое \bar{a} закрепляется в этих словах настолько, что может переноситься уже и на те случаи, когда данное слово употреблено не перед паузой: *γullá naxčēr* 'большой горный козел', *tōqá-tōqá* 'в одиночку', *ōstá-ōstá* 'медленно', хотя в этих случаях возможно и параллельное произношение с кратким *a*: *γulla naxčēr*, *tōqa-tōqá*, *ōsta-ōstá*.

В случае осложнения слова суффиксом чаще произносится краткое *a*: *gardáyi zōḡt* 'он взял лепешку', *γulladi* 'старший'. Впрочем, и в этих случаях, если на *a* сохраняется ударение, возможно его долгое произношение: *gardáyi zōḡt* 'он взял лепешку'.

Сохраняется краткое *a* в исходе главным образом в тех словах, которые не могут замыкать синтагмы или фразы, т. е. которые не употребляются перед паузой: в служебных словах, в частицах, в наречиях. Например: *-ta* модально-усилительная частица, *sa* союз подчинительный, *agá* 'если', *digá* (\parallel *yigá*) 'снова', 'другой', *idá* 'вот', 'вон' и др.

Аналогично другим кратким гласным *a* может возникать в исходе из соответствующего долгого в сокращенных формах слова, обычно в сокращенных формах повелительного наклонения глаголов: *sa* < *sāw* 'иди', *va* < *vār* 'отнеси', *ḡa* < *ḡād* 'дай', *xa* < *xār* 'ешь', *mā na* < *mā nāw* 'не плачь'.

В тех случаях, когда *a* в исходе слова сохраняется, оно четко противопоставляется долговому \bar{a} и уже не может растягиваться. Таким образом, сохранившееся в исходе краткое *a*, поскольку оно всегда противопоставляется долговому \bar{a} , не имеет колебаний также и по длительности, всегда будучи кратким гласным, в отличие от фонем *i* и *u*, для которых в исходе слова характерна тенденция к растяжению.

Примеры употребления фонемы *a*: *vaz* 'коза', *čaḡ* 'курица', *ḡas* 'вода', *yaḡ* 'сестра', *xaḡ* 'жесткий', 'твердый', *varḡ* 'оба', *ḡar* 'далекий', *kaḡ* 'кривой', *kaš* 'горячий', *lavḡ* 'слово', *caḡór* 'четыре', *kaḡóu* 'женщина', *lašák* 'рожь', *kanab* 'конопля', *waḡt* 'восемь', *maḡór* 'полдень', *tama* 'вы', *wam*, *dam*, *tam* указат. местоим. косв. пад. ж. рода, *yad*: *yat* основы глагола 'приходить', *ḡaq*: *ḡaqt* основы глагола 'жать', 'давить', *xaḡ* настоящая основа глагола 'молотить', *ḡak* наст. основа глагола 'лизать'. В заимствованных словах: *barq* 'молния', *čand* 'несколько', *dars* 'урок',

dast 'рука', *farq* 'разница', *maalum* 'известный', *mualim* 'учитель', *maktab* 'школа', *qand* 'сахар', *zabun* 'язык', *yanvar* 'январь', *gazet* 'газета', *kalxos* 'колхоз', *kartušká* 'картофель'.

Для всех трех кратких в начале слова характерен часто возникающий в речи соответствующий согласный приступ: перед *i* может возникать «у», перед *u* — «w» и перед *a* — «h»: «^har || ar» 'каждый', «^halow || alow» 'огонь', «^hamo || amo» 'однако', «^hagam» 'там (внизу)', «^harayu» 'три', «^wurus || urus» 'русский', «^wuzbak || uzbek» 'узбек', «^wux || ux» 'сознание', 'мысль', «*yidá* || *idá*» 'вот', 'вон', «*yik* || *ik*» усилительный префикс, «*yí* || *i*» 'один', «*yidōrá* || *idōrá*» 'учреждение', 'контора'. Однако, поскольку звуки «у» и «w» в других случаях в шугнанском языке фонемны, то появление или отсутствие их в начале слова тоже не всегда безразлично и начинает связываться с определенным словом. Так, для *i* и *u* выделяется группа слов, где «у» и «w» нормально не возникают. Это по преимуществу заимствованные слова: *ilm* 'наука', *išq* 'любовь', *ijró* 'выполнение', *insóf* 'справедливость', *izzát* 'уважение' и т. д. Для *u*: *ukumát* 'правительство', *ukm* 'приказ', *úmr(i)* 'жизнь', *uméd* 'надежда'.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Запись на кимографе произведена в один прием 20 сентября 1949 г. по произношению студента Сталинабадского педагогического института Джавариева, родом из селения Поршнив.

Цифры, обозначающие длительность гласных в *ss*, даются в порядке, принятом в „Очерках“: в первой строке столбца дается средняя длительность, в скобках указывается число измерений, из которых выведена цифра средней длительности; во второй строке дается диапазон типовой (нормальной) длительности; в третьей строке даются засвидетельствованные в записи пределы длительности (крайние отклонения от типовой длительности).

По влиянию согласных выделяются два основных положения: 1) положение, благоприятное для сохранения длительности; сюда входят следующие комбинации согласного окружения: звонкий — звонкий, звонкий — глухой щелевой; 2) положение, сокращающее длительность гласного: глухой — глухой, глухой смычный — звонкий смычный. Оба выделенные положения соответственно обозначаются арабскими цифрами 1 и 2.

В это общее деление в нужных случаях вводятся уточнения. Так, для долгих гласных сочетание сонантов *l*, *m*, *n* + глухой (*mēḍ*) дает 1-е положение, для кратких же гласных (*mis*) — 2-е, поскольку сонанты *l*, *m*, *n* на долгие не влияют, но краткие заметно сокращают.

В односложном слове

Перед одним согласным

Долгие гласные

1) Тип: *bād, xāb, zīr, sīr, dēd, sēr, dūs, mūn, būn, sūd, bō γ, dōd*

ā	ī	ē	ī
23.4 (15)	21.2 (6)	23.4 (8)	23.4 (21)
25—21	24—20	25—22	26—22
28—21	24—18	27—20	27—20

ū	ū̄	ō
21.0 (26)	22.7 (15)	25.2 (6)
23—19	25—20	28—25
26—18	27—18	28—20

2) Тип: *tāt, ptc, dēk, γūk, pōd¹*

ā	ī	ē	ū	ō
20.5 (4)	18.0 (13)	18.6 (8)	19.3 (6)	22.3 (10)
—	19—16	20—17	—	24—19
23—19	22—16	21—17	23—16	28—19

Краткие гласные

1) Тип: *dar, vad, ziv, sir, vud, xud*

a	i	u
13.3 (8)	13.4 (12)	14.3 (10)
14—12	15—12	15—14
15—12	16—10	17—12

2) Тип: *xac, sat, sit, mis, čit, pic, sut, kut*

a	i	u
10.6 (13)	9.7 (16)	9.6 (11)
12—10	11—9	14—8
12—9	12—8	11—8

Перед двумя согласными

Долгие гласные

1) Тип: *dāxt, kānd, tīzd, mēst, rōdž, cānd, vūst, xūod, zōxt, xōod*

ā	ī	ē	ō
22.6 (13)	20.6 (4)	21.0 (6)	18.8 (5)
25—22	22—20	25—20	20—19
25—19	22—19	25—17	20—17

¹ Для ē и ū данных нет.

\bar{u}	\bar{u}°	\bar{o}
21.3 (10)	22.5 (5)	20.5 (7)
24—20	24—22	22—20
26—17	26—17	22—17

2) Тип: *pəxt, pəx̄c, čōst*

\bar{i}	\bar{e}	\bar{o}
21.4 (4)	17.9 (4)	18.5 (4)
22—19	—	—
22—19	21—16	19—17

Краткие гласные

1) Тип: *zɪmc, ɔust*

i	u
13.2 (4)	12.3 (4)
—	—
15—11	14—10

2) Тип: *pi.x̄t, ki.x̄t*

i
11.8 (11)
14—10
15— 8

Как видно из приведенных цифр, в односложных словах во всех фонетических положениях противополжение долгих и кратких гласных выражено очень отчетливо. Общий диапазон нормальной длительности в слогах, закрытых одним согласным, для долгих гласных колеблется в 1-м положении между 25—19σ, для кратких гласных — между 15—12σ; во 2-м положении: для долгих между 24—16σ, для кратких между 12—8σ. Такое же соотношение длительности обеих групп гласных характерно и для слогов, закрытых двумя согласными: в 1-м положении диапазон типовой длительности долгих равен 25—19σ, общий диапазон кратких 15—10σ, во 2-м положении — для долгих 22—17σ, для кратких 14—10σ. Совпадений длительности долгих и кратких гласных не засвидетельствовано даже в их крайних отклонениях.

По приведенным данным какой-либо заметной разницы в длительности кратких гласных не наблюдается. Среди долгих гласных большую склонность к сокращению обнаруживают гласные \bar{i} и \bar{u} и наибольшую склонность к растяжению гласные \bar{e} и \bar{o} (особенно \bar{o}). Большая сокращаемость фонем \bar{i} и \bar{u} означает, что они менее отчетливо противоплагаются по длительности кратким i и u , чем фонемы \bar{e} , \bar{e} и \bar{u} , \bar{o} . Это различное количественное отношение разных долгих к своим кратким

парам находит свое объяснение в различном качественном их взаимоотношении. Краткие гласные *i* и *u* в закрытых слогах сближаются по качеству с открытыми долгими гласными (с *ē*, *ē* и *ū*, *ō*), имея в этом положении «е»-образное и «о»-образное звучание. А раз они более четко отличаются в этом положении от *ū* и *ī* качеством, то они тем самым могут меньше отличаться длительностью. Впрочем, признак длительности даже и при противополжении *i—ī*, *u—ū* сохраняется вполне отчетливо: наибольшее схождение отмечено для *u—ū* в 1-м положении, где общий диапазон длительности *ū* равен 26—18σ, а *u* 17—12σ, т. е. где длительность обеих фонем хотя и сближается в своих крайних отклонениях, но не совпадает.

В целях большей наглядности при сопоставлении длительности обеих групп гласных можно пренебречь указанными незначительными расхождениями в длительности долгих гласных, и тогда общая сводка цифр дает следующую картину.

Перед одним согласным

Долгие		Краткие	
1) 22.7 (97)	2) 19.6 (41)	1) 13.7 (30)	2) 10.0 (40)
25—20	23—16	15—12	12—8
28—18	28—16	17—10	12—8

Перед двумя согласными

Долгие		Краткие	
1) 21.3 (50)	2) 19.3 (12)	1) 12.7 (8)	2) 11.8 (11)
25—17	22—17	14—10	14—10
26—17	22—16	15—10	15—8

В двусложном слове

В закрытом ударенном слове

Первый слог

Долгие		Краткие	
1) Тип: <i>xāvūdām</i> , <i>tīzādām</i> , <i>zōxtām</i> , <i>nāstām</i>			
19.9 (16)		—	
21—17		—	
24—17		—	
2) Тип: <i>pēxtum</i> , <i>čāxtum</i>		2) Тип: <i>kixtum</i>	
18.4 (3)		10.0 (9)	
—		12—8	
21—16		14—6	

Второй слог

Долгие	Краткие
1) Тип: <i>qatfɾ, cēmén</i>	1) Тип: <i>kūddk, xitúr</i>
19.1 (9)	13.6 (6)
21—19	14—12
21—16	14—12
2) Тип: <i>pušǰk, pacén</i>	2) Тип: <i>pttš</i>
17.2 (5)	10.2 (2)
—	—
18—16	12—9

Приведенные цифры показывают, что длительность гласных как в первом, так и во втором слогах в общем одинакова и мало отличается от их длительности в односложном слове. Для долгих отмечается лишь несколько меньшая способность к растяжению, а для кратких — несколько большая сокращаемость по сравнению с односложными словами.

Поскольку длительность гласных первого и второго слогов одинакова, то, суммируя данные обоих положений, получаем общую картину длительности гласных в закрытом ударном слоге в двусложном слове:

Долгие	Краткие
1) 19.6 (25)	1) 13.6 (6)
21—17	14—12
24—16	14—12
2) 17.7 (8)	2) 10.0 (11)
18—16	12—8
21—16	14—6

В закрытом неударенном слоге

Поскольку, как и в предыдущем положении, данные первого и второго слогов совпадают, по ним приводятся сводные цифры.

Долгие	Краткие
1) Тип: <i>səwǰi, xāvǰām</i>	1) Тип: <i>zamčl, dustén</i>
19.4 (10)	10.5 (7)
21—15	13—9
25—15	13—6
2) Тип: <i>nǰstām</i>	2) Тип: <i>čǰxǰum, puǰtǰ, xumǰé</i>
16.4 (5)	9.2 (9)
19—15	12—8
19—15	12—6

Как видно из цифр, в неударенных слогах долгие могут сокращаться, несколько больше, чем в ударенных, т. е. могут быть более краткими. Для кратких же гласных несколько сокращается предел их максималь-

ной длительности. В результате и цифра средней длительности для обеих групп гласных несколько ниже, чем для ударных слогов, но все же общее сокращение длительности незначительное. Противоположение долгих и кратких гласных по длительности и в этом положении остается вполне четким.

В открытом неударенном слогe

В этом положении в группе кратких гласных выделяется фонема *i* своей несколько большей сокращаемостью, поэтому данные по ее длительности приводятся отдельно.

Долгие		Краткие	
i, ē, ū, ē, ū		а, и	i
1) Тип: <i>čīdōw, dōnō, būnēn</i>		1) Тип: <i>čarō, bucēn</i>	1) Тип: <i>dišid</i>
19.4 (13)		9.5 (6)	7.7 (8)
21—17		10—9	9—7
23—17		12—9	13—5
2) Тип: <i>pāšīn, čūrūn</i>		2) Тип: <i>qatī, tušā</i>	2) Тип: <i>pitīš, kinūm</i>
16.9 (11)		7.7 (12)	5.0 (8)
19—14		8—6	6—4
23—14		10—6	8—3

Как можно видеть из приведенных цифр, длительность долгих меняется мало по сравнению с предшествующими фонетическими положениями. Краткие же значительно сокращаются, так что в неударенном открытом слогe разница между длительностью обеих групп гласных наиболее велика. В группе кратких выделяется фонема *i* своей большей сокращаемостью. В наиболее кратких своих вариантах фонемы *и* и *i* в положении между глухими могут полностью оглушаться.

В открытом ударенном слогe

Для этого положения имеются данные только по долгим гласным и только в 1-м фонетическом положении. Средняя длительность долгих по имеющимся записям (записаны слова *lūdi* 'он сказал', *mēdat* 'днем') равна 16.8с (7) с типовой длительностью и общим диапазоном длительности 19—16с. Эти цифры, хотя они и не достаточны, все же показывают, что ударение не влияет на длительность долгих в открытом слогe: ударные гласные не длиннее безударных (по данным цифрам они даже несколько короче).

В исходе слова

В односложном слове имеются данные лишь для кратких *i* и *u* в словах *zi* 'возьми' и *ʃu* 'он сделал'. Длительность *i* равна здесь 12.3σ (4), длительность *u* 13.8σ (4), т. е. равна в общем их длительности в закрытых слогах односложного слова.

Как уже говорилось при описании качества кратких гласных, они характеризуются в исходе слова, особенно односложного, резким обрывом гласной артикуляции и последующим придыханием. По подъему же гласные *i* и *u* имеют в абсолютном исходе наиболее широкие варианты звучания («е» и «о»). Кроме того, для исходных кратких характерна тенденция к их растяжению (удлинению), что сопровождается утерей их обрывистости и придыхания; это происходит обычно в двусложных словах, и благодаря этому создаются фонетические предпосылки для слияния кратких гласных с соответствующими долгими. Живой процесс такого перехода отмечался для фонемы *i* ($i > \bar{i}$) при ее описании.¹ Приводимые ниже цифровые данные выявляют пределы колебаний фонемы *i* по длительности в исходе двусложного слова и пределы ее возможного растяжения.

Длительность *i* в исходе рассматривается в соотношении с длительностью долгих, с одной стороны, и с длительностью краткого *a* — с другой, поскольку примеров на краткое *u* в исходе слова не было найдено.

Долгие

Тип: *taǰá*, *ʃumlé*, *dǒnó*

\bar{a}	\bar{e}	\bar{o}
17.9 (8)	14.1 (4)	20.0 (13)
20—17	—	21—17
20—15	16—12	25—17

Другие долгие гласные в исходе слова почти не встречаются, и для них данных нет. Приведенные цифры для гласных \bar{a} и \bar{o} дают примерно ту же длительность, что и в других положениях в двусложном слове. Значительно более краткой оказывается фонема \bar{e} при средней длительности всего в 14σ. Хотя для \bar{e} имеется всего 4 измерения, однако зафиксированную краткость едва ли можно считать случайной: ее диапазон в пределах этих четырех произнесений узкий и охватывает всего 5σ. Сравнительная краткость \bar{e} вполне объяснима фонологически. В исходе слова фонема \bar{e} не имеет противостоящего краткого звука, близкого ей по качеству. Краткий гласный переднего ряда в этом положении имеет более широкое звучание (вариант «е»),

¹ Для *u* такой переход, как уже говорилось, не характерен, поскольку оно очень редко встречается в абсолютном исходе. Для *a* этот переход ($a > \bar{a}$) закономерен.

поэтому признак длительности для фонемы \bar{e} в исходе не столь существен, как для фонем \bar{a} и \bar{o} , качественно сближающихся или совпадающих в исходе с краткими a и u . Таким образом, длительность фонемы \bar{e} мы можем рассматривать как предел минимальной длительности долгих в исходе.

Краткое a , имея противостоящей себе парой долгое \bar{a} , всегда отчетливо противопоставляется ему по длительности и не проявляет тенденции к растяжению. Поэтому длительность краткого a в исходе может служить как бы эталоном нормальной длительности кратких в этом положении. Засвидетельствованная его длительность в слове *aga* равна 10.7σ (8) с диапазоном типовой длительности в $12-9\sigma$, т. е. равна в общем длительности a в других положениях в двусложном слове.

Фонема i в исходе (в варианте « ϵ »), не имея противопоставляющейся долгой пары (фонема \bar{i} в исходе не встречается вовсе), может сильно растягиваться. При растяжении теряется характерная для исходных гласных обрывистость и придыхательность. Имеющиеся цифровые данные (22 измерения) дают как краткие варианты звучания i , так и случаи растяжения, часто в одних и тех же словах. Основные отмеченные варианты следующие.

1. Краткие варианты, обычно сопровождаемые особыми признаками кратких гласных (обрывистостью звучания и придыханием), встречены в следующих словах: *qatí* послелог совместности действия, *sewjí* 'бедро', *zamčí* 'квасцовый', *pičoni* 'лоб', *qozí* 'судья'. Средняя длительность краткого варианта i в этих словах равна 14.5σ при 7 измерениях, с типовой длительностью в $15-14\sigma$ и с диапазоном предельной длительности в $16-13\sigma$. Этот вариант относится к типу кратких гласных, поскольку он по большей части сопровождается придыханием и поскольку нормальная длительность долгих (исключая \bar{e}) имеет своим пределом 17σ . Однако длительность в $15-14\sigma$ уже ступень к тому, чтобы исходное i отделилось от кратких гласных. При такой длительности обрывистость звучания i и придыхательность часто ослабевают и могут отсутствовать. Так, из засвидетельствованных 7 случаев данного варианта, в 3 случаях i не имеет этих признаков. К тому же длительность в $15-14\sigma$ может характеризовать и долгий гласный (длительность \bar{e} в исходе слова).

2. Следующий, промежуточный вариант со средней длительностью в 16σ отмечен в словах *qozí* и *zamčí* (4 случая). При такой длительности уже вовсе не наблюдается характерных свойств кратких (обрывистости и придыхательности), и этот вариант уже приближается к типу долгих гласных.

3. Третий вариант — наиболее частый (11 случаев) — представляет собой отчетливо выраженный долгий гласный (« \bar{e} ») со средней длительностью в 19.5σ (11) и с типовой длительностью в $21-18\sigma$. Засвидетельствован в словах *pōri*, *γaybí*, *qōzi*, *sēwjí*, *zamčí*, *pičōni*, *qatí*.

В результате можно видеть, что хотя *i* в исходе слова и может переходить в долгий гласный (в фонему \bar{i}), но может также быть сокращен и восстановлен в *i*.

Выводы

Все приведенные цифры показывают следующее.

1. Долгие гласные мало изменяются в зависимости от фонетического положения. Нормально пределом их сокращаемости является длительность в 17с.

2. Диапазон кратких гласных тоже не очень широк. Более сильно сокращаются они лишь в неударенном открытом слоге в соседстве с глухими. При этом *i* выделяется как гласный, более склонный к редукации. Нормальный же диапазон кратких лежит между 13—8с.

3. Противоположение между долгими и краткими сохраняется очень отчетливо во всех фонетических положениях за исключением исхода слова.

4. В исходе слова краткие гласные склонны сильно растягиваться, что может приводить к их переходу в этом положении в соответствующие долгие. Такой переход для фонемы *a* закономерен (краткое *a* сохраняется лишь в небольшом количестве слов, где его краткость стала устойчивой); для фонемы *i* наблюдается живой процесс этого перехода, еще не приведший к закрепившимся результатам; для фонемы *u* он не получает развития, поскольку *u* в исходе очень редко встречается.

РУШАНСКИЙ ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ФОНЕМ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Рушанский вокализм насчитывает 10 фонем, 6 из которых долгие (\bar{i} , \bar{e} , \bar{a} , \bar{o} , \bar{u} , \bar{u}) и 4 краткие (*i*, *a*, *o*, *u*), отличаясь от шугнанского отсутствием долгого открытого \bar{e} в переднем ряду и наличием второго краткого гласного *o* в заднем ряду.

Таблица рушанских гласных

Диапазон краткого <i>i</i>	$\left\{ \begin{array}{l} \langle \bar{i} \rangle \\ \langle i \rangle \\ \langle e \rangle \\ \langle \bar{e} \rangle \end{array} \right\}$	$\left. \begin{array}{l} i \\ \bar{e} \end{array} \right\} \begin{array}{l} I \\ \bar{e} \end{array}$	$\left. \begin{array}{l} \bar{u} \\ \bar{u} \\ \bar{o} \end{array} \right\} \begin{array}{l} u \\ o \end{array}$	$\left\{ \begin{array}{l} \langle u \rangle \\ \langle \bar{u} \rangle \\ \langle o \rangle \\ \langle \bar{o} \rangle \end{array} \right\}$	Диапазон краткого <i>u</i>
		$\left. \begin{array}{l} i \\ \bar{e} \end{array} \right\} \left. \begin{array}{l} u \\ o \end{array} \right\} \left. \begin{array}{l} a \\ \bar{a} \end{array} \right\}$			

Долгие гласные качественно в общем совпадают с соответствующими шугнанскими. Можно отметить лишь некоторые отличия в звучании фонем \bar{e} и \bar{u} .

Фонема \bar{e} , не имеющая, в отличие от шугнанского \bar{e} , противостоящего ей открытого долгого гласного, характеризуется несколько более широким диапазоном по подъему и может несколько больше расширяться, чем шугнанское \bar{e} . Но все же основное ее произношение узкое, типа шугнанского \bar{e} , а не \bar{e} . Как и шугнанское \bar{e} , фонема \bar{e} в более быстрой речи, особенно в положении перед носовыми, может произноситься настолько узко, что на русский слух может быть смешана с фонемой \bar{i} : «*reziŋ*» 'дочь' (фонологически *rizēn*), «*šagiŋ*» 'телята' (фонологически *šagēn*).

Фонема \bar{u} в общем тоже близка по звучанию к шугнанскому \bar{u} , но может несколько больше продвигаться вперед: («*rū-δ*» 'нога'), особенно в соседстве с согласными со среднеязычной артикуляцией («*čū-r*» 'муж'), но все же не доходит до смешанного ряда. Диапазон по подъему такой же, как для шугнанского \bar{u} .

Остальные долгие гласные совпадают по своему качеству с соответствующими шугнанскими.

Точно так же совпадают в основном с шугнанскими рушанские долгие в их выявлении в начале и в исходе слова. В начале слова передние долгие \bar{i} и \bar{e} не встречены без предшествующего *y*: *yīw* 'один', *yīd* 'мост', *yēst* 'несет'. Однако долгое \bar{u} , в отличие от шугнанского, засвидетельствовано в начале слова и без предшествующего *w*: *ūvd* || *wūvd* 'семь'. В исходе слова долгие \bar{i} , \bar{e} , \bar{u} и \bar{u} совсем или почти совсем не встречаются. Долгие \bar{i} , \bar{e} и \bar{u} засвидетельствованы в исходе в тех же словах, что и в шугнанском: *sī* 'тридцать', *šambé* 'суббота', *šūmné* 'завтра', *kū* 'гора', *gurū* 'толпа', *jōdū* 'колдовство'. Фонема \bar{u} в исходе не засвидетельствована вовсе. Встречающиеся иногда случаи произношения долгого \bar{i} в исходе в таджикских словах (*tayyōrī* 'подготовка') говорят лишь о таджикской манере произношения. Употребление \bar{o} и \bar{a} в исходе также вполне аналогично шугнанскому; исходное *a* в именах нормально является долгим.

Как и в шугнанском, долгие, попадающие в исход в сокращенных формах слова, переходят в соответствующие краткие: *-andī* || ш. *-andīr* 'внутри', *qatī* || ш. *qatīr* 'вместе', *zi* < *zēz* 'возьми', *čo* || *ču* < *čūg* 'сделал', *xo* || *xu* < *xūg* 'съел', *sa* < *sāw* 'иди', *da* < *dād* 'дай' и т. д.

Таким образом, фонетические закономерности, действующие в группе долгих гласных, те же, что и в шугнанском вокализме.

Словарное употребление долгих гласных \bar{a} и \bar{u} в общем, за небольшими исключениями, совпадает с употреблением шугнанских \bar{a} и \bar{u} . Словарное употребление остальных долгих гласных значительно расходится с шугнанским. О шугнано-рушанских соответствиях детальнее будет сказано в специальном разделе (стр 121). Здесь же приводятся лишь примеры на употребление фонем \bar{i} , \bar{e} , \bar{u} и \bar{o} .

Примеры на употребление \bar{i} : *mīd* 'день', *yīd* 'мост', *sīr* 'сытый', *īiw* 'охота', *dīg* 'котел', *pīx* 'вперед', *xiz* послелог направления, *rid*

‘остался’, *indíd* ‘вошел’, *xíbun* ‘избиваю’, *pínz* ‘пять’, *yíw* ‘один’, *xín* ‘сизый’, ‘бурый’, *qačír* ‘мул’, *indíðd* ‘входит’, *qíwd* ‘зовет’, *čígów* ‘делать’, *xígów* ‘есть’.

Примеры на употребление *ē*: *čēg* ‘нож’, *mēst* ‘луна’, *γēt* ‘рот’, *vērgz* ‘кобылица’, *nēz* ‘нос’, *tēr* ‘черный’, *wēð* ‘канал’, *ðēd* ‘война’, *xēytów* ‘читать’, *nēððów* ‘сажать’, *zēxtów* ‘брат’, *míðén* ‘среди’, *rasén* ‘сыновья’, *dēw* ‘див’, *čēmt* ‘хочет’, *žēr* ‘камень’, *pēs* ‘лицо’, *wēz* ‘груз’, ‘вьюк’, *xēz* ‘ключ’, *rizén* ‘дочь’, *bēr* ‘низ’, ‘внизу’.

Примеры на употребление *ō*: *viróð* ‘брат’, *mōd* ‘мать’, *zōrð* ‘сердце’, *tōv* ‘раз’, *xōx* ‘рог’, *xōj* ‘страх’, *žōw* ‘корова’, *pōnd* ‘дорога’, *bōn* ‘борода’, *xōm* ‘вечер’, *zōd* ‘родила’, *ðōd* ‘попал’, ‘выпал’, *sipórd* ‘вручил’.

Примеры на употребление *ū*: *vūrj* ‘конь’, *pūð* ‘нога’, *pūð* ‘пуля’, *būb* ‘дед’, *yūc* ‘огонь’, *ðūd* ‘дал’, *zūxt* ‘взял’, *yūð* ‘отнес’, *čūr* ‘муж’, *cavūr* ‘четыре’, *ðūrg* ‘палка’, *xadūrj* ‘мельница’.

Гласные заимствованных слов передаются в общем так же, как в шугнанском.

Краткие гласные *e*. Краткий гласный нижнего подъема *a* фонетически не отличается от шугнанского *a*; в исходе слова в именах, как и шугнанское *a*, закономерно переходит в *ā*.

Краткий гласный переднего ряда *i* имеет такой же широкий диапазон по подъему, как и шугнанское *i* (от «i» до «e»), но несколько отличается от последнего в звучании основного своего варианта: средний вариант рушанского *i*, т. е. не самый закрытый («i») и не самый открытый («e»), наиболее часто встречающийся в речи, является более открытым, чем средний вариант шугнанского *i*: шугнанское «píd || pēd» ‘отец’ в рушанском звучит как «pēd || pēd». Таким образом, вариант «e» (4-я ступень подъема) нормален для рушанского *i* в закрытых слогах в соседстве со смычными.

Другая особенность рушанского *i* наблюдается в его положении в исходе слова. Не имея противостоящей близкой себе по качеству долгой фонемы, поскольку фонема *ē* в рушанском отсутствует, рушанское исходное *i* тем самым не может, даже при некотором растяжении, сближаться с каким бы то ни было долгим гласным (фонема *ē* значительно уже, чем исходный «e»-образный вариант *i*). А раз исходное *i* не сближается и не сливается с каким-либо долгим, то оно тем самым и не растягивается до таких пределов, как может растягиваться шугнанское *i*, превращающееся в *ē*, и не превышает нормально длительности в 14—16 σ.

Краткий гласный заднего ряда *u* имеет несколько более узкий диапазон по подъему, по сравнению с шугнанским *u*, поскольку он противопоставляется другому краткому (*o*), отсутствующему в шугнанском. Общий диапазон *u* колеблется от 6-го до 4-го подъема (обычно от «u» до «o»). Впрочем, более широкие варианты звучания *u* для

шугнанского и характерны только в исходе слова, так что различие в степени открытости и обоих диалектов касается только этого одного положения (ш. «хэ» || р. «хэ» 'сьел').

Заметнее отличается рушанское и от шугнанского своим диапазоном по признаку ряда: в благоприятных фонетических условиях оно может более или менее заметно продвигаться вперед, давая акустическое впечатление мягкого и (вариант «u₋»). В соседстве с согласным со среднеязычной артикуляцией это продвижение вперед является нормальным: «čv₋gv₋k» 'человек', 'мужчина'. В соседстве с заднеязычными и увулярными согласными, а также в соседстве с фонемой *ʷ* продвижения и вперед не происходит: «gvx» 'свет', «čvʰx» 'петух', «wvʰf» 'их', «wvʰj» 'волк'. Также никогда не продвигается вперед и в начале слова: «um» 'её', «uf || wvʰf» 'их'. В остальных случаях продвижение и вперед может наблюдаться: «lv₋vd» 'сказал', «mardv₋m» 'люди', но обычное, наиболее частое звучание и в этих случаях все же заднее: «mardum, luvd». Таким образом, рушанское и определяется как гласный заднего ряда, но в известных случаях способный продвигаться вперед.

В исходе слова, где и наиболее расширяется, оно легко смешивается с другим, более открытым кратким гласным — с кратким о. Поэтому исходное и в таких словах, как: *či* 'сделал', *xi* 'сьел', *avi* 'принес', имеет дублетное произношение с о: *čo, xo, avó*. Сохранение и поддерживается здесь возможностью присоединения к этим словам энклитических союзов: *či-yatā, či-xi* 'сделал и...'. В этих случаях и, попавшее в середину слова, восстанавливает свое более узкое звучание. Союз *xi*, за которым обычно следует пауза, нормально имеет произношение с фонемой о: *xo*.

Словарное употребление всех трех рассмотренных кратких гласных в общем совпадает с шугнанским.

Краткое о отличается от и своей большей открытостью и большей протяженностью. Оно вообще выделяется своей большей длительностью по сравнению с остальными краткими гласными. По степени подъема оно колеблется от закрытого «о» до открытого «э» под влиянием тех же фонетических условий, которые определяют и колебания фонем *i* и *u* по подъему. Поскольку фонема и в более открытом своем звучании тоже имеет вариант «о», то, следовательно, диапазон обеих фонем совпадает в этом варианте. Однако поскольку расширение и сужение обеих фонем происходит в одних и тех же фонетических положениях, то в тождественных фонетических положениях фонема о всегда оказывается шире фонемы и: «rɔx || gvɔx» (фонологически *gvɔx*) 'утро' и «pɔx || gvɔx» (фонолог. *pɔx*) 'нары'; «čvʰx» (фонолог. *čvʰx*) 'петух' и «soʰx» (фонолог. *soʰx*) 'горький' и т. д. Благодаря этому, смешения фонем и и о обычно не наблюдается, за исключением исхода слова, где противоположение обеих фонем значительно ослабляется, поскольку

и в этом положении растягивается и расширяется, что и ведет к переходу его в фонему *о*: *či* > *čo* 'сделал', *xu* > *xo* 'съел', но с сохранением все же дублетного произношения (*či* || *čo*, *xu* || *xo*).

Аналогично фонеме *и*, фонема *о* может заметно продвигаться вперед, особенно под влиянием согласных со среднеязычной артикуляцией: «*čo*-d» 'дом', «*žo*-z» 'дрова', «*šo*-g» 'теленок'. В соседстве с увулярными и заднеязычными фонема *о* всегда заднего ряда: «*xэг*» 'солнце', «*пэх*» 'нары', «*бэq*» 'пригорок'.

Самостоятельность обеих фонем и их противоположение друг другу доказываются тем, что обе они встречаются в одних и тех же фонетических положениях, т. е. тем, что их употребление не обусловлено фонетическим положением: *čix* 'петух' и *sox* 'горький', *xix* 'приятный' и *xox* 'теща', *rix* 'утро' и *xor* 'солнце', *dit* 'хвост' и *đod* 'дым'. Для большей убедительности могут быть приведены и пары слов, отличающиеся только гласными: *bič* 'козел' и *boč* 'поцелуй'.

Кроме качества, в противоположении обеих фонем большую роль, как уже упоминалось, играет также момент длительности: *о* в ударных слогах (особенно в односложных словах) может быть весьма протяженным и даже может быть неотличимо на русский слух по длительности от долгих гласных. А поскольку качественно фонема *о* может совпадать в своих вариантах с долгими *ō* и *ū*, то важно указать также, что она не является вариантом и этих фонем, а противопоставляется им так же, как и фонема *и*. Это противоположение подтверждается следующими парами слов: *xor* 'солнце' и *xōr* 'ничтожный', *xoj* 'бык' и *xōj* 'страх', *xox* 'теща' и *xōx* 'рог', *zod* 'убил' и *zōd* 'родила', *pod* 'след' и *pōd* 'нога', *đod* 'дым' и *đūd* 'дал', *sox* 'горький' и *sūx* 'истрепанный'.

Примеры на употребление фонемы *о*: *čod* 'дом', *xor* 'солнце', *žoz* 'дрова', *šog* 'теленок', *qoč* 'живот', *boq* 'пригорок', *kol* 'голова', *šol* 'увечный', *tor* 'верх', *divoč* 'дверь', *sifōd* 'поднялся', *zod* 'убил', *nox* 'нары', *boč* 'поцелуй'.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Главной задачей при измерении длительности рушанских гласных было выяснение длительности фонемы *о* сравнительно с долгими и остальными краткими гласными.

Для большей точности выводов запись на кимографе была произведена от двух лиц (студентов Сталинабадского педагогического института): Сайнакова и Базидова, уроженцев селения Дерзуд. Сайнаков в своем произношении дает тип обычного стиля речи, произношение же Базидова является образчиком отчетливого произношения. Запись каждого диктора производилась в один прием (в сентябре 1949 г.). Порядок расположения цифровых данных и выделяемые фонетические положения те же, как и в соответствующем разделе

шугнанского вокализма, лишь с выделением при трактовке фонемы *o* добавочного фонетического положения *1a*. Данные записи Сайнакова приводятся под буквой *C.*, данные Базидова под буквой *B.*

**Отношение фонемы *o*
к долгим и кратким гласным (в односложном слове)**

Поскольку фонема *o* встречается чаще в односложных словах и, поскольку для других положений за недостатком фонологически проверенных текстов подобрать необходимое количество примеров не представлялось возможным, длительность фонемы *o*, сравнительно с длительностью остальных гласных, рассматривается в настоящем очерке почти исключительно в односложных словах.

Перед одним согласным

Долгие гласные

C.

1) Тип: *sām, sīr, sēr, bīb, bīn, bōn*

\bar{a}	\bar{i}	\bar{o}
19.8 (5)	19.8 (16)	18.8 (3)
—	23—17	—
22—18	23—16	21—17
\bar{u}	\bar{u}	\bar{o}
21.3 (13)	23.4 (14)	23.8 (28)
22—18	27—20	27—22
25—18	27—20	27—20

2) Тип: *bāt, nās, tōq*

\bar{a}	\bar{u}	\bar{o}
17.3 (3)	20.2 (3)	22.1 (5)
—	—	23—22
20—15	22—19	26—22

Существенно, что в 1-м положении отчетливо выделяются своей большей длительностью гласные заднего ряда, особенно \bar{u} и \bar{o} , чего не наблюдалось в шугнанском вокализме. Что большая длительность этих гласных не случайна, показывают также цифры 2-го фонетического положения, где, хотя и при малом количестве измерений, выявляется то же самое соотношение длительности долгих гласных между собой..

Краткие гласные

C.

1) Тип: *zoz, tor, dar, vid, sir, ziv*

<i>o</i>	<i>a</i>	<i>u</i>	<i>i</i>
18.1 (5)	13.2 (11)	—	13.2 (33)
20—16	15—12	—	16—12
20—16	15—12	—	16—11

1а) Тип: *šog, toj, kol, θud, xud, pid, mis*

о	а	и	і
16.0 (26)		11.9 (21)	10.9 (14)
17—15	—	13—10	13—9
18—14		14—10	13—9

2) Тип: *pos, θok, sat, xac, pic, čux, čit*

о	а	и	і
11.9 (8)	11.3 (20)	9.3 (12)	10.4 (6)
13—10	13—9	11—7	—
14—10	13—9	14—6	13—8

Приведенные цифры показывают, что *о* в положении не между глухими резко отличается от остальных кратких гласных, имея большую абсолютную длительность, особенно в 1-м фонетическом положении, — между звонкими или перед *г*, где его средняя длительность равна 18σ. Существенно отметить, что в приведенных данных пришлось выделить фонетическое положение 1а (сочетание глухого со звонким смычным), поскольку оно оказывает иное влияние на *о*, чем на остальные гласные: *о* в этом положении сокращается мало, так что по отношению к *о* фонетическое положение 1а вполне может быть объединено с 1-м положением. Напротив, на остальные гласные фонетическое положение 1а влияет так же, как и 2-е (между двумя глухими), почти одинаково сокращая гласный. В положении между глухими длительность *о* совпадает с длительностью остальных кратких.

Сравнивая длительность *о* с длительностью долгих, получаем следующую картину. (Положение 1-а приравнивается для долгих ко 2-му положению, поскольку в обоих случаях долгие сокращаются одинаково).

С.

ā, ī, ē	о	ū	ū̇, ē̇
1) 19.7 (24)	18.1 (5)	21.3 (13)	23.7 (42)
22—17	19—16	22—18	27—20
23—16	20—16	25—18	27—20
1а) 17.3 (3)	16.0 (26)	—	21.4 (8)
—	17—15	—	23—19
20—15	18—14	—	26—19
2) 17.3 (3)	11.9 (8)	—	21.4 (8)
—	13—10	—	23—19
20—15	14—10	—	26—19

Как можно видеть, в первых двух положениях гласный *о* очень слабо отличается по длительности от долгих гласных переднего ряда, несколько больше — от фонемы *ū* и вполне отчетливо противопоставляется близким к нему по качеству гласным заднего ряда *ū̇* и *ē̇*. Всей группе

долгих гласных фонема *o* четко противопоставляется по длительности только в положении между глухими, где она сильно сокращается, уравниваясь по длительности с группой кратких гласных. Таким образом, *o* занимает по долготе промежуточное положение между двумя группами гласных, в одних положениях сближаясь с одной из них, в других — с другой.

Именно наличием этой фонемы *o*, более протяженной, чем остальные краткие гласные, объясняется большая длительность рушанских долгих заднего ряда по сравнению с долгими переднего ряда. Противопоставляясь фонеме *o*, близкие ей по качеству долгие гласные \bar{o} и \bar{u} должны сильнее растягиваться, чтобы не совпасть с ней.

Существенно отметить, что в тех случаях, когда имеют место парные слова, различающиеся только гласным (например, *rod* 'след' и *ryd* 'нога'), то долгие \bar{o} и \bar{u} в таких словах могут растягиваться чрезвычайно сильно, даже в неблагоприятном фонетическом положении (между глухими). Так, в слове *xōx* 'рог', противостоящем слову *hox* 'теща', засвидетельствованная длительность \bar{o} равна 28.6 с (3), или в слове *xōj* 'страх', противостоящем слову *xoj* 'бык', длительность \bar{o} равна 27.0 с (3). Длительность \bar{o} достигает здесь максимально долгих вариантов своего звучания, характерных для всех долгих гласных при более отчетливом произношении.

Такой более отчетливый тип произношения с максимальным растяжением долгих дает, как уже говорилось, другой диктор — Базидов, что можно видеть из следующих цифр (записанные слова — те же).

Б.		
\bar{a}	\bar{i}	\bar{e}
1) 29.1 (3)	27.4 (5)	29.3 (2)
—	—	—
32—26	35—23	30—29
	\bar{u}	\bar{o}
	29.3 (14)	28.3 (19)
	31—27	31—26
	35—26	35—23

Эта запись показывает пределы растяжения долгих гласных при отчетливой речи. К этим же максимальным пределам длительности стремятся долгие \bar{o} , \bar{u} и в обычном стиле речи (запись Сайнакова) при их противопоставлении краткому *o* в парных словах.

Значит, если в быстрой речи длительность долгих гласных переднего ряда \bar{i} , \bar{e} , \bar{a} может уравниваться с длительностью краткого гласного заднего ряда *o*, то все же они не могут быть объединены в одну группу не только потому, что гласные \bar{i} , \bar{e} , \bar{a} не могут сокращаться до такой степени, как сокращается *o* между глухими, но также и потому, что в отличие от *o*, аналогично остальным долгим гласным, фонемы

ī, ē, ā при отчетливой речи могут сильно растягиваться в любом фонетическом положении.

То, что *o* действительно не может растягиваться даже в отчетливой речи, показывает та же запись Базидова, которая дает следующие цифры длительности *o* и других кратких гласных.

Б.

1) Тип: *tor, vij, vid*

o	i
20.5 (6)	18.3 (10)
22—19	19—17
22—19	21—17

1а) Тип: *toj, čod, xor, xud, đud*

o	u
19.7 (20)	16.2 (18)
20—18	19—13
22—18	19—12

2) Тип: *cox, đok, puc, sut, čit*

o	u	i
15.9 (13)	12.2 (12)	11.9 (3)
16—13	13—10	13—10
21—13	16—10	13—10

Эти цифры показывают, что при отчетливом произношении краткие гласные за исключением *o* значительно удлиняются: при более быстрой речи их средняя длительность в 1-м фонетическом положении равна 13 σ (запись С.), при отчетливом произношении — 18 σ (запись Б.). Длительность же гласного *o* почти не меняется: при более быстрой речи средняя длительность его равна 18 σ (запись С.), при отчетливом произношении — 20 σ. В результате длительность *o* уравнивается с длительностью остальных кратких гласных. От долгих же гласных, сильно растягивающихся при отчетливой речи, *o* отделяется весьма резко, что можно видеть при сравнении их длительности в 1-м фонетическом положении:

Б.

<i>ā, ī, ē</i>	<i>ū, ō</i>	o
1) 28.3 (10)	28.8 (33)	19.8 (24)
30—26	31—26	20—18
35—23	36—23	22—18

Таким образом, при отчетливом произношении как все долгие внутри группы долгих, так и все краткие внутри группы кратких уравниваются между собой по длительности в вариантах максимальной своей длительности: типовая длительность всех долгих в 1-м положении при отчет-

ливой речи равна 30—26σ, типовая длительность всех кратких равна 20—17σ. Для фонем *ō* и *ū*, с одной стороны, и для фонемы *o* — с другой, эти максимальные варианты длительности являются в то же время типичными и для обычного стиля речи. Таким образом, фонемы *ō* и *ū* в группе долгих, а фонема *o* в группе кратких выделяются своей устойчивостью, т. е. малой способностью к сокращению.

Перед двумя согласными

В этом положении выявление длительности всех гласных в общем такое же, как и в слоге, закрытом одним согласным, что можно видеть из следующих данных.

Б.

1) Тип: *dāxt, xūvd, zūxt, vost, luvd, čarm*

<i>ā, ū, u</i>	<i>o</i>	<i>u, a</i>
31.4 (18)	21.4 (6)	18.7 (6)
34—25	22—20	20—17
37—25	24—20	20—17

2) Тип: *čāng, tēzd, cōnd, poxt, čox̄t, čust, kixt, zimc, niđt*

<i>ā, ē, ō</i>	<i>o</i>	<i>u, i</i>
27.0 (27)	19.3 (16)	15.0 (21)
32—22	22—17	21—12
35—22	23—14	21—10

Как можно видеть из этих цифр, при отчетливом произношении длительность гласных перед двумя согласными не сокращается — напротив, заметно даже стремление Б. к большему растягиванию гласных в этом положении; максимальный предел типовой длительности долгих гласных здесь на несколько сигм выше, чем в положении перед одним согласным. Однако, в отличие от предшествующего положения, для слога, закрытого двумя согласными, отмечается несколько больший диапазон сокращаемости долгих гласных. При явной тенденции Базидова к отчетливому произношению, все же типовая длительность долгих спускается до 22σ (во 2-м фонетическом положении). Следовательно, для положения перед двумя согласными можно констатировать большую неустойчивость длительности долгих, т. е. большую их способность и к растяжению и к сокращению. Эта неустойчивость должна еще резче выявиться в произношении Сайнакова как менее отчетливом, что в действительности и наблюдается, особенно во 2-м фонетическом положении.

С.

1) <i>ā, ē, ū</i>	<i>o</i>	<i>a, u, i</i>
26.4 (11)	13.2 (5)	—
32—22	14—12	—
32—17	14—12	—

2) $\bar{a}, \bar{u}, \bar{o}$	o	i
20.9 (12)	13.4 (9)	11.1 (3)
28—16	15—12	—
30—16	15—12	12—11

Характерно, что здесь задние гласные \bar{o} и \bar{u} не выделяются своей большей устойчивостью и могут почти так же сокращаться, как и долгие переднего ряда. Соответственно этому и o является значительно более кратким, чем в положении перед одним согласным, и не может удлиняться.

Рассмотренные в этом разделе цифры показывают, что фонема o хотя и сильно отличается своей длительностью от кратких гласных и может совпадать в быстрой речи по длительности с долгими гласными переднего ряда, — все же она объединяется с группой кратких гласных: с одной стороны, в определенных фонетических условиях она может сокращаться до таких пределов, до которых не могут сокращаться долгие гласные, с другой стороны, она не может растягиваться в противоположность долгим свыше 22 г. А поскольку при отчетливом произношении остальные краткие тоже удлиняются до 20 г, то при отчетливом произношении количественная грань между o и остальными краткими гласными стирается при резком противопоставлении всей группы кратких группе долгих гласных.

Но все же наличие фонемы o в системе рушанского вокализма создает предпосылки для возможного изменения количественных взаимоотношений в последней. Будучи устойчивой, фонема o не сокращается в быстрой речи (за исключением положения между глухими) в отличие от остальных кратких и уже тем самым противопоставляется им. Долгие же гласные переднего ряда \bar{i}, \bar{e} и \bar{a} , заметно сокращаясь в быстрой речи, тем самым сближаются по длительности с фонемой o , но отходят от фонем \bar{o} и \bar{u} , которые являются устойчивыми и не могут сокращаться, поскольку они при сокращении могли бы смешаться с фонемой o . В результате, в пределах односложного слова четкое деление на две группы с равной длительностью для гласных внутри каждой группы ($\bar{i}, \bar{e}, \bar{a}, \bar{u}, \bar{o}$ и o, a, u, i) существует только в отчетливом произношении. В быстрой же речи намечается отделение $\bar{i}, \bar{e}, \bar{a}$ от остальных долгих и o от остальных кратких и их взаимное сближение.

Длительность долгих и кратких гласных в двусложном слове¹

Длительность долгих и кратких гласных в двусложном слове и ее изменения в зависимости от фонетического положения в общем аналогичны рассмотренным в соответствующем разделе шугнанским гласным.

¹ Как уже говорилось, данных по фонеме o в двусложном слове почти нет.

Именно: все гласные несколько короче, чем в односложном слове, долгие гласные меняются по длительности при изменении фонетического положения сравнительно мало, сокращаясь наиболее заметно в неударенном закрытом слоге. В открытых слогах долгие гласные вообще более устойчивы, и отсутствие ударения в открытом слоге не меняет заметно их длительности. В отличие от шугнанских, рушанские долгие заднего ряда, как и в односложных словах, более устойчивы, чем фонемы *i*, *ē*, *ā*. Краткие гласные *a*, *u*, *i* сильно сокращаются в неударенном открытом слоге, причем *u* и *i* между глухими могут полностью оглушаться. Фонема *o* в двусложных словах во всех засвидетельствованных случаях примыкает по длительности к кратким гласным. Ниже приводятся соответствующие цифровые данные.

В ударенном закрытом слоге¹

В словах: *dāxti*, *téždam*, *zūxti*, *nūqróž*, *digvár*, *đostén*, *lúvdi*, *pitiš*, *kudák*, *čurúk*, *đóxtum*

Б.

<i>ā, ē</i>	<i>ū</i>	<i>a, u, i</i>	<i>o</i>
21.8 (19)	26.0 (5)	12.4 (8)	15.0 (5)
25—21	28—24	14—11	—
29—16	28—24	14—10	17—13

С.

<i>ē</i>	<i>ū, ō</i>	<i>a, u, i</i>
14.8 (3)	17.9 (4)	9.1 (14)
—	20—16	12—8
16—13	20—16	13—8

В неударенном закрытом слоге

1) Тип: *sēwji*, *zamči*, *digvár*, *đostén*

Б.

<i>ē</i>	<i>a, i</i>	<i>o</i>	<i>ō</i>	<i>a</i>
17.7 (4)	12.2 (8)	13.7 (4)	14.2 (3)	9.6
—	13—12	—	—	11—8
20—15	13—9	15—12	17—15	11—8

С.

2) Тип: *nūqróž*, *puxtá*

Б.

С.

<i>u</i>	<i>u</i>
7.9 (4)	7.4 (4)
—	—
11—5	11—5

¹ Данные 1-го и 2-го слогов в этом положении объединяются, поскольку длительность гласных в них заметно не расходится. Данные 1-го и 2-го фонетических положений также объединяются, поскольку для ударных слогов они тоже не дают существенных расхождений.

В ударенном открытом слоге¹2) Тип: *tári, xómat, tári, múnā*²

Б.		С.	
<i>ā, ō</i>	<i>ō</i>	<i>a, u</i>	
25.5 (5)	20.3 (4)	9.9 (5)	
—	—	10—9	
28—22	21—20	10—9	

В неударенном открытом слоге

1) Тип: *sārdy, dōnō, sabō, zibō*

Б.		С.	
<i>ā, ō</i>	<i>a, i</i>	<i>ā, ō</i>	<i>a</i>
23.4 (4)	9.8 (4)	19.7 (4)	7.9 (7)
24—21	—	—	10—7
24—21	13—7	20—19	10—7

2) Тип: *miðō, qōzi, sētōr, sitōw, pirō, tuχā*

Б.		С.	
<i>ī, ō</i>	<i>u, i</i>	<i>ī, ē, ō</i>	<i>u, i</i>
18.5 (4)	5.0 (13)	13.8 (10)	4.6 (21)
—	8—5	16—13	6—4
21—16	9—2	18—11	8—2

Длительность краткого *i* в исходе слова

Как уже говорилось при качественной характеристике гласных, рушанское *i*, удлиняясь в исходе слова и расширяясь до варианта «е», в отличие от шугнанского не сближается качественно и тем самым не ассоциируется с каким-либо долгим гласным, поскольку долгое *ē* в рушанском диалекте отсутствует. Таким образом, рушанское исходное *i* свободно от фонологических влияний и подчиняется исключительно фонетическим факторам. Поэтому оно дает неосложненный добавочными влияниями образец, по которому можно определить фонетические свойства кратких в исходе, в частности нормальный предел их растяжения.³ Длительность *i* рассматривается срав-

¹ В открытых слогах зафиксированная длительность долгих гласных переднего и заднего рядов одинакова, поэтому данные по ним объединяются.

² В рушанском диалекте косвенный падеж местоимения 2-го лица имеет дублетное произношение: *tā || ta*. В произношении Базидова представлен первый вариант: *tári* 'тебе', в произношении Сайнакова — второй: *tári*.

³ Другие краткие гласные не могут дать такого образца. Краткое *a* уже разделилось на две фонемы, перейдя в большинстве слов в долгое *ā*, сохранившееся же исходное *a* утратило способность к удлинению, тем самым отделившись от типа других кратких гласных. Краткие гласные заднего ряда не свободны от фонологических влияний; для рушанского исходного *u* характерен переход в *o* как живой процесс, фонема же *o* вообще отличается от других кратких по длительности.

нительно с длительностью долгих гласных и сравнительно с длительностью краткого *a*, утратившего способность к удлинению в исходе; для кратких *и* и *о* в исходе цифровых данных нет.

В ударенном слогe

В словах: *zibǒ, dǒnǒ, pirǒ, šambǐ, tuǰǎ, puǰtǎ, sǐwǰi, zamǐi, tuǰa, aga*¹

С.

<i>ǒ, ǐ</i>	<i>i</i>	<i>a</i>
18.0 (16)	14.2 (10)	9.7 (9)
23—15	17—12	10—9
23—14	17—12	12—9

Б.

<i>ǎ, ǒ</i>	<i>i</i>	<i>a</i>
25.9 (19)	14.5 (11)	9.9 (6)
27—23	17—12	10—9
30—16	19—11	13—9

Характерно, что длительность *i* одинакова в обеих записях: более отчетливое произношение Базидова не удлиняет *i*, хотя долгие в его произношении сильно растягиваются. Значит, для рушанского *i* в ударенном исходе характерен сравнительно узкий и устойчивый количественный диапазон от 17 до 12σ, одинаковый для любого стиля речи, частично совпадающий при быстрой речи с типовой длительностью долгих гласных. Фонема *a*, как и следовало ожидать, имеет устойчивую краткость.

В неударенном слогe

В словах: *ǔmri, lǔvdi, zǔǰti, mǔnǎ*

С.		Б.
<i>ǎ</i>	<i>i</i>	<i>i</i>
21.3 (5)	11.1 (8)	14.3 (24)
22—20	14—9	17—9
22—20	14—9	20—9

Как видно из приведенных цифр, неударенное исходное *i* способно к большему сокращению, однако это сокращение необязательно, и при отчетливой речи (запись Базидова) длительность *i* в обоих положениях может быть одинаковой. Безударные долгие гласные, повидимому, вовсе не сокращаются, насколько можно судить по одной имеющейся записи. Таким образом, в безударных слогах количественное противоположение краткого *i* и долгих выражено более отчетливо.

¹ Слово *tuǰǎ* 'дорожные припасы' допускает параллельное произношение с кратким *a*: *tuǰa*. В этой форме оно и было произнесено Сайнаковым. Базидов, как и в других аналогичных случаях, дает произношение с долгим *ǎ*.

ХУФСКИЙ ВОКАЛИЗМ

Вокализм хуфского диалекта весьма близок к рушанскому, но существенно отличается от него тем, что имеет не только в заднем, но и в переднем ряду вторую краткую фонему, которая в дальнейшем изложении будет обозначаться знаком æ . В остальном составе фонем различий в рушанском и хуфском вокализме нет. Таким образом, хуфский вокализм насчитывает 11 гласных фонем, которые могут быть представлены в следующей таблице.

Варианты краткого i	$\left\{ \begin{array}{l} \langle i \rangle \\ \langle i \rangle \\ \langle e \rangle \\ \langle \epsilon \rangle \end{array} \right\}$	i \bar{i}	\bar{u} u	$\left\{ \begin{array}{l} \langle u \rangle \\ \langle u \rangle \\ \langle o \rangle \end{array} \right\}$	Варианты краткого u
Варианты краткого æ	$\left\{ \begin{array}{l} \langle \epsilon \rangle \\ \langle \text{æ} \rangle \end{array} \right\}$	æ	\bar{o} o	$\left\{ \begin{array}{l} \langle \text{æ} \rangle \\ \langle \text{æ} \rangle \end{array} \right\}$	Варианты краткого o
		a \bar{a}			

Фонема æ — очень открытый гласный, колеблющийся по подъему от 2-й до 3-й ступени (от $\langle \text{æ} \rangle$ до $\langle \epsilon \rangle$) и нормально дифтонгоидный ($\langle i\text{æ} \rangle$). Основным вариантом является открытый тип звучания ($\langle i\text{æ} \rangle$), сужение же наблюдается только в быстрой речи в двусложных и многосложных словах. Сужение фонемы æ в быстрой речи сопровождается ослаблением ее дифтонгоидности, так что такое слово, как *firæpt* 'достиг', может звучать и как $\langle f\bar{i}\bar{g}\text{æ}r\bar{t} \rangle$ и как $\langle f\bar{i}\bar{g}e\bar{r}p\bar{t} \rangle$, в зависимости от стиля речи. В полном же стиле речи дифтонгоидность æ обычно всегда хорошо слышна: $\langle r^i\text{æ}s \rangle$ 'лицо', $\langle wix^i\text{æ}z \rangle$ 'ключ', $\langle z^i\text{æ}g \rangle$ 'камень'. Фонетически дифтонгоидность æ представляет собой не постепенный переход от более узкого к более широкому звучанию, а резкий переход от $\langle i \rangle$ к $\langle \text{æ} \rangle$. Поэтому фонему æ можно было бы определить и как восходящий дифтонг, но с очень кратким и слабым первым элементом. Существенно отметить, что этот начальный элемент фонемы æ фонетически может реализоваться в сильной палатализации предшествующего согласного: $\langle r^i\text{æ}s \rangle$ 'лицо', $\langle z^i\text{æ}g \rangle$ 'камень', $\langle r\bar{e}z^i\text{æ}p \rangle$ 'дочь'.

Поскольку противостоящий фонеме æ другой краткий переднего ряда i имеет в ударном исходе слова, как и в других диалектах, широкое звучание (вариант $\langle \epsilon \rangle$), то тем самым он сближается фонетически с æ , в результате чего противоположение фонем i и æ в исходе очень ослабляется, что ведет к переходу исходного i в æ : $ki \parallel k\text{æ}$ 'сделай', $s\bar{a}wi \parallel s\bar{a}w\bar{e}$ 'ты пойдешь' и др. Можно сказать, что всякое ударное исходное i стремится к æ , однако в большинстве случаев, особенно в двусложных словах, произношение с i при отчетливой речи восстанавливается. В общем отношении исходного i к фонеме æ аналогично отношению рушанского исходного u к фонеме o , которое рассматривалось на стр. 109.

Примеры на употребление фонемы *æ*: *pæc* 'лицо', *žæp* 'камень', *wæz* 'груз', *abæ* 'низ', *rizæp* 'дочь', *wižæž* 'ключ', *wæžt* 'упал', *firæpt* 'достиг', *zænim* 'убью'.

Фонема *o*, соответствующая рушанскому краткому *o*, отличается от последнего фонетически, являясь, как и фонема *æ*, нормально дифтонгоидным гласным («^uэ», «^uо»): «*x^uɔg*» 'солнце', «*š^uog*» 'теленок', «*č^ud*» 'дом' и т. д. Как и у фонемы *æ*, начальный элемент дифтонга слабый, и в быстрой речи он может стираться, и тогда *o* воспринимается как однородный гласный: «*z^oɔɔm*» 'я убил'. После губных согласных начальный элемент фонемы *o* никогда не слышен, так как он поглощается губной работой согласного: «*sifod*» 'поднялся', «*dev^o*» 'дверь', «*av^o*» 'нашел' и т. д. Аналогично фонеме *æ*, начальный элемент фонемы *o* может фонетически реализоваться в предшествующем согласном, огубляя его: «*x^oɔg*» 'солнце', «*x^oɔ*» 'съел', «*č^od*» 'дом'. В остальном хуфское *o* не имеет отличий от рушанского; так же как рушанское, оно может заметно продвигаться вперед: «*č^uɔ-d*» 'дом', «*ž^uo-z*» 'дрова' и т. д. Отношение исходного *u* к фонеме *o* также аналогично рушанскому.

В остальном хуфский вокализм не отличается от рушанского: остальные гласные фонемы фонетически совпадают с соответствующими рушанскими гласными.

ШУГНАНО-РУШАНО-ХУФСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Словарное употребление кратких гласных *a*, *i*, *u* по всем диалектам в основной массе слов совпадает. Точно так же мало различий в употреблении по диалектам долгих *ā* и *ū*. В употреблении же остальных долгих гласных между шугнанским и рушанским диалектами наблюдаются большие расхождения, а иногда и полное несовпадение. Хуфский диалект по употреблению долгих гласных примыкает почти полностью к рушанскому, некоторое различие между ними обуславливается лишь наличием в хуфском вокализме фонемы *æ*. Ниже приводятся те основные линии соответствий шугнанских долгих гласных рушано-хуфским, которые удается сейчас выделить при слабой изученности словарного состава двух последних диалектов. Заимствованные слова во внимание не принимаются, поскольку гласные в них по всем диалектам обычно передаются одинаково.

Шугнанскому *ē* в обоих диалектах закономерно соответствует фонема *ē*. Примеры:

ш.	р., х.	
<i>sēr</i>	<i>sēr</i>	обмолоченное зерно
<i>tēr</i>	<i>tēr</i>	черный
<i>mēst</i>	<i>mēst</i>	месяц
<i>γēv</i>	<i>γēm</i>	рот
<i>vērž</i>	<i>vērž</i>	кобылица

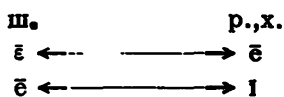
<i>zəxtów</i>	<i>zəxtów</i>	братъ
<i>təxtów</i>	<i>təxtów</i>	тесать
<i>rinés</i>	<i>rinés</i>	забудь
<i>nəddów</i>	<i>nəddów</i>	сажать
<i>ǰəvdów</i>	<i>ǰəvdów</i>	спать
<i>wēd</i>	<i>wēd</i>	канал, арык
<i>ǰəd</i>	<i>ǰəd</i>	война, битва
<i>čəd</i>	<i>čəg</i>	нож

Лишь в отдельных словах наблюдается соответствие шугнанского *ǰ* другим гласным: ш. *nəx* || р., х. *nox* 'нары', ш. *pəxt* || р., х. *rox* 'сварил'.

Шугнанскому *ǰ* в обоих диалектах соответствует в большинстве случаев фонема *ī*. Примеры:

ш.	р., х.	
<i>mēǰ</i>	<i>mīǰ</i>	день
<i>yēd</i>	<i>yīd</i>	мост
<i>sēr</i>	<i>sīr</i>	сытый
<i>ǰəw</i>	<i>ǰīw</i>	охота
<i>dək</i>	<i>dīg</i>	котел
<i>pəǰ</i>	<i>pīǰ</i>	впереди
<i>xəz</i>	<i>xīz</i>	последлог места и направления
<i>rəd</i>	<i>rīd</i>	остался
<i>dəd</i>	<i>indīd</i>	вошел
<i>təzd</i>	<i>x. tīzd</i>	уходит

Таким образом, в рассмотренных пределах наблюдаются вполне четкие и фонетически ясные соответствия: фонема *ǰ* сужается в рушано-хуфском в *ē*, соответственно чему рушано-хуфское *ē* сужается в *ī*, т. е. имеем следующую схему соответствий:

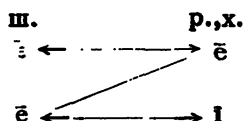
Однако эта схема усложняется тем, что не всякое шугнанское *ǰ* соответствует рушанскому *ī*: в ряде случаев наблюдается соответствие шугнанского *ǰ* рушано-хуфскому *ē*, т. е. совпадение словарного употребления *ǰ* по всем трем диалектам. Примеры:

ш.	р., х.	
<i>-ǰn (pacǰn)</i>	<i>-ēn (pacēn)</i>	суффикс множ. числа (‘сыновья’)
<i>-ǰn (gardǰnt)</i>	<i>-ēn (gardēnt)</i>	суффикс понудительности (‘повернул’)

<i>midēn</i>	<i>midēn</i>	среди
<i>avēn</i>	<i>avēn</i>	для, ради
<i>čēmb : čēmt</i>	<i>čēmb : čēmt</i>	основы глагола 'хотеть'
<i>dēw</i>	<i>dēw</i>	див

Список этих случаев должен быть в дальнейшем увеличен. Сейчас же обращает на себя внимание, что в подавляющем большинстве слов совпадение \bar{e} по диалектам наблюдается в положении перед носовыми, перед которыми открытые гласные обычно сужаются, что, повидимому, и произошло в шугнанском: \bar{e} перед носовыми перешло в \bar{e} . Это подтверждается и соответствием \bar{e} в приведенных словах исторически долготу \bar{a} , которому в шугнанском соответствует именно фонема \bar{e} , а не \bar{e} . Следовательно, в рушанском и хуфском диалектах имеет место совершенно закономерное \bar{e} , такое же, как в словах *čēg* 'нож', *mēst* 'месяц' и т. д., отклонение же в соответствиях объясняется сужением шугнанского \bar{e} в \bar{e} перед носовым. Что касается других случаев, то в настоящее время отмечено только одно слово с совпадающим \bar{e} по всем диалектам (*dēw*), если не считать явных заимствований. Весьма возможно, что и слово *dēw* является в рушано-хуфском более поздним заимствованием. О заимствованном характере слова *dēw* (из таджикского языка) в рушанском и хуфском диалектах говорит смычный начальный, в то время как в шугнанском имеем *dēw*.

Таким образом, уточняя схему соответствий рассмотренных гласных, имеем:

Шугнанское \bar{i} соответствует в обоих диалектах: 1) фонеме \bar{i} , 2) краткому \bar{o} . Третий случай соответствия \bar{i} различен в рушанском и хуфском диалектах, и о нем будет сказано отдельно.

1) Примеры соответствия фонеме \bar{i} :

ш.	р., х.	
<i>pīnz</i>	<i>pīnz</i>	пять
<i>yīw</i>	<i>yīw</i>	один
<i>šīn</i>	<i>šīn</i>	бурый, сизый
<i>čīdōw</i>	<i>čīgōw</i>	делать
<i>xīdōw</i>	<i>xīgōw</i>	есть
<i>nīstōw</i>	<i>nīstōw</i>	сидеть
<i>qīwdōw</i>	<i>qīwdōw</i>	звать
<i>vīrt</i>	х. <i>vīrd</i>	приносит
<i>indīd</i>	<i>indīd</i>	входит
<i>šībt</i>	<i>šībt</i>	набивает

2) Примеры соответствия фонеме *o*:

ш.	р., х.	
<i>xīr</i>	<i>xor</i>	солнце
<i>čīd</i>	<i>čod</i>	дом
<i>žiz</i>	<i>žoz</i>	дрова
<i>pīd</i>	<i>pod</i>	след
<i>šig</i>	<i>šog</i>	теленок
<i>kīl</i>	<i>kol</i>	голова
<i>tīr</i>	<i>tor</i>	верх
<i>zīd</i>	<i>zod</i>	убил
<i>sifīd</i>	<i>sifód</i>	поднялся
<i>ciḥ</i>	<i>coḥ</i>	горький
<i>xiḥ</i>	<i>xoḥ</i>	бык
<i>xiḥ</i>	<i>xoḥ</i>	теща

Можно сказать, что почти всякое рушано-хуфское краткое *o* соответствует шугнанскому долговому *ī*: случаи соответствия *o* другим шугнанским гласным (*u*, *ū*, *ē*) очень редки: ш. *dust* || р. *dost* 'рука', ш. *buld* || х. *bold* 'бранит', ш. *quč* || р., х. *qoč* 'живот', ш. *biq* || р., х. *boq* 'пригорок' (в этих случаях расширение *u* в *o* легко объясняется фонетически); ш. *nūst* || р. *nost* 'сел'; ш. *nēx* || р., х. *nox* 'нары', ш. *pēxt* || р. х. *rox* 'сварил'.

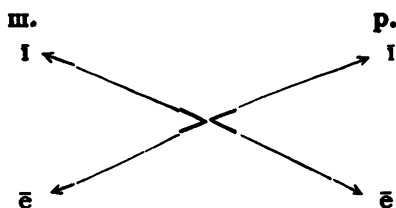
Дать фонетическое объяснение соответствию *ī* || *o* без дополнительных фактов едва ли возможно: трудно найти фонетическую близость между долгим неогубленным узким передним гласным и кратким огубленным открытым задним гласным. Все же существенно отметить тот факт, что р., х. *o* может продвигаться вперед, хотя и не доходит до переднего ряда. Если к этому привлечь факт наличия *č* из старого *k* перед р., х. *o* (*čod* 'дом'), то можно заключить, что р., х. *o* когда-то имело и переднюю артикуляцию, хотя бы вариантно. Точно так же существенно отметить, что хуфское *o* не однородный гласный, а дифтонгоид или даже дифтонг «*o*» со слабым первым элементом; стяжение же дифтонга может дать гласный разной степени открытости и долготы. Важен также тот факт, что рушанское *o*, как показали кимографические данные, по своей длительности занимает промежуточное положение между долгими и краткими гласными, выделяясь из группы остальных кратких. Таким образом, различающиеся признаки длительности, ряда и подъема в корреспондирующей паре гласных ш. *ī* || р., х. *o* оказываются не столь противоположными, и при дополнительных фактах, возможно, обе фонемы могут быть сведены к фонетически общему источнику.

Исторически ш. *ī* || р., х. *o* соответствует краткому *a*, как можно судить по словам с ясной этимологией: *čīd* || *čod* 'дом', *xīr* || *xor* 'солнце', *pīd* || *pod* 'след', *zīd* || *zod* 'убил'.

3) Кроме указанных соответствий, шугнанское *i* в рушанском диалекте в ряде слов соответствует также фонеме \bar{e} . Примеры:

ш.	р.	
<i>pīc</i>	<i>pēc</i>	лицо
<i>žir</i>	<i>žēr</i>	камень
<i>wiz</i>	<i>wēz</i>	груз, поклажа
<i>wixīz</i>	<i>žēz</i>	ключ
<i>rizīn</i>	<i>rizēn</i>	дочь
<i>firīpt</i>	<i>firēpt</i>	достиг
<i>bīr</i>	<i>bēr</i>	низ

При наличии закономерного соответствия ш. \bar{e} || р. *i* это обратное соответствие создает противоречивую и неясную на первый взгляд схему:

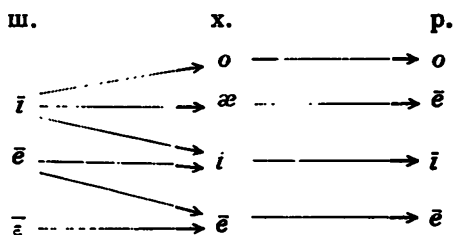
Разобраться в этой схеме помогает хуфский диалект, в котором шугнанское *i* в приведенных словах закономерно соответствует фонеме \bar{e} . Иначе говоря: шугнанское *i* закономерно соответствует тому рушанскому \bar{e} , которое соответствует хуфскому \bar{e} , по формуле: ш. \bar{i} || х. \bar{e} || р. \bar{e} . Таким образом, имеем следующий ряд соответствий по трем диалектам:

ш.	х.	р.
<i>pīc</i>	<i>pæc</i>	<i>pēc</i>
<i>žir</i>	<i>žær</i>	<i>žēr</i>
<i>wiz</i>	<i>wæz</i>	<i>wēz</i>
<i>wixīz</i>	<i>wixæz</i>	<i>žēz</i>
<i>rizīn</i>	<i>rizæn</i>	<i>rizēn</i>
<i>firīpt</i>	<i>firæpt</i>	<i>firēpt</i>
<i>bīr</i>	<i>abæ</i>	<i>bēr</i>

Поскольку хуфское \bar{e} представляет собой дифтонгоид или даже дифтонг \bar{e} со слабым первым элементом («p¹æc, ž¹ær, w¹æz»), то шугнанское *i* и рушанское \bar{e} в приведенных словах могут быть без какой-либо натяжки объяснены позднейшим стяжением первоначально общего для этих диалектов дифтонгического гласного.

Исторически ш. \bar{i} || х. \bar{e} || р. \bar{e} , так же как и ш. \bar{i} || х. р. о, соответствуют краткому а, насколько можно судить по приведенным словам.

Таким образом, для передних шугнанских долгих имеем следующую схему соответствий:

Шугнанскому \bar{o} в обоих диалектах соответствуют: 1) фонема \bar{o} и 2) фонема \bar{i} .

Примеры соответствия фонеме \bar{o} :

ш.	р., х.	
<i>viród</i>	<i>viród</i>	брат
<i>zōrđ</i>	<i>zōrđ</i>	сердце
<i>tōv</i>	<i>tōv</i>	раз
<i>vō</i>	<i>vō</i>	опять
<i>xoǰ</i>	<i>xōǰ</i>	рог
<i>ǰōj</i>	<i>ǰōj</i>	страх
<i>ǰōw</i>	<i>ǰōw</i>	корова
<i>nōy</i>	<i>nōy</i>	горло

Примеры соответствия фонеме \bar{i} :

ш.	р., х.	
<i>pōđ</i>	<i>pūđ</i>	нога
<i>pōđ</i>	<i>pūđ</i>	пуля
<i>vōrj</i>	<i>vūrj</i>	конь
<i>bōb</i>	<i>būb</i>	дед
<i>đōrk</i>	<i>đūrg</i>	палка
<i>čōr</i>	<i>čūr</i>	муж
<i>cavōr</i>	<i>cavūr</i>	четыре
<i>xadōrj</i>	<i>xadūrj</i>	мельница
<i>yōc</i>	<i>yūc</i>	огонь
<i>zōǰt</i>	<i>zūǰt</i>	взял
<i>yōd</i>	<i>yūd</i>	принес
<i>đōd</i>	<i>đūd</i>	дал

Таким образом, для рушанского и хуфского диалектов характерно сужение бывшего открытого гласного в закрытый также и в заднем ряду ($\bar{o} > \bar{i}$) аналогично переднему ряду ($\bar{i} > \bar{e}$). Однако в какой-то части слов сужения \bar{o} в \bar{i} не произошло, благодаря чему исторически долгое \bar{o} в рушано-хуфском диалекте отражено в заднем ряду не одной, а двумя фонемами: \bar{o} и \bar{i} .

Ш угнанскому \ddot{u} в обоих диалектах соответствуют: 1) фонема \ddot{u}
2) фонема \bar{o} (перед носовыми), 3) сочетание aw или \bar{aw} .

1) Примеры соответствия фонеме \ddot{u} :

ш.	р., х.	
$k\ddot{u}r$	$k\bar{u}r$	слепой
$n\ddot{u}l$	$n\bar{u}l$	клюв, вершина
$r\ddot{u}z$	$r\bar{u}z$	окно в крыше
$r\ddot{u}pc$	$r\bar{u}pc$	леса
$p\ddot{u}st$	$p\bar{u}st$	шкура
$\gamma\ddot{u}z$	$\gamma\bar{u}z$	орех
$s\ddot{u}g$	$s\bar{u}g$	сказка
$\delta\ddot{u}z$	$\delta\bar{u}z$	настоящая основа глагола 'дойть'
$r\ddot{u}b : r\ddot{u}vd$	$r\bar{u}b : r\bar{u}vd$	основы гл. 'мести', 'сгребать'
$\gamma\ddot{u}\ddot{y}$	$\gamma\bar{u}w$	ухо
$k\ddot{u}\ddot{y}z$	$k\bar{u}\ddot{y}z$	отверстие, дыра

Можно сказать, что всякое старое, т. е. не заново возникшее шугнанское \ddot{u} , продолжающее обычно древний дифтонг aw , закономерно соответствует рушано-хуфскому \bar{u} . Однако, как уже говорилось при описании шугнанского \ddot{u} , в большинстве случаев шугнанское \ddot{u} представляет собой новообразование и дает остальные, указанные выше, соответствия. Именно: для шугнанского диалекта закономерен переход $\bar{o} > \ddot{u}$ перед носовыми аналогично переходу $\bar{e} > \ddot{e}$. А поскольку для рушанского и хуфского диалектов такого перехода не наблюдается, то всякое шугнанское \ddot{u} в положении перед носовым соответствует рушано-хуфскому \bar{o} , в том числе и во вновь заимствуемых словах. Второй случай закономерного возникновения шугнанского \ddot{u} — стяжение сочетаний \bar{aw} и aw , которые в рушанском и хуфском диалектах сохраняются.

2) Примеры соответствия фонеме \bar{o} :

ш.	р., х.	
$p\bar{o}nd$	$p\ddot{o}nd$	дорога
$\dot{x}\bar{o}m$	$\dot{x}\ddot{o}m$	вечер
$c\bar{o}nd$	$c\ddot{o}nd$	сколько
$d\bar{o}nd$	$d\ddot{o}nd$	столько
$\delta\bar{o}n$	$\delta\ddot{o}n$	поджаренные зерна
$b\bar{o}n$	$b\ddot{o}n$	борода
$Ri\dot{x}\bar{o}n$	$Ri\dot{x}\ddot{o}n$	Рушан
$Xu\dot{\gamma}n\bar{o}n$	$Xu\dot{\gamma}n\ddot{o}n$	Шугнан
$n\bar{o}m$	$n\ddot{o}m$	имя
$j\bar{o}n$	$j\ddot{o}n$	душа
$d\dot{e}q\bar{o}n$	$d\dot{e}q\ddot{o}n$	крестьянин

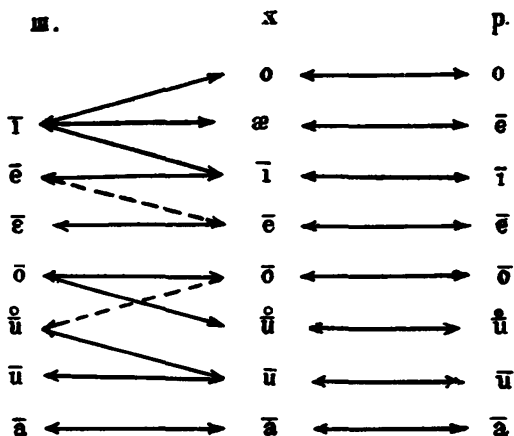
<i>ayūm</i>	<i>ayūm</i>	праздник
<i>dūnó</i>	<i>dōnó</i>	ученый, знающий
<i>rayūn</i>	<i>rayōn</i>	район

3) Примеры соответствия сочетанию *āw, aw*:

ш.	р., х.	
<i>sūd</i>	<i>sawd, säwt</i>	идет
<i>nūd</i>	<i>nāwd</i>	плачет
<i>wūn</i>	<i>wāwn</i>	шерсть
<i>nūbānd</i>	<i>nawbānd</i>	теленок
<i>nūbāt</i>	<i>nawbāt</i>	очередь

Шугнанское *ū* соответствует рушано-хуфскому *ū*. Употребление долгого *ā*, как уже говорилось, совпадает по всем диалектам, если не считать отдельных словарных расхождений.

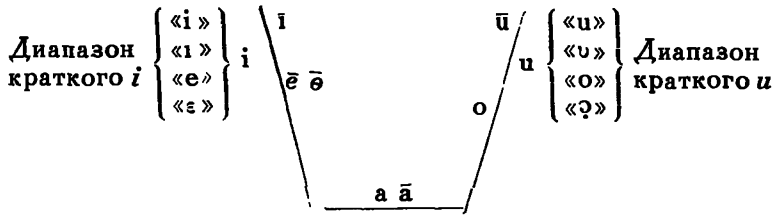
В результате, имеем следующую схему соответствий шугнанских долгих гласных по рассмотренным диалектам:

Примечание. Пунктирная линия показывает, что данное соответствие имеет место только в положении перед носовыми.

БАРТАНГСКИЙ ВОКАЛИЗМ

Бартангский вокализм существенно отличается как от шугнанского, так и от рушано-хуфского, не имея в своем составе долгих фонем *ē* и *ū*, но зато имея в переднем ряду долгий огубленный гласный *ō*. Система кратких гласных (*a, u, i*) совпадает с шугнанским диалектом. Таким образом, бартангский вокализм насчитывает всего 9 фонем и может быть представлен в следующей таблице:

Фонема *ē* — долгий гласный переднего ряда, огубленный. По признаку подъема имеет широкий диапазон от «*γ*» (на 5-й ступени подъема) до «*е*» (на 4-й ступени подъема). Основной тип звучания — это закрытый гласный между 5-й и 4-й ступенями подъема (вариант «*φ*» или «*γ*»): «*šəg*» 'теленки', «*xəg*» 'солнце', «*žyz*» 'дрова'. В произношении представителя кишлака Равмид, расположенного в нижнем течении Бартанга и территориально близкого к Рушану, отмечается слабость губной работы при артикуляции *ē*, особенно в начале его звучания, так что при более быстром произношении иногда на русский слух оно слышится как «*е*». В произношении представителей из кишлаков среднего течения Бартанга (Сипондж, Басид) какого-либо ослабления огубленности *ē* не наблюдается: губная работа при артикуляции *ē* здесь всегда энергична и устойчива.

В том же кишлаке Равмид отмечается отклонение в артикуляции *ē* и по признаку подъема: основной тип звучания равмидского *ē* более открытый, нормально на 4-й ступени подъема (тип огубленного «*е*»). Впрочем, данные по Равмиду следует в дальнейшем проверить, поскольку они получены только от одного осведомителя.

Примеры употребления фонемы *ē*: «*xər*» 'солнце', «*čəd*» 'дом', «*šəg*» 'теленки', «*səx*» 'горький', «*xəj*» 'сладкий', «*tər*» 'верх', «*-dər*» суффикс сравнительной степени, «*xəj*» 'бык', «*zəd*» 'убил', «*nəx*» 'нары', «*xarpəj*» 'лягушка', «*šəwəj*» 'полюбил', «*vəsč*» 'привязал'.

Остальные долгие гласные (*ī*, *ē*, *ā*, *ō*, *ū*) фонетически не отличаются сколько-нибудь заметно от соответствующих долгих гласных рассмотренных диалектов. Следует отметить только, что фонема *ō*, не имея противостоящей ей фонемы *ū*, может сужаться в благоприятных для этого фонетических условиях (главным образом в слогах, закрытых двумя согласными в соседстве со щелевыми, но также и в открытых слогах), имея, таким образом, диапазон по подъему от «*ō*» (основной вариант) до «*ɔ*» и даже «*ō*», появляющегося в указанных условиях в быстрой речи: «*rɔst*» 'прямой', «*žōst*» 'бежит', «*wɔxt*» 'падает', «*vōrj*» 'конь', «*tɔza*» 'чистый'. Фонема *ē* вполне равна рушанскому *ē*, т. е. может быть несколько более открытой, чем шугнанское *ē*.

Особенностью бартангского диалекта является обычность употребления долгого *ī* в исходе слова: «*qatī*» 'вместе', 'совместно', «*wī*», «*dī*», «*mī*» кось. падеж указат. местоимений муж. рода, «*čī*» 'кто', «*xōlī*» 'пустой', «*tūlī*» 'попугай', «*tōqī*» 'тубетейка'; суффикс абстрактного имени: «*qīnī*» 'трудность',

awqōtwōrí 'съестные припасы', *sārí* 'поутру', *zindagōní* 'жизнь', *xalōsí* 'освобождение', *kōrindigí* 'поступок', 'поведение', *xuší* 'приятность', 'довольство' и т. д.

Долгое \bar{u} тоже чаще, чем в других диалектах, встречается в исходе слова, иногда даже на месте краткого u : *tū* (ш., р., х. *tu*) 'ты', *γū* (р. *γūw*) 'ухо', *virū* 'отмель', *zū* (р. *zūw*) 'рукав', *tarū* (ш. *tarūd*) 'здесь', *kū* 'гора', *bōzū* 'рука' (предплечье), *jōdū* 'колдовство', *zōnū* 'колени'.

В употреблении остальных долгих гласных отличий от других диалектов не наблюдается. Несмотря на обычность употребления долгих \bar{i} и \bar{u} в исходе, бартангский диалект сохранил все же общую для всех диалектов закономерность перехода долгого гласного в соответствующий краткий в сокращенной форме слова: *čūg* > *ču* 'сделал', *xūg* > *xu* 'съел', *sāw* > *sa* 'иди'.

Из кратких гласных фонема a не отличается от краткого a других диалектов. Для фонем же i и u характерен менее широкий диапазон по подъему: бартангские i и u редко расширяются до степени «е» и «о»; обычно наиболее открытыми вариантами их звучания (в исходе слова) являются вариант «е» для фонемы i и вариант «о» для фонемы u , — причем и эти варианты при более отчетливом произношении сужаются соответственно в «е̣» и «у̣» и даже в «i» и «u»: «de || ḍẹ || di» союз подчинительный, «xo || xv || x̣ụ» союз соединительный. При этом ударное i менее способно к расширению, чем безударное: «ṃịge || ṃịgẹ || ṃịgi» 'мне', «ḳịṇẹ || ḳịṇị || ḳịṇị» 'сделаешь'. В тех случаях, которые представляет последний пример, т. е. когда на глагольное окончание 2-го лица $-i$ падает ударение, фонема i слабо противопоставляется долговому \bar{i} . Имея своим возможным вариантом « i » и растягиваясь под ударением, она может смешиваться с фонемой \bar{i} , употребление которой в исходе слова нормально для бартангского диалекта, в результате чего возникает дублетное произношение: *kiní* || *kiní* 'сделаешь', *winí* || *winí* 'увидишь' и т. д. Таким образом, краткое i в исходе под ударением в бартангском диалекте стремится к \bar{i} .

Что касается исходного u , то оно еще реже, чем в других диалектах, встречается в исходе. В частности, общее для всех других диалектов *tu* 'ты', в бартангском диалекте имеет долгое \bar{u} (*tū*); сокращенные глагольные формы прошедшего времени 3-го лица типа *xu* < *xūg*, *ču* < *čūg* встречаются реже, чем в других диалектах.

БАРТАНГО-ШУГНАНО-РУШАНО-ХУФСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ

Бартангские краткие гласные (a , u , i) в основной массе слов соответствуют кратким a , u , i остальных диалектов, за исключением одного случая, а именно: краткому шугнано-рушано-хуфскому i

в ударном исходе слова нормально соответствует в бартангском долгое *i*, о чем уже говорилось выше. В некоторых случаях в рушанском и хуфском диалектах на месте шугнанского исходного *i* находится сочетание *ay* (чаще для хуфского диалекта, где *-áy* более частая форма суффикса абстрактного имени, чем *-i*). Примеры:

ш.	р.	х.	б.	
<i>xušši</i>	<i>xušši</i>	<i>xušši</i>	<i>xuší</i>	приятность
<i>badí</i>	<i>badí</i>	<i>badí</i>	<i>badí</i>	зло
<i>qīnī</i>	<i>qīnī</i>	<i>qīnī</i>	<i>qīnī</i>	трудность
<i>tūtī</i>	<i>tūtī</i>	<i>tūtī</i>	<i>tūtī</i>	попугай
<i>xōli</i>	<i>xōli</i>	<i>xoli</i>	<i>xalí</i>	пустой
<i>bōzi</i>	<i>bōzi</i>	<i>bazáy</i>	<i>bozí</i>	игра
<i>sāri</i>	<i>sāri</i> <i>sāráy</i>	<i>sāráy</i>	<i>sāri</i>	поутру
<i>xušrūyi</i>	<i>xušrūyi</i>	<i>xušrūgay</i>	<i>xušrūyí</i>	красота
<i>qatí</i>	<i>qatáy</i>	<i>qatáy</i>	<i>qatí</i>	вместе
<i>wi</i>	<i>way</i>	<i>way</i>	<i>wī</i>	того (дальнего)
<i>dí</i>	<i>day</i>	<i>day</i>	<i>dī</i>	этого (отдаленного)
<i>mí</i>	<i>may</i>	<i>may</i>	<i>mī</i>	этого (ближнего)

Из долгих гласных фонема *ā* не имеет особенностей в своем употреблении, соответствуя долговому *ā* других диалектов в основной массе слов. Что касается остальных долгих гласных, то частью они ближе по своему употреблению к рушанским гласным, частью — к шугнанским, имея наряду с этим и свою собственную специфику.

Бартангское *i* соответствует рушано-хуфскому *ī*, следовательно, шугнанскому *ē* и части шугнанского *ī*. Примеры:

б.	р., х.	ш.	
<i>mīḍ</i>	<i>mīḍ</i>	<i>mēḍ</i>	день
<i>yīd</i>	<i>yīd</i>	<i>yēd</i>	мост
<i>sīr</i>	<i>sīr</i>	<i>sēr</i>	сытый
<i>ḡīw</i>	<i>ḡīw</i>	<i>ḡēw</i>	охота
<i>xīz</i>	<i>xīz</i>	<i>xēz</i>	прямо
<i>rid</i>	<i>rid</i>	<i>rēd</i>	остался
<i>indīd</i>	<i>indīd</i>	<i>dēd</i>	вошел
<i>yīw</i>	<i>yīw</i>	<i>yīw</i>	один
<i>indīḍd</i>	<i>indīḍd</i>	<i>indīḍd</i>	входит
<i>qīwdōw</i>	<i>qīwdōw</i>	<i>qīwdōw</i>	звать
<i>nīstōw</i>	<i>nīstōw</i>	<i>nīstōw</i>	сидеть

Бартангское *ē* соответствует рушано-хуфскому *o*, следовательно, тому шугнанскому *ī*, которое соответствует рушанскому *o*. Примеры:

б.	р., х.	ш.	
<i>čōd</i>	<i>čod</i>	<i>čīd</i>	дом
<i>xōr</i>	<i>xor</i>	<i>xīr</i>	солнце
<i>šōg</i>	<i>šog</i>	<i>šīg</i>	теленок
<i>tōr</i>	<i>tor</i>	<i>tīr</i>	верх
<i>žōz</i>	<i>žoz</i>	<i>žiz</i>	дрова
<i>sifōd</i>	<i>sifód</i>	<i>sifíd</i>	поднялся
<i>zōd</i>	<i>zod</i>	<i>zīd</i>	убил

Бартангское *ō* представляет собой то звено, которое связывает далеко отошедшие друг от друга шугнанское *ī* и рушано-хуфское *o*: фонетически оно близко к ним обоим. С шугнанским *ī* оно совпадает по признаку ряда образования, будучи передним гласным, и по признаку длительности, будучи долгим гласным. С рушанским же *o* оно совпадает по признаку огубленности. По признаку подъема оно занимает промежуточное положение, колеблясь от 5-й до 4-й ступени (от «у» до «е»). А поскольку рушанское *o* вариантно может сужаться до «о» и заметно продвигаться вперед при своей относительно большой длительности, то в таких словах, как *žoz*, *šog*, *čod* (б. *žōz*, *šōg*, *čōd*), где рушанское *o* под влиянием «*š*», «*ž*», «*č*» и «*g*» сильно продвигается вперед («*žōz*», «*šōg*», «*čōd*»), фонетическая разница между гласными обоих диалектов очень незначительна.

Бартангское *ē* соответствует:

1) Тому рушанскому *ē*, которое соответствует хуфскому *æ* и шугнанскому *ī*. Примеры:

б.	р.	х.	ш.	
<i>pēs</i>	<i>pēs</i>	<i>pæc</i>	<i>pīc</i>	лицо
<i>žēr</i>	<i>žēr</i>	<i>žær</i>	<i>žīr</i>	камень
<i>razēn</i>	<i>rizēn</i>	<i>rizæn</i>	<i>rizīn</i>	дочь
<i>firēpt</i>	<i>firēpt</i>	<i>firæpt</i>	<i>firīpt</i>	достиг
<i>wēz</i>	<i>wēz</i>	<i>wæz</i>	<i>wīz</i>	груз
<i>bēr</i>	<i>bēr</i>	<i>abæ</i>	<i>bīr</i>	низ

2) Шугнано-рушано-хуфскому *ī*. Примеры такого соответствия заведены пока исключительно для глагольных форм 3-го лица настоящего времени и инфинитива ряда глаголов. Примеры:

б.	р., х.	ш.	
<i>xērd</i>	х. <i>xīrd</i> ¹	<i>xīrt</i>	ест
<i>xēgōw</i>	<i>xīgōw</i>	<i>xīdōw</i>	есть
<i>čēgōw</i>	<i>čīgōw</i>	<i>čīdōw</i>	делать

¹ В рушанском диалекте для форм 3-го лица настоящего времени характерно краткое *i*: *xirt*, *virt*, *mirt*.

<i>vēgōw</i>	<i>vīgōw</i>	<i>vidōw</i>	приносить
<i>vērd</i>	х. <i>vīrd</i>	<i>vīrt</i>	приносит
<i>mēgōw</i>	<i>mīgōw</i>	<i>mīdōw</i>	умирать
<i>mērd</i>	х. <i>mīrd</i>	<i>mīrt</i>	умирает
<i>zēdōw</i>	<i>zīdōw</i>	<i>zīdōw</i>	убивать
<i>zēnt</i>	<i>zīnt</i>	<i>zīnt</i>	убивает

3) В отдельных случаях бартангское *ē* соответствует р., х, *ē* || ш. *ē* и *ē* (перед носовыми). Примеры:

б.	р., х.	ш.	
<i>γēm</i>	<i>γēm</i>	<i>γēv</i>	рот
<i>vērǰ</i>	<i>vērǰ</i>	<i>vērǰ</i>	кобылица
<i>zēǰtōw</i>	<i>zēǰtōw</i>	<i>zēǰ.ōw</i>	братъ
<i>δēdōw</i>	<i>δēdōw</i>	<i>δēdōw</i>	бить
<i>ranēs</i>	<i>rinēs</i>	<i>rinēs</i>	наст. осн. глагола 'забывать'
<i>čēmb : čēmt</i>	<i>čēmb : čēmt</i>	<i>čēmb : čēmt</i>	основы глагола 'хотеть'
<i>-ēn</i>	<i>-ēn</i>	<i>-ēn</i>	суфф. мн. числа имен

Бартангское *ō* соответствует:

1) Всякому шугнанскому *ō*, следовательно рушано-хуфскому *ō* и *ū*.

Примеры:

б.	ш.	р., х.	
<i>virōd</i>	<i>virōd</i>	<i>virōd</i>	брат
<i>zōrd</i>	<i>zōrd</i>	<i>zōrd</i>	сердце
<i>xōǰ</i>	<i>xōǰ</i>	<i>xōǰ</i>	рог
<i>tōv</i>	<i>tōv</i>	<i>tōv</i>	раз
<i>nōy</i>	<i>nōy</i>	<i>nōy</i>	горло
<i>zōd</i>	<i>zōd</i>	<i>zōd</i>	родила
<i>sipōrd</i>	<i>sipōrd</i>	<i>sipōrd</i>	вручил
<i>pōd</i>	<i>pōd</i>	<i>pūd</i>	нога
<i>pōd</i>	<i>pōd</i>	<i>pūd</i>	пуля
<i>vōrj</i>	<i>vōrj</i>	<i>vūrj</i>	конь
<i>δōrg</i>	<i>δōrk</i>	<i>δūrǰ</i>	палка
<i>cauōr</i>	<i>cauōr</i>	<i>cauūr</i>	четыре
<i>yōc</i>	<i>yōc</i>	<i>yūc</i>	огонь
<i>zōǰt</i>	<i>zōǰt</i>	<i>zūǰt</i>	взял
<i>yōd</i>	<i>yōd</i>	<i>yūd</i>	отнес
<i>δōd</i>	<i>δōd</i>	<i>δūd</i>	ударил

2) Шугнанскому *ū* перед носовыми, следовательно рушано-хуфскому *ō*.

Примеры:

б.	ш.	р., х.	
<i>pōnd</i>	<i>pūnd</i>	<i>pōnd</i>	дорога
<i>ǰōm</i>	<i>ǰūm</i>	<i>ǰōm</i>	вечер

<i>cōnd</i>	<i>cūnd</i>	<i>cōnd</i>	сколько
<i>dōnd</i>	<i>dūnd</i>	<i>dōnd</i>	столько
<i>bōn</i>	<i>būn</i>	<i>bōn</i>	борода
<i>nōm</i>	<i>nūm</i>	<i>nōm</i>	имя
<i>jōn</i>	<i>jūn</i>	<i>jōn</i>	душа
<i>dōnó</i>	<i>dūnó</i>	<i>dōno</i>	знающий
<i>rayōn</i>	<i>rayūn</i>	<i>rayōn</i>	район

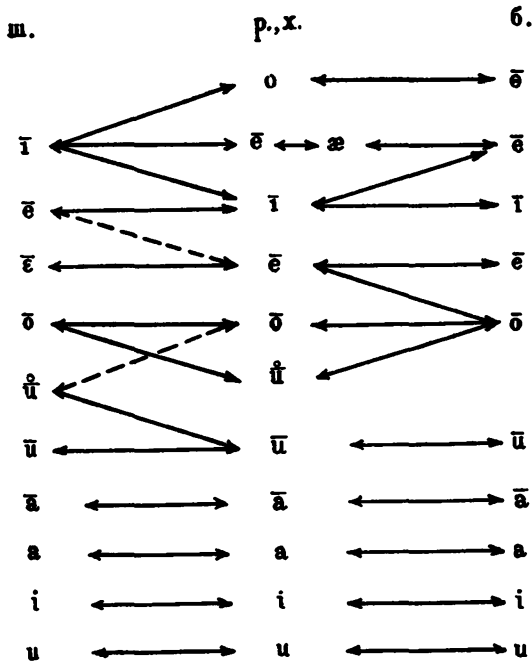
3) Шугнанскому *ē*, следовательно рушано-хуфскому *ē*. Примеры:

б.	ш.	р., х.	
<i>tōr</i>	<i>tēr</i>	<i>tēr</i>	черный
<i>sōr</i>	<i>sēr</i>	<i>sēr</i>	умолот
<i>mōst</i>	<i>mēst</i>	<i>mēst</i>	луна
<i>nōdd</i>	<i>nēdd</i>	<i>nēdd</i>	посадил
<i>ǰōyd</i>	<i>ǰēyt</i>	<i>ǰēyd</i>	прочитал
<i>wōd</i>	<i>wēd</i>	<i>wēd</i>	канал
<i>čōg</i>	<i>čēd</i>	<i>čēg</i>	нож
<i>zōz</i>	<i>zēz</i>	<i>zēz</i>	возьми
<i>rōz</i>	<i>rēz</i>	<i>rēz</i>	нора
<i>nōz</i>	<i>nēz</i>	<i>nēz</i>	нос
<i>ōōr</i>	<i>ōēr</i>	<i>ōēr</i>	настоящая основа глагола 'иметь'

Бартангское *ū* соответствует рушанскому *ū*, следовательно, шугнанскому *ū* и *ū̇* (не перед носовыми). Примеры:

б.	р., х.	ш.	
<i>ǰūz</i>	<i>ǰūz</i>	<i>ǰūz</i>	ветер
<i>sūr</i>	<i>sūr</i>	<i>sūr</i>	пир, празднество
<i>čūg</i>	<i>čūg</i>	<i>čūd</i>	сделал
<i>xūg</i>	<i>xūg</i>	<i>xūd</i>	съел
<i>mūg</i>	<i>mūg</i>	<i>mūd</i>	умер
<i>kūr</i>	<i>kūr</i>	<i>kūr</i>	слепой
<i>rūzm</i>	<i>rūz</i>	<i>rūz</i>	окно в крыше
<i>rūpc</i>	<i>rūpc</i>	<i>rūpc</i>	лиса
<i>pūst</i>	<i>pūst</i>	<i>pūst</i>	шкура
<i>γū</i>	<i>γūw</i>	<i>γū̇</i>	ухо
<i>sūg</i>	<i>sūg</i>	<i>sūg</i>	сказка

В результате, общие основные линии соответствий по всем диалектам могут быть представлены в следующей схеме:

Примечание. Пунктирная линия означает, что данное соответствие наблюдается только перед носовыми.

КОНСОНАНТИЗМ

Состав согласных фонем для всех диалектов одинаков; наблюдаются лишь в некоторых случаях различия в фонетической характеристике отдельных фонем.

Характерными чертами консонантизма всей группы диалектов являются: а) наличие плоскощелевых *ʃ* и *ɖ* (английского типа) как самостоятельных фонем, противопоставляющихся круглощелевым *s* и *z*; б) наличие заднеязычных щелевых *ʃ̣* и *ɖ̣* как самостоятельных фонем, противопоставляющихся увулярным *x* и *ɣ*; в) наличие однофокусных („свистящих“) аффрикат *s* и *z* как самостоятельных фонем, противопоставляющихся двухфокусным („шипящим“) аффрикатам *ʃ̣* и *ɖ̣*; г) наличие губо-губного *w* как самостоятельной фонемы, противопоставляющейся губо-зубному *v*; д) наличие как самостоятельной фонемы увулярного глухого смычного *q*; е) отсутствие как самостоятельной фонемы нижнефарингального щелевого *h*.

Всего консонантизм рассматриваемой группы диалектов насчитывает 29 фонем и может быть представлен в следующей таблице:

			Губо-губ- ные	Губо-зуб- ные	Передне- язычные	Средне- язычные	Задне- язычные	Увулярные	
Шумные	смычные	простые	p b		t d	k g	q		
		аффрикаты	однофокусные			c ʒ			
			двухфокусные			č ĭ			
	щелевые	однофокус- ные	круглощелевые			s z	ʃ ʝ		
			плоскощелевые		f v	ʂ ʄ		x ɣ	
		двухфокусные			š ž				
Сонанты			w			y			
	носовые		m		n				
	боковые				l				
	дрожащие				ɾ				

Примечание. Заштрихованные клетки означают, что для данных органов речи данный способ артикуляции физиологически невозможен.

В дополнительном описании нуждаются следующие согласные. Фонемы *k* и *g*. Шугнанские фонемы *k* и *g* являются заднеязычными во всех фонетических положениях и не имеют сколько-нибудь заметных вариантов. В остальных же диалектах фонемы *k* и *g* в соседстве с гласными переднего ряда, а в исходе слова после любого гласного являются сильно продвинутыми вперед, вплоть до среднеязычной артикуляции — р.: «čūg» 'сделал', «tāk» 'силос', «kīnʊt» 'сделаю', но «dākum» 'дам' (при «dāk» 'дай'), «iktānd» 'теперь', «kōr» 'дело'; б.: «čūg» 'сделал', «saraŋg» 'каким образом', «zūkkək» 'маленький', но «ku» 'гора', «kday» 'этот самый', «sawdɕgar» 'купец'.

Еще более характерна „мягкая“ артикуляция фонем *k* и *g* для хуфского диалекта и для шугнанского поддиалекта (или говора) баджу. Существенно, что говор баджу,¹ целиком совпадая с собственно шуг-

¹ Селение Баджу расположено на стыке шугнанского и рушанского диалектов, неподалеку от Хуфа.

нанским в вокализме, по трактовке фонем *k* и *g*, т. е. по единственному признаку, различающему диалекты в консонантизме, примыкает к рушанскому и бартангскому диалектам, противопоставляясь собственно шугнанскому. При этом вместе с хуфским диалектом он представляет еще более ярко выраженный тип палатальных «*k*» и «*g*» по сравнению с рушанскими и бартангскими «*k̄*» и «*ḡ*». Во-первых, в обоих диалектах продвинутые вперед варианты фонем *k* и *g* распространяются на большее количество фонетических положений. Варианты «*k̄*» и «*ḡ*», помимо указанных выше фонетических положений, обычны здесь также в положении перед гласными *a* и *ā*, особенно в начале слова, а также перед *u*. Баджу: «*ḡax̄t*» 'обратился', «*ḡax̄t*» 'возвращение', *kā* 'та самая', «*kam*» 'этот самый', «*kānd*» 'половина', «*ku*» 'тот самый'; баджу, х.: «*kuḫt*» 'зарезал', х. «*kā*» 'где', 'куда', «*xiṣṛūḡau*» 'красота', «*kānizaken*» 'служанки'. Иногда варианты «*k̄*» и «*ḡ*», лишь с несколько меньшим продвижением вперед («*k-*», «*g-*»), наблюдаются даже и перед гласными «*ō*» и «*ū*»: х. «*k-ōr*» 'дело', «*g-ūḫt*» 'мясо'. Во-вторых, в отличие от рушанских и бартангских *k* и *g*, хуфские и баджуйские *x* и *g* сильнее продвигаются вперед, и в более быстрой речи варианты «*k̄*» и «*ḡ*» имеют нормально среднеязычную артикуляцию. При этом они могут сильно аффрицироваться, давая среднеязычные «*č*»- и «*ǰ*»-образные варианты, которые даже могут быть смешаны на русский слух с фонемами *č* и *j*: баджу «*ǰax̄t*» (*gax̄t*) 'обратился', «*čam*» (*kam*) 'этот самый'; х.: «*qustəŋǰeráy*» (*qustingiray*) 'борьба', «*čəx*» (*ki*) 'сделай', «*čā-t rawōn?*» (*kā-t rawōn*) 'куда ты идешь?'. При более отчетливой речи аффрикация значительно ослабевает или вовсе устраняется, так что для полного стиля речи характерны чистые смычные или лишь с легкой аффрикацией среднеязычные варианты «*k̄*» и «*ḡ*». Заднеязычные, вовсе не продвинутые вперед варианты характерны главным образом для положения перед согласными: х. «*xugj*» 'съел', «*vugj*» 'принес', «*maktab*» 'школа'.

Заднеязычные щелевые *ḫ* и *ǰ*, одинаковые во всех диалектах, имеют особенность в своей артикуляции. Как отмечалось предшествовавшими исследователями, акустически фонемы *ḫ* и *ǰ* часто напоминают не только *x* и *ɣ* (русские заднеязычные щелевые), но также *š* и *ž*, имея некий «*š*»- или «*ž*»-образный оттенок. Наблюдения показали, что артикуляция фонем *ḫ* и *ǰ* вполне совпадает с артикуляцией второго фокуса русских *ш* и *ж*. Если при артикуляции русских *ш* и *ж* убрать работу кончика языка, то получится типичное шугнанское *ḫ* или *ǰ*. От русских заднеязычных щелевых эта артикуляция отличается формой щели: русские *x* и *ɣ* — плоскощелевые, шугнанские *ḫ* и *ǰ* (а также и второй фокус русских *ш* и *ж*) следует определить как круглощелевые, что и дает шипящий призвук. Примеры на употребление фонемы *ḫ* и *ǰ*: *ḫas* 'вода', *ḫab* 'ночь', *ḫom* 'вечер' (|| ш. *ḫum*), *wōḫ* 'трава', *ḫūǰ* 'ветер', *dāḫt* 'равнина', *ǰiw* (|| ш. *ǰew*) 'охота', *ǰin* (|| ш. *ǰan*) 'жена', ш. *ǰuǰ* 'ухо', ш. *virūǰ* 'бровь', ш. *kūǰǰ* 'отверстие'.

Губо-губной щелевой *w* может быть и круглощелевым и плоскощелевым. Как круглощелевой *w* обычно артикулируется в соседстве с огубленными гласными, как плоскощелевой — в соседстве с неогубленными гласными переднего ряда (*i*, *e*, *i*, ш. *ē*, х. *œ*) и перед согласными: «wōḥ» 'трава', «wʷlɟ» 'волк', р. «γūw» 'ухо', р. «vīḡūw» 'бровь', р.-х., ш. «žōw» 'корова', «wūvd» 'семь', «сəḡōw» 'светильник'; р.-х. «βēd || ш. βēd» 'канал', 'арык', ш. «βiz || р. б. βēz || х. βæz» 'груз', 'поклажа', ш. «βēv» 'их', ш. «βi || б. βi 'его', «β¹zōn || ш. β¹zūn» 'узней', р. «sāβd» 'идет', и т. д. Фонетически оба варианта мало отличаются друг от друга, лишь большим или меньшим вытягиванием губ вперед, и при этом не обязательно: округление губ в 1-м положении может быть ослаблено и, напротив, может наблюдаться и во 2-м положении. При этом вариант «β» обычно артикулируется с некоторым вытягиванием губ вперед и с довольно широкой щелью, поэтому он не похож на так называемое щелевое *b* (слабый плоскощелевой губо-губной, произносимый без вытягивания губ вперед).

В положении перед гласными *a* и *ā* фонема *w* артикулируется с большим вытягиванием губ вперед, чем перед гласными переднего ряда, и с легким округлением губ. В общем перед *a* и *ā* одинаково часто могут употребляться оба отмеченных варианта «w» и «β» («wād || βād» 'они', «wazīr || βazīr» 'везир', «waḫt || βaḫt» 'восемь') со всеми промежуточными ступенями ослабления или усиления округления губ.

В большинстве случаев фонема *w* — сравнительно сильный и энергичный согласный, который может заметно ослабляться только в исходе слова. В начале слога он может быть довольно шумным и напоминает тогда на слух заднеязычное *ʔ* или увулярное *ʕ* сонорного типа.

Остальные фонемы каких-либо существенных особенностей не представляют. Фонемы *ʃ* и *δ* являются плоскощелевыми переднеязычными и акустически близки английским. Фонема *l*, как и в других иранских языках перед заднеязычными согласными, имеет заднеязычный вариант «ŋ»: ш. «sa ɣaŋg» 'каким образом'. В диалектах, где конечные *k* и *g* нормально среднеязычны, *l* в положении перед ними становится также среднеязычным: «sa ɣaŋg». Фонемы *š* и *ž* и двухфокусные аффрикаты *č* и *ǰ* артикулируются со вторым средним фокусом, несколько менее продвинутом назад, чем второй фокус таджикских *š* и *ž*, поэтому они несколько мягче на слух. Фонема *ž* имеет весьма широкое словарное употребление. Однофокусные аффрикаты *s* и *z* имеют довольно сильную начальную смычку, но у фонемы *z*, как и вообще у звонких согласных, смычка несколько слабее, и при более быстрой речи может ослабевать еще сильнее. В результате фонема *z* склонна к спонантизации, и в отдельных словах наблюдается дублетное произношение *z* || *z*: *zariz* || *zariz* 'куропатка'. Фонема *z* вообще употребляется сравнительно редко. Увулярные согласные *q*, *x* и *ʕ* артикуляторно и

акустически вполне совпадают с таджикскими. Сонанты *m, l, y, r* тоже никаких особенностей не представляют.

По характеристике отдельных групп согласных можно сказать следующее.

Щелевые шумные всегда энергичны не только глухие, но и звонкие. Звонкие обычно многошумны и не ослабевают слишком заметно даже в исходе слова: «wād» 'они', «gūz» 'окно в крыше'. Большой слабостью, а вместе с тем и большей сонорностью в исходе слова отличается лишь фонема *ʃ*. В связи с этим существенно отметить, что в рушанском, хуфском и бартангском диалектах звонкого щелевого *ʃ* в исходе не встречается: шугнанскому исходному *ʃ* в этих диалектах соответствует *w* (в бартангском иногда полное отпадение), которое как раз и могло развиться из ослабленного и сонантизованного исходного *ʃ*: ш. *ʃāʃ* || р. х. *ʃūw* || б. *ʃū* 'ухо', ш. *virūʃ* || р. х. *virūw* 'бровь' и т. д.

С очень большой энергией и шумом может произноситься губозубное *v*, так что иногда оно напоминает звук «д». Оглушение для звонких щелевых в исходе не характерно, хотя в конечном отрезке своего звучания они все же могут оглушаться.

Смычные шумные. Глухие смычные всегда более сильны, чем звонкие. Они всегда энергичны, полносмычны и не ослабляются ни в каком фонетическом положении. Как правило, глухие смычные не придыхательны. Придыхательность может появляться факультативно и при этом в слабой степени. Звонкие смычные в исходе слова оглушаются или частично или полностью. Будучи вообще несколько слабее глухих смычных, в исходе слова они ослабляются еще больше и нормально являются в этом положении импловивными, благодаря чему не смешиваются с соответствующими глухими, которые и в исходе слова остаются сильными взрывными. В общем выявление глухих и звонких вполне аналогично выявлению таковых в таджикском языке (но не в северо-западных говорах).

Основные междиалектные чередования согласных уже указаны в упомянутых работах И. И. Зарубица и потому здесь не приводятся.

ТЕКСТЫ

Ниже приводятся образцы фонологической записи текстов по всем четырем рассмотренным диалектам: шугнанскому (№№ 1—2), рушанскому (№№ 3—4), хуфскому (№ 5) и бартангскому (6). Последний текст (№ 7: Сказка о трех братьях) в целях сравнения дается на всех четырех диалектах и при этом в двух параллельных записях: помимо фонологической, отражающей фонемный состав слова, также и в записи, фонетически более детализованной, отражающей варианты (диапазон звучания) фонем.

Для удобства печатания долготы обозначается только над теми знаками, которые используются для обозначения как долгих, так и кратких гласных, а именно: для гласных шугнанского и бартангского диалектов долготы обозначаются только над \bar{a} , \bar{i} и \bar{u} , а шугнанские долгие \bar{e} , $\bar{\epsilon}$, \bar{o} , \bar{u} и бартангские \bar{e} , $\bar{\epsilon}$, \bar{o} печатаются без обозначения долгот; для рушанского и хуфского диалектов долготы обозначаются над \bar{a} , \bar{i} , \bar{u} и \bar{o} , поскольку в этих диалектах существует краткое o ; остальные долгие обоих диалектов (\bar{e} и \bar{u}) также печатаются без обозначения долгот.

Варианты звучания фонем в фонологической записи не обозначаются. Поэтому при чтении текстов желательно помнить о широком диапазоне кратких гласных переднего и заднего ряда, знаки для которых (i и u) являются в значительной мере условными. Единственный случай обозначения нефонологического (вариантного) звучания касается звука «h», появляющегося в речи или как вставочный звук или как приступ гласного.

Объяснения к детализованной транскрипции текста № 7 даются непосредственно перед текстом. Приводимые тексты записаны от следующих лиц:

№ 1 от Айдаршоева, студента 1-го курса Университета, уроженца г. Хорога. Текст записан осенью 1948 г. в Сталинабаде.

№ 2 от Джавариева, студента 1-го курса Педагогического института, уроженца селения Поршнив. Текст записан в сентябре 1948 г. в Сталинабаде.

№ 3 от Базидова, студента 2-го курса Педагогического института, уроженца селения Дерзуд. Текст записан осенью 1949 г. в Сталинабаде.

№ 4 от Сайнакова, студента 1-го курса Педагогического института, уроженца селения Дерзуд. Текст записан осенью 1949 г. в Сталинабаде.

№ 5 от Кадамова, ученика 10-го класса, уроженца верхнего Хуфа. Текст записан осенью 1951 г. в г. Хороге.

№ 6 от Назариева, студента 2-го курса Университета, уроженца селения Басид. Текст записан осенью 1951 г. в Сталинабаде.

№ 7. Шугнанский вариант от Бакаева, студента 1-го курса Университета, из г. Хорога. Записан осенью 1948 г. в г. Сталинабаде. Рушанский вариант от Мергулова, студента 1-го курса Педагогического института из селения Барушан. Записан осенью 1948 г. в Сталинабаде. Хуфский вариант от Кадамова, ученика 10-го класса, из Верхнего Хуфа. Записан осенью 1951 г. в г. Хороге. Бартангский вариант от Карамхудоева, студента 2-го курса Педагогического училища из селения Равмид, записан осенью 1949 г.

ШУГНАНСКИЕ ТЕКСТЫ

1

1. Yũmj mardúm-and wev yel pi Buni-dará. Buni-dará as Yũmj lápað ðar. padám sífidów-ti ar Buni nũm qíšlólq-að sen xu, tãm pi tíráj, pi kuta-lén-að sífánen. wãð kutalén-en mis lap bilánd. odám sárák-að ca sífint, maðór-ard padám firópt.

2. wi yel xéz-ard mardúm-and zamín vuðj. šič yu zamín kalkóz-ja. yid yelgá yi bazéb qíšlólq dide, — mā peħc! fúka-jo wi-nd sāvz! wi mobén-va yi šarvidóĵ tízd. yelén kál-ta-ð rũšt sit wi-nd, yelén píró-ra yi saféd ĵác-ide, ĵul-ĵulák čaħmá wam lúven. yā yik-dũnd šitó yást-ide, ðindũn viriĵd.

3. as yelen taraf-ta wi zamín Cadakén lúven, as wi taráfi šarvidóĵ-ta Xānarūyá lúven. as Xānarūyá taráf šič kalkóz-and ĵiĵidén-at woħĵicén. zimistún yám-and fermá bar-ĵóy sũd. padám kalkozčiyén mis kor kinén, ĵābaĵév-ta wãð tar yelčizānén-xez yáden, yelčizānén wév-ard marúb ven, piħt ven, bād maská ven. yigún now-ðis buná-nd mól-at sitũr padám yast. moldór pis nũbát-að poc poyd.

4. yi méð-atā poc tar mu xolák yat. mu xolák bād xu puc qati-yi (|| qatir-i) mu rimód. wi píró méð-ām xu sandālén ĵezd xu, xu ĵibðũn-ām ar xu kilwór ðod xu, yelčizānén-ard-ām túð-at mún-at xarbūzá zóħt xu, xu wiz-wilũm-ām vúst-xu, lák-ām čũd.

1

1. У жителей Йомджа — летовье на Буни-дара. Буни-дара от Йомджа очень далеко. Чтобы туда подняться, идут через кишлак под названием Буни, потом поднимаются вёрхом, перевалами. Эти перевалы очень высокие, — если человек отправится на рассвете, то доберется лишь после полудня.

2. При летовье у населения была земля. Сейчас эта земля колхозная. Это летовье такой красивый поселок, что и не спрашивай! — всюду зелено, а посредине течет горный ручей; над летовьем — красные породы, а перед летовьем — светлая вода, которую называют Журчащий ключ; и она такая холодная, что зубы ломит.

3. Сбоку от летовья — земля, которую называют Цадакен, а со стороны ручья — называют Ханаруя. Сбоку от Ханаруи — колхозные хлева и саран. Зимой там будет ферма. Там тоже работают колхозники, вечером они приходят к летовщицам, и летовщицы выносят им сливки, толченый тут и масло. Там при девяти-десяти хозяйствах находится мелкий и крупный рогатый скот. Хозяева скота по очереди пасут скот.

4. Однажды очередь пришла моему дяде. Мой дядя со своим сыном послал меня. Мы накануне починили нашу обувь, сложили в кожаный мешок съестные припасы, взяли для женщин на летовье тутовых ягод, яблок и дынь, увязали свои пожитки и положили.

5. x̄inezákɑḏ-ām andóyd xu, piḫt-at páy-ām ðikt xu, ar xu toqiyén-ām tūḏ čūd xu, bád-ām xu wíz-wilúm-ām kánd markáb-ti dód-at, kánd-ām xu pi-dām čūd. as dargó-yām pi púnd sífád xu, wám čaxmá-ti-yam ḫac biróḫt xu, rawún-ām sat.

6. x̄ir ciráx-ard-ām pi Tāx-bunák firípt. yám-and-ām vo ḫac biróḫt-at čilim-ām tížd xu, tóyd-ām. maḏór-ard-ām pi yel firípt xu, dām-ām ḏod. yelčizānén-en yi tóḏči páy-at marúb qatí (qatír) tar máš kez yat, máš-ām wev yodoḫtiyén wév-ard dák čūd.

7. vegá-rd-atā mól-en as puḫtá vūd. yi beγ-o-béγ-at yi ūš-o-ūš! minéc-at viznéc yi jó-ra, sitúr yi jó-ra-t, gujwárg yi jó-ra-t, bačgalá-t γacbacén jey-jeγ, ar čāy xu mol čost.

8. wev mól-en fúkaḏ ar yi ḫəḏ wedd. kaɣoyén-en xu γoḫcak xu mi-ḏúst zoḫt xu, as yúnd-aḏ-en daraw ḏiwd sat-at, γácén-en wév-ard šīg anjúvd. ḫúm-atā daraw piḫt júkt-en sat. p.ḫt-en jukt xu, ar páy-en wedd xu, xúd-en. máš-ard-en tír as wi, maská-ga mis vūd.

9. sárak-aḏ-at vo yi jey-jeγ sut. as xúḏm-and-um andúyd-at xu pic-míc-um zinód xu, sárakɑḏ-ām norí čūd. máš norí kileḫcák-at marúb vud. Bád-ām xu pex-méx pinúyd-at, xu ḫibḏún-at xu móḏ-ām zoḫt xu, mól-ām xu tar-piró wedd xu, pi puḫtá-yām rawún čūd. xu ba-dilá-yām sífád,—wuz as piró-t, mu pitís as zibó-t, mol miḏén-ard čaro kiḫt-at, xirt-at,—tóyd-ām.

10. maḏór-ard-ām pi yi dáḫti firípt. ám-ām máš mot sát-at, ám mol.

5. Рано утром мы встали, поели тутового толокна с кислым молоком, наложили тутовых ягод в свои тюбетейки, часть наших вещей погрузили на осла, а часть взяли себе на спину. Вышли со двора на дорогу, попали в ручье воды и отправились.

6. К восходу солнца добрались до Тах-Бунака. Там мы опять попили воды, покурили и отправились дальше. К полудню мы пришли к летовью и отдохнули. Женщины с летовья вышли к нам с мисками кислого молока и сливок, мы отдали им их посылки.

7. А вечером со склонов пригнали скот, — (кругом) и блеяние и мычанье. Овцы и козы в одном месте, крупный скот — в одном, козлята и ягнята — в одном; ребятишки кричат и зовут — каждый свою скотину высматривает.

8. Весь скот загнали в загон. Женщины взяли в руки свои подошники и тотчас принялись доить, а девочки держали для них телят. Вечером принялись толочь тутовую муку; муки натолкли, положили в кислое молоко, поели. А для нас кроме того принесли и масла.

9. Утром снова поднялся шум и гам; я встал, умылся и на рассвете мы позавтракали. Нашим завтраком были просяные лепешки и сливки. Потом мы обулись, взяли свои припасы и свои палки, вперед пустили скот и двинулись на нагорье. Шли в свое удовольствие: я впереди, брат мой позади, посредине скот пасется, наедается, — так и шли.

10. К полудню вышли к одной поляне. И сами мы устали, и скот.

máš-ām yi tāx bunák-and nóst-at, mol mis aʕúyd xu, daraw niǰxór sut. máš-ām mis xu ǰibdún ziwóst. mu ǰibdún yi nīmúná žindamin gārđá-yat saféd piǰt vud. wi ǰidá-nd yi kileǰcák-at rūšt piǰt vud.

11. dáđ-ām xu tuǰá daraw xīd sat. yi lāv-ām xúd-at cūǰt-ām-ide: máš kál-ard ǰarizén-and par-par sut. bád-ām as xu tuǰá kál-ti andóyd xu, daraw cūǰt-ām sat. wúz-um sut tar yi cūđm bún-ide: yámand-en aráy tarmúrǰ vad. wāđ tarmurxén-en ǰariz-and vad. dáđ-um yat tar wi xu pitiš kez, wi-m cūǰt-ide: yi ǰariz-i waxt anǰúvǰ. bád-ām yat tar xu túǰá kez.

12. xīr mis peǰín sūt(t)-at, máš-ām mol qatí to xīr ar žír-ard-ide ar dara ǰév-ām xāvđ. mol ǰác-i biróǰt-at, xīr mis nūst. mól-ām dađ yikámard asob cū xu, xu tar piró-yām wi weđđ, qaríbi yel-ām yát-at, baǰgalá-at ǰācbucén-en máš-ard pirođi yat. mól-ām ar ǰēđ weđđ-at vó-yām a-sarák-ađ asób cūđ-ide: yi digvér mu kolák-and-at yi guǰ bob Andam-and nist.

13. bád-ām vo ǰúm-inde pi puǰtá sífád. yi cūđmzór-and-ām yat-ide: yi pará-ti cūđm darún pirš-pirš sut. wúz-um bād sut pi wi cūđm xéz-ide: bob Andam guǰ ǰal ar wi cūđm darún. wi guǰ-ām mis vúd-at yā digvér ǰal nist.

14. vó-yām sat pi tírdí. cūǰt-ām-ide: pi yi noǰóy piǰúnd ǰulikik píđ. dáđ-ām ǰáb-inde sífád. caǰmóq-ām đod xu, cūđm-ām píđid-atā, zamúná riǰnogí sut. bád-ām yi lāv ǰoy sát-ide: aǰgá sífídów na boft. bád-ām mođ

Мы сели у камня, скотина тоже улеглась и принялась за жвачку. Мы достали свои припасы. Мои припасы были — половина пшеничной лепешки и толокно из белого тута. У того мальчика была просяная лепешка и толокно из красного тута.

11. Мы начали есть свои припасы, немного поели, смотрим, — над нами вспорхнули куропатки, мы встали из-за еды и принялись смотреть. Я пошел к одному кусту, а там три яйца. Это были яйца куропатки. Я вернулся к своему брату, посмотрел на него, а он уже давно поймал куропатку. Потом мы вернулись к своей еде.

12. Солнце пошло за полдень, и мы вместе со скотом к заходу солнца спустились к выходу из ущелья. Скот напился воды, и солнце село. Тогда мы пересчитали скот, пустили его вперед и подошли к летовью. Ребятишки выбежали к нам навстречу. Мы загнали скот в загон, опять заново пересчитали, — нет ягненка моего дяди и козленка дедушки Андама.

13. Тогда в сумерках мы снова поднялись на склон, подошли к кустарнику, а на одном холмике из куста послышался шорох. Я подошел к кусту, а в этом кусту — козленок дедушки Андама. Мы отнесли козленка, а ягненка все еще нет.

14. Снова мы отправились вверх. Посмотрели: в одном глухом месте маленький след. Поднялись мы уже ночью. Я высек огонь, зажег куст и кругом стало светло. Мы немного прошли, и дальше подниматься стало невозможно. Тогда мы своими палками нащупывали себе место и под-

qatí xu-rd pǝǝóy çu xu, sifád-ām. dáð-ām wam digvér mis vūd xu, xambént-ām. dáð-ām ar yel firípt xu, dām-ām xu ðod.

15. wi řáb-ām yél-ti řóvd-at, tuřá-yen pex̄t-at alyók-en mář-ard čūd xu, sārakað-ām ar xu číd toyd.

2

1. mář-ām asíd as Xarář baróy samalót na vidów moříná-tír-ām yat. as Xarář-ām sawór sát-xu tóyd-ām. to Barxarář-ec-ām yat, māš moříná werún sat. bád-ām yakúmi sentábr-and digá moříná-tír sawór sat xu tóyd-ām. pis púnd-að-ām soz lúd-at yát-ām. yik-wi méð-ām vegakí-rd to řelúndí-yec yat. vegakí-yām as řelúndí-ndi andóyd xu, tóyd-ām.

2. duyúm méð-ām řáb-ard tar Marřóv firípt. yámard řáb yi-čáy-að na vúd. mář-ām tarám firípt xu, yám-and-ām moříná-tír-að řovd. sārakí-yām andóyd idi: lápað řító yám-and vuðǝ xu, mář-ām řicóðǝ. bád-ām andóyd xu yám-and yi řídá as māř Xarář vuðǝ, yu mář-i wint xu, tar xu číd-i yod. mář-ām fúkaki avdá nafar vad. yám-and-ām çoy biróřt, bád-ām vo sawór sat moříná-tír xu, tóyd-ām.

3. vegakí-rd-ām tar Gulša řoy yat. yám-and-ām awqóti vegakí čūd xu, yi-láv-ām nost xu, řofír ar moříná-yi benzín čūd xu, azám-and-ām toyd. púnd-ard-én tar māř yi qarřiz-atā yigá tatár çorik ^hamró^h sat. qaríbi Ūš-and-ām yi qířlóq-andír řovd. as wi sārúnéð-i řofír xabár čūd māř xu,

нимались. Там мы нашли ягненка и спустились. Потом добрались до летовья и отдохнули.

15. На летовье мы переночевали, нам сварили еды, приготовили сыр, и утром мы отправились домой.

2

1. Мы в этом году ехали из Хорога машиной, так как не было самолета. Мы погрузились и выехали из Хорога. Только добрались до Верхнего Хорога, как наша машина сломалась. Тогда, первого сентября, мы сели на другую машину и поехали. По дороге мы пели песни и так ехали. В тот же день к вечеру добрались до Желунди. Вечером выехали из Желунди.

2. На второй день ночью добрались до Мургаба. Ночью там никого не было. Мы там остановились и спали на машине. Утром мы встали, а там было очень холодно, и мы замерзли. Когда мы встали, тут оказался один наш парень из Хорога, он нас увидел и отвел в свой дом. Всего нас было семнадцать человек. Там мы попили чаю. Потом мы снова сели на машину и поехали.

3. К вечеру добрались до Гульша. Там мы поужинали, немного посидели, шофер заправил машину бензином, и мы уехали оттуда. По дороге к нам присоединились один киргиз и один татарин. В одном кишлаке, неподалеку от Оша, мы переночевали. На рассвете шофер разбудил нас, мы оттуда выехали и к началу дня добрались до Оша.

azámand-ām toyd, widób-ard-ām tar Ūš firípt. Ūš-and as māš Xaráy yi čorik kor kišt, wi xód-and-ām nost. čóy-en māš-ard čūd, čóy-ām biróšt xu, musla^hát-ām ðod didi: samalót-tír, yo póizd-tír sáwām?

4. māš-ām lúd-idi: ar-gó māš-ta póyiz-tír ca sáwām, xeydów-ta pirogúl kinám. bád-ām fúkað lúd: nāy, samalót-tír sáwām. bád-ām mošinén kalún qatír musla^hát čūd-idi: māš as xār-and to tar ayrapórt mošiná-tír yósen, yik-dúnd-jāt didi, as xār-and tar ayrapórt púnd lap ðar vud. yu mošinayén katanák-i māš-ard mošiná dāk čūd xu, māš-ām sawór sat xu tóyd-ām.

5. tar ayrapórt-ām firípt xu sardóri ayrapórt qatír-ām musla^hát čūd-idi: māš-ard avdá nafár-ard belát ðid. sardóri ayrapórt lúd-i: „nāy, wuz vār-ðim ðis nafár-ard belát šičað tamá-rd dākum-atā, wūvd nafár-ard belát yo vegakí, yo nay, xumné-ra tamá-rd dākum. māš-ām baróyi yik-di didi yakjóy-að sáwām, rozí-yām na sāt ðis belát zexťow.

6. maðór-ard samalót yát-atā, yu lóčik-i lúd-idi: „dév-ard fúkað-ard dā kin belát“. māš-ām fúkað belát zošt xu, maðór-ard-ām as Ūš-and sawór sat samalót-tír xu tóyd-ām. vegakí-rd-ām tar Toškánd firípt. samalót-tír-ām yi lāv soz lúd, yi lāv-en to yik-dúnd-ard vud-idi: raqosí-yen čūd.

7. Toškánd-andír-ām firípt, yu yi xāri kaltá vuðj. yámand-ām wev awqotxoná-ndir awqót xud, yi lāv-en māš wíz xéz-and nóst-atā, māš yi lāv-ām tar xār tamošó sat.

8. vó-yām yat, awqót-ām xūd xu, as sardóri ayrapórt-ām pešt:

Один человек из нашего Хорога работал в Оше, и мы остановились у него в доме. Он нам приготовил чай, мы попили чаю и стали советовать: ехать ли нам самолетом или поездом?

4. Мы думали, что если поедем поездом, то пропустим занятия. Тогда все решили: „Нет, полетим самолетом“. Потом мы отправились к заведующему гаражом и попросили его отвезти нас на машине в аэропорт, потому что от города до аэропорта было очень далеко. Начальник дал нам машину, мы сели и поехали.

5. Добралась до аэропорта и сказала начальнику аэропорта, чтобы он дал нам на семнадцать человек билеты. Начальник аэропорта сказал: „Нет, я могу сейчас дать вам билеты только для десяти человек, а еще для семи человек я вам дам билеты или вечером или завтра“. Мы, — чтобы ехать вместе, — не согласились брать десять билетов.

6. В полдень прибыл самолет и летчик сказал: „Всем им выдайте билеты“. Все мы взяли билеты и после полудня сели на самолет и вылетели из Оша. На склоне дня прилетели в Ташкент. В самолете одни из нас пели, другие же так разошлись, что танцевали.

7. Так мы добрались до Ташкента, — это большой город. Там мы победали в столовой, и одни из нас остались возле вещей, а другие пошли осматривать город.

8. Мы вернулись, поели и спросили у начальника аэропорта, когда

ca wáxt-ta máš-ard bilát samalót-ard dā kišt. yā awalúnat qarór vad, ammó lúd-ām: máš-ām stūdént. yā fámt-idi dāð-en stūdént vic xu, lúdi: „vegárat tar mú xez yádet“. xóm-atā wúz-um tar wám xez sut. yā-yi kassír-ard lúd-idi: „yik-mev avdá nafár stūdéntén-ard belát šičað dāk“. yik-wi xáb-að-ām belát zošt.

9. čorúmi sentábir-and-ām sārakí sawór sat samalót-tír xu, tóyd-ām. yik-dúnd-ard miloyím joyén tír-ām niscín wád-idi, xūdm-i mās yodj-atā, yak bórað-ām xabár sat didi: Stalinobód ayrapórt-and-ām. azámand-ām mošiná-tír sawór sát xu, pi institút-ām yat. yik-wi með ódix vud. as panjúm sentábir-and-ām tar dars ded.

РУШАНСКИЕ ТЕКСТЫ

3

1. viš na viš yi nānák-atā yi nabūsák-an viš. wúfā yi-čizgí na viš-atā, way nabūsák tāk núšč-at, wiðič-i injúvj-at xúj-an. ik-dáy-ti-an xu zindagi nawzímč.

2. yi mið nabūsák suj tar xu tāk-idi: ar way tāk ýāž ingíxč. yā um ýāž injúvd. ýāž az way lúvd-idi: „tu mu lāk, az tá-atā tā nān sír na-kinúm. tu ik-mánd mu lāk-atā, pa mu čod ya, az tá-ri awqót dákum“. yā nabūsák um ýāž át kišt xu, ýāž sāwt pa xu čod.

3. yā nabūsák yidđ tar xu nān xíz xu ik-dúf gārén úm-ri luvd. way nān

она даст нам билеты на самолет. Она сначала промолчала, но мы сказали: „Мы студенты“. И когда она узнала, что это студенты, то сказала: „Придите ко мне попозже“. Вечером я пошел к ней, и она сказала кассиру: „Этим семнадцати студентам выдай сейчас билеты“. Так в эту же ночь мы получили билеты.

9. Четвертого сентября утром мы сели на самолет и отправились. Мы сидели на таких мягких местах, что нас разобрал сон, — и вдруг мы узнаем, что мы уже в стальянабадском аэропорту. Там мы сели на машину и приехали в институт. Как раз в этот день был день отдыха. С пятого сентября мы приступили к занятиям.

3

1. Было ли не было, были одна бабушка и внучек. У них ничего не было, внучек ставил силки, ловил мелких птиц, — и они ели. Так они и вели свою жизнь.

2. Однажды внучек пошел к своему силку, а в силок попалась ворона. Он взял ворону, а ворона ему сказала: „Ты меня отпусти, я тебя с твоей бабушкой сытыми не сделаю. Ты теперь отпусти меня и приходи ко мне домой, я тебе дам еды“. Внучек отпускает ворону, и ворона отправляется к себе домой.

3. Внучек возвращается к бабушке и передает ей эти слова.

lúvd-idi: „um řaz tā pas fānd đūd“. yā um nabús lúvd-idi: „az ik-mānd sām pa um řaz čod: um xu čod mú-ri divířt“. vay nān luvd: „xāy, sa pas“.

4. yā řadā sāwt pa řaz čod. řaz wáy-ri yi díg dākt xu lúvd-idi: „tu sa, pa mum díg yúc kí-atā luv: «díg-dígák, bāt mu-r dāk»“. yā řadā um díg zezd xu tizd.

5. yi lāv řoy sāwt-atā, řāb sāwt. yi čurúk az way lúvd-idi: „tu nur řāb ar mu čod níř-atā, sāráy wal sa ar xu čod“. yā řadā řāb ar way čod nířt. řāb yā řadā řóřct-atā, yā čurúk way díg zezd-atā xu díg ribízd wáyā řoy-ti.

6. sāráy yā řadā tizd ar xu čod xu, pa um díg darāv yúc číř kířt. ar cónd yúc pa um díg kířt-atā luvd: „díř-dígák, bāt mu-r dāk“-idi: bāt pířó nist. ik-á čurúk-idi way díř-i ca zúřt, pa um yúc kířt-atā luvd: „díř-dígák, bāt mu-r dāk“, yā díř řak bāt sāwt-atā, yā čurúk xu ziryōtén qatáy xirt.

7. yā nānák xu nabús-ri lúvd-i-idi: „um řaz tā fānd đūd.“ yā um nabús vō sāwt pa řaz čod-atā, az (w)um řaz lúvd-idi: „tā mu fānd đūd“. yā řaz luvd: „čiz fānd-um tā đūd?“. yā nabúsák lúvd-idi: „yā tā díř bāt mú-ri na dākt“. řaz wáy-ri yi čař dākt-atā lúvd-idi: „řāb mum čař ar wařřéc wud, sāráy-ri yim way wařřéc řak taxmúř kířt“.

8. yā řadā vō tizd, ik-ar-way čurúk čod xiz sāwt-atā, vō řāb sāwt.

Бабушка сказала: „Ворона тебя обманула“. Внучек сказал: „Я сейчас пойду к ней домой, она мне свой дом показала“. Бабушка сказала: „Ладно, иди“.

4. Парень отправляется к вороне домой. Ворона дает ему котел и говорит: „Ты иди, разведи под этим котлом огонь и скажи: «Котел-котелок, дай мне киселя»“. Парень берет котел и уходит.

5. Проходит немного пути, наступает ночь. Один мужик говорит ему: „Ты сегодня на ночь остановись в моем доме, а утром пойдешь к себе домой“. Парень останавливается на ночь в его доме. Ночью парень засыпает, а тот мужик берет его котел и на его место кладет свой котел.

6. Утром парень отправляется к себе домой и тотчас начинает разводить под котлом огонь, но сколько он ни разводит огонь и сколько ни говорит: „Котел-котелок, дай мне киселя“, — кисель не появляется. А тот мужик, который взял котел, разводит под ним огонь и говорит: „Котел-котелок, дай мне киселя“, и котел сразу наполняется киселем, и мужик вместе со своими детьми ест.

7. Бабушка сказала внучку: „Ворона тебя обманула“. Внучек снова идет к вороне в дом и говорит: „Ты меня обманула“. Ворона сказала: „Как я тебя обманула?“. Внучек сказал: „Твой котел не дает мне киселя“. Ворона дает ему курицу и говорит: „Помести эту курицу на ночь в сарай, наутро она принесет много яиц“.

8. Снова парень идет, доходит до дома того мужика, и снова

yā čurúk vō az way ɣadá luvd-idi: „ik-mánd ar xu čod mā sa, wurjén tā may ǰáb-andi xáran“. yā ɣadá vō ǰáb ar way čurúk čod niθt. ǰáb vō yā ɣadá ǰófct-atā, yā čurúk xu čaǰ ribízd wáyā jój-ti, at wáyā way čaǰ xú-ri zezd.

9. yā ɣadá vō sāráy indízd xu um čaǰ zezd xu tízd. sáwt ar xu čód-atā, ǰáb um čaǰ ar waǰjéc wuǰd. sāráy sáwt ar waǰjéc-idi: arám yi taxmúry mis nist. ik-á čurúk-idi way ɣadá čáǰ-i ca zúǰt, wuǰd-i um ǰáb ar xu waǰjéc-atā, sāráy čast-idi: yā waǰjéc ǰak taxmúry.

10. nánák vō az xu nabúsák lúvd-idi: „ǰaǰ idá az tā fánd dūd“. yā nabúsák vō sut pa ǰaǰ čod. az um ǰáǰ-i lúvd-idi: „tā mu fánd dūd: yā tā čaǰ na zayt“. ǰaǰ way ɣadá-ri-yi dā čúg yi xadúrǰžér xu lúvd-i wáy-ri-idi: „sa ar xu čod xu, mum xadúrǰžér ribí ar xu werθ ǰidōmbéd-ti xu lāk, sāráy-ri tā werθ ǰak yāwǰ sáwt“.

11. yā ɣadá vō yídd ik-way čurúk čod xíz-atā, vo ǰáb sáwt. ik-á čurúk vō lúvd-idi: „tu nur ǰáb ar mu čod niθ, im ǰáb sut, sāráy wal tey“. yā ɣadá vō ǰáb ar way čurúk čod niθt, yā čurúk vō way ɣadá xadúrǰžér zézd-atā, xúyā bízib xadúrǰžér ribízd wáyā jój-ti.

12. sāráy yā ɣadá um xadúrǰžér zezd xu tízd. sáwt ar xu čod, ribízd um ar xu werθ ǰidōmbéd-ti, sāráy čast-idi: i-číz-aθ nist. yā čurúk um xadúrǰžér ribízd xu werθ ǰidōmbéd-ti, sāráy čast-idi: way werθ ǰak yāwǰ.

наступает ночь. Тот мужик снова говорит парню: „Ты теперь домой не ходи, тебя в такую ночь волки съедят“. Парень снова останавливается на ночь в доме у того мужика. Ночью парень опять засыпает, и мужик кладет свою курицу вместо его (курицы), а его курицу берет себе.

9. Утром парень встает, берет курицу и уходит. Приходит домой и ночью помещает курицу в сарай. Утром идет в сарай, а там ни одного яйца нет. А тот мужик, который взял у парня курицу, поместил ее ночью в сарай, утром смотрит: в сарае полно яиц.

10. Бабушка опять сказала внучку: „Ворона тебя обманула“. Внучек снова пошел к вороне в дом, сказал вороне: „Ты меня обманула, та курица не несется“. Ворона дала парню жернов и сказала ему: „Иди к себе домой, положи этот жернов на полку в своем амбаре и оставь. Наутро твой амбар будет полон муки“.

11. Парень опять добирается до дома того мужика, и опять наступает ночь. Мужик опять говорит: „Ты сегодня на ночь остановись у меня в доме, — сейчас уже ночь наступила, а утром иди“. Парень опять останавливается на ночь в доме того мужика. Мужик опять берет жернов парня и на его место кладет свой простой жернов.

12. Утром парень берет этот жернов и уходит. Приходит домой, кладет его на полку в амбаре, утром смотрит — ничего нет. А тот мужик кладет жернов на полку своего амбара, утром смотрит — амбар полон муки.

13. im nānák nabús ik-dáy na wzónt-idi: ik-duf díg-at, čáĥ-at, xadŭrj-žer ŷaž mú-ri ca dā čŭg, ik-way čurúk, čód-andi-yum ĥáb ca nost, way uf az mu cuft-atā, luvd-idi: ŷažák mu fānd đŭd.

14. yā nānák nabŭs vō sut pa ŷaž xiz xu, az wum ŷaž-i luvd: „tā lap fānd mu đŭd. áz-ta mānd yósum tā xu, áz-at mu nān tā káwam xu xáram“.

15. ŷažák az way páwst-idi: „tú-ta azŭd ca sáwi, ĥáb yi čód-andi niđi yō nā?“ . yā ŷadā luvd: „ŭw, ar i čód-ta niđum: mú-ri ik-way čód xiz ĥáb sáwt xu, bād yā čurúk mu ar xu čod nedd“. yā ŷaž bād lúvd-idi: „ik-dŭf čizén pas mu tá-ri ca dā čŭg, ik-wáy čurúk duf pas az tā fúkađ cufc“. ŷaž bād wáy-ri đaw kundá dākt xu lúvd-idi: „tu mānd sa xu, az way čurúk luv: «va mu díg-at, čáĥ-at, xadŭrjžér!» . tám-i tá-ri na dā čŭg, tu az muf kundayén lúv-idi: «tagóv kundá-at, tor kundá»“.

16. yā ŷadā sáwt, az way čurúk lúvd-idi: „va mu mólén“. yā čurúk wáy-ri na dākt. yā ŷadā bād az uf kundayén lúvd-idi: „tor kundá-at, tagóv kunda“-atā, wađ kundayén az zimáđ-ti dar awó sáwan xu, dáyan way čurúk kól-ari, yā čurúk mírt-at, yā ŷadā xu díg-at, čáĥ-at, xadŭrjžér az way čód-andi zezd xu, yōst ar xu čod.

17. um díg ribízd arđón-ti-atā luvd: „díg-dígak, bāt mu-r dāk“-atā, yā díg ĥap-ĥap ĥak bāt sáwt-at, yā ŷadā-at way nān xáran. um čaĥ wuđđ ar waĥjéc, sāráy sáwt-idi: ĥak taxmúrġ. um xadŭrjžér ribízd ar werđ,

13. А бабушкин внучек не знает, что те, мол, и котел и курица и жернов, которые дала мне ворона, тот самый мужик, в чьем доме я ночевал, он-то их у меня и украл, — и думает: ворона меня обманула.

14. Бабушкин внучек снова пошел к вороне и вороне сказал: „Здорово ты меня обманула, теперь я тебя унесу, и мы с бабушкой тебя зарежем и съедем“.

15. Ворона спросила у него: „Когда ты отсюда уходишь, то останавливаешься в каком-нибудь доме или нет?“ . Парень сказал: „Да, останавливаюсь в одном доме. Меня возле этого дома застает ночь, и тогда тот мужик оставляет меня у себя в доме“. Тогда ворона сказала: „Те вещи, которые я тебе дала, этот самый мужик все их у тебя украл“. Потом ворона дает ему две дубинки и говорит: „Ты теперь иди и тому мужику, скажи: «Верни мой котел, курицу и жернов!» . Если он тебе не даст, ты этим дубинкам скажи: «Вниз, дубинка, вверх, дубинка!»“.

16. Парень идет, говорит тому мужику: „Верни мое добро“. Мужик ему не отдает. Тогда парень говорит дубинкам: „Вверх, дубинка, вниз, дубинка!“ . Тогда дубинки поднимаются с земли в воздух и бьют мужика по голове, и мужик умирает, а парень берет из его дома свой котел, курицу и жернов и приносит к себе домой.

17. Ставит котел на очаг и говорит: „Котел-котелок, дай мне киселя“, и тотчас котел быстро наполняется киселем, и бабушка с внучком едят. Пускает курицу в сарай, утром идет — полно яиц.

sāráy sáwt-idi: way werə ʧak yāwʃ. ik-dáy-ti, miə tar miə bōy sāwt way nānák-at nabūsákā uf bōyáy.

18. ik-way xār pōtǰó-ri qār yidd xu, bād xalq ʃām kiǰt xu, pa (w)uf ded yidd. ik-way wáxt-idi pōtǰó xu liǰkár qatáy yidd way ʧadá qatáy ded, yā ʧadá uf xu kundayén-ri lúvd-idi: „tor kundá-at, tagóv kundá“. wād kundayén ik-way-dón liǰkár fúkaə zānan-at pōtǰó-gi mis zānan. mardúm bād ik-way ʧadá xú-ti pōtǰó kinán.

4

1. viǰ na viǰ yi mewák viǰ. úmā viǰ i puc. miəogí yā ʧulá súj-at, way mōd way yūǰ tar azrát Dōwút, tarám-i wáy-ri wiroǰč šamsér. azandi ar miəaə qad kiǰt. miəə viǰ, indáwǰ xu, rū ba rā, rā ba biyabón.

2. dáxti marǰelón činǰrbardór wáy-ri dučór dūǰ. Mewakpúc way pawst: „tú-t ká-ǰi rawón?“, way luvd: „ka mu páwsi?“. Mewakpúc luvd: „az pawstów i-číz ayb nist“. way luvǰ: „áz-um ba dówi pālawón Mewakpúc rawón“. way lúvd idi: „agár pa mu barobár yádi, yá-ta tā diidd“.

3. bād Činǰrbardór xu činǰr wáy-ri dá čūg, way wum zūǰt xu, dūd-i bar-ōsmón áw. yā azám yat xoč-xapóč. ázandi Činǰrbardór qár-i čūg xu (|| xo) niǰávdan. Mewakpúc luvd: „zūr ki!“ . az zūráǰi way way dostén-an xūn ǰičéft. karyói Mewakpúc zūr čig yat. i tóv zūr-i čūg, dūd-i tar zimád way.

Кладет жернов в амбар, утром идет — амбар полон муки. И таким образом день за днем увеличивается богатство бабушки и внучка.

18. Царь этой страны рассердился, собрал народ и отправился на них войной. И вот, когда царь подходит со своим войском сражаться с тем парнем, парень говорит своим дубинкам: „Вверх, дубинка, вниз, дубинка!“. И дубинки тотчас разбивают все войско и убивают царя. И тогда народ делает того парня своим царем.

4

1. Было ли не было, была одна овца. У нее был сын. Однажды, когда он подрос, мать отвела его к святому Давиду (покровителю кузнецов). Там он ему выковал меч. С этих пор каждый день он рос. Наступил день, и он отправился: глаза на дорогу, дорога — куда приведет.

2. В маргеланской степи повстречался ему Корчеватель чинаров. Овцович спросил его: „Ты куда идешь?“. Тот сказал: „Зачем ты меня спрашиваешь?“. Овцович сказал: „В спросе греха нету“. Тот сказал: „Я иду на богатыря Овцовича“. Он сказал: „Если ты со мной вровень выйдешь, так он тебя победит“.

3. Тогда Корчеватель чинаров подал ему свой чинар. Тот взял его и подбросил к небу. Чинар упал оттуда, в щепки (разлетелся). Тогда Корчеватель чинаров рассердился, и они схватились. Овцович сказал: „Нападай“. У того от натуги руки в кровь растрескались.

4. way luvd: „mu jōn mu-r baḡxiḡ kil“, azandī-yi way lā čūg. čó-yi warvént, birúḡt-an xu lúvd-i: „áz-um mānd am tá-ri viród, am tá-ri nawkár“. ázand-en vō indáwd: rū ba rā, rā ba biyōbōn.

5. yi čurúk xadúrjā way žer ar way ingáḡt naḡént-i wáy-at yat. páwst-an way: „ká-je-t rawón?“. way luvd: „áz-um Xadúrjsenúḡ, ba dówi pālawón Mewakpúc rawón“. way luvd: „áz-um way xōgírd, agár mú az tā šart yūd, yá-ta mis yōst“. azandī-atā um zūḡt, dūd-i um bar-ōsmón áw. azám yā weḡt, sut tit-titák.

6. bād-an niđávd wāḡ xu, Xadúrjsenúḡ luvd: „zūr kil“. Mewakpúc luvd: „tu zūr kil“. bād Xadúrjsenúḡ zūr čūg. way ḡostén-an mis xún-andi sat. way lúvd-idi: „Mewakpúc, tu mānd zūr kil“. Mewakpúc yi zúrtéḡ dūd-i way tar zimāḡ. azandī way luvd: „mu jōn mu-ri baḡxiḡ ki“.

7. bād wáy-i lā čūg xu awqót-an pōxt, xūg-an xu, vō indáwd rū ba rā, rā ba biyabōn. yíwaḡ užrá az piró yač. uf luvd: „māš-am lap māwz, yik-ar-dáy užrá indīdam, — xōy žindírḡ māš xírt-at xōy na“. bād-an wiḡd xu kol xu tar-piró xu (|| xo), indáy-d-an. čóḡt-an: arám yi kampír. páwst-an az um: „awqót yast? māš-am lap māwz, māš qoč sir ki xo, tām pawš“.

8. lúvd-i: „múnā i-číz-gi níst-atā, yíwák-aḡ guják, váraf xu (|| xo) káwat“.

4. Пришла очередь Овцовичу нападать. С одного захвата он бросил того на землю. Тот сказал: „Пощади мою душу!“. Тогда он отпустил его. Он сварил чаю, они попили, и он сказал: „Я буду тебе теперь и братом и слугой“. Потом они отправились: глаза на дорогу, дорога — куда приведет.

5. Идет навстречу мужик, и на пальце мельничный жорнов вертит. Они спросили его: „Куда ты идешь?“. Он сказал: „Я Подниматель жерновов, иду на битву с богатырем Овцовичем“. Тот сказал: „Я его ученик, если я спор с тобой выиграю, значит и он выиграет“. Тут он взял его (жернов), бросил вверх до самого неба. Он оттуда упал — вдрызг разлетелся.

6. Тогда они схватились, и Подниматель жерновов сказал: „Нападай“. Овцович сказал: „Нападай ты“. Подниматель жерновов натужился, но и у него только руки окровавились. Он сказал: „Овцович, теперь ты нападай“. Овцович одним захватом бросил его наземь. Тогда тот сказал: „Пощади мою душу“.

7. Тогда он его отпустил, они сварили еды, поели и отправились: глаза на дорогу, дорога — куда приведет. Впереди показалась какая-то лачуга. Они сказали: мы очень голодны, войдем в эту лачугу, — съест ли нас дракон, не съест ли. Потом они просунули вперед свои головы и вошли. Посмотрели, а там старуха. Спросили у нее: „Есть еда? Мы очень голодны, сначала накорми нас, а потом спрашивай“.

8. Она сказала: „У меня ничего нет, один козленок, приведите его и зарежьте“. Они пошли, а он такой громадный, что из хлева вылезти

wāḍ-an saǰ: yā yi kaltá-yidi, az yúst niǰtaydów na vār-ḍáyṭ: way ǰawén-an lap ǰulá saǰ. bád-an way ǰawén arrá ḍūd xu, ziwúst-an xu kúǰt-an.

9. bād um kampír wuf pawst: „tamá-f az ká-ǰi?“. uf luvd: „tā az xuḍóy nabúsák xú-ri talépt, máš-am tá-ri nabús-at puc“. um kampír lúvd-idi „tamá mú-ri nabúsdōráy-at pucdōráy na vār-ḍayát“. lúvǰ-an: „čiz šart táyā vawt, na vār-ḍayám?“.

10. lúvd-i: „mu šart yik-id-idi: ǰōm di sut, tar vaǰ mā niǰtéyat“. uf luvd: „māš ká-ndi mízam ar gōxōná-atā, tar vaǰ ka na niǰtéyam?“. lúvd-i: „tar vaǰ ar miḍ yi žindírǰ niǰtízd, yā ōdám xirt. nur ǰāb mānd žindírǰ karyó tar pōdǰó. wáyā, yi xušrúy rizén, wūvd camíg gardā-yat yi ǰoj nūšćfn žindírǰ karyó“.

11. bād ǰābaḍ Mewákpuc nuǰtúyǰ tar vaǰ: tar yi pec — ǰābáy, tar yi pec — níwdów, tar yi pec — dāḍéd. čóǰt-i-yidi: zimād rawzá kiǰt. bād sut ba dōwi pōdǰó rizén: úm-an wūvd camíg gardā, yi ǰoj qatáy vošč.

12. lúvd-i: „ey ǰuwón, tu taráw mā ya, žindírǰ tā xirt“. way lúvd-i: „tā rang xušrúy xirt-atā, lāk mu mis xirt“. bād sífód pa um xíz xu dād-an náqlǰ ču. bád-i luvd: „tu čās-atā, žindírǰ ca yǰḍd, mu xabár ki“.

13. bád-i žindírǰ niǰtáyḍ xu yat ba dōwi um ǰāc xo, čóǰt-i: ḍaw ōdám-at, wūvd camíg gardā-at, yi ǰoj tayōrá čūǰ: pōdǰó idá bóy ca, day dōnd

не может, — такие большие рога у него отросли. Тогда они отпилили у него рога, выволокли и зарезали.

9. Потом старуха спросила у них: „Вы откуда?“. Они сказали: „Ты у бога внука себе просила, так вот мы тебе и внуки и сыновья“. Старуха сказала: „Вы мне ни внучествовать, ни сыновничать не сумеете“. Они сказали: „Что у тебя за условие, что мы не сумеем?“.

10. Она сказала: „Мое условие такое: как наступит ночь, — чтобы вы наружу не выходили“. — „А где же мы будем мочиться, если нам не выходить наружу?“. Она сказала: „На улице каждый день выходит дракон и поедает людей. Сегодня ночью очередь дракона у царя. На очередь дракону у него приготовлены красавица дочь, семь корзин хлеба и один бык“.

11. Ночью Овцович вышел на улицу: в одной стороне — тьма, в другой стороне — плач, в третьей стороне — барабанный бой. Смотрит: земля задрожала. Тогда он отправился за царской дочерью; а ее привязали вместе с семью корзинами хлеба и быком.

12. Она сказала: „Эй, юноша, ты не подходи сюда, тебя дракон съест“. Он сказал: „Если он такую красавицу, как ты, съест, так и меня пускай ест“. Потом он поднялся к ней, и они начали разговаривать. Потом он сказал: „Ты смотри, и когда появится дракон, дай мне знать“. Он заснул.

13. Тогда вышел дракон, пошел за девушкой и увидел: приготовлены два человека, семь корзин хлеба и один бык, — царь, ведь, богатый, — столько приготовил! А девушка не дала знать Овцовичу. Дракон

nūšč. bād yā ȳac xabár way Mewakpúc na kišt. žindírȳ firépt, um yōǰk way péc-ti čikt. yā sikt, agá sūt-idi: žindírȳ firépt. way lúvd didi: „tu mānd am mu bejōné-t am xo“.

14. bād šamšér-i ziwúst xo firépt. dūd-i um mák-ari, um kol kinōrá sut. alqisá wúvd kól-i úmā kinorá-yi čūg. az um dām-ti-yi pūst kivd xo, um luvd: „ba-tarí yō ba-xuǰki?“ . lúvd-i: „ba-tarí“. bād daryō torín yíd-i yā sat. um kolén-i čég-ti pijént xo, yúd-i činór-ari-yi galwizōn čo (|| ču || čūg).

15. bād yā ȳac indáwd xo, sat pa xu čod. um píd-at mōd úm-ri dívó át na kinán. lúvd-an: „tú-t racésc!“ um lúvd-idi: „yi juwón yat, um žindírȳ-i zod“. pōdǰó bōwár na kišt, i mūsaféd-i rimúd. way luvd: „áz-um sut, ya ȳal nimjōnák, at mu um zod“. pōdǰō vō bōwár na kišt.

16. bād áli šár-i jām ču xo, yíwí ōdám vírt-at, uf kolén sentów rimáyt. wāđ na bafán (|| na vārdén). alqisá, yi aftá iyórađ uf kolén sentów daw pod na vār-đūd. bād-an luvd: „yi kampírā yi nabūsák yast, yik-á gidi rayj“.

17. dađ pōdǰó rimúd wáy aven ar kampír čod. bād yat xo, šamšér-i zūǰt xo, dūd-i uf kolén-andi zoq xo, ūvd pód-i sint-at núst-i. bad pōdǰó rizén luvd: „ik-íd vid“. dađ pōdǰó xu rizén be-áq-at be-amálađ wáy-ri dūd. wāđ-an ba táxt-at baxt firépt-at, áz-um mis xu šatak markáb qatáy firépt.

совсем приблизился. Ее слеза капнула ему на лицо, он вздрогнул, проснулся, — а дракон уже подошел. Он сказал: „Ты и меня и себя губишь“.

14. Он выхватил меч, подоспел, ударил дракона по шее, и у того отлетела голова. Одним словом, он снял у него семь голов, со спины вырезал у него кожу; он (дракон) сказал: „На воду или на сушу?“. Тот сказал: „На воду“. Тогда он (дракон) сделался над рекой мостом. Тогда он (юноша) нанизал на нож его головы, отнес и повесил на чинар.

15. Тогда девушка встала и пошла к себе домой, а мать с отцом ей дверь не открывают: ты убежала, мол. Она сказала: „Появился один юноша и убил дракона“. Царь не поверил, послал одного старика, тот сказал: „Я пошел, а он еще живой, и я его убил“. Царь опять не поверил.

16. Тогда он собрал население города: пропускает по одному человеку и приказывает поднять те головы. Они не могут. Одним словом, никто не смог поднять голов и двух раз. Тогда сказали: „У одной старухи есть внучек — он еще остался“.

17. Тогда царь послал за ним в дом старухи. Тот пришел, взял меч, проткнул им головы, семь раз поднял и опустил. Тогда царская дочь сказала: „Этот самый был“. И царь отдал ему свою дочь без платежа и без выкупа. Они достигли своего счастья, а я тоже подоспел со своим хромым ослом.

ХУФСКИЙ ТЕКСТ

5

1. dar wáxti qadím yi Bōzingár nōm sawdōgár wuj. yaw dond bōy wuj idi, wáyōw čil řin, čil xazíná, čil vúrj, čil qačír-an vaj.

2. mřō vawd, yaw sawd tar bōzōr, lūvd idi: „čil mřō rōhát-at yi mřō menát či žūj?“ yi Landawúr nōm čurúk lūvd: „mu žūj“.

3. dađ Bōzingár as Landawúr zezd xu yest tar xo čod. xu čil xazíná wixæž dākt wáy-ri xo, fúkađ xu inřōmót, xu řinérž sipórd wáy-ri, way fōrāx-ti. lūvd: „idá čil mřō rohát mānd kí-at, yi mřō-ta menát taw rimáyum“. Landawúr lūvd: „bašánd“.

4. dađ Landawúr čil mřō-and tamōmi way inřōm qatay ^bayš kixt-atā, mřō vawd idi: čil rūr (|| mřō) tayōr sut. Bōzingar yat xu lūvd-i as Landawúr: „xub, māš waxt tayōr sut, mān(d) sáwam menát čigōw“.

5. azádandi-atā Bōzingár čil vúrj, čil qačír zezd, yigí katá bučág zezd xu, sáwan yáw-atā Landawúr ar tillōyín táx xřz. yaw dōn(d) kaltá táx yast idi, padám-ta zangál wiqōbén ōdám yōsan, gásađ na baft. padám di ōdám-an zangál wiqōbén yūd, ōdám-ta mřrd, day aven didi xu pōnd azám xavdōw-ti-ta na viráyd.

6. bad Bōzingár-at Landawúr firāpan ar tillōyín táx xřz xo, dađ Bōzingár way buč káwd. way gūxt zezd, aloidá lákt-at, way pust zezd xu,

5

1. Был в старые времена купец, по имени Бозингар. Он был такой богатый, что у него было сорок жен, сорок сокровищниц, сорок коней и сорок мулов.

2. Однажды он отправляется на базар и говорит: „Сорок дней без заботы, один день работы, кому любо?“. Один человек по имени Ляндавур говорит: „Мне любо!“.

3. Тогда Бозингар берет Ляндавура, ведет в свой дом, дает ему ключи от сорока своих сокровищниц, отдает ему в его распоряжение все свое добро и своих жен и говорит: „Теперь сорок дней отдыхай, а потом на один день я займу тебя работой“. Ляндавур сказал: „Хорошо“.

4. Ляндавур сорок дней наслаждается всем его добром, но наступает день, когда сорок дней кончились. Бозингар пришел и сказал Ляндавуру: „Хорошо, наш срок истек, пойдем теперь трудиться“.

5. Тут Бозингар берет сорок коней и сорок мулов, берет еще большого козла, и они с Ляндавуром отправляются к золотой горе. А это такая высокая гора, что на нее лишь большие орлы людей заносят, а так — нельзя. И когда орлы занесут туда человека, человек умирает, потому что не находит дороги спуститься оттуда.

6. Бозингар и Ляндавур достигают золотой горы, и тогда Бозингар режет козла, берет его мясо, — кладет отдельно; берет его шкуру и

as Landawúr lüvd: „čas, ca-ráng ɣullá püst! ar may darún ca indídi, — báfi xō, yak bōr indíð, taw qád-ti yast-ō?“.

7. Landawúr dað indíðd ar way púst-atā, Bozingár darráwað way ɣem xař kiřt. Landawúr arám rayst. cōnd wāyð didi, Bōzingár át na kiřt. dað Bōzingár way püst yi jō-n-and lākt, way gūřt vīrd, ðit way púst-ti lāy xu lākt. xúbað dað tízd.

8. pizoríkaði ðardí-atā, zangál wiqōbén az way puřtá (‘tāx) xáfcan, yádan, way gūřt xáran, at way püst zézan xo, pi way tāx nūl way yósan. Landawúr day dōnd-and wāyð. dað wiqōbén váran way xo, way tāx nūl-ti lākan, dawóm kinán way nūl ðed. way püst kinán coɣ, časan: azámānd ōdám niřtízd, dað wāð wiqōbén rawāðan, at Landawúr azáman(d) niřtízd xo, ayrón rayst: wáz-um ká-ndi?

9. at Bōzingár qīwd pi way: „tilló mānd ar mu xīz xub lap ki-atā, waz day pōnd tā-rd lum“. Landawúr bād tilló ar wáy xīz kiřt xub lap, Bōzingár fúkað xu čil vūrj-at-qačír kiřt wæz, as uf ðayd bíř xu, dað pay-teyð sawd. at Landawúr ar way qīwd: „may pōnd mu-rd na lūvi-yō!“. yaw lüvd: „sa mānd padád xu, řōfc“.

10. Bōzingár dað tízd-atā, Landawúr rayst padám. sawd pi tordí, čast: dōnd lap murðá yast didi, dalíl nist. bād lüvd: „ařáb gandá múr-um na sut“.

11. yi řáb-at-míð rayst padám-at, bóri ðawúm sawd tar yi taráf, čast

говорит Ляндавур: „Посмотри, какая большая шкура! Если в нее влезть попробуешь, так сумеешь, наверно. Влезь разок, — по росту ли тебе?“.

7. Тогда Ляндавур влезает в шкуру, а Бозингар тотчас накрепко закрывает отверстие; Ляндавур остается там. Сколько он ни кричит, Бозингар не открывает. Потом Бозингар кладет шкуру в одно место, приносят мясо, кладет сверх шкуры и оставляет. А сам уходит.

8. Немного позже с горы слетают орлы, съедают мясо, а шкуру берут и уносят ее на вершину горы. А Ляндавур все кричит. Орлы приносят ее, кладут на вершину горы и начинают бить клювом. Разрывают шкуру, смотрят: оттуда выходит человек. Тогда орлы улетают, Ляндавур выходит и удивляется: где я?

9. А Бозингар кричит ему: „Теперь ты набросай мне побольше золота, и я тебе укажу дорогу“. Тогда Ляндавур сбрасывает ему очень много золота, Бозингар нагружает своих сорок лошадей и сорок мулов, так что остается излишек, и собирается уезжать. А Ляндавур кричит ему: „Дорогу мне не покажешь?“. Тот говорит: „Ступай теперь вон туда и спи“.

10. Бозингар уходит, и Ляндавур остается там. Поднимается повыше, смотрит: столько трупов, что сил нет! Тогда он подумал: скверная мне смерть пришла.

11. Сутки он тут остается, а потом во второй раз идет в одну

didi: way bún-and qūl. bād fikri kiḫt: as way dī pi may tāx mirúm, k-ar-dúm ḫac xo ca patém yáwaḥ bedí.

12. bād xu zūw tāžd ar xu kāl xo, áw xo ḥit. ḍayd áli miḍenáyi qūl xu, sawd šūs-and ḡarq. at niyáng sawd as šūs-and, way ziweḥḍ dar awóḥ xu, tar pāláv ōyisáyaḥ way lákt. yaw as xu xabár nist. bad Landawúr as xu xabár sawd didi: yaw kinōrá-yand tōzáyaḥ, na yi čiz wáyōw zār suj. daḥ lūvd: aǰáb tawfíq.

13. azádand daḥ indízd xu sawd vō tar bōzōr. čast didi: Bōzingár ḡal bōzōr-and lūvd: „čī yi miḥ menát-at, čil miḥ rōhát žūǰ?“. Landawúr fikri kiḫt: „may tōv-gi waz day fánd ḍām“, — xu zōrḍ-andi lūvd. bād lūvd: „mu žūǰ“. Bozingár day na fámt-i idi k-aw ḡadá.

14. bād way zezd xu yest tar xu čod. vō k-uf xu tamóm inǰōmót dar wáxti čilrūzandí sipórd wáy-ri. miḥó vawd, yaw xu áyḥ-at-išrát tar wáxti čilrūzánd tayór kiḫt-atā, Bōzingár vō yiḥḍ, xu čil vúrǰ, qačír, xu yigi buč zezd xu, Landawúr piro kiḫt vō xo, tíyan ar way tillōin tāx xǰz.

15. at Bōzingár faršástaḥ way bučág kāwd, way pūst zezd xu, as Landawúr lūvd: „ku, to ar may pūst indíḍ yak bōr, wázi-yō?“. Landawúr lūvd: „ku, to indíḍ yakbór, ca-ráng-ta arád indíḍan?“. Bōzingár lūvd: „ḡay pas, waz indíḍum-atā, tu bašánd čas xo, tu tām indíḍ“.

сторону, смотрит: под ним озеро. Тогда он думает: чем мне на этой горе умирать, броситься в воду, — и то лучше.

12. Тогда он закрывает голову рукавом и бросается. Попадает в середину озера и погружается в песок. А из песка выходит рыбакит, извлекает его на волю и осторожно укладывает на берег. А он — без чувств. Потом он приходит в себя: оказывается, он на берегу, совсем здоровый, и ничто у него не повреждено. Он подумал: удивительный случай.

13. Тогда он встает и снова отправляется на базар. Смотрит, Бозингар на базаре попрежнему зазывает: „Один день работы — сорок дней без заботы, кому любо?“. Ляндавур подумал, сказал про себя: на этот раз я его обману. Потом сказал: „Мне любо!“. А Бозингар не узнал его, что он тот самый парень.

14. Тогда он его берет и ведет к себе домой. Снова отдает ему на сорок дней все свое добро. Но вот его сорокадневное блаженство кончается. Снова является Бозингар, берет сорок коней, сорок мулов и одного козла, опять пускает вперед Ляндавура и они отправляются к той золотой горе.

15. Бозингар поспешно режет козла, берет его шкуру и говорит Ляндавуру: „Ну-ка, ты влезь разок в эту шкуру, — поместишься ли?“. Ляндавур сказал: „Ну-ка ты разок влезь: как это в нее влезают?“. Бозингар сказал: „Ладно, я влезу, а ты хорошенько смотри, а потом ты полезай“.

16. bād Bōzingār indīdd ar way pūst-at, Landawūr darrāwað way ɣem xaʃ kiʃt xo, dōnd zuʃ sawd idil lūvd-i: „aʃáb mu jazó-ta mānd na tūʔd“. bād way gūxt vīrd way pūst-ti lāy ðit xu, xūbað sawd ðardí xu niʃt. at zangál wiqobén yádan, way gūxt xáran, at way pūst vō zézan xo yósan pi way tāx. nūl way ðāðan, čásan: arám ōdám.

17. dað wāð wiqobén tíyan-atā, Bōzingār azámānd niʃtízd xu, Landawūr pi way qíwd: „wáz-um k-aw ōdám vud. taw mo padád ca ramúð? mānd xub lap tillō aráw kí-atā, waz day pōnd tā-rd lum“. bād Bōzingār xub lap tillō ar way xız kiʃt-atā, lūvd idi: „may pōnd mu-r lo“. Landawūr lūvd: „yígi xāt xu ʔinérz-ard kæ, gas úm-ti nivíʃ idi: wáz-ta bād az cōnd mīð yádum-atā, ōzír mu ʔóy-ti Landawūr xu ar mu patí-atā, waz tām day pōnd tā-rd lum“.

18. bād Bōzingār xāt ar way patéwd xu lūvd: „lo mānd may pōnd“. Landawūr lūvd: „day pōnd tā-rd kā lum. sa mānd tu mis, xu ʃófc“. bād Landawūr tízd, tamómi way inʔóm rayst way dúst-and.

БАРТАНГСКИЙ ТЕКСТ

6

1. yi podǰó vuʃ, wíyā-n aray puc vaʃ. míðat wāð wí pacén-an ɣulá sād-at, wāð ðaw, —yā māðénc-at yā ɣuládér puc, —tar xu píð-an gāxt: „tū mānd, a-ráng vawd, máš-ri ʔan ða!“. podǰó gāxt tar xu wazír: „ca-ráng

16. Бозингар залезает в шкуру, а Ляндавур тотчас накрепко закрывает отверстие, и уж так радуется: теперь, мол, я отомстил! Он приносит мясо, кладет на шкуру, сам отходит подальше и садится. Орлы прилетают, съедают мясо, хватают шкуру и уносят на гору, бьют по ней клювами, смотрят: там человек.

17. Тогда орлы улетают, Бозингар выходит и Ляндавур кричит ему: „Я тот самый человек. Как ты мне там приказывал? Набросай теперь сюда побольше золота, дорогу я тебе покажу“. Тогда Бозингар сбрасывает ему много золота и говорит: „Покажи мне дорогу“. Ляндавур говорит: „Напиши записку своим женам. Напиши в ней так: я, мол, приеду через несколько дней, а пока вместо меня Ляндавур, — и сбрось мне, а я тогда покажу тебе дорогу“.

18. Бозингар бросает ему записку и говорит: „Теперь покажи дорогу“. Ляндавур говорит: „Зачем я буду тебе дорогу показывать? Теперь ты тоже ступай и поспи“. Потом Ляндавур уходит, и все добро достается ему.

6

1. Был один царь, у него было три сына. Вот его сыновья выросли, и двое — средний сын и старший сын — обратились к отцу: „Ты теперь как бы там ни было, дай нам жен“. Царь обратился к везиру: „Что

kinán?“. wazír gāxt: „tū mān(d) az xu pacén luv di, dād sáwan, xúbað xu-r, ar-jo vawd, talában-at, xuš xu-r kinán-at, āz wal az tamāš sūr kinúm“.

2. podǰó dað k-az-dí gāp tar xu pacén luvd; úf-an mis |qabúl čüg. um vigárat tuǰá úf-ri čüg xu, sád-an suwór xu tóyd-an. tóyd-an-at tóyd-an-at, ar yi ǰār-an, pirokíyað-an xu-r xuš ca čüj vud, firépt-an. um ǰáb-an ar yi kampír čed xu guzár čüg-at, um sāríat kampír-an podǰó at wazír čéd-an páwst xu, tóyd-an. tóyd-an-at, ar podǰó čéd-an indǰd: „alaykúm bar salóm!“. podǰó luvd: „waalekúm bar salóm“. xay, podǰó dað xušomád az úf čüg-at, páwst-an az podǰó: „māš-an tar tá-at-wazír xíz-an xǰǰi xu-r yat“. podǰó dað luvd: „lap bašánd, podǰobačayén“.

3. um sāríat uf sūr-an injǰvd. wí ǰuládér podǰó razén vüg-at, wí māðenc wazírā. sūr adás tayór súd-at, podǰó yi lav nawkár uf qatí čüg xu, tar xu čéd-an toyd. dáð-an mānd tar xu čed firépt, taréd-an mis vo uf sūr parčémt-at, wāð-an xu táxt-at báxt tər firépt.

4. yim sarǰúl podǰó puc Māmadšó tar xu pid gāxt: „a-pid, díf-r-at ǰan dód-at, az mun mis, a-ráng vawd, sūr kin!“. podǰó gāxt tar xu puc: „tū mis mānd sa ar jo vawd, xuš xu-r ǰaniǰ kín-at, āz wal az tā súrurum“. um sāríyat dí ǰadá-yan mis tuǰá čüg xu, rū bar rā, rā ba biyabón čüg xu, tūyd. túyd-at, túyd-at tar yi ðar ǰār firépt. ar wí ǰār indǰd, yi lāv sáyli ar wí ǰār čüg-at, tar yi ^hark firépt di: podǰó-duxtár ǰal ark tər nésc-at, tamoxó-ti kiǰt. az wí podǰobačá to wínt-at, ošiq wí tər sad xu, daráw

нам делать?“. Визирь ответил: „Ты скажи своим сыновьям, пусть они пойдут и сами себе где-нибудь поищут и выберут, а я, мол, женю вас“.

2. Царь передал эти слова сыновьям, и те согласились. С вечера им заготовили дорожные припасы, они сели верхом и поехали. Ехали они ехали, и приехали в одну страну, которую они заранее себе наметили. На ночь они остановились в доме у одной старухи, а наутро расспросили старуху про царский и про везиров дом и пошли. Пошли они, вошли в царский дом, сказали: „Мир вам!“. Царь ответил: „И вам мир!“. Тогда царь их принял, и они спросили у царя: „Мы к тебе и к везиру свататься пришли“. Царь сказал: „Очень хорошо, царевичи!“.

3. Наутро справили им свадьбу. Старший взял царскую дочь, а средний — везиру. Когда покончили с празднествами, царь отрядил с ними часть слуг, и они отправились к себе домой. Добрались домой, здесь тоже снова справили их свадьбу, и они достигли своего счастья.

4. Тогда младший сын царя, Мамадшо, обратился к отцу: „Отец, раз ты дал им жен, то и меня как-нибудь жени“. Царь сказал сыну: „Ты тоже отправляйся куда-нибудь, выбери себе невесту, и я тебя женю“. Наутро юноше тоже наготовили дорожных припасов, и он отправился: глаза на дорогу, дорога — куда поведет. Шел он шел, прибыл в один дальний город. Вошел в тот город, немножко погулял по городу, дошел до одного замка, а в замке царская дочь сидит, смотрит.

rubayí luvd sad. yim ʔadā xu pa-tér čəxt di: das xušrúy ʔac dil yā mis. dað um tər ošiq sud.

5. cond mið yodd ik-dí tər tar um ark rabāx-at, vo tezd. y miðat yā podxó-duxtár tar wí luvd: „tū mānd az mun pid az mun taláb-at, yá-ti šart tā qatí kišt. agár wí šárt-at ijró čüg, az mún-ti bi^haq-at-amálað tā-r ðet, agár nā, mun ba-kaf čegów na vārdi“. um sabolát Māmadšo indiðd ar podxó xiz, podxó az wí pāwst: „e podxobačá, ca piðó-at suj, xušomadí tā-r!“ . podxó-bačá (Māmadšo) gāxt tar podxó: „áz-um tā razén taleptów yač“. podxó luvd: „múnā yi šart: agar tütíyi suxandón mú-ri-at di vüg, xu razén bi^haq-at-amálað tā-r ðām“. podxó-bačá yi lāv fikri čüg xu luvd: „lap bašánd“.

6. um sāríat sud tar um podxó-duxtárā um ^hark bér-at, yā gāxt tar um di: „tā pid-ti ik-mī-ráng-tər šart mun qatí kišt, di ijró čeg lap qIn“. yā podxó-duxtár gāxt tar wí: „tū mānd dim pónđ-at zoxt xu, té-yat té-yat, yi mūysaféd čed-ti tā-r az piró yodd, at (i)k-á mūysaféd-ti tá-ri nišón ðet“.

7. podxobačá dað k-ar-úm pond zoxt xu, túyd. túyd-at túyd-at, tar mūysaféd čed firépt. wí mūysaféd wí podxobačá-ri awqót čüg-at, páwst az wí: „e-podxobačá, tú-at tar ká-ri safár čüj?“ . podxobačá luvd: „podxó mun tər šart patawj di: sa, agár tütíyi suxandón-at mu-r vüg, az xu razén tā-r ðām,

Едва она увидела царевича, как влюбилась в него и начала говорить стихи. Юноша взглянул вверх: уж такая красавица! Тогда он тоже в нее влюбился.

5. Несколько дней приходит он таким образом к этому дворцу и снова уходит. Однажды царская дочь говорит ему: „Теперь ты попроси меня у моего отца, и он заключит с тобой условие; если ты это условие выполнишь, он отдаст меня тебе без платежа и выкупа, если же нет, то получить ты меня не сможешь“. Наутро Мамадшо пришел к царю. Царь спросил его: „О царевич, если ты явился, так добро пожаловать!“. Царевич (Мамадшо) обратился к царю: „Я пришел просить твоей дочери“. Царь сказал: „У меня одно условие: если ты добудешь мне говорящего попугая, я отдам тебе дочь без платежа и выкупа“. Царевич немного подумал и сказал: „Очень хорошо“.

6. Наутро он пошел ко дворцу царевны и сказал ей: „Твой отец заключил со мной вот какое условие, его очень трудно выполнить“. Царевна сказала ему: „Сейчас ты ступай вот по той дороге; иди и иди, и тебе встретится дом одного старика, и тот старик даст тебе указание“.

7. Царевич выбрал этот самый путь и пошел. Шел он шел, дошел до дома старика. Старик приготовил царевичу еды и спросил у него: „Куда ты, царевич, странствовать пустился?“. Царевич сказал: „Царь поставил передо мной условие: иди, мол; если добудешь мне говорящего попугая, я отдам тебе свою дочь, а если не сумеешь, то я тебе

agár na vár-đi, xu razén tá-ri-ti na đam“. mūysaféd gāxt tar wī podħobačá: „tūt yi suxandónā um avegów lap qīn, at digár wal tā qīsmat wizónt“.

8. mūysaféd dađ podħobačá-ri yi šamsér dā čūg xu luvd: „az mim zoz, pond ter tā-r ba-kór yođd“. luvd wi-ri: „tū mānd té-yat, té-yat, yi jingál-ti tá-ri az piró yođd. az um jingál nawžís-at, déwi saféd čéd-ti tā-r az piró yođd. agár wī zedów-at di vár-đód, vó-ti té-yat té-yat, déwi siyó čed tā-r az piró yođd, az-ı (|| az wī)-at di mis zed vo té-yat, té-yat oxirón-ti tā déwi zard čed az piro yođd. az-ı-at di mis zed, té-yat, té-yat, yi jingál tā-r az piró yođd. az um jingál naħtéy-at, yi bilánd kú-ti yođd. az-ı (|| az wī) kū ar wiyár nawžís-at, dūs digér téy-at, yi mālā-ti yođd. ar wī mālā ik-íd dond parandá jām sán-at, ^har čizađ náqli kinán, tū wal joy az xu kin. fúkađ náqli kinán-at, to tūtiyi suxandón daraw náqli čeg sáwd-at, tá-at az um đod qāp xu, dáđ-at tūyd“.

9. podħobačá dađ šamsér đod ar xu međ, yi kudbúc žoxt xu, tūyd. túyd-at túyd-at, az um jingál nawžéd-at, vo cond digér tūyd-at túyd-at, tar déwi saféd čed firépt. indíđd ar wī čed: yi xušrúy γāc γal ar wī čed nesc. at yā γāc tar podħobačá gāxt: „e-podħobačá, tū jaldér naħte xu, tūyd-at. déwi saféd mānd ca yođd, firú az tā tázd“. podħobačá gāxt tar um: „tū-at di mun qatí čoq vad, wiyā wī kor pa mun lak“. podħobačá dađ xu kál čūg tar um domán at luvd: „yā dew to yóđd-at, tū az mun agá kin“.

своей дочери не отдам“. Старик сказал царевичу: „Добыть говорящего попугая очень трудно, об остальном же судьба твоя ведает“.

8. Потом старик дал царевичу меч и сказал: „Возьми его, по дороге тебе пригодится“. И сказал ему: „Ты иди и иди, и встретишься тебе лес; перейди через лес, и тебе встретится дом белого дива. Если ты сумеешь его убить, то снова иди и иди, пока тебе не встретится дом черного дива. Как только и его убьешь, снова иди и иди, и, наконец, тебе встретится дом рыжего дива. Когда и того тоже убьешь, то иди, иди, и тебе встретится лес. Пройди через лес, и покажется высокая гора. Перевали через ту гору, пройди немного еще, и покажется одно строение. В этом строении соберется много птиц, и они будут рассказывать о разных вещах, — ты же спрячься. Все они будут рассказывать, и как только примется рассказывать говорящий попугай, ты его хватай и уходи“.

9. Царевич опоясался мечом, взял с собой одного щенка и пошел. Шел он шел — перешел через лес; прошел немного еще — добрался до дома белого дива. Вошел в дом, а в доме сидит красивая девушка. Девушка сказала царевичу: „Скорее выйди, царевич, и уходи. Если сейчас придет белый див, он тебя проглотит“. Царевич сказал ей: „Только бы ты была со мной заодно, а дела его мне предоставь“. Потом царевич положил голову ей на колени и сказал: „Как только див придет, ты меня разбуди“.

10. yā podħobačǎ ðod tar um domán tar xūðm, yi soat digérat ramb-a-rámb sud. yā ħác mānd podħobačǎ agǎ čeg dal na viríð-at, um yoħk wī péc tər číkt-at, yā agǎ sud. xu šamšér biránǎ čüg xu, tar kunj nest. dew qíwt: „e-baytalmolí, yed, mun vorj injáv“. podħobačǎ luvd az um ħác: „tū luv idi: doy baytalmolí-at tū xúbað, tā vorj na injávum“. yā dew dað divér ðod bǎr-at, indíðd. podħobačǎ šamšér qatí wī kel zibont, at wī dew luvd: „in sári man na bud, sári digar bud“. podħobačǎ luvd: „in šamšéri man na bud, šamšéri digar bud“. alqisá ūvd kel wíyā zibónt-at, yā dew mūg. yā ħác mis xalós sad.

11. um sāríyat yā podħobačǎ vo tūyd. tūyd-at tūyd-at tar déwi siyó^h čed firépt. indíðd ar um idi: ar um mis yi xušrūy ħác nesc. dī déwā mis ūvd kel zibont-at, yā dew mūg.

12. sāríyat vo tūyd. tūyd-at tūyd-at, tar déwi zard čed firépt. indíðd ar um idi ar um mis yi xušrūy ħác nesc. wíyā mis ūvd kel zibónt-at, wī jon naħtúyd. um sāríyat vo tūyd.

13. tūyd-at tūyd-at, az um ħingál-at kū naħtúyd-at, tar wī parandāyén málǎ firépt. indíðd arúm xu, ħoy az xu čüg, at wǎð-an ħām arúm sád-at, ar čidúm-ti xu ikoyát kiħt. tūtíyi suxandón to daraw náqli čeg sád-at, podħobačǎ qāp az um ðod xu, tūyd. tūyd-at tūyd-at, tar déwi zard čed firépt. ar-číz mol, uf dewénā ca vud, yi lāv zoħt xú-r-at, az-í digér pa uf ħācgón lǎ čüg. tūyd-at tūyd-at tar xu ħǎr qaríb sud.

10. Царевич заснул у нее на коленях, а через час поднялся гул и сотрясение. Девушка не нашла силы разбудить царевича, но ее слеза капнула ему на лицо, и он проснулся. Он обнажил меч и сел в проходе. Див закричал: „Эй, кобылье отродье, иди, прими моего коня!“. Царевич сказал девушке: „Ты скажи: сам ты, мол, кобылье отродье, не приму я твоего коня!“. Тогда див толкнул дверь и вошел. Царевич снял мечом ему голову, а див сказал: „Это не моя была голова, это была другая голова“. Царевич сказал: „Это не мой был меч, это другой был меч“. Одним словом, он снял у него семь голов, и див умер. И девушка тоже освободилась.

11. Наутро царевич снова пошел. Шел, шел — добрался до дома черного дива. Вошел в него, а там тоже сидит красивая девушка. У этого дива он тоже снял семь голов, и див умер.

12. Наутро он снова пошел. Шел, шел, добрался до дома рыжего дива. Вошел в него, а там тоже сидит красивая девушка. У того тоже он снял семь голов, и тот испустил дух. Наутро он снова пошел.

13. Шел он шел, перешел лес и гору и добрался до жилища птиц. Вошел туда и спрятался. А они туда собрались, и каждая свой рассказ рассказывает. Как только принялся рассказывать говорящий по-пугай, царевич схватил его и пошел. Шел, шел, дошел до дома рыжего дива. И всякого добра, которое было у тех дивов, немного взял себе, а другое оставил тем девушкам. Шел он шел, и приблизился к своей стране.

14. wī viradár-an dī xabár žud xu, paradér-an dī-r toyd. firépt-an tar dī xíz-at, yid mānd ik-dónd tužnā suj di. ar xu virodár luvd: „ay virodár, yi čeb žac mu-r dákat, āz xu jon tar xu vārum“. wī virodár-an luvd: „yi cem xúyā máš-ri dák-at, žac tá-ri dákan, agar nā, na dákan“. úf-an dað az um yi cem wíyá pakíd-at, yi čeb nūl tēr žac-an wī zív tēr čakónd. dūs digér-an tóyd-an, yā žadā vo tar xu virodár gāxt: „daróyi xudóy, lap tužnā-um súj-at, pizór žac mu-r dákat di, āz xu noy xístum“. wād wī virodár-an vo gāxt: „az dim yi cem digér máš-ri dák-at, žac tā-r dákan“. az um yi cem digér-an pakíd-at, vó-an čeb nūl tēr žac wī zív tēr čakónd. alqisá vārðað cém-an wíyā pakid xu, wī mól, at tūtíyi suxandón-an zožt xu, tóyd-an tar xu čed.

15. díyā dað yā dī kudbúc zožt az dī (ar wī ðum injúvd) xu, tar yi kená xadórj ayód. arúm-an žāb ažóvd-at, žāb dī podžobačá xūdm wínt di: xadórj zabó yi činór, agar az dim činór tēr pārk zózd-at, tar xu cem ca molt, dað dī cem vārðað tozá sáwan. sāríyat xu pec zinód xu sud. az um činór talépt-at talépt-at, avúg. pārk zožt, tar xu cem molt, vārðað-an tozá sad. dað tūyd, tūyd-at tūyd-at tar xu pid čed firépt.

16. dī mobáyn ðus sol nawžéd di, pid az dī ranéžč. wī virodár mis az-í na w(i)zónan. wī pid gāxt tar wī: „e muzófir, náqli kin!“ wī puc dað xu ikoyát zožt, ba oxír firópt-at, az podžó (až xu pid) pāwst: „ik-á tūtíyi suxan-

14. Его братья прослышали о нем и отправились к нему навстречу. Добрались до него, а он совсем истомился от жажды. Он сказал братьям: „Братья, дайте мне ковш воды, чтобы мне вернуть себе свою душу“. Братья сказали: „Дай нам один свой глаз, и мы дадим тебе воды, а иначе не дадим“. Они вырвали у него один глаз, и капнули ему на язык воды с краешка ковша. Прошли еще немного, и юноша снова обратился к братьям: „Ради бога, меня очень томит жажда, дайте мне немножко воды, я горло себе смочу“. Братья снова сказали: „Дай нам еще этот глаз, и мы дадим тебе воды“. Они вырвали второй его глаз и опять капнули ему на язык воды с самого краешка ковша. Одним словом, они вырвали у него оба глаза и, забрав его добро и говорящего попугая, отправились домой.

15. Тогда его щенок взял его (он схватился за его хвост) и привел к какой-то старой мельнице. Там они ночью заснули, и царевич увидел сон, будто за мельницей — чинар, и если он сорвет листок с макушки этого чинара и потрет себе глаза, то оба его глаза станут здоровыми. Утром он вымыл себе лицо и пошел. Поискал, искал тот чинар и нашел. Взял лист, потер себе глаза, и оба они стали здоровыми. Тогда он пустился в путь. Шел, шел, добрался до дома своего отца.

16. Между тем прошло десять лет, так что отец запомнил его. Братья тоже его не узнают. Отец сказал ему: „Рассказывай, странник!“. Тогда его сын приступил к своей повести, довел ее до конца и спро-

dón čidúm viród-ri firápt?“. podǰó gāǰt: „ik-wi sarǰúl-ri“. yā ǰadā daǰ
gāǰt tar xu pid: „ǰz-um yimá ik-ǰ tā sarǰúl púc-at, dáǰ-an, mun cem ca
pakid, ǰulá puc táyā“. podǰó daǰ az dif xu pacén čüg dif ǰan qatí ^hǰy-at,
yā ǰul puc az um tütíyi suxandón zoǰt, ayód tar wi podǰó ǰár-at, dif sūr
bar-póy sud. sūr adás tayór sud, yid sarǰúl puc podǰóyā (Mamadšó)
xu pid qatí xu táxt-at-báxt ter firépt.

сил у царя (своего отца): „Какому брату достанется этот попугай?“. Царь сказал: „Младшему“. Юноша тогда сказал отцу: „Я и есть тот младший сын, а те, что вырвали у меня глаза, твои старшие сыновья“. Тогда царь прогнал тех своих сыновей вместе с их женами. Младший же сын взял говорящего попугая, привез в город того царя, и состоялась их свадьба. Празднества кончились, и младший сын царя (Мамадшо) вместе со своим отцом достиг своего счастья.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ ПО ВСЕМ ДИАЛЕКТАМ (СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ)

7

Ниже приводится сравнительный текст по всем диалектам. Этот текст в качестве сравнительного был применен И. И. Зарубиным в его памирских публикациях (шугнанский вариант в „Двух язгулямских текстах“, рушанский и бартангский варианты в „Бартангских и рушанских текстах“ и орошорский вариант в „Орошорских текстах“). Вполне фонологическая запись была дана в публикациях только для шугнанского варианта, по недостаточной разработанности остальных диалектов. Настоящая публикация уточняет этот текст, давая фонологическую запись по всем диалектам, а также добавляет еще хуфский вариант. Параллельно к фонологическому тексту дается фонетически более детализованная транскрипция, которая передает главные варианты фонем и, следовательно, диапазон их звучания.

Фонологическая запись дается курсивом, детализованная фонетическая транскрипция — прямым шрифтом.

Замечание к фонологической записи текста. Поскольку шугнанский и бартангский варианты даются в непосредственном сравнении с рушанским и хуфским, где наличествует краткое *o*, то в них долгое *ō*, так же как в хуфском и рушанском, снабжается знаком долготы.

Замечания к детализованной транскрипции.

1. Транскрипция передает лишь основные варианты фонем, не доходя до очень большой детализации и до обозначения каждого оттенка звучания. А поскольку долгие гласные имеют лишь незначительные колебания в своем качестве, то эти колебания в транскрипции обозначаются редко. Не обозначаются также, во избежание перегруженности транскрипции, и варианты краткого *a* («а» и «а»), как не слыш-

ком сильно расходящиеся между собой. Также не обозначаются не-обязательные (нестойкие) варианты согласных фонем (придыхательность глухих смычных, оглушаемость звонких, колебания по форме щели согласных \check{x} и \check{y} и др.).

2. В транскрипции сохраняются для удобства печатания некоторые условности, свойственные фонологической записи. Например: долгое \bar{o} , являющееся всегда открытым во всех диалектах и не имеющее существенных качественных колебаний, обозначается, как и в фонологической транскрипции, тем же знаком \bar{o} , а не o . В известной мере условным является в транскрипции и обозначение долгот одним и тем же значком. Между тем длительность долгих гласных может заметно варьировать. Но попытка передать все варианты долгот в потоке речи привела бы к чрезмерной перегруженности транскрипции.

3. Транскрипция передает основные моменты ритмики фразы: ударение, слитное произношение слов внутри фразы и паузы.

Шутнанский

Рушанский

1. <i>vud̄j na vud̄j, aráy vród-en vad̄j.</i>
vud̄j na vud̄j aráj vród̄en vad̄j	1. <i>viĵ na viĵ, aráy viród-an viĵ.</i>
vej na vej aráj v'ród̄an vej
2. <i>diün vród-en as yi nān,</i>
d̄eyū -n vród̄en ¹ as yé nān	2. <i>ḍaw viród az yi mód-an vid,</i>
ḍaw v'ród ¹ az yé mód̄an ved ¹
3. <i>yīw as yi nān.</i>
yīw ¹ as yé nān	3. <i>yi viród az yi mód-andi vid.</i>
ye v'ród ¹ az yé mód̄and̄e ved
4. <i>wév-and-ēn aráy šig vic.</i>
wévand̄en ¹ aráj šig vec	4. <i>(w)áfā-n aráy šog viĵ.</i>
wúfān ¹ aráj šə -ğ vej
5. <i>yu zulik xund pōyd,</i>
yu zulik ¹ xond̄ pōjd	5. <i>šuvdi xu šog pōyt,</i>
šovdi ¹ xu šó -ğ pōjt
6. <i>wād katanakén xund na pōyen.</i>
wād katanak̄en ¹ xond̄ na pōȳen	6. <i>wād katadiyén xúyā na pōyán.</i>
wād katad̄īen ¹ xúyā na pōyán
7. <i>yi mēḍat yu mis xúnd-i na péyd.</i>
yē mēḍat ¹ yū mēs ¹ xond̄e na p̄ejd̄	7. <i>yi mīḍ way mis xúyā na peyt.</i>
yī mīḍ ¹ wáy mēs ¹ xúyā na p̄eit̄
8. <i>wād wi virōdārén-en wi šig zid.</i>
wād wē v'ród̄ār̄en-ēn wi šig zid	8. <i>way virodār-an way šog zod.</i>
waj v'ród̄āran ¹ way šə -ğ zod
9. <i>yu yat didē: wi šig nist.</i>
yu yát did̄ē wē šig n̄est	9. <i>yā yat: way šog nist.</i>
yā yat waj šo -ğ n̄est
10. <i>daḍ-i ik-ám-ard xikúḍ,</i>
dád̄ē ¹ yik ¹ ámar̄d̄ xikúḍ	10. <i>way daḍ ikámari way talébt-i,</i>
waj daḍ ¹ ikám̄ar̄ē way talébt̄
11. <i>wi murdá-yi vūd.</i>
wi mur̄d̄áyē ¹ vūd	11. <i>way murdá-yi avūg.</i>
waj mur̄d̄áyē avūg

4. В транскрипции применяются следующие дополнительные знаки: ˘ сужение гласного («е»); ˚ (е) расширение гласного; ˚ (u-) продвижение артикуляции вперед; ˚ (e-) продвижение [артикуляции назад; ˚ («e°») огубленность; ˚ средняяязычная артикуляция согласных («k, g»); ˚ (k') палатализация. Условные обозначения следующие: || конечная пауза с понижением тона; | внутрифразовая пауза; ˘ полупауза; ˚ слитное произношение.

Перевод ко всем вариантам текста дается один — по шугнанскому варианту, — поскольку расхождение между всеми вариантами незначительны, и любой вариант может быть вполне понят из прилагаемого перевода. Расхождения сводятся к такого рода отступлениям, как, например, замена слова *pōdāb* 'царь' в одном варианте, словом *qōzī* 'судья' в другом варианте, в такой фразе, как: | „ты убил мою мать, я пойду к царю (к судье), пожалуйста“, что не может затруднить понимания текста специалистом.

Хуфский

Бартангский

<p>1. <i>vuǰ na vuǰ, aráy viród-an vaj.</i>
vuǰ na vǔǰ aráj v'ródan vaj </p> <p>2. <i>ḍaw viród-an as yi mód-and vaj.</i>
ḍaw v'ródan as yé módand vaj</p> <p>3. <i>atā, yi viród as yi mód-and vuǰ.</i>
atā yi viród as yé módand vuǰ </p> <p>4. <i>úfōw aráy šog vaj.</i>
úfōw aráj š°o-ǰ vaj </p> <p>5. <i>šuvdi xu šog pōyd,</i>
šuvdē xu š°o-ǰ pōid </p> <p>6. <i>wād katayén xúyōw na pōyan.</i>
wād katayén xúyōw na pōyan </p> <p>7. <i>yi mīḍ way mis xúyōw na ped.</i>
yi mīḍ waj mēs xúyōw na pēd </p> <p>8. <i>way virōdār-an way šog zod.</i>
way v'ródāran waj š°eg z°od </p> <p>9. <i>yaw yat: way šog nist.</i>
yaw yat waj š°o-ǰ nēst </p> <p>10 <i>way dad wáy-ard way talépt,</i>
waj dad wáyard waj tal'ēpt </p> <p>11. <i>way murḍá-yi avúg.</i>
waj murḍáyē avúg </p> | <p>1. <i>vud na vud, aráy virōdār-an vad.</i>
vud na vúd aráy v'ródāran vad </p> <p>2. <i>ḍaw virōdār-an az yi nān,</i>
ḍaw v'ródāran az yé nān </p> <p>3. <i>yīw az yi nān.</i>
yīw az yé nān </p> <p>4. <i>úfā aráy šég-an vad.</i>
ofā aráj šēgan vad </p> <p>5. <i>zulikik xúyā čōxt,</i>
zulikék xúyā čōxt </p> <p>6. <i>uf kattadār-af xúyā na čōxt.</i>
of kattadāraf xúyā na čōxt </p> <p>7. <i>yi mīḍat wī mis xúyā na čōxt.</i>
ye mīḍat wī mis xúyā na čōxt,</p> <p>8. <i>wī virōdār-af wī šog zod.</i>
wī v'ródāraf wī šēg z°d </p> <p>9. <i>yā yat di: wī šog nist.</i>
yā yát de wī šēg nēst </p> <p>10. <i>dād-i ik-wī jōy-tor talépt,</i>
dādē ekwī jōy tōr talépt </p> <p>11. <i>wī murḍá-yi avúg.</i>
wī murḍáyē avúg </p> |
|---|---|

12. *zōxt-i xu, sut tar dāxt.*
zōxte xə | sut tar dāxt ||
13. *tamošó-i cūd: yi xítúr as piró yat.*
tamōšə cū-d | yī xítúr as píró yat ||
14. *yu dad wám-i anjúvd-i xu, šig wixin-at wi γáθ-ríš mólt-i wam xítúr yévo-ard.*
yu dad | wámi anjúvde xo | šig wixénat wə γáθ-ríš mólti | wam xítúr yévard ||
15. *čúxt-i: wam xítúr sōytb yat.*
čúxte | wam xítur sōyēb yat ||
16. *yam šigdór daráw níwd sut,*
yam šigdór | daráw níwd sot ||
17. *lúd-i: „ε v(i)ród, tu xítúr mu šig-i xūd“.*
lū-d | ē vród | tu xítúr | mō šigə xūd ||
18. *yu lúd-i: „ε v(i)ród, dis mā luv, xítúr-ta as šig na xirt“.*
yu lū-d | ē vród | dēs mā lū-v | xíturta | as šig na xirt ||
19. *yu lúd: „dam γεο čis; wixin-at γáθ-ríšin.“*
yu lū-d | dam γēv | čes | wexénat γáθrešin ||
20. *wuz pōdžó-xez sām, dōð kinúm“.*
wuz | pōdžó xēz sām | dōð kənum ||
21. *yu xíturdór lúd-i: „ε viród, dōð mā sa, mu xítúr tu šig qárz-andi“.*
yu xíturdór lū-d | ē v'ród | dōð mā sá | mu xítúr | tu šig qárzandə ||
12. *zúxt-i xu, sut tar dāxt.*
zūxte xo | sut tar dāxt ||
13. *tamošó-i cūg didi: yi uxtúr az piró yat.*
tamōšóyi čúg dide | ye uxtúr | az píró yat ||
14. *way dad um uxtúr-i injívod xu, šog wixin, way γáθ-at-ríš mólt-i uxtúr yém-ard.*
way dad | om uxtúre enjévd xó | šə-g wexén | way γáθat rēš | mólti | uxtúr yémard ||
15. *čóxt-i didi: uxtúrá um xōwánd yat.*
čóxti dide | uxtúrá um xōwánd yat ||
16. *yim šogdór daráw níwd sut,*
yem šə-gdór | daráw níwd sut |
17. *lúvd-i: „ey viród, tā uxtúr mu šog-i xūg“.*
lúvdi || eī v'ród | ta uxtúr | mu šə-gě xūg |
18. *way luvd: „ey viród, das mā luv, uxtúr-ta az šog na xirt“.*
way ləvd | eī v'ród | das mā luv | uxtúr ta az šə-g na xirt ||
19. *way lúvd-i: „dum γεμ čas, wixin-at γáθ-at-ríš.“*
way lúvde || dū-m γēm čas | we-xénat γáθat ríš ||
20. *az pōdžó-xiz sām, dōð kinúm“.*
az | pōdžó xiz sām | dōð kinum ||
21. *way uxturdór lúvd-i: „ey viród, dōð mā sa: mu uxtúr tā šog qárz-andi“.*
way uxturdór lúvde || eī v'ród | dōð mā sá || mu uxtúr | tā šə-g | qárzandə ||

Хуфский

12. *zúxt-i xo, sut tar dāxt.*
zū_xte x^o | sut tar dāxt ||
13. *tamōxó-yi cūg didi: yi uxtúr as piró yat.*
tamōxóye cūg didē | ye uxtúr | as p^ró yat ||
14. *way dad um injúvd xo, šog wixín way ǵáṭ-at-riš mólt-i uxtúr ǵém-ard.*
waj dad | um injúvd x^o | š^oǵ - ǵ wēxén | waj ǵáṭat reš | mólte uxtúr ǵémard ||
15. *čúxt-i didi: uxtúrów um xawánd yat.*
čúxt-ę didē | uxtúrów om xawánd yat ||
16. *yam šogdór daráw níwd sut, yam šǵ - ǵdór | daráw níwd sṭ |*
17. *lúvd-i: „ey viród, taw uxtúr mu šóg-i xūg“.*
lúvde || eǵ v^ród | taw uxtúr | mu š^oǵ - ǵę xūg ||
18. *way lúvd: „ey viród, gas mā lo, uxtúr-ta as šog na xird“.*
waj lúvd || eǵ v^ród | gas mā ló | uxtúrta | as š^oǵ - ǵ na xird ||
19. *way lúvd-i: „dum ǵem čas: wixín-at ǵáṭ-at-riš-andi.*
waj lúvde || dom ǵem čas | wēxénat ǵáṭat reš andē ||
20. *waz pōdǵó-xiz sām, dōd kinúm“.*
waz | pōdǵó xiz sām | dōd kinúm ||
21. *way uxturdór lúvd-i: „ey viród, dōd mā sa, mu uxtúr taw šog qárǵ-andi niǵtízd“.*
waj uxturdór lúvde || eǵ v^ród | dōd mā sá | mu uxtúr | taw š^oǵ qárǵandē neǵtízd ||

Бартагский

12. *zóxt-i xu, sut tar dāxt.*
zóxte xo | sut tar dāxt ||
13. *tamōšó-yi cūg: yi axtúr az piró yat.*
tamōšóye cūg | yǵ axtór | as p^ró yat ||
14. *wī dad az úm injúvd-i, šégā wī xún-at wī ǵáṭ-a-riš tar axtúr ǵém-i mólt.*
wī dad | az om injúvd | sygā wī xúnat | wī ǵáṭ a reš | tar axtór ǵéme | mólt ||
15. *čəxt di: um axtúr sōyṭb yat.*
čəxt dě | om axtúr sōēb yat ||
16. *yim šogdór daráw níwdōw sut, yem ššogdór | daráw níwdōw sut ||*
17. *lúvd-i: „a viród, tā axtúr-i mun šog xūg“.*
lúvde: a v^ród, | tā axtúre | mun šōg xūg ||
18. *wī-yi luvd: „a-ló, das mā luv: axtúr-ti az šog na xerd“.*
wī luvd || a ló | das mā luv | axtúrte | az šǵ na xērd ||
19. *wī lúvd-i: „dīm ǵem cās, wī xún at ǵáṭ-a-riš.*
wī lúvde || tar dém ǵem čas | wī xúnat | ǵáṭ a reš ||
20. *áz tar pōtǵó-xiz sām, dōd kinúm“.*
áz | tar pōtǵó xiz sām | dōd kinúm ||
21. *yā axturdór noilōj sut xu lúvd-i: „tū tar pōtǵó xiz mā sāv: mun axtúr tā šog qárz-inder“.*
yā axturdór noilōj sut xǵ | lúvdę || tū tar pōtǵó xiz mā sāv || mun axtúr | tā šōg qárz endēr ||

22. *yu yidá wam xítúr-i sawór sut xu, tūyd.*
yɔ ʔədá | wam xítúri sawór sut xu tūyd ||
23. *wi virōdār-en cūxt didε: wev viród xítúr sawór-at yat.*
wɛ v^rōdārɛn | cūxt dεdε | wɛv vród | xítúr sawórat yat ||
24. *lúd-en: „ε badbáxt, dam xítúr-at as kā vūd?.*
lū-dɛn | ε badbáxt | dam xítúrat as kā vū-d? ||
25. *yid čind?.*
yɛd | čind? ||
26. *yu lúd-i: „mu šíg-et zíd,*
yu lū-d | mu šígɛt zid |
27. *wúz-um wi murdá paródó,*
wúzum | wɛ murdá paródó |
28. *xítúr-um zōxt.*
xítúrum zōxt ||
29. *wád-en mis xu šagén zíd xu, wev murdá-yen yōd tar bōzór.*
wádɛn mɛs | xu šagén zíd xo | wɛv murdáɣɛn | yōd tar bōzór ||
30. *mardúm-en peǰst: „yid čiz?.*
mardúmɛn peǰst | yɛd čiz?
31. *wád-en lúd: „yam šig murdá xítúr-ti dáđām.”.*
wádɛn lū-d || yam šig murdá | xítúr tɛ dáđām
32. *mardúm-en lúd: „ε beaqlýén, šig murdá-ta iyór xítúr-ti na zezd.”.*
mardúmɛn lū-d | ε bɛaqlɛ́n | šig murdá ta | iyór | xítúr ti na zezd
33. *wád-en as xu kōr sat x̄armindá xu tōyden.*
22. *yā ʔadá um uxtúr-ti suwór sut xu tuyd.*
yā ʔadá | ɔm uxtúr te s^wór sut xu tūyd ||
23. *way virōdār cōxt-an didi: uf viród uxtúr-ti suwór-at yat.*
waj v^rōdār | cōxtan dεdε | uf v^ród | uxtúr te s^wórat yat ||
24. *lúvd-an: „ey badbáxt, dum uxtúr-at az kā avúg?*
lúvdan || ɛj badbáxt | du-m uxtúrat az ká avúg
25. *yid či(y)ā?.*
yed | čiyā ||
26. *way lúvd-i: „mu šóg-af zod,*
waj lu-vdɛ || mu šó-gaf zɔd |
27. *áz-um way murdá par-đúđ,*
ázum | waj murdá parɔv-d |
28. *uxtúr-um zūxt.*
uxtúrum zūxt ||
29. *uf mis xu šagén-an zod xo, uf murdá-yan zūxt xo, yúđ-an tar bōzór.*
ɔf mɛs | xu šagénan zɔd xo | ɔf murdáyan zūxt xo | yúdan tar bōzór ||
30. *mardúm pawst: „dáđ-an čiz?.*
mardú-m pawst | dáđan čiz? ||
31. *(w)uf lúvd didi: „muf šagén murdá uxtúr-ti dáđām.”.*
wuf lū-v^ddide | mɔf šagén murdá | uxtúr tɛ dáđam ||
32. *mardúm lúvd didi: „ey biaqlén, šog murdá-ti uxtúr iyór na zezd.”.*
mardú-m lū-v^ddide | ɛy beyaqlɛ́n | šo-g murdá tɛ | uxtúr | ɛyór na zızd
33. *wád-an sat az xu kor x̄armindá xu, táyđ-an.*

22. *yaw ʔadá um uxtúr-ti suwór sut xu tuyd.*
yaw ʔadá | om uxtúrte s^wór
sut x_o tujd
23. *way viródár cūxt-an didi: uf viród uxtúr-ti suwór-at yat.*
waj v^ródár cūxtan dide | of v^ród |
uxtúrte súvórat yat ||
24. *lúvd-an: „ey badbáxt, dum uxtúr-at as kā avúg?”*
lúvdan || e_i badbáxt | dum uxtúrat
as ká avúg? |
25. *yid čiyōw“.*
yēd čiyōw? ||
26. *way lúvd-i: „mu šóg-af zod, waj lúvde || mu š^o-gaf z^o-d |*
27. *wáz-um way murdá¹ par-dáđ, wázum | waj murdá par d_u-d |*
28. *uxtúr-um zúxt“.*
uxtúr_{um} zū-xt ||
29. *uf mis xu šagén-an zod xo, uf murdá-yan zúxt xo, yúđ-an tar bōzór.*
of meš | xu šagénan z^o-d x^o |
of murdáyan zūxt x^o | yū-dan
tar bōzór ||
30. *mardúm pāwst: „dád-an čiz?”.*
mardúm pāwst || dādan | čiz? ||
31. *uf lúvd didi: „muf šagén murdá, uxtúr-ti dáđam“.*
of lúvd dide | muf šagén murdá ||
uxtúrte dáđam ||
32. *mardúm lúvd didi: „ey biaqliyén, šog murdá-ti uxtúr iyōr na zezd“.*
mardúm lúvd dide || e_i beaqlién
š^o-g murdá tē | uxtúr iyōr
na zezd.
33. *wáđ-an sat as xu kōr xarmindā xu tōyd-an.*
22. *yā ʔadá lap xuš sut, bād um axtúr-tēr siwór sut xu, tūyd.*
yā ʔadá | lap xuš s_ot | bād | om
axtúr t_{yr} s^wór s_ot x_o | tūjd.
23. *wi viródár-af čēxt di: uf viród axtúr-tēr siwór-at yat.*
wi v^ródáraf | čēxt d_e | of v^ród |
axtúr t_{ēr} s_ewórat yat ||
24. *lúvd-af: „a badbáxt, az dim axtúr-at az kā vūg?”*
lúvdaf || a badbáxt || az dim axtú-
rat | az ká vūg? ||
25. *yid čiyā“.*
id čiyā? ||
26. *wi lúvd-i: „mun šég-af zod, wi lúvdē || mun šēgaf zēd |*
27. *áz-um wi murdá par-dód-at, ázum | wi murdá par dódat |*
28. *axtúr-um zōxt“.*
axtúr_{um} zōxt ||
29. *úf-af mis xu šogén zéd xu, zóxt-af xu tar bōzór-an sat.*
ofaf mis | xu šogén zēd x_o | zóxt-
taf x_o | tar bōzōran sat ||
30. *mardúm-af pāwst: „yid čiz?”.*
mardúmaf pāwst || yēd čez? ||
31. *úf-af lúvd: „yim šog murdá, axtúr-tēr dáđam“.*
ofaf lúvd || yem | š^yg murdá ||
axtúr t_{yr} dáđam ||
32. *mardúm-af lúvd: „a biaqlén, šog murdá-tēr yiyōr axtúr na đet“.*
mardúmaf lúvd || a beaqlén | šēg
murdá t_{ēr} | yeyōr axtúr na đet ||
33. *wáđ-an az xu kōr sat xarmindā xu tōyd-an.*

Шугнанский

wáðēn'as xō kōr'sat xarmen-
dā xō'tójdēn ||

34. *xu šagēn-en zīd, ná-yan xītúr
vūd, na šīg.*

xō šagēnēn zīd | náyēn xītúr vūd |
na šīg

35. *dád-en tar yakdigár muslát čūd
didē: „yid badbáxt mās-i abráť
đōd,*

dádēn tar yakdigár muslát čū-d
didē | yeđ badbáxt'máše abráť
đōd |

36. *māš di nān zínām“.*
māš'de nān zínām ||

37. *dád-en wi nān zīd.*
dádēn'wē nān zīd ||

38. *yu saγirā sut.*
yū'saγI-rá sut ||

39. *xu nān murđá-i markáb-ti sawór
čūd,*
xō nān murđáye' markábte sawór
čūd |

40. *nīwd-i xu, yat yi jō-ndir.*
nīwdē xō'yat yē jōndir ||

41. *yi čōrik ser zezd.*
yē čōrik'ser zēzd ||

42. *yu nūst,*
yū'nū-st |

43. *markáb sat tar ser.*
markáb sat tar sēr ||

44. *yu čōrik markáb-i đōd qīmb.*

yū čōrik'markábē đōd qīmb ||

45. *yu murđá as wám-tir wēxt.*

yū murđá'as wám tīr wēxt ||

46. *yam γiđá yat, daráw nīwd sut,*
yam γēđá yat | daráw nīwd sōť ||

Руманский

wáðan'sat az xō kōr xarmen-
dā xō'tájdān ||

34. *xu šagēn-an zod, ná-yan uxtúr
na avúg, ná-yan šagēn avúg.*

xō šagēnan zod | náyan uxtúr
na avúg | náyan šagēn avúg ||

35. *dád-an tar yakdigár muslaát čūg:
„day badbáxt mās-i abráť đūd,*

dáðan'tar yakdigár musla^hát
čū-g || dađ badbáxt'mási abráť
đū-d ||

36. *māš day mōd zānam“.*
māš dæⁱ mōd zānam

37. *uf dađ way mōd zod.*
úf dađ'way mōd zod ||

38. *yā saγirā sut.*
yā'saγI-rá sū-t ||

39. *xu mōd murđá-i šār-ti siwór ču,*
xō mōd murđáye'šārte s^wwór čō ||

40. *nāwt-at yat yi jōy-andi.*
nāwtat yat yī jōyandi ||

41. *yi čurúk ser zezd.*
yē čū-rū-k'sēr zēzd ||

42. *yā nost,*
yā'no-st ||

43. *šār sat tar ser.*
šār sat tar sēr ||

44. *yā čurúk um šār-i đūd qūmb.*

yā čū-rū-k' om šārī'đū-d
qūmb ||

45. *yā murđá az um tór-ti wēxt.*

yā murđá'az um tór te'wēxt ||

46. *yim γaðá yat, daráw nīwd sut,*
yem γaðá yat | daráw nīwd sū-t ||

Хуфский

wādan sat as xu kór xarmendá xo
tójdan ||

34. *xu šagén-an zod, ná-yan uxtúr
avúg, ná-yan šagén avúg.*
xu šagénan z^u-d | náyan uxtúr
avúg | náyan šagén avúg ||
35. *dád-an tar yakdigár muslát čüg:*
„day badbáxt máš-i abráť dūd,

dádan | tar yakdigár muslát čüg |
daj badbáxt | máš-i abráť dū-d |

36. *māš day mōd zēnam“.*
māš | dai mōd zēnam ||
37. *uf dad way mōd zod.*
of dad | waj mōd z^ud ||
38. *yaw saγirā sut.*
yaw | saγirā sut ||
39. *xu mōd murđá-yi šár-ti siwór
čüg,*
xu mōd murđáye | šár te s^wór
čüg |
40. *nāwt-at yat yi jōy-andi.*
nāwtat | yat ye jōyande ||
41. *yi čurúk ser zezd.*
ye čurú-k | ser zēzd ||
42. *yaw nūst,*
yaw | nūst ||
43. *šar sat tar ser.*
šar | sat tar sér ||
44. *yaw čurúk um šár-i dūd qumb.*
yaw ču-rú-k | um šarē | dū-d
qumb ||
45. *yaw murđá as um tór-ti wæxt.*
yaw murđá | as om t^urtē | w^uæxt ||
46. *yim γadā yat, daráw níwd sut,*
yem γadā yat | daráw níwd sut ||

Бартагский

wādan | az xo kór | sat xar-
mindá xō | tójdan.

34. *uf-af xu šogén zed, na axtúr-af
avúg-at na šog.*
ofaf xu šogén zēd | na axtúr-af
avúgat | na šog.
35. *dád-af tar yakdigár muslát čüg:*
„dī badbáxt az máš abráť dōd,

dádaf | tar yakdigár muslát čüg ||
dī badbáxt | az máš abráť dōd |

36. *māš dī nān zānan“.*
māš | dī nān zānan ||
37. *dád-af wī nān zed.*
dādaf | wī nān zēd ||
38. *yā saγirā sut.*
yā | saγirā su-t ||
39. *xu nān murđá-yi markáb-tor
siwór čüg,*
xo nān murđáye | markáb-tyr
s^wór čüg |
40. *níwd-i xu, yat yi jō-inder.*
níwde xo | yat ye jō-inder ||
41. *yi čurúk sōr zōzd.*
ye čurú-k | sōr zōzd ||
42. *yā nēst,*
yā | nēst |
43. *markáb sat tar sōr.*
markáb sat tar sōr.
44. *wī čurúk az-um markáb-i qumb
dōd.*
wī čurú-k | az-um markábe | qumb^b
dōd ||
45. *yim murđá az um markáb dām-
tōr wæxt.*
yem murđá | az-um markáb
dām-tyr | wæxt ||
46. *yā γadā yat, daráw níwd sut,*
yā γadā yat | daráw níwd sut ||

Шугнанский

Руханский

47. *lúd-i: „mu nán-at zīd,*
lū-dī || mō nānat zīd |
47. *lúvd-i: „mu mód-at zod,*
lú-vde || mō módat zōd ||
48. *wuz sām pōdǎó-xez, dōd kinúm“.*
wuz sām pōdǎó xēz | dōd kēnum ||
48. *az sām tar pōdǎó-xīz, dōd ki-
núm“.*
az sām tar pōdǎó xīz | dōd kinum ||
49. *yu čorik lúd-i: „mú-nd-en ōu
rizīn,*
yu čorik lū-de || múnđēn | dō rē-
zīn |
49. *way lúvd-i: „múnā-yan ōaw ri-
zén,*
way lú-vdī || múnāyan | daw rezīn |
50. *yīw xuš ki [xu, zez xu qárz-
andīr“.*
yīw xōš kē xō | zez xō qárz andīr ||
50. *yīw xu-r xuš kin, zez xu
qárz-andī“.*
yīw xōr xūš kēn | zēz xō qárz-
andē ||
51. *yu ǎđá wi xadár rizīn-i zōǎt
xu, tūyd, yat tar xu čīd.*
yu ǎđá | wē xadár rezīnē zōǎt xō
tūyd || yat tar xō čīd ||
51. *way ǎđá way xayđi rizén
zūǎt-i xu tuyd, yat tar xu čōd.*
way ǎđá | waj xayđé rezīn
zūǎtī xō | tūyd || yát tar xō čōd
52. *wi virōdár-en lūd: „dám-at as
ká vūd?“.*
we v^rrōdárēn lū-d || dámat as ká
vūd? ||
52. *way virōdár-an lúvd: „dúm-at
as ká avúg?“.*
waj v^rrōdáran | lū-vd || dú-mat |
as ká avúg ||
53. *yu lúd-i: „xu nān murđá-m ōōd
mám-um zōǎt“.*
yu lū-dī || xō nān murđám ōōd
mámum zōǎt ||
53. *way lúvd: „xu mōd murđá-yum
đúđ-at, múm-um zūǎt“.*
waj lúvd || xu mōd murđáyum
đū-dat | múmum zūǎt ||
54. *wáđ-en mis xu nān zīd, wam
murđá-yen yōd tar bōzór.*
wáđēn | mis | xō nān zīd | wam
murđáyēn yōd tar bōzór ||
54. *uf mis xu mōd zod, um murđá-
yan yūđ tar bōzór.*
^huf mēs | xu mōd zō-d | ōm mur-
đáyan | yū-đ tar bōzór ||
55. *mardúm-en peǎst: „dam murđá
ca kinét?“.*
mardúmēn pēǎst || dam murđá
cá kinét? ||
55. *mardúm-an pawst: „dum murđá
ca kinát?“.*
mardú-man pawst || dū-m murđá
cá kinat? ||
56. *wáđ-en lūd: „mam bašánd ǎc-
tīr par-đáđām“.*
wáđēn lū-d || mam | bašánd
ǎc tīr | pardáđām ||
56. *(w)uf lúvd: „mum bašánd ǎc-
tī par-đáđām“.*
^wuf lū-vd || mum | bašánd ǎc tē |
pardáđām ||

Хуфский

47. *lúvd-i: „mu mōd-at zod,*
lúvdi || mu mōdat z^uo - d |
48. *waz 'sām |tar pōdǎō xiz, dōd*
kinúm“.
waz sām | tar pōdǎō xiz | dōd ki-
nūm ||
49. *way lúvd-i: „múyōw-yan daw*
rizǎn,
wai lúvdi || múyōw an | daw
rizǎn |
50. *yīw xurd xuš kin, zez xu qárz-*
andi“.
yīw | xord xóš kēn | zez | xu qárz-
ande ||
51. *way γαδά way xaydi rizǎn*
zūxt xu tuyd, yat tar xu čod.
wai γαδά | wai xayde rizǎn zūxt xo
tuid || yat tar xu č^o - d ||
52. *way virōdār-an lúvd: „dúm-at*
as ká-jo vūg?“.
wai v^rōdāran lúvd || dúmat
as kájo vūg? ||
53. *way lúvd: „xu mōd murđáyum*
đǎd-at, mím-um zūxt“.
wai lúvd || xu mōd murđáyum
đu - dat | mímum zūxt ||
54. *uf mis xu mōd zod, um murđá-*
yan yūd tar bōzór.
óf mes | xu mōd z^uod | um mur-
đayan | yū - d tar bōzór ||
55. *mardúm-an pāwst: „dum murđá*
cav kinát?“.
mardúman pāwst || dum murđá |
cav kinat? ||
56. *uf lúvd: „mum bašánd γác-ti*
par-đádam“.
óf lúvd || mum | bašánd γác - tē
par đádam ||

Бартагский

47. *lúvd-i: „mu nán-at zed,*
lúvde | mo nánat zēd |
48. *āz tar qōzǐ xiz sām, arz kinúm“.*
āz | tar qōzǐ xiz sām | arz kēnum
49. *wī lúvd-i: „tar qōzǐ-xiz az mun*
mā ayós, múnā-an daw razén,
wī lúvde || tar qōzǐ xiz | az mōn
mā ayós || múnā an | daw razēn |
50. *yīw xuš kin, xu qárz-inder*
zōz“.
yīw xóš kēn | xo qárz indēr
zōz ||
51. *wī γαδά az um xaydár razén*
xuš-i čüg xu, zóxt-i xu, tuyd,
yat tar xu čod.
wī γαδά | az um xaydár razēn xúše
čúg xō | zóxt xō | tuid || yat
tār xu č^o - d.
52. *wī virōdār-af lúvd: „az dímat*
az kā vūg?“.
wī v^rōdāraf lúvd || az dímat |
as ká vūg? ||
53. *wī lúvd-i: „xu nān murđá-um*
đǎd-at, az mím-um zōxt“.
wī lúvde || xu nān murđáum đǎ-
dat | az mímum zōxt ||
54. *uf-af mis xu nān zed, um*
murđá-af tar bōzór ayód.
ófaf mis | xu nān zēd | om
murđá af | tar bōzór ayód ||
55. *mardúm-af pāwst: „az dímat*
murđá ca-ráng kinát?“.
mardúmaf pāwst || az dímat |
ca rāng kinat? ||
56. *uf-af lúvd: „az mím bašánd*
γác-tēr par-đádam“.
ófaf lúvd || az mēm | bašánd
γác tēr par đádam ||

57. *mardúm-en wēv δōd izzó xu,*
wád-en tōyd.
 mardúmēn | wēv δōd izzó xə |
 wádēn tōjd.

57. *mardúm-an dūd uf izó xo, wád-an*
tāyd.
 mardú-man | dū-d of izó xo |
 wádan tājd.

1. Было ли не было, было три брата. 2. Два брата от одной матери, 3. один — от другой матери. 4. У них было три теленка. 5. Младший за своим следил, 6. старшие за своими не следили. 7. Однажды он тоже за своим не доглядел. 8. Его братья его теленка убили. 9. Он пришел, а его теленка нет. 10. Тогда он поискал там, 11. нашел его труп. 12. Взял и отправился в поле. 13. Посмотрел — спереди подошел верблюд. 14. Тогда он взял его и кровью теленка и его испражнениями вымазал верблюду пасть. 15. Посмотрел: подошел хозяин верблюда. 16. Владелец теленка тотчас принялся плакать, 17. сказал: „Брат, твой верблюд съел моего теленка“. 18. Тот сказал: „Брат, не говори так, верблюд телят не ест“. 19. Тот сказал: „Посмотри на его пасть — она в крови и в испражнениях. 20. Я пойду к царю, пожалуюсь“. 21. Владелец верблюда сказал: „Брат, не ходи жаловаться, мой верблюд — возмещение за твоего теленка“. 22. Парень сел верхом на верблюда и отправился. 23. Его братья посмотрели: их брат верхом на верблюде приехал. 24. Они сказали: „Эй негодный, откуда ты достал этого верблюда? 25. чей он?“. 26. Тот сказал: „Вы моего теленка убили, 27. я его труп продал, 28. получил верблюда“. 29. Те тоже своих телят убили, отвезли их трупы на базар. 30. Люди спросили: „Это что?“. 31. Они сказали:

57. *mardúm-an dūd uf izzó xo, wád-an tōyd.*

mardúman | dū- d uf izzó x^o | wádan tōjd.

57. *mardúm-af az uf izó dōd xu, wád-an tōyd.*

mardúmaf | az óf ezó dōd x^o | wádan tōjd.

„Это трупы телят, продаем за верблюда“. 32. Люди сказали: „Э, глупцы, труп теленка за верблюда никто не возьмет“. 33. Они устыдились своего поступка и ушли. 34. Своих телят убили, ни верблюда не получили, ни теленка. 35. Тогда они посоветовались друг с другом: „Этот негодник обманул нас, 36. мы его мать убьем“. 37. Тогда они его мать убили. 38. Он стал сиротой. 39. Труп своей матери он погрузил на осла, 40. заплакал и пришел в одно место. 41. Один человек убирал там ворох (зерна). 42. Он (парень) сел, 43. осел пошел в ворох. 44. Тот человек ударил осла камнем; 45. труп свалился со спины осла. 46. Парень подошел, принялся плакать, 47. сказал: „Ты убил мою мать, 48. я пойду к царю, пожалуюсь“. 49. Тот человек сказал: „У меня две дочери, 50. выбери одну и возьми себе в возмещение“. 51. Парень взял старшую дочь и пошел, пришел домой. 52. Его братья сказали: „Откуда ты ее привел?“. 53. Он сказал: „Я продал труп моей матери и ее получил“. 54. Они тоже свою мать убили, отвезли ее труп на базар. 55. Люди спросили: „Что вы с этим трупом делаете?“. 56. Они сказали: „Продаем его за красивую девушку“. 57. Люди их пристыдили, и они ушли.

ЯЗГУЛЯМСКИЙ ЯЗЫК

Язгулямцы численностью около 2 тысяч человек живут по долине реки Язгуляя — притока Пянджа. Несмотря на свою малочисленность, язгулямцы хорошо сохранили свой язык, поскольку до последнего времени, пока по Памиру не были проведены автомобильные дороги, они сравнительно мало общались с окружающим населением. В настоящее время язгулямский сельсовет входит в состав таджикского Ванчского района Горно-Бадахшанской автономной области, так что язгулямцы имеют с таджиками более тесную связь, чем с памироязычным населением. Язгулямский язык каких-либо резких диалектных различий не имеет.

Язгулямский язык стал изучаться значительно позже остальных памирских языков: о его существовании стало известно лишь в 1908 г., и до настоящего времени изданных материалов по нему почти нет: имеются лишь два прозаических текста (на 1½ страницах), опубликованных И. И. Зарубиным¹ в 1936 г., и один стихотворный текст, состоящий из 10 строк, опубликованный Ленцем в 1933 г.² Остальное, что имеется по язгулямскому языку, это различного типа списки слов: около 160 слов, записанных Р. Готтио,³ таблица глаголов М. С. Андреева⁴ и десятка два слов секретной лексики, изданных С. И. Климчицким.⁵

Эти материалы не дают достаточного представления о составе фонем язгулямского языка, что особенно относится к вокализму. Более точное представление о консонантизме можно было получить из опубликованных И. И. Зарубиным двух язгулямских текстов,¹ в частности в консонантизме им был установлен ряд огубленных согласных. Однако отдельные вопросы были неясны и в консонантизме: значение и характер палатализации заднеязычных смычных, более точный состав и употребление огубленного ряда согласных.

¹ „Two Yazghulāmī Texts“ Bulletin of the School of Oriental Studies, vol. VIII, parts 2—3, 1936, London.

² W. L e n t z. Pamir-Dialekte. Göttingen, 1933, стр. 105.

³ Journal Asiatique VII, № 2, 1916, Paris.

⁴ М. С. А н д р е е в. Язгулямский язык. Таблица глаголов. Л., 1930.

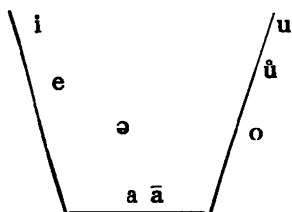
⁵ С. И. К л и м ч и ц к и й. Секретный язык у ягнобцев и язгулямцев. Тр. Тадж. базы Акад. Наук СССР, т. IX, 1940.

Проведенное исследование позволило установить состав фонем в вокализме и уточнить его в консонантизме. Осведомителями при исследовании были язгулямцы: Азизов, студент педучилища из селения Мотраун (в нижнем течении Язгуляма), и Бабаев, слушатель партшколы из селения Джамак (в среднем течении Язгуляма). Для определения длительности гласных применялся кимограф.

ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ФОНЕМ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Язгулямский вокализм насчитывает 8 фонем и может быть представлен в следующей таблице:

Основной тип противопоставления язгулямских гласных — противопоставление по качеству. Однако признак длительности тоже имеет фонологическое значение, что проявляется: 1) в наличии пары \acute{a} — a , противопоставляющейся по признаку длительности, и 2) в наличии краткой или сверхкраткой фонемы \check{a} ,¹ которая противопоставляется остальным фонем i , e , o , \ddot{u} , u в отношении длительности могут быть определены как нейтральные, поскольку они хотя и отличаются длительностью как от a , так и в еще большей степени от \acute{a} , но все же не противопоставляются им по этому признаку.

ФОНЕМЫ a , \acute{a}

Обе фонемы в основном варианте своего звучания качественно близки фонемам a и \acute{a} шугнано-рушанской группы, т. е. представляют собой гласные нижнего подъема при горизонтальном положении спинки языка. Однако язгулямское a может более часто и более заметно продвигаться вперед в благоприятных условиях (рядом с согласными со среднеязычной артикуляцией), становясь вполне передним «а», не доходящим, однако, до типа «æ»: « $\check{z}a$ — $\acute{p}in$ » ‘я убью’, « $\check{z}a$ — $\acute{p}a$ — \acute{u} » ‘ты убьешь’, « $a\check{g}a$ — \acute{g} » ‘если’, « az $\acute{t}ira$ $\acute{y}ar\acute{in}$ » ‘я тебе дам’. Противоположение a и \acute{a} , представляю-

¹ В дальнейшем изложении значок краткости над \check{a} опускается, поскольку \check{a} всегда краток.

щее для язгулямского вокализма единственный случай противоположения по долготе и краткости, можно видеть на следующих примерах, где обе фонемы употребляются в одних и тех же фонетических положениях: *ḫ^oāp* 'корова' и *ḫ^oap* 'кровь', *bād* 'потом' и *bad* 'иди', *kās* 'смотри' и *kaš* 'горячий', *nāp* 'мать' и *mad* 'стал', 'сделался', *kāl* 'голова' и *lap* 'много', *kār* 'дело' и *jar* 'дай'. Главным моментом при противоположении *a* и *ā* является различие в долготе. Как дополнительный момент в отдельных (указанных выше) фонетических положениях может выявиться и качественное их различие, поскольку краткое *a* может заметно продвигаться вперед. Краткое *a* по своей абсолютной длительности примыкает к группе нейтральных гласных, т. е. не является очень кратким и всегда имеет четкую, а под ударением — даже напряженную артикуляцию.

Противоположение обеих фонем является, однако, ограниченным и актуально оно, по существу, лишь для одного фонетического положения: для односложного слова перед одним согласным, как и показывают приведенные выше примеры. Но даже и в этом положении в отдельных случаях возможно безразличное произношение: *yāt* || *yat* 'пришел'. В остальных же фонетических положениях противоположение долгого *ā* и краткого *a* стирается, фонологичность признака длительности исчезает, и длительность гласного попадает в зависимость от фонетического положения. Так, для двухсложных слов, исключая ударный исход слова, благодаря меньшей абсолютной длительности гласных в этом положении, унификация обеих фонем ведет к краткому *a*. Если, например, в слове *nāp* 'мать' имеет место долгое напряженное *ā*, то при осложнении этого слова суффиксом (*nānje* 'у матери') его напряженность ослабевает, длительность сокращается и оно уже не противопоставляется краткому *a*. Для двухсложных слов, таким образом, вообще можно было бы не говорить о двух разных фонемах *a* и *ā*, но поскольку их противоположение существует в односложных словах и за ними, таким образом, закреплен определенный звуковой образ, то «а» двухсложных слов фонетически, а вместе с тем и фонологически, примыкает к одному из них, именно — к краткому. Явно долгое и обязательное *ā* в двухсложных словах засвидетельствовано только в случаях заместительной долготы, компенсирующей не произносимые язгулямями фарингальные в заимствованных словах: *tādi* 'наставление', *malā* 'дворец'.

В односложных словах, закрытых двумя согласными, напротив, любое «а» растягивается, как растягиваются и другие (нейтральные) гласные в этом положении, особенно перед щелевыми. Это свойство язгулямских гласных растягиваться в слогах, закрытых двумя согласными, связано, повидимому, с противоположением их сверхкраткому *ə*, которое в этом положении имеет наибольшую длительность.¹ В резуль-

¹ Детальнее этот вопрос разбирается при описании фонемы *ə* и в разделе длительности гласных.

тате и в этом положении противоположение фонем *ā* и *a* стирается: во всех словах с исходом на две согласных возникающий здесь вариант «*ā*» тяготеет к фонеме *ā* (перед щелевыми закономерно): *laft* 'сказал', *dayd* 'вошел', *dāxt* 'степь', *rak't* 'сосет', *razg* 'правый', *zayd* 'придет', *x^oant* 'читал', *zāwō* 'сердце', *warg* 'волк', *kāfḫ* 'туфли', *x^oāčk* 'малый', *sāwō* 'год', *tāwōd* 'сделает', *māst* 'месяц', *pānd* 'дорога', *wāst* 'двадцать', *zgāpt* 'схватил' и т. д. Долгота *ā* перед двумя согласными может сохраняться и в двухсложных словах при отчетливом произношении, особенно если гласным первого слога является редуцированный *э*: *wērāyōd* 'прошло', *xērāxt* 'затянул'. Растяжение всякого «а», а следовательно и восприятие его как долгого *ā*, нормально также для ударного исхода слова: «*mālā*» 'дворец', «*zāndā*» 'живой', «*jurā*» 'друг'.

В итоге взаимоотношения *a* и *ā* в зависимости от фонетического положения можно суммировать следующим образом.

1. Противоположение обеих фонем актуально, главным образом, для односложных слов перед одним согласным. Но даже и в этом положении возможно безразличное произношение: *bad* || *bad* 'потом', *yaḫ* || *yaḫ* 'рот', *yāt* || *yāt* 'пришел', *laf* || *laf* 'скажи'. При этом долгое *ā* может чаще терять свою долготу и таким образом превращаться в *a* (*bad* > *bad*), чем краткое *a* — удлиниться (*yar* > *yār* 'камень').

2. В односложных словах, закрытых двумя согласными, как правило, возникает долгое *a*, поскольку в отчетливой речи каждое «а» в этом положении может растягиваться. Но в обычной речи и в зависимости от фразового ударения длительность *a* может иногда сокращаться: *zgāpt* | *zgapt* 'схватил', *rak't* || *rak't* 'сосет'.

3. В двухсложных словах, за исключением ударного исхода, как правило, долгого *ā* нет: *x^oan* 'читай', но *x^oanin* 'я читаю', *kas* 'смотри', но *kasit* 'смотрите', *x^oan* 'корова', но *x^oanēžg* 'коровы', *laft* 'сказал', но *laftay* 'он сказал', *kāfḫ* 'туфли', но *kāfḫay* (*-ay* местоименный суффикс) и т. д. В ударенных закрытых слогах при отчетливом произношении *ā* может восстанавливаться: *laftay* 'он сказал', *kāfḫay* (*lay keg*) 'туфли (она положила)'. В неударенных же слогах долгота *ā* засвидетельствована только как заместительная: *tadī* 'наставление', *sārāy* 'утром', *mālā* 'дворец'.

4. В ударном исходе слова всякое «а» может растягиваться, поэтому при отчетливой речи почти всякое исходное «а» под ударением является долгим: *hazinā* 'казна', *podā* 'стадо', *mālā* 'дворец', *jurā* 'друг' и т. д. Однако при быстрой речи исходное «а» может и сокращаться: *podā*, *mālā* и т. д. В редких случаях, когда имеют место противопологающиеся парные слова, исходное *a* не может растягиваться: *agā* 'если' при наличии *agā* 'бодрствующих'.

5. Следовательно, для большинства случаев долгота или краткость гласного «а» связаны с влиянием фонетического положения, и фонологическая его принадлежность к долгому *ā* или краткому *a* выявляется лишь при отчетливой речи.

ФОНЕМЫ *i*, *e*, *o*, *ɨ*, *u*

Будучи нейтральными в отношении длительности и имея широкий количественный диапазон почти для каждого фонетического положения, фонемы *i*, *e*, *o*, *ɨ*, *u*, однако, не сокращаются, как правило, очень сильно, являясь всегда отчетливыми по своей артикуляции, а под ударением также и напряженными. Только две фонемы — *i* и *e*, и при этом лишь в одном фонетическом положении (в безударном исходе слова) — могут сокращаться сильнее и, становясь вялыми, несколько теряют свою качественную определенность. Остальные три гласных (*o*, *ɨ*, *u*) в безударном исходе не встречены.

Фонема *i* — гласный переднего ряда, неогубленный. Под ударением колеблется по подъему от узкого до открытого *i* (от «*i*» до «*ɪ*»), что зависит от влияния окружающих согласных и от положения в слове: в закрытых слогах при прочих равных условиях гласный *i* шире, чем в открытых. Сужающее влияние оказывают согласные со среднеязычной артикуляцией, а также щелевые. Расширяющее влияние оказывают вулярные согласные, согласные *w* и *ɣ*, а также смычные. Примеры: «*imɣa*» «ей», «*xi*» «свой», «*žɨdɨm*» «*ee*», «*wintay*» «он увидел», «*ki*» союз подчинительный, «*mið*» «день», «*uasɨt*» «возьмите». При отчетливом произношении *i* во всех случаях стремится к узкому варианту и под ударением может сильно удлиняться, приближаясь по своей полнотонности к долгому *i* шугнано-рушанской группы: «*mið*», «*piɣ*», что особенно характерно для ударного исхода в односложных словах: «*ɣi*» «лицо», «*sɨ*» «тридцать», «*bi*» «запах», «*ki*» «кто».

В неударенном положении язгулямское *i* всегда несколько короче и склонно к большему расширению, вплоть до варианта «*e*». Впрочем, расширению *i* часто препятствует возможная палатализация предшествующего согласного, при которой *i* остается узким: «*lɨft k'i*» || «*lɨft kɛ*» «он сказал, что...». Наибольшего расширения достигает неударенное *i* в исходе слова, где оно в обычном стиле речи нормально имеет «*e*»-образное звучание: «*ɣačáǵe xɨǵi*» (фонологически *ɣačáǵi xɨǵri*) «красивая девушка», «*tɛ xatɨn*» (фонолог. *ti xatɨn*) «твоя жена», «*ročóyɛ rós*» (фонолог. *ročóyɨ ros*) «царский сын», «*xɛ varág*» (фонолог. *xi varág*) «свою лошадь». Вариант «*e*» может возникать в быстрой речи также в середине слова в закрытых слогах, особенно рядом с сонантами *w*, *n*, *m*, *l*, *r*: «*žem*» «*ee*», «*varɛt*» «принесите», «*wɛdd*» «бросил». Однако этот «*e*»-образный вариант не является обязательным и в отчетливой речи восстанавливается в более узкое «*i*» или «*ɪ*» во всех положениях.

По признаку ряда фонема *i* весьма устойчива, она ни в каких положениях не продвигается назад, всегда оставаясь в пределах переднего ряда.

Примеры употребления фонемы *i*: *ri* «лицо», *bi* «запах», *bil* «лопата», *ɨiw* «охота», *mið* «день», *wint* «увидел», *-it* глагольное окончание 2-го л. мн.

числа наст. времени, *xi* 'свой', *ti* 'твой', *ni* 'мой', *im* 'ее', *if* 'их', *pist* 'спросил', *nist* 'сел', *migá* 'умерший', *majlis* 'собрание'.

Фонема *e* — неогубленный гласный переднего ряда, колеблющийся по подъему от довольно открытого «е» до очень закрытого «е» или даже «ɨ». Основным типом звучания является вариант «е» (на 4-й ступени подъема), близкий к русскому *e* в слове „дед“. Узкое звучание фонемы *e* характерно для положения рядом с согласными со среднеязычной артикуляцией, а также перед носовыми: «*kæg*» 'сделал', «*qaraqčép*» || «*qaraqčǐp*» 'разбойники'. Наиболее характерен узкий вариант фонемы *e* для неударенного исхода слова: «*wáyu-me*» (фонологически *wáyu-me*) 'у него', «*na maktáb-ǐ*» (фонолог. *na maktáb-je*) 'из] школы'. В этом положении фонема *e* весьма близка по звучанию к фонеме *i*, которая расширяется в аналогичном положении до такого же варианта: «*láft-kǐ*» и даже «*láft-kę*» 'сказал, что'. Поэтому в быстрой речи *i* и *e* в безударном исходе различить очень трудно, но при усилении четкости произношения обе фонемы восстанавливаются в свои основные варианты: фонема *i* сужается, а фонема *e* расширяется. Такое сближение обеих фонем через сужение *e* и расширение *i* наблюдается и в других неударенных слогах, хотя и реже. В результате создаются предпосылки для их смешения, что иногда и наблюдается в возможности дублетного произношения: *betór* || *bimór* 'больной'. По признаку ряда фонема *e*, как и *i*, очень устойчива.

Примеры употребления фонемы *e*: *vred* 'брат', *čer* 'четыре', *derk* 'дерево', *ped* 'нога', *γew* 'бык', *jen* 'душа', *je* 'место', *xex* 'вода', *ded* 'отец', *ben* 'борода', *pev* 'пуля', *ve* 'снова', *penj* 'пять', *darmén* 'лекарство', *səwér* 'всадник', *zex̄t* 'схватил', *ded* 'ударил', *xaméd* 'послал', *kæg* 'сделал', *muysaféd* 'старик'.

Фонема *o* — огубленный гласный заднего ряда, открытого типа, образующийся на 3-й ступени подъема («э»), т. е. совпадающий по подъему с русским *o*, но отличающийся от него отсутствием дифтонгоидности. Вполне совпадает по качеству с таджикским *o*, но отличается от него своей несколько меньшей напряженностью и большей способностью к сокращению. Качественно меняется очень мало, так что не имеет сколько-нибудь заметных вариантов.

Примеры употребления фонемы *o*: *ros* 'сын', *doγd* 'дочь', *šod* 'ушел', *aǰtór* 'верблюд', *bos* 'козленок', *tow* 'ты', *mox* 'мы', *k'od* 'собака', *dom* 'хвост', *dow* 'два', *gəjón* 'окно в крыше', *ažómt* 'послал', *rəxóvd* 'заснул', *əndóγd* 'поднялся', *k'ox̄t* 'зарезал (скотину)'. В словах, общих с таджикскими, передает таджикское *o*: *bimór* 'больной', *awqót* 'пицца', *bozór* 'базар', *qišlóc* 'кишлак', *odám* 'человек', *boz* 'сокол', *dawóm* 'продолжение', *xərók* 'еда', *ozir* 'сейчас'.

Фонемы *ǔ*, *u*. Фонема *u* — очень закрытый (верхнего подъема) сильно огубленный гласный заднего ряда. Ни в каких положениях вперед не продвигается. Сколько-нибудь заметных вариантов не имеет

Противопологается фонеме *û*, которую можно характеризовать как открытое *u*, образующееся обычно на 2-й ступени подъема (вариант «*u*»), так что на русский слух без тренировки фонему *û* очень трудно отличить от *u*. Кроме большей открытости по сравнению с *u*, фонема *û* имеет добавочный признак — оставаясь в пределах заднего ряда, она может несколько продвигаться вперед: «*bu_r*» 'грудь'. То, что обе гласные являются разными фонемами, показывают следующие примеры, где обе фонемы употребляются в одинаковых фонетических положениях: *dûs* 'десять' и *du_s* 'шерсть', *bûr* 'грудь' и *bur* 'мел', *vûst* 'завязал' и *xudm* 'сон', *wû* 'один' и *du* 'тот', *pul* 'деньги' и *-dûr* суффикс сравнительной степени, *bun* 'горсть муки' и *mûm* 'бабка', *dust* 'друг' и *dûst* 'рука'. Фонема *u* встречается сравнительно редко, фонема *û* значительно употребительнее. Обе фонемы очень устойчивы как в качественном, так и количественном отношении и сколько-нибудь заметных вариантов не имеют. Примеры на употребление фонемы *û*: *dûs* 'десять', *cûy* 'три', *wû* 'один', *dûst* 'рука', *bûr* 'грудь', *mûn* 'я' (косв. пад.), *xûd* 'сам', *kûd* 'дом', *xûr* 'солнце', *mûm* 'бабка', *pûst* 'низкий', *-dûr* суффикс сравнительной степени, *badû* 'ружье', *kûxt* 'посмотрел', *vûst* 'привязал', *xûg* 'съел'. В словах, общих с таджикскими, передает таджикское (дарвазское) *û*: *mûzá* 'сапоги', *tûy* 'свадьба'.

ФОНЕМА *ə*

Фонема *ə* принадлежит к типу редуцирующихся гласных. В этом отношении она противостоит всем остальным гласным, не способным редуцироваться. Качественный диапазон фонемы *ə* весьма широк: *ə*то всегда краткий гласный, неогубленный, образующийся в пределах от передне-смешанного до задне-смешанного ряда, что определяется влиянием окружающих согласных. Огубленность иногда появляется под влиянием огубленных согласных, но слабая и не стойкая, исчезающая при отчетливом произношении. По подъему диапазон *ə* колеблется от открытого «*ə/ə*» (на 2-й и 3-й ступени) до закрытого «*ь*» (на 5-й ступени). Основной тип звучания — гласный смешанного ряда, с возможным продвижением либо вперед, либо назад («*ь/ə*», «*ə/ə*», «*ə* - /*ь*»): «*ə* - *m*» предлог местонахождения, «*kə* - *mpíg*» 'старуха', «*də* - *l* || *dəl* | *də* - *l*» 'сердце'. В соседстве с заднеязычными и увулярными тяготеет к заднему ряду и в этом варианте легче огубляется: «*gь*⁽⁹⁾ *xt*» 'мясо', «*qьl*» 'весь', «*səndьq*» 'сундук'. Напротив, рядом со среднеязычными может сильно продвигаться вперед: «*ʃi* - *gar*» 'печень', 'сердце', «*ʃi* - *dáy*» 'его' (|| «*ʃygar*, *ʃьdáy*»).

Для фонемы *ə* характерна редукция в неударенных открытых слогах в беглой речи: «*x*^g *rók*» 'еда', «*s*^v *vég*» 'всадник', «*f*^r *rápt*» 'достиг', «*š*^b *dá*» 'стал'.

Корневое неударенное *ə* может чередоваться с ударенным кратким *a*, а также с *o* и *i*: *šod* 'ушел', но *šədə* 'ушедший', *wint* 'увидел', но *wəntá*

'увидевший', *mar* 'умри', но *marin* 'я умру', *rad* 'беги', но *radin* 'я убегаю', *gar* 'камень', но *garāvd* (|| *garāvd*) 'камни'.

Можно полагать, что наличие в язгулямском языке редуцированного гласного *э*, обладающего чрезвычайно широким качественным диапазоном, объясняет характерную для язгулямского вокализма фонетическую черту: растяжение остальных гласных в закрытых слогах перед двумя согласными. В словах *boyd* 'дочь' и *derk* 'дерево' гласные *о* и *е* могут быть более протяженными, чем в словах *dom* 'хвост' и *ped* 'нога'. Растягиваться их заставляет противоположение фонеме *э*, которая как раз в этом положении имеет наибольшую длительность, поскольку сильное ее сокращение здесь фонетически невозможно: нужен определенный минимум длительности гласного, чтобы такое слово, как *kāxt*, вообще могло бы быть произнесено. Поэтому для *э* перед двумя согласными, как показывают измерения, характерной является длительность в 14—12 с. А такая длительность уже нормальна для краткого *а* и нейтральных гласных. Совпадение же по длительности может повлечь за собой их смешение с *э*, поскольку *э* качественно может сближаться с любым гласным. Так, если бы *й* в слове *kūxt* 'посмотрел' сократилось бы до 14—12 с, то оно, совпав с фонемой *э* по длительности, могло бы совпасть с ней и качественно, поскольку для *э* в этом положении характерен задний и слегка огубленный вариант «*э*⁰ || *у*», который наблюдается, например, в слове *kāxt* (фонетически «*кь*⁰*хт*» || «*кь*⁰*хт*») 'делает', что могло бы привести к смешению обеих фонем. Поэтому все нейтральные гласные, а также краткое *а* при своем широком диапазоне длительности, выявляются в этом положении в максимальных своих вариантах.

Примеры употребления фонемы *э*: *gar* 'могила', *gāxt* 'мясо', *nāt* 'имя', *vag* 'привел', *gal* 'горло', *xaš* 'приятный', *tak* 'умер', *sar* 'свадьба', *lav* 'голос', *raǰ* 'отверстие в крыше', *xatān* 'жена', *kāl* 'весь', *kāxt* 'делает', *kān* 'делай', *sawér* 'всадник', *nāxān* 'знак', *fārāpt* 'достиг', *vāréd* 'брат', *qalā* 'дворец', 'крепость', *gardev* 'водоворот', *dawūr* 'дверь', *tāmox* 'вы', *ət* предлог места.

Кроме того, фонема *э*, как ударная, так и безударная, употребляется в словах, заимствованных из таджикского на месте близкого по артикуляции таджикского редуцированного гласного *э* юго-восточных говоров: *čal* 'сорок', *dāl* 'сердце', *gal* 'цветок', *šakr* 'благодарность', *xab* 'хороший', *xaš* 'приятный', *malk* 'добро', 'имущество', *xasúsi čī?* 'ради чего?', *sarōq* 'поиски' и т. д.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Запись на кимографе производилась в Сталинабаде в октябре 1949 г., по произношению Н. Азизова, студента 1-го курса Сталинабадского учительского института, уроженца селения Мотраун, только что при-

схавшего в Сталинабад. Цифровые данные излагаются по типу, принятому в „Очерках“: цифра первой строки столбца означает среднюю длительность (в скобках дается число измерений, из которых выведена средняя); цифры средней строки означают диапазон типовой (нормальной, типичной) длительности; цифры последней строки означают крайние пределы отклонения длительности.

В односложном слове перед одним согласным

По влиянию на длительность гласных выделяются следующие фонетические положения: а) положение максимальной длительности — в позиции перед *r*; б) положение минимальной длительности — в позиции перед глухим смычным после любого согласного, а также после глухого смычного или носового перед смычным; в) положение средней или нейтральной длительности — во всех остальных позициях. В изложении первым дается положение максимальной длительности (под цифрой 1), вторым — положение нейтральной длительности (под цифрой 2), третьим — положение минимальной длительности (под цифрой 3).

Фонемы *a*, *ā*

1) Тип: *kār*, *x^oār*, *dar*, *γar*

<i>ā</i>	<i>a</i>
27.9 (7)	21.5 (4)
30—26	—
30—26	23—18

2) Тип: *x^oān*, *bād*, *kāl*, *fāg*, *x^oan*, *vad*, *mad*, *kaš*

<i>ā</i>	<i>a</i>
22.8 (25)	14.6 (19)
26—20	16—12
28—20	19—12

3) Тип: *lap*

<i>ā</i>	<i>a</i>
—	13.3 (5)
—	15—12
—	16—12

Как можно видеть из приведенных цифр, диапазон обеих гласных очень широк, и их длительность сильно меняется в зависимости от влияния окружающих согласных. Краткое *a* перед *r* сильно растягивается, приобретая длительность, типичную для долгого *ā* в других положениях. Однако в каждом отдельном фонетическом положении обе фонемы вполне четко противопоставляются друг другу, не совпадая даже в крайних отклонениях своей длительности. Сравнение длительности *ā*

и *a* в абсолютно тождественном фонетическом положении (в паре *ǰ^oān* 'читай' и *ǰ^oan* 'кровь') показывает, насколько четким является их противоположение:

<i>ǰ^oān</i>	<i>ǰ^oan</i>
23.6 (5)	14.1 (8)
26—21	15—12
26—21	18—12

Фонемы *i*, *e*, *o*, *ǰ*, *u*

1) Тип: *gir*, *sir*, *ǰer*, *bǰr*, *bur*

<i>i</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ǰ</i>	<i>u</i>
20.8 (6)	17.9 (8)	—	21.1 (6)	21.7 (6)
23—17	21—16	—	22—16	24—19
27—17	21—16	—	25—16	24—19

2) Тип: *bil*, *vin*, *ben*, *ǰen*, *ǰom*, *ǰod*, *g^ool*, *ǰūs*, *mǰm*, *ǰus*, *zum*, *bun*

<i>i</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ǰ</i>	<i>u</i>
15.4 (21)	18.0 (7)	21.4 (10)	15.7 (8)	14.3 (9)
21—12	22—14	24—18	21—12	17—13
25—12	22—14	24—18	21—12	17—11

3) Тип: *mǰǰ*, *peǰ*, *keg*, *ǰet*, *mot*, *k^ood*, *kǰd*, *kǰǰ*, *nug*

<i>i</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>ǰ</i>	<i>u</i>
11.3 (5)	13.4 (8)	14.8 (14)	12.6 (8)	11.2 (5)
12—11	15—11	16—13	15—11	—
12—11	18—11	20—11	15—10	14—9

Приведенные данные показывают, что диапазон длительности фонем *i*, *e*, *o*, *ǰ*, *u*, в зависимости от фонетического положения, тоже очень широк и колеблется по данным типовой длительности почти в тех же пределах, что и для *a*: от 24 до 11 σ (для *a* от 23 до 12 σ). В 1-м фонетическом положении, максимально удлиняющем гласные, и в 3-м фонетическом положении, максимально сокращающем гласные, длительность рассматриваемых фонем совпадает с длительностью *a*, без существенных отклонений: типовая длительность *i*, *e*, *ǰ*, *u* в 1-м положении колеблется между 24—16 σ, диапазон *a* равен 23—18 σ; типовая длительность *i*, *e*, *o*, *ǰ*, *u* в 3-м фонетическом положении колеблется между 15—11 σ, типовая длительность *a* равна 15—12 σ. Во 2-м же фонетическом положении, в котором нет ни сильно удлиняющих, ни сильно сокращающих влияний, т. е. в положении, нейтральном по влиянию согласных, наблюдается существенное расхождение в длительности рассматриваемых гласных и краткого *a*. Для фонемы *a* в этом положении характерны: устойчивая краткость, узкий диапазон типовой длительности в 16—12 σ и неспособность к растяжению. Фонема *a* не может растягиваться здесь потому, что она противопоставляется долгову *ǰ*, которое в этом положении короче, чем в 1-м, и имеет типовую длительность в 26—20 σ. Фонемы же

i, e, o, ŷ, u, не противопоставляясь по длительности каким-либо другим фонемам, могут растягиваться здесь до тех же пределов, что и в 1-м фонетическом положении. В то же время они одинаково часто могут произноситься здесь и с той краткостью, которая характерна для *a*, т. е. предел сокращаемости фонем *i, e, o, ŷ, u* и фонемы *a* одинаков (13—12 σ). В результате в данном фонетическом положении наблюдается известное фонологическое безразличие фонем *i, e, o, ŷ, u* к длительности, что выявляется в чрезвычайно широком диапазоне их типовой длительности: длительность в 21 σ для них так же типична и характерна, как и длительность в 13 σ. Именно этим, т. е. крайне широким диапазоном их типовой длительности, и объясняются те сильные отклонения, которые дают цифры средней длительности по отдельным гласным, колеблющиеся между 21 и 14 σ. То, что эти расхождения в средней длительности не означают фонологического противопоставления по долготе отдельных гласных друг другу, показывает диапазон их типовой длительности, в общем совпадающий для всех фонем. Фонема *o* резко выделяется своей длительностью, но пределы ее максимальной длительности не превышают общего предела длительности, характерного для всей группы гласных (так, типовая длительность *u* в 1-м положении равна 24—19 σ). Иначе говоря, все гласные могут иметь такую же длительность, как *o* (крайние отклонения *i* даже превышают по длительности крайние отклонения *o*), но отличие *o* заключается в том, что оно в данной записи не имеет таких же кратких вариантов, какие имеют остальные гласные. Случайные ли это результаты данной записи, когда диктор примеры с *o* произнес с большей четкостью, или для *o* вообще характерна большая устойчивость по сравнению с другими гласными, — это могут показать в дальнейшем цифровые данные по другим положениям.

Поскольку рассматриваемые гласные не противопоставляются друг другу по длительности и среди них может быть выделено (предположительно) только *o* как более устойчивое, то для большей наглядности данные всех гласных могут быть суммированы. Тогда сравнительная длительность долгого *ā*, краткого *a* и гласных *i, e, o, ŷ, u* может быть представлена в следующем виде.

	<i>ā</i>	<i>a</i>	<i>i, e, o, ŷ, u</i>
1)	27.9 (7)	21.5 (4)	20.2 (26)
	30—26	—	22—16
	30—26	23—18	27—16
2)	22.8 (25)	14.6 (19)	16.6 (55)
	26—20	16—12	21—13
	26—20	18—12	25—11
3)	—	13.3 (5)	13.3 (40)
	—	15—12	16—11
	—	16—12	20—9

Фонема э

Положение перед *г* не удлиняет фонемы э. На ее длительности заметно сказывается влияние глухих и в особенности глухих смычных. В соответствии с этим выделяются следующие три фонетических положения: 1) в соседстве со звонкими и в соседстве с глухим щелевым при втором звонком, 2) в соседстве с глухим смычным, 3) между глухими.

1) Тип: <i>dər, nəg,</i> <i>dəl, gəl</i>	2) Тип: <i>kəl, kət,</i> <i>tək, qəl</i>	3) Тип: <i>kəp</i>
10.5 (19)	8.6 (12)	7.1 (3)
11—9	10—7	—
14—9	11—7	9—4

Как видно из этих цифр, фонема э всегда очень кратка и по длительности очень четко противопоставляется остальным гласным, совпадая иногда с ними лишь в крайних своих отклонениях. По своей краткости (между глухими нормально 7σ) фонема э может быть определена как редуцированная или сверхкраткая.

В одноклосном слове перед двумя согласными

Гласный «а»

Как уже говорилось при описании гласных, в слогe, закрытом двумя согласными, противоположения фонем *ā* и *a* не наблюдается. Указывалось, что в этом положении всякое «а» может растягиваться и фонологически восприниматься как долгое *ā*. Имеющиеся цифровые данные вполне подтверждают это положение. На кимографе были записаны следующие слова: «*grazg*» 'правда', «*laft*» 'сказал', «*daħt*» 'степь', «*mast*» 'месяц', «*rak^ot*» 'сосет', «*karj*» 'курица', «*zgart*» 'взял', «*mald*» 'натер'.

Общая картина, которую дают результаты записей, такова: «а» имеет очень широкий диапазон, колеблющийся по данным средней длительности отдельных слов от 24 до 14σ. Перед щелевым или сонантом при предшествующем звонком (тип: «*daħt*», «*mald*») «а» нормально тяготеет к верхнему пределу длительности, но может и сокращаться. Одно и то же слово, записанное дважды или трижды, дает часто разную длительность «а». Так, «а» в слове «*mast*» в одной записи дает среднюю длительность в 23.6σ(2), в другой записи—16.9σ(2). Или «а» в слове «*daħt*» дает по двум записям среднюю в 22.1(4), а в третьей записи—16.9(2). В соседстве с глухими смычными (тип «*rak^ot*, *zgart*») «а» нормально тяготеет к нижнему пределу длительности, но может и растягиваться. Так, «а» в слове «*zgart*» по двум записям дает среднюю в 14.1(4), а в третьей записи—18.9(2). Именно потому, что всякое «а» может растягиваться, оно фонологически и воспринимается в этом положении скорее как долгое *ā*.

Ниже приводятся цифровые данные по длительности «а» (\bar{a}) в рассматриваемом положении.

1) Тип: <i>rāzġ, māst,</i> <i>māld, lāft</i>	2) Тип: <i>kārġ,</i> <i>rāk^t, zġāft</i>
20.4 (17)	15.4 (10)
24—16	19—13
24—16	19—13

Фонемы *i, e, o, ū, u*

Фонема *o* не выделяется среди других гласных своей большей длительностью или устойчивостью: средняя длительность *o* в слове *k^oōxt* 'варезал' равна 14.5σ, а средняя длительность *u* в аналогичном положении (в слове *kūxt* 'посмотрел') равна 19.5σ. Следовательно, большая длительность *o*, которая отмечалась по данным односложного слова, закрытого одним согласным, являлась лишь единичным результатом данной записи, а не показателем большей устойчивости *o*.

Поскольку все гласные выявляются одинаково, приводятся сводные цифры по всей группе гласных.

1) Тип: <i>zeġt, derk,</i> <i>dūst, duŋt</i>	2) Тип: <i>k^oōxt,</i> <i>kūxt, pūst</i>
16.5 (28)	17.0 (14)
21—14	21—12
21—12	22—12

Сравнивая длительность рассматриваемых гласных с длительностью \bar{a} можно видеть, что в 1-м фонетическом положении \bar{a} более длительно: оно более способно к растяжению и менее способно к сокращению (центр типовой длительности \bar{a} лежит между 24—20σ, в то время как центр типовой длительности рассматриваемых гласных лежит, напротив, в пределах минимальной длительности, между 18—14σ). Во 2-м же фонетическом положении длительность \bar{a} и рассматриваемых гласных уравнивается, поскольку растяжению \bar{a} здесь препятствуют фонетические условия. В результате в положении перед двумя согласными \bar{a} и нейтральные гласные весьма близки друг к другу по длительности, и \bar{a} отличается от них только большей способностью к растяжению в благоприятных фонетических условиях. Таким образом, определение «а» в этом положении как долгого \bar{a} диктуется главным образом фонологическими причинами: «а», способное сильно растягиваться, воспринимается как долгое \bar{a} , которое в других фонетических положениях существует как четкая фонема, противостоящая краткому *a*. Если бы не было четкого противопоставления \bar{a} и *a* в других положениях, то тогда для данного фонетического положения не было бы оснований выделять «а» из группы нейтральных гласных как долгое.

Существенно, что по своей абсолютной длительности гласные *i*, *e*, *o*, *ǔ*, *u* в положении перед двумя согласными не сокращаются. Напротив, в соседстве с глухими смычными и между глухими они более длительны, чем в положении перед одним согласным, что можно видеть из сравнения следующих цифр.

Перед одним согласным (в соседстве с глухими смычными или между глухими)	Перед двумя согласными (в том же положении)
13.3 (40)	17.0 (14)
16—11	20—12
20—9	22—12

Фонема *ə*

1) Тип: <i>gəxt</i>	2) Тип: <i>kəxt</i>
13.9 (6)	13.7 (4)
14—12	14—12
17—12	14—12

Очень существенно, что фонема *ə* в положении перед двумя согласными более протяженна, чем перед одним согласным, и не имеет очень кратких вариантов даже между глухими. В связи с этим получает объяснение и бóльшая протяженность остальных гласных в этом положении, которая отмечалась выше. Если бы остальные гласные не растягивались в этом положении, то они могли бы совпасть по длительности с фонемой *ə*, что могло бы привести к качественному их смешению, поскольку фонема *ə* может быть качественно близка любому гласному. Таким образом, признак длительности играет существенную фонологическую роль при противополжении *ə* остальным гласным.

В неударенном открытом слоге двусложного слова

Фонемы *ā*, *a*

В этом положении, как уже говорилось при описании гласных, фонемы *ā* и *a* различаются. Но фонема *ā* встречается очень редко, исключительно при заменительной долготе в заимствованных словах: *tādi* 'наказ', 'наставление', *mālā* 'дворец'. Все же остальные *ā*, попадая в неударенный открытый слог, сокращаются, отождествляясь, таким образом, с кратким *a*: *ḫān* 'читай', но *ḫānīn* 'я читаю' и т. д. На кимографе было записано 5 слов, осложненных суффиксами, имеющих в неосложненной форме долгое *ā*, и 5 слов с несомненным кратким *a*. Длительность «*a*» в обоих случаях оказалась одинаковой, что можно видеть из следующих цифр:

<i>a</i> , корреспондирующее долгому <i>ā</i>		краткое <i>a</i>
<i>ḫānēžg</i> 'коровы'	(<i>ḫān</i> 'корова')	<i>badīn</i> 'яду'
<i>ḫānīn</i> 'читаю'	(<i>ḫān</i> 'читай')	<i>žadā</i> 'убытый'

<i>x^oarín</i>	'ем'	(<i>x^oār</i>	'ешь')
<i>x^oarít</i>	'ешьте'	(<i>x^oār</i>	'ешь')
<i>lafín</i>	'говорю'	(<i>lāf</i>	'говоря')

Средняя длительность $a = 9.9$ (19)

<i>sadó</i>	'голос'
<i>šaméd</i>	'он приказал'
<i>falón</i>	'такой-то'

Средняя длительность $a = 10.2$ (12)

Ниже приводятся все имеющиеся цифровые данные длительности \bar{a} и a в рассматриваемом положении.

- 1) Тип: *māld, lafín, š^oanín, x^oarín.*
badín, žadđ, sadó, falón

\bar{a}	a
18.8 (4)	10.0 (31)
—	13—8
20—18	13—7

- 2) Тип: *tādī, tadím*

\bar{a}	a
15.3 (8)	7.4 (6)
16—14	9—6
16—14	9—6

Фонемы i , e , o , \bar{u} , u

Поскольку длительность всех гласных очень близка друг к другу, в изложении приводятся сводные цифры по всей группе.

- 1) Тип: *biláđ, benáđ, donó, mulát*

13.7 (15)	11.8 (5)
14—11	12—10
18—11	12—10

При сравнении этих данных с данными фонем \bar{a} и a видно, что рассматриваемые гласные ближе по длительности к краткому a , чем к долговому \bar{a} . Однако все же они заметно отличаются от a своей большей длительностью, что выявляется в их большей способности к растяжению и, напротив, в меньшей способности к сокращению. Более постоянная и более стойкая краткость фонемы a обуславливается, как и в односложном слове перед одним согласным, противопоставлением ее долговому \bar{a} , в то время как остальные гласные не имеют противостоящих пар и поэтому могут иметь бóльшую длительность.

Фонема o

- 1) Тип: *bəđán, məráj*

7.8 (6)
9—6
9—6

- 2) Тип: *təráng, təmóx, kənlín, təif*

4.3 (10)
6—3
8—2

Фонема *э*, как и в других фонетических положениях, отчетливо противопоставляется своей длительностью всем остальным гласным, выявляясь, особенно в соседстве с глухими смычными, как редуцированный (сверхкраткий) гласный. В положении между глухими (в слове *təti* 'попугай') *э* полностью оглушается.

Для остальных фонетических положений имеется слишком мало данных, чтобы можно было сделать определенные выводы. Можно лишь предположительно сказать следующее.

В исходе слова гласный «а» удлиняется и, таким образом, фонологически является долгим *ā*, о чем говорят следующие цифры.

1) Тип: *žadā, jurā, tādi, sadó, donó*

<i>ā</i>	<i>i, o</i>
22.0 (3)	17.4 (13)
—	20—15
25—19	21—13

2) Тип: *bačā, počó, tətí*

<i>ā</i>	<i>i, o</i>
19.3 (2)	14.6 (5)
—	16—13
20—19	16—13

В закрытом ударном слоге двусложного слова «а» в отдельных случаях может растягиваться, т. е. в этом положении возможно, повидимому, противоположение *ā* и *a*, но не обязательное, с возможным дублетным произношением. О том, что противоположение *ā* и *a* не характерно для этого положения, говорит сравнительно большая длительность и устойчивость всякого «а», которая, вобщем совпадая с длительностью нейтральных гласных, имеет тенденцию к несколько большему растяжению по сравнению с ними: типовая длительность «а» равна 17—13σ, а типовая длительность нейтральных гласных равна 17—10σ. Таким образом, «а» в этой позиции не выявляется как отчетливо выраженный краткий гласный. Абсолютная же его длительность в этом положении (17—13σ) слишком мала, чтобы «а» воспринималось как долгое *ā*. Таким образом, в этом положении «а» больше всего, повидимому, отрывается от фонологических связей с *ā* или *a* и выявляется как нейтральный гласный. Однако в отдельных случаях фонологические связи «а» могут оживать, что сказывается в возможном растяжении «а» до длительности долгого *ā*. Такое растяжение, и при этом стойкое, зафиксировано в суффиксе мн. числа «-aš», где «а» имеет типовую длительность 21—16σ. Однако хотя это растяжение для данного случая и устойчиво (суффикс «-aš» записан в сочетании с разными словами), оно все же не обязательно, так как в одном случае из

7 измерений зафиксировано весьма краткое звучание в 11 с. Ниже приводятся все имеющиеся цифровые данные для ударенного закрытого слога двусложного слова.

1) Тип: *bədan, mərdj, badin, jartin, tadim, xamed, falon*

\bar{a}	«а»	i, e, o
—	14.7 (9)	13.8 (22)
—	17—13	17—10
—	17—12	18—10

2) Тип: *kuddə, benəv, bildə, mulət, rak'ın, x'arit*

\bar{a}	«а»	i
18.0 (7)	14.2 (3)	11.8 (5)
21—16	—	—
21—11	15—14	14—9

Выводы

Рассмотренные в этом разделе цифровые данные позволяют выделить следующие основные моменты соотношения язгулямских гласных по признаку длительности.

1) Гласные делятся по признаку длительности на четыре группы: а) долгое \bar{a} , б) краткое *a*, в) нейтральные гласные *i, e, o, i̇, u* и г) редуцированный гласный *ə*.

2) Противоположение фонем \bar{a} и *a* выявляется вполне четко только в одном фонетическом положении: в односложном слове, закрытом одним согласным. В остальных фонетических положениях их противоположение или очень ограничено (в неударенном открытом слоге \bar{a} сохраняется только при заместительной долготе), или его вовсе нет.

3) В тех случаях, когда противоположения \bar{a} и *a* не наблюдается, всякое «а» либо растягивается, либо сокращается в зависимости от фонетического положения. Растяжение «а» наблюдается в односложном слове, закрытом двумя согласными, и в ударном исходе слова. Напротив, во всех неударенных слогах «а» сокращается (исключая лишь случаи заместительной долготы). За недостатком данных неясным остается выявление «а» в ударных закрытых слогах двусложного слова. Повидимому, здесь могут иметь место случаи растяжения обычно краткого нейтрального *a*, т. е. случаи противоположения \bar{a} и *a*, но не обязательные, с возможным дублетным произношением.

4) Долгое \bar{a} имеет общий диапазон типовой длительности по рассмотренным положениям от 30 до 14 с; нейтральные гласные — от 22 до 10 с. Краткое *a* примыкает по своей длительности к группе нейтральных гласных, имея общим своим диапазоном длительность от 22 до 6 с. Однако краткое *a* не может быть объединено в одну группу с нейтральными глас-

ными по следующим причинам. Краткое *a* может иметь длительность до 22σ только в одном фонетическом положении: в односложном слове перед *r*, поскольку и \bar{a} в этом положении имеет очень большую длительность (нормально 30—26 σ). В остальных случаях, где \bar{a} короче, краткое *a* не может растягиваться, не переходя в \bar{a} . Нейтральные же гласные могут растягиваться в любом ударном слоге, сближаясь или даже совпадая с длительностью \bar{a} . Для нейтральных гласных под ударением характерен, таким образом, очень широкий диапазон, т. е. известное фонологическое безразличие к длительности. В неударенном же положении, где для нейтральных гласных растяжение, как и для *a*, не характерно, они заметно отличаются от *a* меньшим пределом сокращаемости. Так, если в неударенном открытом слоге общий диапазон типовой длительности *a* равен 13—6 σ , то диапазон типовой длительности нейтральных гласных равен 14—10 σ , т. е. для *a*, в отличие от нейтральных гласных, возможны очень краткие, даже редуцированные варианты.

5) Всем гласным, т. е. долгому \bar{a} , краткому *a* и нейтральным гласным, противопоставляется по длительности фонема *э*, которая в большинстве фонетических положений выявляется как редуцированный гласный, сокращающийся в неударенных слогах до 3—2 σ .

6) Наибольшую длительность фонема *э* имеет в односложном слове перед двумя согласными, где типовая ее длительность равна 14—12 σ даже между глухими. А поскольку фонема *э* имеет очень широкий качественный диапазон и может качественно сближаться почти со всеми гласными, то ее совпадение с ними по длительности могло бы привести к их смещению. Поэтому для нейтральных гласных в этом положении характерна большая склонность к растяжению, чем в односложном слове перед одним согласным. Этим же противоположением фонеме *э* следует объяснять и растяжение в этом положении всякого «а» в долгое \bar{a} .

КОНСОНАНТИЗМ

Язгулямский консонантизм содержит в себе все фонемы, наличествующие в шугнано-рушанской группе, и сверх того следующие фонемы, составляющие специфику язгулямского консонантизма.

1. Увулярные и заднеязычные огубленные согласные x^o , γ^o , \bar{x}^o , k^o , g^o , противостоящие своим неогубленным парам: x^o —*x*; γ^o —*γ*; \bar{x}^o — \bar{x} ; k^o —*k* и g^o —*g*. Для увулярного смычного *q* и заднеязычного щелевого $\bar{\gamma}$ огубленных пар не засвидетельствовано. Из перечисленных пяти огубленных согласных звонкие g^o и γ^o встречаются редко, глухие же огубленные \bar{x}^o , x^o и k^o более употребительны. Огубленные согласные могут находиться в позиции перед любым гласным, за исключением *и* и \bar{a} , поглощающих в себе губную работу, а также перед согласными. Примеры:

Для \check{x} : $\check{x}^{\circ}an$ 'читай', $\check{x}^{\circ}an$ 'кровь', $\check{x}^{\circ}ain$ 'я открою', $\check{x}^{\circ}id$ 'пот', $\check{x}^{\circ}oud$ 'молоко'.

Для x° : $x^{\circ}ar$ 'ешь', $t\check{a}x^{\circ}t$ 'сгорел', $x^{\circ}a\check{c}k$ 'малый', 'младший', $x^{\circ}orn$ 'ворона', $x^{\circ}er$ 'племянник', $x^{\circ}abanaj$ 'усыплять'.

Для k° : $k^{\circ}od$ 'собака', $k^{\circ}anin$ (Джамак) 'делаю', $\check{c}ik^{\circ}t$ 'просочится', $rak^{\circ}t$ 'сосет', $k^{\circ}o\check{x}t$ 'зарезал (скотину)', $rak^{\circ}in$ 'сосу'.

Для γ° : $\gamma^{\circ}afs$ 'вернись', $\gamma^{\circ}ar\check{f}eg$ 'козленок', $\gamma^{\circ}arag$ 'клевер'.

Для g° : $g^{\circ}ol$ 'цветок', $g^{\circ}arag$ 'палка для размешивания в очаге', $g^{\circ}id$ 'перепел'.

2. Среднеязычные смычные \check{k} и \check{g} как самостоятельные фонемы, противопоставляющиеся заднеязычным смычным k и g . Заднеязычные k и g — очень задние и твердые; фонемы \check{k} и \check{g} можно определить как среднеязычные, продвинутые назад, причем \check{k} может заметно аффрицироваться. Фонологическое различие среднеязычных и заднеязычных доказывается употреблением и тех и других согласных в одинаковой фонетической позиции: они одинаково употребляются, а следовательно и противопоставляются а) в исходе слова после любого гласного и б) в начале слога перед гласными заднего ряда, а также перед a и \check{a} . Примеры:

В исходе слова: $nu\check{g}$ 'новый' и $w\check{u}g$ 'один', $varag$ 'лошадь' и $wadag$ 'ягненок', yak 'один' и $\check{c}ak$ 'крепкий', 'запертый', $\check{c}agag$ 'маленький' и $\gamma a\check{c}ag$ 'девушка'.

В начале слога: $an\check{k}o$ 'такой' и $kont$ 'вырыл', $\check{k}as$ 'посмотри' и $ka\check{s}$ 'жаркий', kud 'дом' и $\check{c}ak$ -и 'запертый', $\check{k}ar$ 'работа' и kar 'глухой'.

В остальных фонетических положениях противопоставление среднеязычных и заднеязычных выражено слабо или отсутствует вовсе.

Перед гласными переднего ряда (i , e) употребление \check{k} , \check{g} или k , g по существу фонологически безразлично. В этом положении заднеязычные k и g несколько продвигаются вперед, а иногда и палатализуются, сближаясь, таким образом, со звучанием фонем \check{k} и \check{g} . Когда нет этимологических связей, препятствующих смешению обеих фонем, то возникают дублеты: $\check{k}i \parallel ki$ (« $\check{k}i \parallel k'i$ ») союз подчинительный, $\check{k}eg \parallel keg$ (« $\check{k}eg \parallel k'eg$ ») 'сделал'. При этом, как показывает фонетическая транскрипция, разница в артикуляции обеих фонем незначительна. В тех случаях, когда фонемы \check{k} и g поддерживаются живыми морфологическими связями, то они не подвергаются в этом положении заметной палатализации и сохраняют свой более задний характер: « $varag$ -» 'лошадь' и « $varagi$ » (но не « $varagi$ » — косв. падеж от $varag$), « $\check{f}ag$ -» 'сестра' и « $\check{f}agi$ » (но не « $\check{f}agi$ »).

Перед гласным смешанного ряда \check{a} . В этом положении засвидетельствованы лишь заднеязычные k и g : $kampir$ 'старуха', $g\check{a}r$ 'могила', $v\check{a}g$ -af 'они принесли', $k\check{a}r$ 'камень', $k\check{a}n$ (Мотр.) 'сделай' и т. д.

В исходе слова после согласного противопоставления заднеязычных и среднеязычных, повидимому, нет: здесь, как правило,

всегда слышится мягкое *k̂*, колеблющееся по артикуляции от среднеязычного до заднего, в разной степени продвинутого вперед. Однако при более отчетливом произношении, насколько позволяют судить имеющиеся данные, всякое *k* и *g* в исходе может смягчаться до пределов среднеязычного: «x^oāčk̂_ || x^oāčk̂» 'маленький'. Нормальным для исхода слова после согласного являются среднеязычные или задние, сильно продвинутые вперед *k̂* и *ĝ*: *rāzĝ* 'правда', *kifk̂* 'лист', *zānĝ* 'подбородок', *wārĝ* 'волк', *γānk̂* 'колыбель и т. д.

Из других особенностей язгулямского консонантизма следует отметить малую употребляемость звонкого однофокусного аффриката *ʒ*. Эта фонема засвидетельствована всего лишь в нескольких словах: *zarir* название птицы (обитающей в садах), *ʒip* название птицы (обитающей в садах и в горах), *ʒinbowiz* 'качели', *ʒiwāk* 'прибедняющийся', плаксивый' (*ʒiw-ʒiw na kən* 'не прибедняйся').

В остальном фонемный состав язгулямского консонантизма не отличается от шугнано-рушанской группы.

Из фонетических особенностей, отличающих язгулямский консонантизм от шугнано-рушанского, следует отметить следующее. Для язгулямских глухих смычных характерна заметная придыхательность, особенно в ударенных слогах, т. е. при более энергичной артикуляции: «xat'ən» 'жена', «p'os» 'сын', «t'ādī» 'наказ', 'наставление', «k'ūxt» 'посмотрел', «kəmp'ir» 'старуха', «t'u» 'ты', «t'illo» 'золото' и т. д.

Язгулямские глухие смычные вообще более сильны, чем шугнано-рушанские, и сохраняют большую энергичность артикуляции и придыхательность также и в исходе слова. Соответственно этому и звонкие смычные более сильны, чем в шугнано-рушанской группе, что при их почти полном или совсем полном оглушении в исходе слова может приводить при быстрой речи к восприятию на русский слух язгулямских звонких в исходе как глухих. При более отчетливом произношении разница между глухими и звонкими в исходе всегда слышна. В остальном в язгулямском консонантизме заметных отличий от шугнано-рушанской группы нет.

ТЕКСТЫ

В качестве образцов фонологической записи приводятся три текста. Текст № 3 представляет собой язгулямский вариант текста № 7 шугнано-рушанской группы („Сказка о трех братьях“) и сопровождается детализованной транскрипцией, отражающей варианты фонем.

Долгота *ā* в фонологической записи согласно выводам, сделанным в очерке, обозначается лишь в тех случаях, когда она не зависит от фонетического положения, т. е. когда она несомненно является фонологической, а именно: в односложных словах перед одним согласным и в неударенном открытом слоге (случаи заместительной долготы).

Долгота же позиционно долгого *á* (в односложных словах перед двумя согласными и в ударном исходе слова) не обозначается, за исключением единичных случаев, когда и в этих положениях встречается противоположение *a* и *ā* (*aga* 'если' и *agā* 'бодрствующий').

Тексты №№ 1—2 записаны от Азизова (студента 1-го курса учительского института, уроженца селения Мотраун) осенью 1949 г.

Текст № 3 записан от Бабаева (слушателя Партийной школы, уроженца селения Джамак) осенью 1948 г.

1

1. vad yo na vad, wû počó vad. wáy-me wû ðoyd, wû véréd vad. xúd-xo ki šod (y)i wû je, ma xi jayán-ay xi ðoyd keg. way véréd-xo qār mad. wû nav počó šod ýiw, ma xi jayán-ay xi ðoyd tain keg. way véréd daráw xi vérédi ðoyd ajárd jalodén-ra, jalodén-ra-ay laft ki: „yasít, žanft žə-dím“. dáraw jalodén zəxt-at, wadów-əf ím-ra ðed, awád-əf ž-im əm wû səndəq, ayéd-əf gér-əf keg.

2. Məló Miršakár ma wû ýázi péréd-ay-xo x̣^oant. wínt-ay ki wû səndəq-əf na počóyi málá vég-ata gér-əf keg. daráw Məlo Miršakár šod xi múm-ra, laft ki: „o múm, za badém: na počóyi málá-əf wû səndəq mol vég-əf, gér-əf keg. dagamá ki áz a-tów-an zəndá, — móx-ra u bas“.

3. daráw-an šod, gəri ýāx ow keg, səndəq-əf nəməšt, way ýāx-əf ki ow zeg, wû ýáčági xəsrí ýa əndarəni səndəq. daráw-ay kəmpír xi ðúst ma mi kawð ayéd ki: u-da ýa nafás xəráxt. daráw-əf ž-im Məló Miršakár-a way múm ayéd i kúd, ýáčág-ra-əf darów-a-dərmén keg: u mad siyát. ž-im-ay Məlo Miršakár west.

1

1. Было ли не было, был один царь. У него была дочь и брат. Когда сам он отправлялся куда-нибудь, то вместо себя оставлял дочь, и брат его вознегодовал. Однажды царь отправился на охоту и на свое место назначил дочь. Тогда его брат отдал дочь своего брата палачам, сказал палачам: „Возьмите, убейте ее“. Тогда палачи схватили ее, побили, бросили в сундук, отнесли и закопали.

2. Как раз Мулло Миршакар читал подле одного орехового дерева. Он заметил, что из царского двора вынесли какой-то сундук и закопали. Тогда Мулло Миршакар пошел к своей бабушке и сказал: „Пойдем-ка, бабушка, — из царского двора вынесли целый сундук добра и закопали; пока мы с тобой живы, нам этого хватит“.

3. Тотчас они отправились, раскрыли могилу, вытащили сундук, открыли его, а в сундуке красивая девушка. Тотчас старуха положила руку ей на сердце, а она еще дышит. Мулло Миршакар и его бабушка тотчас отнесли ее в дом, дали девушке снадобий и лекарств, и она поправилась. Мулло Миршакар взял ее в жены.

4. wáqti ki émi ded na ýiw yāt, kúxt-ay ki: ni ðoyd na yást. daráw laft ki: „ni ðoyd ká mad?“. way vred laft ki: „ž-im-ay warǵ xúǵ“. réð-ay počó laft ki: „ar šetú kiyá ki ni ðoyd-at tu nobéd kiyá“.

5. way ðoyd daraw wú dáxti suxtá wāð wáy-ra nēmēštá, ži-wáy-ay géləgəlzór kég. əndár-ay əm du daxt qəlá-ay biréd ki, na xi dédi qəlá xidardúr.

6. wáxti ki émi ded du daxt šetú šod ýiw, du daxt suxtá vad, na-ž-əndá ki yāt, kúxt-ay: na way obodiyáð-ay xidardúr. yāt xi kúð-je, láft-ay ki: „e wazirén, waziráy kənít, e awsaqolén, awsaqoláy kənít, kí du dáxti xabúr-da mó-ra varít?“. daráw wú kəmpír laft ki: „āz!“. kəmpír daráw šə-xúð fəsón kég, ma varág-əf ž-im səwér kíg-a yat i yu dáxt-je.

7. yāt, frapt ta Məlo Miršakári kúð. daráw-ay Məllo Miršakár šod, émi avdén-ay nəyúð ki: fəndanín. way xatón laft ki: „im kəmpír xer wayrón-da kəxt“. way xatón daráw ž-im ma baytál čap səwér kég-a vúst-ay, vərgáð-ay ow kég pəšá baytál. kəmpír šod, nimjén pətá počó fərápt.

8. počó laft ki: „aná, u yóǵa ǵačǵ vədál kəmpíri bečorá-ay šetú kég!“. daráw počó Məlo Miršakár-ra xát-ay ažómt ki: „ti xatón-u jaláb“. Məlo Miršakár daráw ž-im dəri xex wiðd. ǵačǵ yāt ba-qádi xex, daráw wú musafédi xaskáš ž-im pəxeýd ki, kúxt-ay: zindá u ǵa. daráw-ay émi kál kəlapé kég: xex na-ž-im bəxtóǵd, — wəxyér mad.

4. Когда ее отец вернулся с охоты, посмотрел: нет моей дочери. Тогда он сказал: „Куда девалась моя дочь?“. Его брат сказал: „Ее волк съел“. Царь сказал: „Как бы там ни случилось, а дочь мою ты погубил“.

5. Его дочь провела на одну из голых (выжженных) степей канал и сделала из нее цветущий сад. В этой степи построила такой дворец, что лучше отцовского дворца.

6. Когда ее отец ехал этой степью на охоту, эта степь была голая, а когда возвращался, — посмотрел: она лучше его владений. Вернулся он к себе домой, сказал: „Эй везиры, везирствуйте, эй старшины, старшинствуйте! Кто об этой степи мне весть принесет?“. Тогда одна старуха сказала: „Я!“. Старуха тотчас принарядилась, ее посадили на лошадь, и она отправилась в ту степь.

7. Добралась до дома Мулло Миршакара. Мулло Миршакар тотчас пошел, принял поводья: помогу, мол, сойти. Его жена сказала: „Эта старуха селения разрушает“. И тогда его жена посадила ее задом наперед на кобылу и привязала, а за кобылой пустила жеребцов. Старуха полуживая добралась к царю.

8. Царь сказал: „Вон она какая оказалась, эта девушка! С бедной старухой что сделала!“. И царь послал Мулло Миршакару письмо: твоя-де жена — распутница. Тогда Мулло Миршакар бросил ее в воду. Девушка поплыла по воде. Один старик-дровосек ее вытащил, посмотрел, а она живая. Тотчас он запрокинул ей голову, — вода из нее вылилась, и она очнулась.

9. Məllo Miršakár dar áqqi im xi xatén qalandár mad. daráw kəlóyi qalandaráy-ay awád ma xi kál, andóγd-at, dəri xer ded.

10. daráw wú počóyi poc yat i píri xaskáš kúd ki wint-ay ki: píri xaskáš-me wú dóγdi xəsrí. daráw šod xi déd-je, láft-ay ki: „o ded, tow mó-ra xatén dad“. way ded laft ki: „xədó-ra šəkr ki, ni poc qatól mədá. kí-at ki tu γu, az tí-ra dađín!“. daráw-ay way poc laft ki: „mó-ra tow píri xaskáši dóγd-a dađáy“. počó laft ki: „mún yu-dédama píri xaskáš-me dóγd na wintá“. way poc laft ki: „mún wintá píri xaskáš-me dóγd“.

11. daráw-ay počó odám ažómt i píri xaskáš-je ki: xi dóγd dađd ni póc-ra. píri xaskáš laft ki: „ow, dađín-da“. du γačág laft ki: „ba yu xərt-a wex kənin ki ənkó səndəq mó-ra tawd ki, hex na čik^ot“. daráw-ay wústa-đen vəg, wú səndəq text-əf ki, xəx-xo na čak^ot. daráw-ay xojá ažómt ki sér-da dawóm kənit.

12. cūy šáb-at cūy mið sér-əf nəyúd, γačág-əf vəg émi wex kúd; dow šáb-at dow miði dəgé-əf du γadág kúd sər niyúd. šábi cūyém éfi xúdm-ay γačág vüst. šerəkáθ-ay du γačág əm səndəq awád, bərobári šab səndəq-ay zext, yāt i xəx-je. xi káfx-ay ma kəpi kál lāy kəg, səndəq-əndá daγd, səndəq-ay fərsábd, səndəq qatáy ded əm hex.

13. sāráy-yan podžó bədiyó əndóγd-an ki: γačág na yást. počóyi poc dar áqi im qalandár mad. dəri xer dəd-at sərəq kənárm šod.

9. Мулло Миршакар из-за своей жены стал каландаром (странником), надел на свою голову каландарскую шапку, отправился странствовать.

10. Вскоре один царевич попал к дому дровосека и увидел, что у старика-дровосека красивая дочь. Тотчас отправился он к своему отцу, сказал: „Отец, дай мне жену“. Его отец сказал: „Благодарение богу, мой сын стал уже взрослым! Какая тебе понравится, ту я тебе дам“. Тогда его сын сказал: „Ты мне дашь дочь старика-дровосека“. Царь сказал: „До сих пор я не видел дочери у старика-дровосека“. Его сын сказал: „Я видел“.

11. Тогда царь послал людей к старику-дровосеку: пусть, мол, отдаст свою дочь за моего сына. Старик-дровосек сказал: „Хорошо, отдам“. Девушка сказала: „Я вот с каким условием выйду замуж; пусть он мне такой сундук сделает, чтобы вода не просочилась“. Тотчас он привел мастеров, они такой сундук вытесали, что и вода не просочится. Тотчас послал ходжу, чтобы начинали свадьбу.

12. Три дня и три ночи праздновали свадьбу, и девушку привели в дом мужа. Еще два дня и две ночи праздновали свадьбу в доме юноши. На третью ночь девушка наслала на них сон (связала их сон). Девушка положила в сундук лепешек, в полночь взяла сундук и пошла к реке, положила свои туфли на камень, вошла в сундук, сундук закрыла и вместе с сундуком бросилась в воду.

13. Наутро царь со свитой встали, а девушки нет. Царский сын стал из-за нее каландаром, отправился на поиски, странствовать.

14. ʔačáǵ ba qádi xex šod ém sændáq. ém wũ gərðév mán mad, gərðánt-ay-xo du sændáq. Məlo-bačá na maktáb-je yāt ba-qádi səxaxláv ki: wũ sændáq-da ʔa ém xex gərðínt. daráw-ay xi varág vúst, yāt sændáq-ay nəyúd, kəp-ay zəxt ki: sændáq-ra dayín ki, ém dáy-ay číg? daráw na sændáq ləv nəmóxt ki: „qarí, az ʔóéin!“ ʔád-ay, nəmóxt. Məlo-bačá ki ž-im wint, na xi úš bi-úš mad.

15. ʔačáǵ daráw way múzá-ay nəǵóst, way xəftén-ay na way taná awád, nəǵóst-ay; way dəstér-ay awád ma xi kál, ma way varág mad səwér, way bədú wiðd dər xi gərðán-a šod. Məlo-bačá ki əndóǵd: na-u way múzá, ná-u way varág, na way dəstér, na way bədú. Məlo-bačá mad dar áǵi im qalandár.

16. daráw ʔačáǵ səwér mad, šod dər wũ ʔéri digé. šód-a-šód ki: wũ jəndá ʔa čəl qaračǵi. fərapτά if, láft-ay ki: „təmóx-ta wandá či kār kənit?“ if laft ki: „móx-an Məlo Miršakári xatén ʔəkərém“. daráw-ay im laft ki: „áz-əm Məlo Miršakári xatén. áz-a təmóx čəltán-ra-da na fəripín. wũ nəxaná nidánit, kási ki na yuryá ma xex i duryá peð wiðd, xi pačáq-ay mó-ra vəg, áz-a wáy-ra wex kənin“.

17. daráw-əf čəl qaračǵi nəxaná nidánt, peðáð-əf wiðd, šód-an ki: xi pačáq varém; zəbód-an dəri xex. yu ʔačáǵ xi varáǵi xaláq lāy keg, if-me wũ waráǵi xəb səwér mād-ata, šod. čəl qaračǵiyád-an na duryá ki yat: na u éfi varág, na du ʔačáǵ. if-an-ja mad dar áǵi im qalandár.

14. Девушка плыла по воде в сундуке, но в одном водовороте задержало, закрутило сундук. Мулло-бача возвращался из школы берегом: какой-то сундук по воде крутятся. Он тотчас привязал свою лошадь, пошел, вытащил сундук, взял камень: разобью, мол, сундук, — что в нем? Тогда из сундука послышался голос: „Постой, я открою“. Открыла, вышла. Мулло-бача, как только ее увидел, лишился чувств.

15. Девушка тотчас надела его сапоги, сняла с него кафтан и надела на себя, надела себе на голову его чалму, села на его коня, повесила на шею его ружье и поехала. Когда Мулло-бача поднялся — ни сапог, ни коня, ни чалмы, ни ружья нет. Мулло-бача стал из-за нее каландаром.

16. Девушка тотчас села верхом, отправилась в другую страну. Ехала-ехала, а в одном месте сорок разбойников. Она подъехала к ним, спросила: „Вы здесь что делаете?“. Они сказали: „Мы ищем жену Мулло Миршакара“. Тогда она сказала: „Я — жена Мулло Миршакара, я за вас за сорок человек не пойду. Вы наметьте цель, и кто с этой стороны на ту сторону через реку выстрелит и пулю свою принесет мне, за того я выйду замуж“.

17. Тотчас сорок разбойников наметили цель, выстрелили и пустились: принесем, мол, свою пулю. Бросились в воду. Девушка оставила свою плохую лошадь, села на их хорошего коня и уехала. Сорок разбойников вернулись с той стороны: ни коня нет, ни девушки. И они тоже стали из-за нее каландарами.

18. ʔačáǵ ki šod, əm ɖow-cũy qisłóǵ wəráyɖ, šod dər wũ šár ki: əm du šár ʔa wũ počó migá, xəróki počó-da ɖaðán. daráw xərók ɖed, bád na xərók-əf počó-xo niyúɖ. odamén jām kég, x°ačk to qatól jām kég. bózi dawlát-əf ki wiðd, šod, na du ʔačáǵi kál nəyúst. daráw ž-im je kég na-ž-əndá ki: məzofír, — awqót ki xũg, i wũ jəndá bāt.

19. ʔačáǵ šod əm wũ kəmpíri kúɖ. vé-əf bózi dawlát wiðd ki šod rəjón pān, ma du ʔačáǵi kál nəyúst. vé-əf na-ž-əndá ž-im nəməšt. ve šod wũ jəndá, əm wũ daxt, əm wũ kúɖ daɣɖ. vé-əf wiðd bózi dawlát, ve šod ma əmi kál nəyúst. yu səfár-əf ž-im vəg, počó-əf niyúɖ.

20. im laft ki: „ba yu xərt-a počoáy kənin ki gápi ki mún ɖed, təmóx gápi digé na ɖadit“. if qabúl kég, ž-im-əf majlis qabúl kég. počó (im) ve laft ki: „wũ nasihat təmóx-ra kənin: agár odámi begoná dər yu šár yāt, varit ta mún, búda āz wáy-ra ruqsat ɖadín“. qabúl-əf əmi gap kég.

21. yaǵon ɖow-cũy mast wəráyɖ, kúxt-ay ki Məlo Miršakár-əf vəg, daráw-ay žə-wáy ayéd, bánd-ay kég. bád na-ž-wáy xilák wáxti digé, kúxt-ay ki počoýi póc-əf vəg. žə-wáy-ay-ja vəg, áps-ay kég. wũ másti dəgə wəráyɖ, vé-əf vəg Məlo-bačá, bád na Məlo-bačá čəl qaraqči-əf vəg, čəl qaraqči-ay-ja ayéd áps-ay kég.

22. wũ sawɖ wəráyɖ, nəməšt-ay ž-if, pisáj-ay rikór awád. ɖow wást-

18. Девушка же поехала, проехала два-три селения, прибыла в один город, а в этом городе царь умер: подают царское угощение. Подали угощение, а после угощения царя выбирали. Люди собрались от мала до велика. Как только выпустили царского сокола, он полетел и сел на голову девушки. Тотчас ее прогнали оттуда: странник, мол, — угощения поел, пусть теперь в другое место идет.

19. Девушка пошла в дом к одной старухе. Опять выпустили царского сокола, он пролетел через окошко в крыше и сел на голову к девушке. Опять ее прогнали оттуда. Отошла она в одно место в степи. Опять выпустили царского сокола, снова он полетел и сел на голову девушки. На этот раз ее привели, назначили царем.

20. Она сказала: „Я с тем условием буду царствовать, что какое бы слово я ни сказала, вы бы мне не перечили“. Они согласились, и все собрание ее признало (царем). Царь (она) сказала еще: „Я даю вам одно поручение: если какой-нибудь чужой человек появится в этом городе, ведите ко мне, а потом я отпущу его“. С этими словами согласились.

21. Прошло два-три месяца, смотрит: привели Мулло Миршакара. Тотчас она его отвела в заключение. Потом через некоторое время смотрит: привели царского сына. Его она тоже отвела в заключение. Прошел еще месяц, привели Мулло-бачу, а после Мулло-бачи привели сорок разбойников.

22. Прошел год, она их вывела, приступила к допросу. Всех сорока

ata-cúy tán-ay nəmóšt, katír-ay niðánt. awál-ay na Məlo Miršakar pist ki: „tów-at čig bi qalandár mad?“.

23. way laft ki: „áz-əm xi mûm qatáy wû jendá vad ki na počóyi adawél wû səndəq vэг-əf jalodén, ata gér-əf keg. áz-əm xi mûm qatáy šod ki, kúxt-əm wû ʔaçág-u əm way. daráw-əm xi dúst ma mi zawð awád ki: əmi zawð-da ʔa zəbánd. ayéd-əm tabibáy-yəm keg: siyát mad. penj—xu mið im qatáy zindagonáy keg, počó xat ažomt ki: ti xatén-u jaláb. mûn daráw ž-im dəri xex wiðd. dar áqi ím-əm mad qalandár“.

24. du ʔaçág pist: „xi dúst ma im na awád?“ . láft-ay ki: „mó-ra u ba-jóyi nán-a-š^oárg“ . láy-ay keg pətá if.

25. vэг-ay ve počóyi poc. láft-ay ki: „tów-at dar xəsúsi či qalandár mad?“ . počóyi poc laft ki: „áz-əm šod i píri xaskáši kúd ki: wáy-me-u ʔa wû doyd. yát-əm i kúd, xi déd-ra-əm laft ki: «mó-ra wû xatén dád». odamén-ay jām keg ni ded, awrát-o-wexén, láft-ay žə-mún ki: «xəš kən kadím ki ʔú-at, áz-a tí-ra dádín». mûn laft ki: «mûn píri xaskáši dód-əm ʔu». počó laft ki: «mûn píri xaskás-me doyd na wintá». mûn laft ki yast. ni ded šod, píst-ay mó-ra, túy-an keg cúy mið-at cúy šab. ni xatén šabi čorəm móxi xudm vúst, də səndəq qatáy bid. áz-əm mad qalandár“.

26. Məlo-bačá-ay vэг. žə-wáy-ay-ja pist ki: „tów-at čig bi qalandár mad?“ . way laft ki: „áz-əm na š^canáj yát səxaxláv ki: wû səndəq-da ʔa

трех человек вывела, посадила в ряд. Сначала она спросила Мулло Миршакара: „Ты почему стал каландаром?“.

23. Тот сказал: „Я был со своей бабушкой в одном месте, когда из царского двора палачи вынесли сундук и закопали. Я со своей бабушкой пошел, посмотрел,— в нем красивая девушка. Тогда я положил руку на ее сердце, а сердце у нее еще бьется. Я ее взял, полюбил ее, она поправилась. Прожил я с ней дней пять-шесть, как царь прислал мне письмо: твоя, мол, жена распутница. Тогда я тотчас бросил ее в воду. Из-за нее я стал каландаром“.

24. Девушка спросила: „Ты не посягнул на нее?“ . Он сказал: „Она у меня вместо матери и сестры“ . Она отпустила его к остальным.

25. Тогда она вызвала царского сына, сказала: „Ты почему стал каландаром?“ . Царский сын сказал: „Я зашел в дом к старику-дровосеку, а у него—дочь. Я вернулся домой, сказал своему отцу: «Дай мне жену». Мой отец собрал людей, женщин и мужчин, сказал: «Выбирай, какая тебе понравится, ту я тебе дам». Я сказал: «Я хочу дочь старика-дровосека». Царь сказал: «Я не видал у старика-дровосека дочери». Я сказал, что есть. Мой отец отправился, попросил за меня; свадьбу играли три дня и три ночи. На четвертую ночь моя жена наслала на нас сон и вместе с сундуком исчезла. Я стал каландаром“.

26. Вызвала Мулло-бачу. Спросила у него: „Ты почему стал каландаром?“ . Тот сказал: „Я возвращался с ученья берегом, а по воде

ba-qádi xex garđint-a zayd-a. daráw-əm šod, səndəq-əm nəməšt, kúxt-əm ki čak-u. réð-əm kəp zext ki: daín wáy-ra,—ləv nəmóxt ki: «qarı, áz ǰ°əin!». ǰ°ád-ay, mún ki ž-im wint, na yód-əm bi-yód mad. ni varág zext, ni múzá, ni gūj nəyóšt-a bid. áz-əm dar áqi im qalandár mad“.

27. čəl qaraqči-ay wəg ki: „təməx-əf čig bi qalandár mad?“. if laft ki: „móx-an wú jəndá nistá-an vad ki wú səwér yāt. mox pist ki: «tów-at ki?». im laft ki «áz-əm Məllo Miršakári xatén». mox laft ki: «móx-ra-da wex kənáy?». im láft ki: «áz-a agár wex kənín, wúg yorá. agar təməx na yúryái xex i dúryá peð wíðit, kadím yoki xi pačáq mó-ra wəg, áz-a wáy-ra wex kənín». mox peð wíðd, šód-an i dúryá. im xi varági nobób lāy kiyá, móxi varági tiz zextá-at šədə. móx-an dar áqi im qalandár mad“.

28. Məllobačá, počoi poc, čəl qaraqči-ra-ay počó ruqsát ded. Məlo Miršakár-ay zéxt-at šod xi jayán-je. əndarəni xilwatxoná-ay ayéd, píst-ay ki: „tu dəmbá šáráð tųyd, xi xatəni monánd-at na wint?“. way laft ki: „na“. vé-ay pist počó ki: „əč-ki-da monándi xi xatén. na wənýy?“. Məllo Miršakár laft ki: „agár žanáy žə-mún, počó, ni xatəni monánd-at tu yast“. daráw-ay im xand, láft-ay ki: „ti xatén-əm nak-áz“ daráw əndá if kanor-giráy kəg.

29. odamén-ay way xatén jām kəg, láft-ay ki: „penj — ǰu sáwð-əm təməx-ra počoáy kəg, ozir mó-ra ruqsát daðit, áz-a xi wex qatáy i kúd badín“.

какой-то сундук крутится. Я тотчас пошел, вытащил сундук, посмотрел: он заперт. Тогда я взял камень: разобью, мол, его, как слышался голос: «Постой, я открою». Открыла, и как только я ее увидел, лишился чувств. Она взяла мою лошадь, надела мои сапоги и мое платье и исчезла. Из-за нее я стал каландаром“.

27. Вызвала сорок разбойников: „Вы почему стали каландарами?“. Они сказали: „Мы расположились в одном месте, как подъехал один всадник. Мы спросили: «Ты кто?». Он ответил: «Я жена Мулло Миршакара». Мы сказали: «Выйдешь за нас замуж?». Она сказала: «Если я пойду замуж, то за одного; вы с этой стороны реки на ту сторону выстрелите, кто мне принесет свою пулю, за того я и выйду». Мы выстрелили, отправились на ту сторону. Она оставила свою плохую лошадь, ваяла нашего быстрого коня и уехала. Из-за нее мы стали каландарами“.

28. Мулло-бачу, царского сына и сорок разбойников царь (т. е. она) отпустила. Мулло Миршакара взяла и отправилась к себе. Ввела в покои, спросила: „Ты все страны прошел, не видел ли похожей на свою жену?“. Он сказал: „Нет“. Царь (она) опять спросила: „И никого похожего на свою жену не видишь?“. Тот сказал: „Если ты и убьешь меня, царь, на мою жену ты похож“. Тогда она рассмеялась, сказала: „Я и есть твоя жена“. Тогда они обнялись.

29. Его жена собрала людей, сказала: „Пять или шесть лет я царствовала, теперь меня отпустите, я со своим мужем отправлюсь домой“.

mardám-əf laft ki: „tów-at móx-ra bisyór počóyi xəb-at vad“. im laft ki: „ar kár-da mit ki, mó-ra ruqsat dəđít, āz xi wex qətay badín“. dərəw-əf if im-ra ruqsát ded.

30. Məllo Miršakár xi xatón qatáy dəri pand ded. wú mast ba-qádi pand ráyd-an, šod, kúd-je-yan fərápt. Məllo Miršakár xi kúd-ay ki kúxt: verón-valód. way mûm migagín wa árči gáđi way bidagín. daráw if xi obo-dáy soz keg, mól-ə-məlk obód keg, əndá-əf zindagonéy keg, ba muród-a maqsád-a fərápt.

2

1. vad yo na vad, wú podšó vad. wáy-me vad dow wazír. wazíri đústi razg Alqaš wazír, wazíri đústi čap Xoja-bizanjábili akím. if-an lap jurá vad. wu míθ-an šod sayl i wú daxt. wazíri đústi razg pəxóvd, wazíri đústi čap agá vad. Xoja-bizanjábili akím kúxt-ay kí wú ɣawák na wú diwél sadó kənárm yāt i way ɣəvón-je. cûy nav ənkó sadó kənárm yāt.

2. u əndóyd, šod i du diwél-je; dow-cûy ɣár-ay zext, wú dəvúr ót mad. dəvúr-ay ki x°ad, wú kúd qatól čer-rāžay vad. ma wú rāž tiló, ma wú rāž tangá, ma wu rāž lal, ma wú rāž jawoír. yāt, xi vərədíg Alqaš wazír-ay agá keg. ar-dəw-an šod dər du kúd.

3. Alqaš wazir ki wint, láft-ay ki: „áz-a šə-tú žanín“. — „čér-da žanáy?“.

Люди сказали: „Ты для нас очень хорошим царем была“. Она сказала: „Как бы то ни было, а меня отпустите, я уйду со своим мужем“. Тогда они ихпустили.

30. Мулло Миршакар со своей женой пустились в путь. Месяц находились в дороге, шли и добрались до дому. Мулло Миршакар посмотрел на свой дом, а он разрушен; бабушка его умерла и все добро пропало. Тогда они хозяйство свое восстановили, владения благоустроили, и жили там, и цели и стремлений своих достигли.

2

1. Было ли не было, был один царь. У него было два везира. Везир правой руки — Алькаш-везир, везир левой руки — Ходжа-бизанджабель-хаким. Они были большими друзьями. Однажды они отправились на прогулку в одну степь. Везир правой руки заснул, везир левой руки — Ходжа-бизанджабель-хаким — бодрствовал. Ходжа-бизанджабель посмотрел: со стены, жужжа, подлетела оса к его уху. Три раза она так, жужжа, прилетала.

2. Он встал, пошел к этой стене, вынул два-три камня; показалась какая-то дверь. Когда он открыл дверь, там оказался большой дом с четырьмя отделениями: в одном отделении — золото, в одном отделении — серебро, в одном отделении — драгоценные камни, в одном отделении — всякие драгоценности. Он пошел, разбудил своего побратима Алькаш-везира. Оба они пошли в то помещение.

3. Алькаш-везир, как только увидел, сказал: „Я тебя убью“.

láft-ay ki: „tów-da yu xazináyi γow(?) nēməčáy“. Xoǰa-bizanǰabíli akím laft ki: „áy-u ki xaziná kél-ra bas“. Alqas wazír laft ki: „ar-kár-da mit ki áz-a šə-tú žanín“.

4. Xoǰa-bizanǰabíl akim láft-ay ki: „agár žə-mún-at žüd, dow taqáy tilló-a-tangá ni xatén-ra ayás, laf ki: ti wex áj šod“. bád yóγ-ay laft ki agár poc mad, way nēm Ləqmóni-akím kəxt, agár doγd mad, či ki kég-ay. Bád Alqas wazir way kál γarn zəxt.

5. bád na nu mast, nu mið way xatén-je mad poc. way tādí Xoǰa-bizanǰabíli akím way nān way nēm kég Ləqmóni-akím. u čanón bačáyí ba-áqla-serqád vad ki, way wũ mast qádi wũ sawð bacá vad.

6. bád qatól mad, way nān laft ki: „poc, ti ded mó-ra wũ tačáy tilló, wũ taqáy nəqrá ažómt-ay. bad, mó-ra na bóy-je doγún var“. u šod non bóy-je, láft-ay ki: „doγún mó-ra ajár!“. boy laft ki: „āy aǰab doγúni arzón ki, āz jámi saǵír-kabír-a jarín“. Ləqmóni akím laft ki: „áz-a badín pətá počó, lafín-da ki ti doγún-da kélra búx kəxt“. nonbóy γád-ay žə-wáy, láft-ay ki: „za, čon ki γú-at, āz tí-ra jarín“. ajárd-ay wáy-ra xu doγún, zəxt-a šod xi nān-je.

7. way nān ve láft ki: „o poc, dáy-ra gəxt darkór“. ve šod qasób-je, láft-ay ki: „o qasob, mó-ra gəxt ajár!“. qasób laft ki: „āy aǰab gəxti arzón ki, áz jámi saǵír-a-kabír-a jarín“. Ləqmóni akím laft ki: „áz-a badín

„Почему убьешь?“. Тот сказал: „Ты эту казну выдашь“. Ходжа-бизанджабиль-хаким сказал: „Это такая казна, что на всех хватит“. Алькаш-везир сказал: „Как бы то ни было, а я тебя убью“.

4. Ходжа-бизанджабиль-хаким сказал: „Если ты меня убьешь, то снеси две тибетейки золота и денег моей жене и скажи, что твой муж отправился в паломничество“. И еще он сказал: „Если родится сын, пусть она даст ему имя Лукмон-хаким, а если родится дочь, то как бы ни назвала“. Тогда Алькаш-везир снял с него голову.

5. Через девять месяцев и девять дней у его жены родился сын. По завещанию Ходжа-бизанджабиля его мать дала ему имя Лукмон-хаким. И такой это был умный и рослый мальчик, что уже в месяц он был как годовалый.

6. Потом он вырос, мать ему сказала: „Сын, твой отец прислал мне одну тибетейку золота и одну тибетейку серебра; поди, принеси мне от купца хлеба“. Он пошел к хлебнику, сказал: „Дай мне хлеба“. Купец сказал: „Какой это дешевый хлеб, только мне и раздавать всем и каждому!“. Лукмон-хаким сказал: „Вот я пойду к царю, скажу, чтобы он разделил на всех твой хлеб“. Хлебник вернул его, сказал: „Иди сюда, я дам тебе сколько ты хочешь“. Дал ему шесть хлебов, (тот) взял и пошел к своей матери.

7. Мать сказала: „Сын, к нему мясо нужно“. Он пошел к мяснику, сказал: „Мясник, дай мне мяса“. Мясник сказал: „Какое это дешевое мясо, — только мне и раздавать всем и каждому“. Лукмон-хаким ска-

ta počó-da, laffin ki ti góxt-ay kál-ra búx keg". qasób laft ki: „γ^oafs, čon ki γú-at, záz“. zéxt-a šod xi nán-je.

8. way nān laft ki: „dáy-ra sawzí darkór“. šod ki wu kəmpír pətá sawzí. láft-ay ki: „mó-ra sawzí darkór“. kəmpír šod dər sawzí. Ləqmóni akim wint ki: wū maw. mex ów-ay keg, maw šod dər sawzí. kəmpír ve wəg ž-im, méx-ay đed. vé-ay ow keg Ləqmóni akim. maw ve šod, əm sawzí dayd. cūy náv-ay ow keg, kəmpír wū kəp zext đéd-ay máw-ra, — mək.

9. Ləqmóni akim laft ki: „cūy móli alól-at aróm keg!“. Alqaš wazír na ark fūd, láft-ay ki: „āy šətú cūy móli alól aróm mad?“. Ləqmóni akim laft ki: „áy-ay xūd wūg maw, əndé mi šam đow boc: wūg-u nar, — xūd-u wūyn, əmi madón-u roxn; wūg-u mayá: xūd-u wūyn, əmi kál-u roxn“. Alqaš wazír laft ki: „áy-ay bisyó γaðəgi donó, áy-da xi dédi mərəj way žanaž axir-a wzant“.

10. daráw-ay žə-wáy řalodén-ra ařard ki: „žə-dáy žanít, day dəl-řəgár pařít, mó-ra varít, az x^oarín, bi dəřmán-da vin“. řalodén zéxt-a šod dər wū dařt ki: žanóm na-ž-wáy. wū kəmpír láft-ay ki: „žə-dáy na žanít, mú-me wū wadág na xi nān mədə, ma mūn-da rak^ot. əmi góxt-u na-ž-dáy góxt či mazadúr!“. daráw řaladén du wadág k^ooxt, əmi dəl-řəgár-əf əm rořén deř keg, ayéd-əf, Álqaš wazír-a-f đed. way laft ki: „áz-əm bi dəřmán mad“.

зал: „Вот я пойду к царю, расскажу, он и разделит на всех твое мясо“. Мясник сказал: „Вернись, возьми сколько хочешь“. Он взяла и пошел к матери.

8. Мать сказала: „К нему морковь нужна“. Он пошел, а как раз одна старуха возле моркови. Он сказал: „Мне морковь нужна“. Старуха пошла в морковь. Лукмон-хаким смотрит: какая-то овца. Он выдернул колышек, она пошла в морковь. Старуха привела ее обратно, вбила колышек. Снова он вытащил. Овца опять пошла, забралась в морковь. Три раза он высвобождал (колышек). Старуха взяла камень, ударила овцу, — (та) околела.

9. Лукмон-хаким сказал: „Ты трех чистых животных погаными сделала“. А Алькаш-везир шел из дворца; он сказал: „Это почему стали погаными три животных?“. Лукмон-хаким сказал: „Одна — сама овца, а в утробе у нее два детеныша: один самец — сам черный, а по поясу белый, и одна самка — сама черная, голова белая“. Алькаш-везир подумал: „Этот парень очень умный, он в конце концов о смерти своего отца, об его убийстве узнает“.

10. Он тотчас отдал его палачам: „Убейте его, сердце и печень его сварите, принесите мне, я съем, без врага стану“. Палачи схватили его, направились в степь: убьем, мол, его. Одна старуха сказала: „Не убивайте его, у меня один ягненок от матери остался, меня сосет. Его мясо куда вкуснее, чем мясо этого“. Тогда палачи зарезали того ягненка, зажарили на масле его сердце и печень, принесли, дали Алькаш-везиру. Тот сказал: „Я стал без врага“.

11. wû mîʒi vad ki počó xudm wint ki alwó-yay xi ɣáx-je ayéd, wû k'ódi wûʔn na wi ɣáx zgapt. roxn ded, počó xi xudm anúxt. xi waziráʒ-ra, awsaqolén-ra láft-ay ki: „čəl ruz təmóx-ra mulát, agár ni xúdm-əf na vəyúg, áz-a təmóxi kál ɣarn zazín“. ar čón-əf keg ki na vbyúg-əf.

12. Álqas wazír ʒalodén-ra laft ki: „agár təmóx du ɣadág na ʒadá, ú-da počóyi xudm vəzánt“. ʒalodén laft ki: „na ʒadá-an“. odamén-əf ʒaméd ki ú-da počóyi xudm vəzánt, laft ki: „ažamít wû varág ki zayd“. way laft ki: „áz-a ma varág səwér na vin: áy-da ʒə-mún wiðd“.

13. vé-əf wáy-ra ažómt wû axtór, ma ím-ʒa səwér na mad, láft-ay ki: „áz-a ma Álqas wazír səwér vin“. Álqas wazír šod, láft-ay ki: „za, səwér wax“. Ləqmóni akím laft ki: „bi bəđán-da səwér na vin“. daráw bəđán ded, tərang-əf xəráxt, avdén déd-əf əm ɣáx, səwér mad, qamčayáʒ da^harm yát. wask kayza-ay keg, láft-ay ki: „bi mún ni varág weʒ na kəlit“.

14. šod pətá počó, láft-ay ki: „ti xudm yoɣ ay ki: alwói sər-x-at xi ɣáx-je ayéd, k'ódi wûʔn zəgápt“. počó laft ki: „ni xúdm-ay nak-áy“. Ləqmóni akím laft ki: „way tábili xudm yóɣ ay ki: tu xatén wastá, ti xatén-u əm darəni səndəq, íme wû wexúg“. počó šod, kúxt-ay: razg.

15. bāt-ra-n if šod, Álqas wazír-əf ki kúxt: bar-wáxt way ʒen šədə. počó laft ki: „tu ʒ-day šətú keg?“ . way laft ki: „day ni ded əm falón“.

11. Однажды царь увидел сон, что он поднес к своему рту халву, а какая-то черная собака выхватила (ее) у него изо рта. Настало утро, царь забыл свой сон. Он сказал своим везирам и старшинам: „Сорок дней вам сроку; если не узнаете моего сна, я сниму с вас головы“. Как они ни старались — не отгадали.

12. Алькаш-везир сказал палачам: „Если бы вы того парня не убили, он бы узнал сон царя“. Палачи сказали: „Мы не убили“. Послали (к нему) людей, чтобы он отгадал сон царя. (Алькаш-везир) сказал: „Пошлите коня — пусть он придет“. Тот сказал: „Я на коня не сяду, он меня сбросит“.

13. Тогда ему послали верблюда, он и на него не сел, сказал: „Я только на Алькаш-везира сяду“. Алькаш-везир пошел, сказал: „Давай, садись“. Лукмон-хаким сказал: „Без седла я не сяду“. Тогда надели седло, затанули подпругу, вдели в рот удила, он сел верхом, и погоняя плетью, приехал. Привязал его высоко, сказал: „Без меня моему коню сена не давайте“.

14. Пошел к царю, сказал: „Твой сон такой: ты поднес ко рту красную халву, а черная собака выхватила“. Царь сказал: „Мой сон именно такой“. Лукмон-хаким сказал: „Значение же сна таково: ты взял жену, твоя жена в сундуке, у нее мужчина“. Царь пошел, посмотрел, — правда.

15. Потом они пошли, посмотрели Алькаш-везира, а из него давно душа вышла. Царь сказал: „Что ты с ним сделал?“ . Тот сказал: „Он моему отцу в такой-то сокровищнице голову снял“. Он сказал царю: „Давай

haziná-ay way kál γarn zeħt“. podšó-ra-ay laft ki: „taž, badém, ti-ra du haziná aħawín“. počó šod way qatáy ki kúħt-əf: way dédi kál γarn zəħtagín. du hazináyi tilló-tangá zéħt-ata, vóg-əf dər počóyi kúd. počó daráw Ləkmóni akím xi wazíri dūsti razg keg.

пойдем, я тебе ту сокровищницу покажу“. Царь пошел с ним, посмотрели: у его (Лукмон-хакима) отца голова снята. Они забрали из той сокровищницы золото и деньги, принесли в дом к царю. Царь тотчас сделал Лукмон-хакима своим везиром правой руки.

3

СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ¹

Фонологическая запись

1. vād-an yo na vād-an ki cūy vréd-an vad. 2. šow vərəd-an na wū nān, 3. wūg na wū nān. 4. íf-me-an cūy wūs vad. 5. cəgág-da xi wūs payd. 6. qətəlād-ta xud na payán. 7. wū miθ əfi cəldúri vred xi wūs na payd. 8. way vərədár way wūs žúđ. 9. u yāt ki: ni wūs na yast 10. bát-ra ay xi wūs ħəkərd, 11. xi wúsi mərđá-ay vəyúg. 12. zéħt-a šod i daħt. 13. tamoxó-ay keg ki: wū aħtór šə-préd yāt. 14. γadág aħtór niyúđ, wúsi ħ°án-at əmi γ°əđ aħtóri γáħ-ra mald. 15. kúxt-ay ki aħtóri soib yāt. 16. wúsi soib (γadág) dər γərawaj ded. 17. láft-ay ki: „o vréd, ti aħtór ni wūs xüg“. 18. láft-ay ki: „o vréd, dərəγ na lāf, aħtór-da na wūs na x°ard“. 19. láft-ay ki: „əmi γāħ kas ki ħ°ənán-u. 20. áz-da badín pətá qozí-da arz k°ənin“. 21. aħtóri soib laft ki: „arz na bad, ni aħtór ti wúsi qərz-ay“. 22. du γadág ma aħtór səwér mād-a šod. 23. way vərədár kúħt ki: əfi vərəd-u ma aħtór səwér-at yāt. 24. láft-əf ki: „e badbáxt, tu yi aħtór naš-k°ore-at vəg? 25. āy kí-me?“. 26. way laft ki: „ni wús-əf žúđ, 27. mún əmi mərđá vašt, 28. aħtór-əm zeħt“. 29. íf-ja xi wasáθ žadá-əf, əfi mərđá-əf dəri bozór ayéd. 30. odamén-da pisán ki: „áy-ay čig?“. 31. íf laft ki: „áy-ay ni wúsi mərđá, wúsi mərđá-da aħtóri-tú đadém“. 32. odamén laft ki: „e bəaqlād, wúsi mərđá-da aħtóri-tú ki nəyást?“. 33. íf-an na xi kār pəħimén mād-at šód-an. 34. xi wús-əf žúđ, ná-əf aħtór vóg-at na wūs. 35. bát-ra-əf masliát keg ki: „day badbáxt žə mox ibrát ded (|| bās yāt)“. 36. móx-ta day nān žaném. 37. bát-ra-əf way nān žúđ. 38. āy sayirá mad. 39. way xi nāni mərđá ma xúr səwér keg-at, 40. γərawarm yāt wū jəndá. 41. wū wixúg-da γa na pigág kaħtá zəzd. 42. u nəyúst. 43. xúr šod dər(i) kaħtá. 44. kaħtáyi soib γār đed xúr. 45. əmi mərđá na xúr wob ded. 46. du γadág yāt-at, pay γərawaj mad. 47. láft-ay ki: „ni nán-at žúđ, 48. áz-da pətá qozí badín, árz-a k°ənin“. 49. láft-ay ki: „mú-me đow đoyd, 50. wūg xuš kén-at zāz əm xi qarz“. 51. du γadág way kəldúri đoyd zéxt-at šod i kúd. 52. way vradár laft ki: „naš-k°ore-at vəg?“. 53. láft-ay ki: xi

¹ Перевод см. при вариантах шугнано-рушанской группы, стр. 174.

náni mərđá-əm dēd-at, yu ɣačáǵ-əm nəyūd (|| zex̄t). 54. if-ja xi nān žúđ-at, ayéd-əf dəri bozór. 55. odamén ž-if pist ki: „yu mərđá-da šətú kʰənít?“. 56. if laft ki: „xasá ɣačáǵi-tú-da dađém“. 57. odamén vez if-ra izzó dēd-at šód-an i kúd.

Детализованная запись

1. vádan yo na vádan k'i' cūy vrédan vad || 2. đow vrédan na wú nān |
 3. wug¹ na wú nān || 4. ifm¹ an cūy wūs vad || 5. cʰǵáǵ da x¹ wūs pāǵd |
 6. kʰtǵláǵ ta¹ xud na payán || 7. wu miǵ¹ ófi cʰldóri vred¹ x¹ wūs na páǵd |
 8. waj wradár¹ waj wūs žúǵ || 9. u yát ki¹ ni wūs na yást || 10. bátra ay¹ |
 x¹ wūs xʰkórd || 11. x¹ wús¹ mərđá ay vʰyúǵ || 12. zéx̄ta šód i dāx̄t ||
 13. tamǵǵaj¹ keǵ ki¹ wu axtór šʰpred yat || 14. ɣadǵ axtór nīyúd | wúsi
 xʰánat¹ óm¹ ǵóǵ¹ axtóri ɣáxra māit | 15. kóǵtaj ki¹ axtóri soib yát || 16. wúsi
 soib (ɣadǵ)¹ dər ɣʰraváj¹ dēd | 17. láftaj ki | o vréd | t¹ axtór¹ ni wūs xug. ||
 18. láftaj ki | o vréd | dʰrɸ na láf || axtór da¹ na wús na xʰárd || 19. láftaj
 ki | óm¹ ɣáx kəs k'i' xʰnānu || 20. áz da badín pʰtá qozí da¹ árz
 kʰúnín || 21. axtóri soib láft k'i¹ arz na bád | ni axtór¹ t¹ wúsi
 qʰrzej || 22. du ɣadǵ¹ ma axtór sʰwér mádat¹ šód || 23. waj wradár kuǵt ki¹ |
 ófi vréd u¹ ma axtór sʰwérat yát || 24. láftǵ k¹ | e badbáxt | tu y¹ axtór¹ |
 na škʰórejat wǵǵ? || 25. áyaj kímí? || 26. waj láft k'i¹ ni wúsəf žū-d |
 27. mun¹ óm¹ mʰrdá vāšt | 28. axtórəm zex̄t || 29. if ja¹ | x¹ wasáǵ žadáəf |
 ófi mʰrdá¹ dəri bozór ayédəf || 30. odamén da písán ki¹ áyaj čǵǵ? || 31. if
 láft ki¹ áyaj ni wúsi mərđá || wúsi mʰrdá da¹ axtóritu dađém || 32. odamén
 láft ki | e biaqláǵ | wúsi mʰrdá da¹ axtóritu¹ k'i¹ n'yást? || 33. ifan¹ na x¹ kār¹ |
 pəximén mádat | šódan || 34. x¹ wúsəf žūd | na axtór vóǵat | na wūs ||
 35. bátra əf masli^bát keǵ ki¹ daj badbáxt¹ ž^b móx bās yát || 36. móx ta¹ |
 daj nān žáném || 37. bátra əf¹ daj nān žūd || 38. āy¹ sayirá mad || 39. waj
 x¹ ná¹ ni mʰrdá¹ | ma xúr sʰwér kǵǵat | 40. ɣʰrawárm yat wu jindá || 41. wu
 wəxúǵ da ɣā¹ na pigǵáǵ kaǵtá zāzd || 42. u¹ n'yúst || 43. xur šód dʰri kaǵtá ||
 44. kaǵtái soib¹ ɣár dəd xūr || 45. ómǵ mʰrdá¹ na xúr¹ wǵb dəd || 46. du ɣadǵ
 yátat | pay ɣʰrawáj¹ mad || 47. láftaj ki | ni nánat žū-d | 48. áz da pʰtá qozí
 badín | árz a kʰúnín || 49. láftaj k'i¹ || m.ú.m¹ | đow đoyd || 50. wuk xəš kónat |
 zāz əm xə qárz || 51. du ɣadǵ waj qldóri đoyd zéx̄tat¹ šód i kúd || 52. waj
 vradár láft k'i¹ | na škʰórejat wǵǵ? || 53. láftaj k¹ | xə nāni mʰrdá əm dēd |
 yu ɣačáǵi- m n'yūd || 54. if ja¹ | x¹ nān žúǵat | ayéd əf dʰri bozór || 55. odamén
 žif pist ki | yu mʰrdá da¹ šʰtə kʰənít? || 56. if láft ki¹ xasá ɣačáǵetu da dađém ||
 57. odamén ifra izó dēdat | šódan i kúd.

ВАХАНСКИЙ ЯЗЫК

Ваханцы, численностью около 6—7 тысяч человек, сосредоточены в пределах Советского Союза в одном — Ишкашимском — районе, расположенном в верховьях Пянджа в южной части Горно-Бадахшанской автономной области. Будучи, как и все памирцы, двуязычными, многие ваханцы, кроме своего и таджикского языка, пользуются также и шугнанским языком. Но, живя компактной массой, они до настоящего времени хорошо сохраняют свой язык, который, как и язгулямский, является сравнительно монолитным и имеет лишь незначительные говорные отличия.

Ваханским языком занимались больше и дольше, чем язгулямским, однако и по нему опубликованные материалы (начиная с записей Шоу 80-летней давности и кончая последними по времени записями Моргеншерна и Климчицкого)¹ давали возможность составить представление лишь о консонантизме. О составе же гласных фонем по записям названных исследователей судить было нельзя.

Состав гласных фонем в ваханском языке был установлен И. И. Зарубиным.² И. И. Зарубин пришел к выводу, что долгота в ваханском языке не имеет фонологического значения. Кроме того, он определил многообразные и качественно трудно определяемые звуки, обозначавшиеся исследователями в их записях многочисленными знаками, как варианты двух фонем смешанного ряда. В результате, ваханский вокализм определяется им как состоящий из 6 фонем, против обычно употреблявшихся другими исследователями 13—14 гласных (в записях Климчицкого, Моргеншерна, Шоу). Эти фонемы следующие: *i*, *a*, *o*, *u*, *ɤ*, *ɛ*. Две последние характеризованы И. И. Зарубиным как гласные смешанного ряда с очень широким диапазоном.

¹ R. Show. On the Ghalchah Languages (Wakhi and Sarikoli), Journal of the As. Soc. Beng., vol. 45, 1876. — G. Morgenstierne. Indo-iranien frontier Languages, vol. II, 1938, Oslo. — С. И. Климчицкий. Ваханские тексты. Тр. Тадж. базы Ак. Наук СССР, т. III, 1936.

² Система ваханского вокализма, разработанная И. И. Зарубиным, отражена в его подготовленных к печати ваханских текстах, записанных фонологической транскрипцией, а также была изложена им в курсе памирских языков в 1936/37 учебном году в Ленинградском университете.

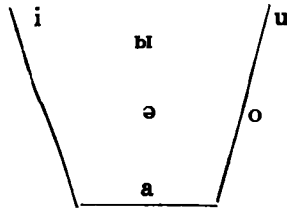
Однако более точной фонетической характеристики, которая выявила бы основной тип артикуляции этих фонем, пределы их диапазона и признаки, противопоставляющие их друг другу, дано не было. Также требовалось уточнение роли длительности гласных и проверка вывода о ее нефонологичности. Не совсем ясным оставался вопрос о наличии фонемы *e*, для выделения которой И. И. Зарубин не видел оснований, но которая обозначалась в записях всех предшествующих исследователей. Таким образом, основная задача по ваханской фонетике сводилась к более детальной характеристике фонем, что в вокализме особенно важно было для гласных *ь* и *э*, а в консонантизме для так называемого ретрофлексного ряда согласных.

Осведомителями при исследовании были ваханцы — студенты Сталинабадского педагогического училища из селений Зунг (Шаджанов) и Птуп (Оламхонов). В работе для определения длительности гласных применялся кимограф и для определения артикуляции согласных — искусственное нёбо.

ВОКАЛИЗМ

СОСТАВ ФОНЕМ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Проведенное исследование целиком подтвердило состав вокализма из 6 указанных фонем, которые по качественной их характеристике могут быть размещены в классификационной таблице следующим образом:¹

Все гласные, в том числе и гласные смешанного ряда *ы* и *э*, под ударением могут быть протяжными, напряженными и полнозвучными (особенно в односложных словах): «*čiz*» 'нечто', «*pān*» 'мать', «*trūy*» 'три', «*sōg*» 'ворох зерна', «*vŷg*» 'груз', «*ēt*» 'открытый'. Наиболее полнозвучной и способной к растяжению фонемой является гласный *а*, который может очень сильно удлиняться в благоприятных фонетических положениях, т. е. не перед глухими смычными. Наиболее удлиненным оно бывает в положении перед *г*: «*ŷāg*» 'камень', «*sāg*» 'делай', «*bār*» 'дверь', «*sār*» 'голова' и т. д. Впрочем, в этом положении до такой же степени могут растягиваться и другие фонемы, но реже. В быстрой речи такого сильного растяжения гласных не наблюдается.

¹ Знак *ы* соответствует в транскрипции И. И. Зарубина знаку *ь*.

Во всяком случае ясно, что в ударенном положении какого-либо фонологического противоположения гласных друг другу по признаку длительности нет: в каждом отдельном случае длительность того или иного гласного определяется его фонетическим положением и отчетливостью произношения.

В неударенных же слогах выявление гласных не одинаково: гласные смешанного ряда *ы* и *э* сильно сокращаются, — в открытых слогах вплоть до редукции, — в то время как остальные гласные даже в открытых неударенных слогах не сокращаются слишком сильно. Таким образом, ваханские гласные при их рассмотрении могут быть разделены на устойчивые (гласные *i*, *a*, *o*, *u*) и неустойчивые (*ы*, *э*), характеризующиеся способностью редуцироваться.

Качественная характеристика ваханских гласных следующая.

Устойчивые гласные *i*, *a*, *o*, *u*

Фонема *i* всегда переднего ряда, назад совсем не продвигается. По подъему ее диапазон колеблется от верхней до 5-й и несколько ниже ступени, т. е. от закрытого «*i*» до открытого «*i*». Первый вариант встречается обычно в соседстве с согласными среднеязычной артикуляции: «*ʒindá* 'сказка', «*yi*» 'один'; второй, более открытый, — в остальных положениях: «*vittə-u*» 'сделался', «*ti*» 'твой' и т. д. В отдельных случаях может возникать и еще более открытый вариант фонемы *i* — закрытое «*e*», что происходит в соседстве с увулярными: «*qeʃi*» 'ножницы'. Но обычно в таких случаях заметно расширяется лишь начало гласного, конец же его попрежнему остается узким, так что получается дифтонгоидное звучание: «*qeʃi*». К тому же при тщательности произношения в таких случаях однородное, более узкое звучание фонемы *i* восстанавливается («*qiʃi*»). Таким образом, основной диапазон фонемы *i* по подъему не слишком широк (от «*i*» до «*i*»), несмотря на то что ей не противостоит какая-либо другая фонема переднего ряда. При таком сравнительно узком диапазоне фонемы *i*, редко имеющей «*e*»-образное звучание, к тому же устраняемое при полном стиле речи, кажется странным обозначение гласного «*e*» в ваханских текстах почти всеми исследователями. Этому появлению «*e*» в их записях можно дать два объяснения. 1) Стремление ваханцев в беседе с пришлыми, чужими людьми давать заимствованные слова не в своем, а в образцовом, т. е. таджикском, произношении (примеры из Климчицкого): *bel* 'лопата', *deqon* 'дехканин'. Во втором примере появлению *e*, кроме подражания, способствует расширяющее влияние *q*. То, что в ряде случаев имеет место именно стремление к образцовому произношению, показывает следующий пример (из записей Климчицкого): *soheb* 'хозяин'. В этом случае ваханец произнес слово на таджикский манер, с несвойственной ему артикуляцией нижнефарингального *h*, под влиянием которого возник

широкий вариант фонемы *i*, обозначенный Климчицким знаком *e*. Произнесение «soheb» было лишь не вполне удачной попыткой передать таджикское *sohib* при своем привычном образе этого слова: «soib». 2) Один из вариантов фонемы смешанного ряда *э* может быть очень передним, давая впечатление открытого «э»: «xáttay» 'он сказал'. Это звучание и могло быть принято за *e* (что постоянно встречается в записях Шоу).

Фонема *a* по преимуществу нейтрального ряда, равная русскому ударенному *a* между твердыми (дал): «nap» 'мать', «mɛrdá» 'труп', «kaʒ» 'парень', «xáttay» 'он сказал' и т. д. В соседстве с согласными со среднеязычной артикуляцией может заметно продвигаться вперед, становясь гласным переднего ряда (вариант «а» или «а̣»): «jau» 'место', «ya dáu» 'тот человек'.

Фонема *o* — гласный заднего ряда, огубленный, открытого типа, образующийся на 3-й ступени подъема. Качественно устойчив и каких-либо заметных вариантов не имеет. Употребляется преимущественно в заимствованных словах: *soib* 'хозяин', *bozór* 'базар', *waʒkdór* 'владелец теленка', *tamoʒ* 'зрелище' и т. д. В ваханских словах употребляется чаще всего в глагольных формах: *góttay* 'взял', *róyday* 'охранял', *pówday* 'заплакал', *wózomday* 'привел'. В других случаях оно встречается сравнительно редко: *sor* 'ворох зерна', *gəndós* 'труп', *ʒor* 'орех', *ʒov* 'тихо', *gəwóɾ* 'день'.

Фонема *u* — гласный заднего ряда, верхнего подъема, сильно огубленный. Качественно устойчив и заметных вариантов не имеет. Примеры на употребление фонемы *u*: *xur* 'осел', *tru(y)* 'три', *lup* 'большой', (*w*)*uz* 'я', *dur* 'живот', 'сердце', *əʒ kuy* 'никто', *bu* 'два', *ruk* 'лоб'.

Неустойчивые гласные *ы*, *э*

Обе фонемы в основном варианте своего звучания являются типичными гласными смешанного ряда, представленными в таблице Л. В. Щербы знаками *ы* и *э*. Оба гласных неогублены. Основным противопологающим признаком для этих фонем является степень подъема. Фонема *ы* — закрытый гласный смешанного ряда, образующийся при отчетливой речи на 5-й ступени подъема или немного ниже, примерно там же, где русское *ы*. От русского *ы* ваханское *ы* отличается тем, что представляет более типичный гласный смешанного ряда, а именно: при артикуляции ваханского *ы* поднимается к нёбу горизонтально вся масса языка вместе с кончиком, русское же *ы* артикулируется с опущенным книзу кончиком языка. Ближе всего по типу артикуляции ваханское *ы* подходит, пожалуй, к долговому туркменскому *ы*, которое тоже представляет типичный смешанный гласный, но несколько более узкий по подъему, чем ваханское *ы*, и обычно дифтонгоидный (от «ы» к «i»: «ы¹»), в противоположность монофтонгичному ваханскому *ы*.

Под ударением, особенно в односложных словах, ваханское *ы* может быть весьма напряженным, полнозвучным и протяжным: «рыд» 'нога', «ыб» 'семь', «выг» 'груз' и т. д., не только не отличаясь в этом отношении от остальных, несмешанных, гласных, но и превосходя иногда некоторые из них (например фонемы *i* и *o*) по напряженности и длительности. При отчетливом произношении ударенное *ы* не является огубленным и артикулируется с растянутыми углами губ. Диапазон ударенного *ы* не очень широк: оно может продвигаться назад или вперед под влиянием окружающих согласных, а также несколько расширяться под влиянием увулярных, а также согласных *г* и *ш*. В результате возникают два крайних варианта ударенного *ы*: 1) продвинутый вперед вариант, напоминаящий закрытое «е» («кыдѣ-w» 'тыква', фонологически *kɨdɨw*) и 2) продвинутый назад вариант «ъ» («къ» 'все'). Однако сильное продвижение вперед и назад не характерно для фонемы *ы*, чаще встречаются лишь слабо продвинутое *ы* в вариантах «ь» (*ы*, продвинутое вперед) и «ы-» или «ъ-» (*ы*, продвинутое назад): «šьw» 'черный', «хы-у» 'сестра'.

В быстрой речи фонема *ы* под влиянием губных согласных может огубляться. Огубленность эта обычно слаба и нестойка, однако для русского уха, очень чуткого ко всякой огубленности, она дает повод воспринимать этот вариант *ы* как «й». Так, в записях Климчицкого¹ имеем в соседстве с губными: *səbūr* 'четыре', *prūt* 'перед', *būlbūl* 'соловей', *kədiq* 'тыква' и т. д.

В безударном положении фонема *ы* сильно сокращается, особенно в открытых слогах, где она может редуцироваться: «k^hɨw» 'тыква', «p^hɨt» 'перед', «d^hgəg» 'ноготь', «w^həp» 'кровь' и т. д. Сокращаясь, неударенное *ы* может расширяться сильнее, чем ударенное, и имеет обычно открытые варианты: более заднего типа — «ъ», «ʌ», более переднего типа — «ь», «ə». В результате, фонема *ы* в безударных открытых слогах может сближаться или отождествляться по звучанию с редуцированным вариантом второго, открытого гласного смешанного ряда — *ə*, так что для их различения в этом положении часто приходится прибегать к отчетливому произношению, где качество обеих фонем восстанавливается.

Примеры на употребление фонемы *ы*: *ryd* 'нога', *vyg* 'груз', *шыг* 'дождь', *vryt* 'брат', *styy* 'встань', *ŷyw* 'корова', *сыбыг* 'четыре', *тыу* 'месяц', *хы* 'свой', *šytūr* 'верблюд', *хы* союз послеглагольный, *рыгыт* 'перед', *мысыят* 'совет' и т. д.

Фонема *ə* — открытый гласный смешанного ряда, образуемый примерно на 3-й ступени подъема и ниже («ə»). В ударенном положении — это вполне отчетливый и не краткий гласный, но по

¹ С. И. Климчицкий. Ваханские тексты. Труды Тадж. базы Ак. Наук СССР, вып. III, 1936. Транскрипция в примерах принадлежит Климчицкому.

сравнению с *ы* несколько менее напряжен и менее способен к сильному растяжению. С качественной стороны имеет весьма широкий диапазон. В зависимости от окружающих согласных *э* может, как и *ы*, продвигаться или вперед или назад. Но в отличие от *ы*, для *э* характерно более сильное продвижение вперед и бóльшая устойчивость продвинутого вперед варианта. Фонема *э* закономерно перед среднеязычным *у* дает в быстрой речи очень передние варианты «*ε* -» или «*æ* -», лишь слегка продвинутые или вовсе не продвинутые назад: «*šítteǰi* || *šítteǰi*» 'убил', «*ǰáttǰeǰi* || *ǰáttǰeǰi*» 'сказал', «*уэм* || *уэм*» 'этот', «*еу*» 'эй!'. При более отчетливом произношении в этих случаях восстанавливается смешанное «*э*», но все же несколько продвинутое вперед, открытое (немного выше 2-го подъема): «*ǰáttǰeу*» и т. д. Этот основной вариант фонемы («*э*»), характерный для отчетливой речи во всех фонетических положениях, в соседстве с переднеязычными смычными является обычным и при быстрой речи: «*гǰǰ*» 'иди', «*t'wǰtk*» 'было', «*bǰt*» 'другой', «*ǰt*» 'открытый'. Другой тип звучания этой фонемы — более узкий, на 3-й ступени подъема и выше («*э̄*») с возможной большей или меньшей продвинутостью назад («*э̄* -»), близкий к английскому смешанному гласному в слове *girl*. Встречается обычно рядом со щелевыми, а продвинутый назад его вариант рядом с заднеязычными и увулярными: «*wǰzǰe -у*» 'пришел', «*dǰ -ǰd*» 'дочь'. Этот вариант под влиянием окружающих согласных (губных, а также согласных *ǰ*, *š*, *ž* и *š*, артикулирующихся с участием губ) может слегка огубляться, как и рассматривавшиеся варианты фонемы *ы*: «*wǰǰk*» 'теленка', «*wǰzǰe -у*» 'пришел', «*dǰǰǰeу*» 'взял' и т. д. Эта огубленность, как и для фонемы *ы*, слаба и нестойка, но для русского уха дает повод слышать здесь *ö*, что опять-таки имеем в записях Климчицкого: «*čǰžm*» 'глаз', «*pǰrs*» 'спроси', «*wǰzǰ(ǰy)*» 'пришел' и др.

В результате, как видно из описания, качественный диапазон фонемы *э* более широк, чем фонемы *ы*: она колеблется от открытого гласного переднего ряда («*ε* || *э̄*») до довольно закрытого гласного смешанного ряда, продвинутого назад, с возможным огублением («*э̄* -»).

С количественной стороны фонема *э* тоже несколько более неустойчива, чем *ы*. Она может заметно сокращаться даже в ударных слогах (в закрытых слогах двусложного слова) в соседстве с глухими смычными и *г*: «*kǰrtǰe -у*» 'сделал', «*pǰrstǰe -у*» 'спросил'. В неударенном положении *э* сокращается, как и *ы*, очень сильно, редуцируясь в открытых слогах: «*t'ǰá*» предлог места и направления, «*s'wǰg*» 'верховой'. Как уже говорилось, при сильном сокращении обоих неустойчивых гласных в этом положении звучание их сближается или совпадает, противоположение же их поддерживается полным стилем речи, где они достаточно хорошо различаются. Однако это качественное совпадение обеих фонем в быстрой речи создает возможность их смешения и взаимозамены, что и сказывается в частом возникновении дублетов:

bərət || *burət* 'локоть', *ʃytvır* || *ʃətvr* 'верблюд', *ʃybın* || *ʃəbın* 'пастух',
mısləát || *məsləát* 'совещание', *pyrıt* || *pərıt* 'перед'.

Примеры на употребление фонемы *ə*: *kártay* 'он сделал', *rəng* 'род',
 'вид', *wxən* 'кровь', *bən* 'низ', 'корень', *pətr* 'сын', *kəmpır* 'старуха', *bə*
 'одежда', *-ət* энклитический союз, *dəjd* 'дочь', *çəzm* 'глаз', *zət* 'снег'.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ

Запись на кимографе производилась в октябре 1949 г. по произношению Шаджанова, студента Сталинабадского учительского института, уроженца ваханского селения Зунг.

Цифровые данные излагаются в порядке, принятом в „Очерках“: 1-я строка в столбце означает среднюю длительность, 2-я — типовую, 3-я — крайние отклонения длительности.

В односложном слове

Перед одним согласным

Длительность гласных, не будучи фонологической, заметно меняется под влиянием соседних согласных и имеет очень широкий диапазон. По влиянию на длительность гласного выделяются три основных фонетических положения: 1) перед *ɾ* после любого звонкого или глухого щелевого, где гласные имеют максимальную длительность, 2) перед *ɾ* после глухого смычного или носового и перед любым щелевым после звонкого, где гласные имеют среднюю длительность, 3) перед глухим смычным после любого согласного и между глухими, где гласные имеют минимальную длительность.

Цифровые данные приводятся в соответствии с выделенными положениями.

1) Тип: *čir, dir, car, čar, zar, bar, gar, zar, ɣar, sor, gur, dur, ɔur, syr, vyr*

i	a	o	u	y	ə
24.8 (8)	26.3 (25)	26.3 (2)	26.7 (11)	26.3 (6)	—
—	29—24	—	—	—	—
27—20	30—22	28—24	31—21	28—25	—

Хотя типовая длительность из-за небольшого числа измерений для большинства гласных не определена, однако совпадение средней длительности всех гласных, а также малые расхождения в общем диапазоне длительности (крайние отклонения) позволяют заключить с несомненностью, что все гласные в данном положении не различаются по длительности. Это дает возможность суммировать данные по всем гласным. Тогда имеем:

26.2 (52)
 28—24
 31—20

2) Тип: *čil, par, baf, 'aš, xur, byč, tər, bač*

i	а	о	ш	ы	ө
22.1 (3)	21.9 (15)	—	20.1 (2)	21.9 (4)	20.7 (9)
—	—	—	—	—	—
24—21	27—17	—	23—19	24—19	23—17

В этом положении абсолютная длительность всех гласных заметно короче, но между собой все гласные, как и в 1-м положении, равны по длительности. Суммирование данных дает следующие цифры:

21.6 (33)
25—19
27—17

3) Тип: *čit, čak, tat, qat, čok, čuk, kuč, kut, gyt, kyt, tək, bət, bəč, sət*

i	а	о	ш	ы	ө
19.2 (3)	18.9 (12)	22.1 (4)	18.7 (15)	17.2 (9)	15.3 (8)
—	22—16	—	21—16	16—14	16—14
21—16	22—16	24—20	23—14	24—14	19—14

В этом положении, наиболее неблагоприятном для сохранения длительности, гласные *ы* и *э* хотя и не противопоставляются остальным гласным (общий диапазон и частично типовая длительность всех гласных совпадают), однако выявляются как более неустойчивые, способные к наибольшему сокращению, что сказывается как на их средней, так и на их типовой длительности. То, что приведенные данные для *ы* и *э* не случайны, показывает отчетливая концентрация почти всех измерений обоих гласных на отрезке 16—14 с: из 17 измерений зафиксировано всего 4 случая длительности *ы* и *э* выше 16 с, остальные 13 случаев падают на отрезок длительности в 16—14 с. Таким образом, для данного фонетического положения при сводке цифр приходится выделить две группы гласных.

i, а, о, ш	ы, ө
19.3 (34)	16.3 (17)
22—16	16—14
24—14	24—14

Перед двумя согласными

Здесь по влиянию согласных выделяются два положения: 1) после звонкого, 2) после глухого смычного. Последующий согласный во всех записанных словах — это или глухой щелевой, или *г*. Будучи шумным в этом положении, *г* не удлиняет сильно гласные и по своему влиянию равно глухим щелевым.

В 1-м положении длительность всех записанных гласных одинакова, фонемы *ы* и *э* совершенно не отличаются от других гласных. Поэтому данные по всем гласным суммируются.

1) Тип: *bist, dašt, dvyzd, dast*

22.4 (19)

25—20

26—19

2) Тип: *past, cart, park, kart, ʒirt, pošt, ryxt, tyxt, pəz*

i, a, o, ы

э

20.4 (44)

17.7 (6)

23—17

—

24—16

21—13

2-е положение фонетически мало отличается от предшествующего, поскольку щелевые и *г* противостоят сокращающему влиянию предшествующего глухого смычного. Однако гласные здесь все же несколько короче, чем в 1-м положении. Эта, даже небольшая, разница в абсолютной длительности уже сказывается на фонеме *э*, которая оказывается более неустойчивой и сокращается больше, чем другие гласные. Фонема *ы* при данной абсолютной длительности примыкает к остальным гласным. Значит, в данном положении бóльшая неустойчивость фонем *ы* и *э* сказывается слабо, и выявилась она только для фонемы *э*, которая и выделена из группы остальных гласных.

В двусложном слове

В неударенном открытом слоге

В этом положении все гласные могут значительно сокращаться, в зависимости от четкости произношения и влияния соседних согласных, причем фонемы *ы* и *э* выявляются как более неустойчивые. Влияние согласных очень разнообразно, но основные типы влияний все же можно выявить следующие. Гласные, что особенно относится к *ы* и *э* как к неустойчивым, менее способны к сокращению в положении между смычными, особенно если оба или один из них являются звонкими. В соседстве с глухими щелевыми гласные больше сокращаются, особенно если щелевым является первый согласный. Аффрикаты в положении перед гласным равны по своему влиянию щелевым, после гласного — смычным. Носовые и *л* в положении перед гласным близки по влиянию на него к глухим смычным, т. е. несколько сокращают гласный. Положение перед сонантами, и особенно перед *г*, является благоприятным для сокращения *ы* и *э*. Впрочем, и здесь сокращение гласного зависит также от предшествующего согласного: после звонкого перед *г* гласный сокращается мало, после же глухого может сокращаться очень сильно. Фонема *и*, редко встречающаяся в неударенном открытом слоге,

в кимографических записях не засвидетельствована. Ниже приводятся имеющиеся цифровые данные.

1) Между смычными в соседстве со звонким. Тип: *pojir, podd, bynd, qədim*

о	ы	э
20.3 (6)	14.0 (4)	13.2 (4)
—	—	—
22—17	16—10	16—12

2) Между глухими смычными (= носовые и /) или перед звонким щелевым и *r* после звонкого. Тип: *daraw, liqob, qtmūt, qičī, tūtī, bərik*

а	і	ы	э
15.9 (4)	15.3 (10)	12.0 (4)	11.7 (11)
—	16—12	—	13—10
18—14	18—12	16—8	15—9

3) В соседстве с глухими щелевыми или перед *r* после глухого. Тип: *salbm, šoni, nisit, šidōr, čyrōy, šytōr, cərdx, ɣəlof, čələk, pəšin*

а	о	і	ы	э
13.1 (4)	13.9 (6)	12.5 (8)	7.5 (8)	9.1 (18)
—	—	13—12	—	11—?
14—12	16—13	15—10	10—4	13—4

Сводные цифры

1)	о	ы, э
	20.3 (6)	13.6 (8)
	—	16—12
	22—17	16—10
2)	а, і	ы, э
	15.5 (14)	11.6 (15)
	18—12	13—10
	18—12	16—8
3)	а, і, о	ы, э
	13.1 (18)	8.5 (26)
	14—10	11—4
	16—10	13—4

Как видно из приведенных цифр, фонемы *ы* и *э* в неударенном открытом слоге могут очень сильно сокращаться, а в 3-м положении редуцироваться, в то время как для остальных гласных сокращение ниже 10 с не засвидетельствовано даже для 3-го фонетического положения. Фонемы *ы* и *э* в наиболее кратких своих вариантах в положении между глухими могут целиком оглушаться.

В ударенном закрытом слоге двусложного слова

В этом положении главное влияние на длительность гласного оказывает закрывающий слог согласный: звонкие удлинняют гласный, глухие сокращают. Согласный *r* при первом звонком удлинняет гласный, при первом глухом является нейтральным. Соответственно этому цифровые данные приводятся по следующим фонетическим положениям.

- 1) Перед звонким. Тип: *ɔdír, nɔjír, qədím, pəšín, šídór, сырóу, salóm, liqób, šybóin, šytóir*

i	o	ы	o
17.6 (10)	17.5 (15)	15.2 (5)	—
19—15	19—14	17—14	—
23—12	22—14	17—11	—

- 2) Перед глухим. Тип: *сəráx, nislít, kimit, γəlóf, cərák, cərák, cəlák*

a	i	o	ы	o
12.7 (6)	13.4 (11)	12.3 (2)	12.7 (4)	11.6 (7)
16—10	16—11	—	—	12—11
16—10	18—9	15—10	13—12	12—11 _д

Сводные цифры

1)	i, o	ы
	17.5 (25)	15.2 (5)
	19—14	17—14
	23—12	17—11
2)	a, i, o	ы, o
	13.1 (19)	12.0 (11)
	16—10	13—11
	18—9	13—11

В обоих положениях гласные *ы* и *ə* лишь незначительно отличаются от других гласных своей меньшей способностью к растяжению.

В исходе слова

В этом положении имеются данные только для первой группы гласных, поскольку фонемы *ы* и *ə* в исходе слова в полнозначных словах не встречены.

Характерно, что гласные в ударенном исходе не растягиваются заметно по сравнению с положением в других слогах двусложного слова, и их абсолютная длительность значительно меньше, чем в односложном слове.

- 1) После звонкого или глухого щелевого. Тип: *šoni, qičl, podá, tuxá*

i	a
14.9 (5)	17.5 (5)
18—13	18—17
18—13	18—17

2) После глухого смычного. Тип: *tɔtɪ, nɪkɔ*

i	o
13.2(4)	18.4(3)
—	—
16—10	20—17

Безударное исходное *i* сильно сокращается, как можно судить по длительности *i* в слове *x̄áti* 'сказал', равной 9.0 σ (3), при диапазоне 10—8 σ. Других данных по безударным гласным в исходе не имеется.

Выводы

Приведенные в этом разделе цифровые данные позволяют сделать следующие выводы относительно длительности ваханских гласных.

1. Ваханские гласные не противоплагаются друг другу по длительности. Поскольку, таким образом, длительность ваханских гласных не является фонологической (во всяком случае, в большинстве фонетических положений), то она чрезвычайно мутабельна и может сильно меняться под влиянием разнообразных фонетических условий. В связи с этим диапазон длительности всех гласных очень широк: в благоприятных положениях они могут сильно удлиниться, в неблагоприятных — сильно сокращаться.

2. Фонемы *ы* и *э* выделяются среди других гласных своей большей способностью к сокращению в соответствующих фонетических положениях (в соседстве с глухими и в неударных слогах). В результате, как общий, так и по отдельным фонетическим положениям, диапазон длительности *ы* и *э* и остальных гласных совпадает не полностью. А именно: общий диапазон типовой длительности для *a, i, o, u* равен 28—10 σ, для *ы, э* 28—4 σ; диапазон длительности в односложных словах для *a, i, o, u* равен 28—16 σ, для *ы, э* 28—14 σ; диапазон длительности в двусложных словах для *a, i, o, u* равен 20—10 σ, для *ы, э* 17—4 σ.

3. Наибольшая неустойчивость фонем *ы, э* и вместе с тем наибольшее их отличие по длительности от остальных гласных выявляется в неударенном открытом слоге, где фонемы *ы, э* могут редуцироваться, в то время как остальные гласные не сокращаются ниже 10 σ, т. е. всегда сохраняют длительность, достаточную для сохранения их качественной определенности. В этом положении длительность гласных получает фонологическое значение: гласные *a, i, o, u* не могут сильно сокращаться, так как при дальнейшем сокращении (ниже 10 σ) они, потеряв четкость артикуляции, смешались бы качественно: гласные верхнего подъема *i* и *u* — с *ы*, а гласные нижнего и среднего подъема *a* и *o* — с *э*. Иначе говоря, предел длительности в 10 σ является для фонем *a, i, o, u* фонологическим.

4. Таким образом, количественные отношения ваханских гласных близки к типу устойчивых и неустойчивых таджикских гласных, и соот-

ответственно этому фонемы *ы* и *э* могут быть определены как неустойчивые, а фонемы *а*, *и*, *о*, *у* как устойчивые. Однако аналогия с таджикской системой не полная, поскольку противоположение обеих групп гласных в неударенном открытом слоге в таджикском языке выражено резко и поскольку таджикские устойчивые гласные несколько устойчивее ваханских *а*, *и*, *о*, *у*.

КОНСОНАНТИЗМ

Ваханский консонантизм, как и язгулямский, содержит в себе все фонемы, наличествующие в шугнано-рушанской группе, но сверх того располагает еще шестью согласными так называемого церебрального, или ретрофлексного, ряда — *ʈ*, *ɖ*, *ʂ*, *ʐ*, *ʄ*, *ʅ*, противостоящими фонемам *t*, *d*, *ʃ*, *ʒ*, *ʈ*, *ɖ*. Детальное изучение артикуляции обоих рядов переднеязычных согласных, проводившееся с применением искусственного нёба, позволило выявить их произносительный диапазон и определить их противопологающие признаки.

Фонемы *t*, *d*, *ʈ*, *ɖ*. Фонемы *t* и *d* являются дорсальными смычными, артикулирующимися смыканием всей передней части языка с альвеолами и зубами, и равны русским *т* и *д*, а также *t* и *d* других рассматривавшихся уже памирских языков. Однако, не отличаясь артикуляторно от шугнанских, ваханские *t* и *d* не вполне равны им фонологически, имея значительно более узкий диапазон возможного звучания. Шугнано-рушанские, или язгулямские, или таджикские *t* и *d* артикулируются нормально как дорсальные, но в некоторых фонетических положениях они могут быть и апикальными без какого бы то ни было нарушения их фонологического единства. В этих языках при апикально-какуминальных *t* и *d* можно говорить лишь о непривычном произношении, так как фонологическая сущность *t* и *d* в этих языках заключается в их переднеязычности, а возможные артикуляционные разновидности фонологически несущественны.

Ваханские же *t* и *d* могут артикулироваться только дорсально, за пределами дорсальной артикуляции лежит фонологическая грань: остальные типы переднеязычной артикуляции — апикальная, какуминальная и ретрофлексная — дадут уже фонемы *ʈ* и *ɖ*. Таким образом, грань между обоими рядами смычных лежит в дорсальной артикуляции: *t* и *d* могут быть только дорсальными, *ʈ* и *ɖ* могут иметь любую переднеязычную артикуляцию за исключением дорсальной. Основной артикуляторный тип ваханских *ʈ* и *ɖ* определяется из палатограмм (см. №№ 2,5): кончик языка смыкается с твердым нёбом повыше альвеол, примерно в том же месте, где артикулируется русское (какуминальное) *р*, но с большей площадью соприкосновения языка с нёбом. Чаще всего ваханские *ʈ* и *ɖ* артикулируются при какуминальном и апикальном положении кончика языка, но могут иметь и ретрофлексную артикуляцию.

Примеры употребления фонем *t* и *d*: *bət* 'платье', *gəndos* 'труп', *paŋdək* 'абрикос', *aŋ* 'открытый', *ʃaz* 'плешивый', *ʃuŋ* 'маленький', *ʃor* 'орех'.

В связи с изложенным следует указать на то, что для ваханских переднеязычных сонантов *n* и *l* характерен апикально-какуминальный, а не дорсальный тип артикуляции, что хорошо узнается на слух и легко определяется по палатограммам (см. №№ 25—27). Однако обе фонемы, а также и какуминальное *ŋ*, несмотря на артикуляторную близость, едва ли можно объединять с группой ретрофлексных,¹ поскольку они не противопоставляются каким-либо дорсальным сонантам. Иначе говоря, ваханские переднеязычные сонанты *l*, *n*, *ŋ* выделяются в особую группу, характеризуемую, в отличие от остальных переднеязычных согласных, фонологическим безразличием к типу переднеязычной артикуляции.

Фонемы *ʃ*, *ʒ* и *ʂ*, *ʐ* являются двухфокусными щелевыми. У фонем *ʃ* и *ʒ* переднеязычный фокус по преимуществу дорсальный, но может быть и апикальным, что фонологически несущественно. Второй их фокус — среднеязычный, и этот признак является основным при их противопоставлении фонемам *ʂ* и *ʐ*, второй фокус которых, как и у русских *ш* и *ж*, — заднеязычный. Положение кончика языка при артикуляции *ʃ* и *ʒ* — по преимуществу какуминальное, так что ваханские *ʃ* и *ʒ* вполне можно сблизить с русскими *ш* и *ж*. В отличие от последних, ваханские *ʃ* и *ʒ* несколько тверже, что обуславливается большим подъемом кончика языка над альвеолами и более выдержанным какуминальным его положением, чем при артикуляции русских *ш* и *ж*. Ретрофлексное положение кончика языка при артикуляции *ʂ* и *ʐ* мало характерно. Таким образом, ваханские *ʃ*, *ʒ* и *ʂ*, *ʐ* противопоставляются друг другу по обоим фокусам образования: первый фокус фонем *ʃ*, *ʒ* — апикально-дорсальный, фонем *ʂ*, *ʐ* — какуминально-ретрофлексный. Второй фокус *ʃ* и *ʒ* — среднеязычный, *ʂ* и *ʐ* — заднеязычный. Главным и определяющим из этих двух признаков является второй фокус: фонемы *ʃ* и *ʒ* могут артикулироваться и при апикальном положении кончика языка, если будет сохранена заднеязычная артикуляция второго фокуса; какуминальная артикуляция кончика языка закреплена за фонемами *ʃ* и *ʒ* как физиологически наиболее естественная при втором заднеязычном фокусе, точно так же как апикально-дорсальная артикуляция кончика языка физиологически наиболее естественна при втором среднеязычном фокусе фонем *ʃ* и *ʒ* (при среднеязычном фокусе какуминальная артикуляция кончика языка вообще едва ли возможна). Существенно отметить, что для фонем *ʃ* и *ʒ* передний фокус вообще фонологически не обязателен: в отдельных случаях (при вялой артикуляции) кончик языка вовсе не участвует в работе, оставаясь опущенным к основанию нижних

¹ Термин „ретрофлексный“, если ему придавать фонологический, а не фонетический смысл, т. е. смысл названия определенного фонологического ряда согласных, может быть сохранен как более привычный.

зубов. В этих случаях возникают среднеязычные круглощелевые согласные «š» и «ž», которые воспринимаются на слух как очень мягкие «ś» и «ź».

Примеры на употребление фонем š и ž: *wyşik* 'ключ', *dašt* 'поле', *raš* 'рот', *kaš* 'парень', *yiš* 'ухо', *dəždəy* 'взял', *žy* 'мой', *šytyr* 'верблюду'. Фонема š употребляется часто, ž — сравнительно реже. (Артикуляцию рассмотренных двухфокусных см. на палатограммах №№ 11—16).

Двухфокусные аффрикаты č, j и ċ, ĵ, сочетая в себе артикуляцию рассмотренных переднеязычных смычных и двухфокусных щелевых, сочетают и их противопологающие признаки. Именно: артикуляция аффрикат č и j состоит из дорсальной смычки («t»- или «d»-образное начало), переходящей постепенно в двухфокусную щель со вторым среднеязычным фокусом («š»- или «ž»-образный исход), что графически можно изобразить как: «tš» (аффрикат č) и «dž» (аффрикат j). Артикуляция же аффрикат ċ и ĵ соответственно состоит из переднеязычной недорсальной смычки («t̥»- или «d̥»-образная смычка выше альвеол), постепенно переходящей в двухфокусную щель со вторым заднеязычным фокусом («š̥»- или «ž̥»-образный исход). Графически: «t̥š̥» (аффрикат ċ) и «d̥ž̥» (аффрикат ĵ). Таким образом, противополжение пар č, j и ċ, ĵ идет по целому комплексу признаков: по месту смычки, по первому фокусу щели (различное положение кончика языка), по второму фокусу щели (заднеязычная и среднеязычная щель). Наиболее фонологически существенным из них (доминантным), аналогично противополжению š, ž и ś, ź, является второй фокус щели: фонема ċ может быть и апиальной, если сохраняется заднеязычный фокус. Так же, аналогично особенностям фонем š и ž, переднеязычная артикуляция вообще не обязательна для фонем č и j: начальная смычка может быть осуществлена и средней частью языка («kš̥» и «gž̥»), т. е. аффрикаты č и j, как и щелевые š и ž, могут быть однофокусными среднеязычными.

Примеры на употребление ċ и ĵ: *čəžm* 'глаз', *rač* 'иди', *čətk* 'паровое поле', *wič* 'пуля'. В общем фонема ċ употребляется сравнительно редко. Еще реже встречается звонкое j: *jam(ak)* 'распялка (палочка)', *jak* 'углубление в луке (место захвата)'. (Артикуляцию двухфокусных аффрикат см. на палатограммах №№ 17—22).

Как видно из описания, противополжение простых и ретрофлексных согласных основывается не на каком-то одном, общем для всех противополгаемых пар признаке, а на нескольких признаках в разных их сочетаниях. Для противополжения *t, d* и *t̥, d̥* важно положение кончика языка и место смычки; для противополжения щелевых и аффрикат решающим является наличие среднеязычной и заднеязычной артикуляции, положение же кончика языка играет вспомогательную роль, и его работа при артикуляции простых щелевых и аффрикат даже вовсе может отсутствовать.

Из фонетических особенностей ваханского консонантизма важно отметить следующее. В отличие от соответствующих согласных в других иранских языках, ваханские *r*, *l* и *y* могут в быстрой речи полностью оглушаться перед глухими смычными: «dəht», «dəhtəy» 'ударил', «šykəlt» 'разбивается', «rəsəlt» 'разрывается', «рысырт» 'рассыпает', 'сеет', «loɾt» 'топтал', 'уминал' и т. д. Это оглушение происходит чаще в соседстве с редуцирующимися гласными, в особенности *a*, который даже под ударением может быть шумным, а также в положении перед двумя глухими согласными: «məɾtk» 'умер'. Оглушенное *y* («dəhtəy») фонетически совпадает с немецким *ich-laut*. При отчетливом произношении звонкость всех трех сонантов восстанавливается, так что хотя их оглушение и обычно, но не обязательно, и в полном стиле речи его не наблюдается.

В остальном ваханский консонантизм существенных особенностей не представляет. Фонемы *k* и *g* всегда заднеязычны и вперед не продвигаются.

ТЕКСТЫ

1

(Записан от студента Оламхонова из селения Птуп)

1. tu nə tu, i dəy tu. 2. ya dəy-ən tu bu pətr. 3. ya iw pətr tu šəkori, ya iw tu šybān. 4. ya šəkori pətr pak rıwór šəkór cart, jənwəri dəyt-ət, wıyāmd xə xúnər, 5. də xə tātən-ət dı xə vrātən yāvən. 6. ya šybān pətr šybānı cārt-ət, dı xətən řuz bə dəyt-ət wizit. 7. i rıwór ya bu v(ы)řitiš mısləát-əv kərtəy ki: „s(ы)po tat yıčək yark nə cart, wəzəy sak yāvəy áy cārən“. 8. yán-əv wəzdəy xə, xə tāt-əv áy kərtəy. 9. yárek yıčək bəř nə rətəy. 10. i xur pəndán yárek-əv rətəy, bət i čiz nəy. 11. yan yav tat tə i wənér buy-truy myu áldi xə, yán-i mırətəy. 12. yəm bu v(ы)řitiš, sə xə tat sə básən, sybır myu dı yomán-əv áldi xə, yan řydá-əv vítəy. 13. káfč-əv kənd yútəy, yāvən ar káfč-ən pətr vítəy. 14. yəm záiš lup vítəy. 15. yəm vi (!) tátiš xiyár vítəy.

1. Было ли не было, был один человек. 2. У того человека было два сына. 3. Один сын был охотник, один был пастух. 4. Сын-охотник каждый день охотится, убивает дичь и приносит домой, 5. и со своим отцом и со своим братом едят. 6. Сын-пастух пасет, рубит дрова и приносит. 7. Однажды эти два брата стали совещаться: „Наш отец никакой работы не делает, давай, мы его прогоним“. 8. Они взяли и прогнали своего отца. 9. Никакой одежды ему не дали, 10. дали ему только ослиную попону, и больше ничего. 11. Так их отец находился два-три месяца в какой-то конюшне, а потом умер. 12. Те два брата после отца прожили четыре месяца вместе, а потом разделились. 13. Оба они привели жен, и обе жены родили сыновей. 14. Дети выросли. 15. Их

16. yan yəm záyiš ǰы тátəř ǰátti ki: „saiš ki ǰы тáti áy cə kərtəv, sak by sávi áy cərən“. 17. kərdá-ət kištá: yan ya ǰы тát-əv cə ǰы xúnəv áy kərt. 18. didiǰd-əv ki: yav tat ǰa šak-awól vitəy, yán-əv rəǰdəy, ǰы тátəv wózmənd-əv.

отцы стали старыми. 16. Тогда дети сказали своим отцам: „Вы прогнали своего отца, мы вас тоже прогоним“. 17. Каков посев, такова и жатва. Своих отцов они выгнали из дома. 18. Потом увидели, что их отцы совсем стали плохи; они пошли и взяли своих отцов обратно.

2

СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ¹

(Записан от студента Шаджанова из селения Зуни)

Фонологическая запись

1. tɣwət̪k nə tɣwət̪k, tru vrɣt̪ tɣwət̪k. 2. bu vrɣt̪ cə i nánən, 3. i vrɣt̪ cə i nánən. 4. yávən tru wəšk tɣwət̪k. 5. ʒyqláy vrɣt̪ ǰы wəšk rɣyud, 6. ya lúpiš ǰын nə rɣyən. 7. i rɣwór yaw by ǰы wəšk nə róydəy. 8. ya bu vrɣtiš yaw wəški šittəy. 9—11. yaw wəzdəy ki yaw ɣyɳdosi góttəy, 12. dəǰdəy ǰы, rəǰdəy tər i dašt. 13. tɣmošo kərtəy ki: i šɣtɣr cə rɣɣtən wəzdəy. 14. yaw yan yáv-i wódordəy, ya wəšk wɣxən tər-á šɣtɣr ǰáši sóxtəy. 15. yaw didiǰdəy: ya šɣtɣr soib wəzdəy. 16. ya wəšk-dór daráw dɣr nɣwn vítəy, 17. ǰáttəy ki: „ə vrɣt̪, ti šɣtɣr ǰы wəški yittəy“. 18. yaw ǰáttəy: „ə vrɣt̪, ázi mə ǰan, šɣtɣr əp wəšk-i nə yit“. 19. yaw ǰáttəy: „tər ət ǰaš wɣxən-ət xɣrdəx. 20. uz rəçəm podšo šiǰ, arz cərəm“. 21. ya šɣtɣrdór ǰáttəy: „ə vrɣt̪, arz mə rəç, yəm ǰы šɣtɣr pə ti wəšk qárzən“. 22. ya kaš ya šɣtɣr-əy sɣwór vítəy ǰы, rəǰdəy. 23. yaw vrɣtiš didiǰdəy ki: yav vrɣt̪ šɣtɣr-i səwór vít̪k-ət wəzdəy. 24. ǰátt-əv: „ə badbáxt, yəm šɣtɣr-ət cə kúmən wózməndəy? 25. yət kínən?“ 26. yaw ǰáttəy: „ǰы wəšk-əv šittəy, 27. úz-əm yaw ɣyɳdós rórotəy, 28. šɣtɣr-əm dəǰd“. 29. yáwišt ǰы wəšk-əv šittəy, yav ɣyɳdós yútt-əv tər bozór. 30. xálgišt pərstəy: „yət čiz?“ 31. yáwišt ǰáttəy: „yəm wəšk ɣyɳdós, sɣk šɣtɣr yəm rándən“. 32. mɣrdýmiš ǰáttəy: „ə bíáqlɣvəy, wəšk ɣyɳdósəy əç-kuy sɣk šɣtɣr nə dɣrzd“. 33. yáwišt cə ǰы yárkən šɣrmindá vítəy ǰы, táǰd-əv. 34. ǰы wəšk-əv šittəy, — nə šɣtɣr góttəy, nə wəšk. 35. yáwišt tər yomán mɣslát kərtəy ki: „ya badbáxt sáki fand dəttəy, 36. sak yaw náni šáyən“. 37. yáwišt yaw náni šittəy. 38. yaw saǰirá vítəy. 39. ǰы nan mɣrdáyi sɣk xur sɣwór góxtəy, 40. nów-dəy ǰы, wəzdəy i jay ki: 41. i dəy šə ǰы sor dɣrzd. 42. yaw néynəy, 43. xur rəǰdəy tər-á sor. 44. ya dəy ya xur dəytəy rɣ ǰar. 45. ya mɣrdá c-ánən wáštəy. 46. yəm kaš wəzdəy, daráw dɣr nɣwn vítəy, 47. ǰáttəy: „ǰы nán-ət šittəy, 48. uz rəçəm podšo šiǰ, arz cərəm“. 49. yaw

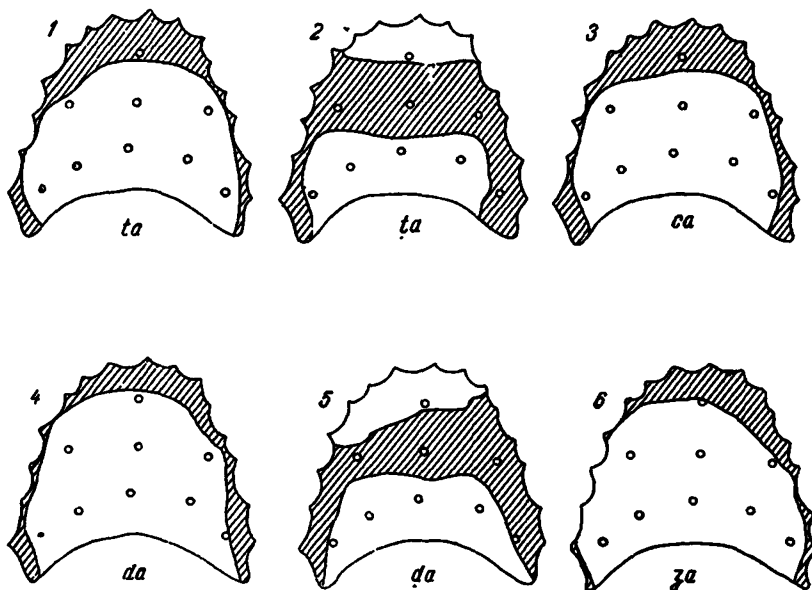
¹ Перевод дан при вариантах шугнано-руманской группы.

ǰattəy: „ǰɨnən bu dəɣd, 50. yiw c-ávən xuʃ car, dɨrz rɨ ɣɨ qárzən“. 51. ya kaʃ yaw lup dəɣdi dəǰdəy, rəɣdəy, wózomdəy tər ɣɨ xun. 52. yaw vrátíʃ ǰattəy: „yám-ət cə kúmən wózomdəy?“. 53. yaw ǰattəy: „ɣɨ nan mɨrdá-əm dəttəy, yám-əm dəǰdəy“. 54. yáwiʃt ɣɨ nánəy ʃittəy, yaw mɨrdáəy yúttəy tər bozór. 55. mɨrdámíʃ pərstəy: „yəm mɨrdáəy sɨtár góǰəv?“. 56. yáwiʃt ǰattəy: „sak sɨk baf pɨrçod yəm pɨrɣəndən“. 57. mɨrdámíʃt yaw dət izo, yáwiʃt táydəy.

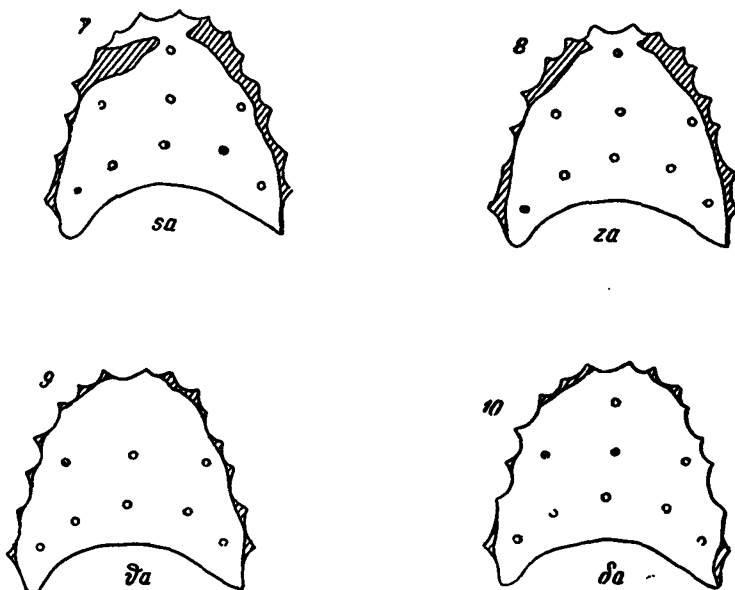
Детализованная запись

1. tūwótk nə tūwótk | tru vrɨt tūwótk || 2. bu vrɨt | c° í nánə -n | 3. yi vrɨt | c° í nánə -n || 4. yávən tru wəʃk tūwə -tk || 5. ʒ°qlay vrɨt | ɣɨ wəʃk pɨyɔd | 6. ya lúpiʃ | ɣɨn nə pɨyán || 7. yi r°wór | yaɣ bɨ | ɣɨ wəʃk nə pɨydey || 8. ya bu vrátíʃ | ya wəʃk | ʃittəy || 9—11. yaw wəʃzde -y ki | yaw gə -ndosi góttəy | dəǰdəy ɣɨ | 12. rəɣdə -y tər yi dáʃt || 13. t°məʃo kərtəy ki | yi ʃ°tɨr cə pɨrítən wəʃzdey. || 14. yaw yan | yawı wódortəy | ya wəʃk wəʃən | tra ʃ°tɨr ɣaʃi sóǰtəy | 15. yaw didi | dəy k'í | ya ʃ°tɨr soib wəʃzde -y || 16. ya wəʃkdór -daráw dər nəwn víttey | 17. ǰattəy ki | ε vrɨt | ti ʃ°tɨr | ʒə wəʃki yitte -y || 18. yaw ǰattəy || ε vrɨt | ázi mə ɣán | ʃ°tɨr ap | wəʃki nə yit || 19. yaw ǰattəy || t°r ət ɣaʃ | wəʃənət xɨrdəx || 20. wuz ré -çəm pədsə ʃix | arz cārəm || 21. ya ʃ°tɨrdór ǰattəy || ε vrɨt | arz mə rəç | yem ʒb ʃ°tɨr | p° tí wəʃk | qárzən 22. ya kaʃ | ya ʃ°tɨri s°wór vitte -y ɣɨ | rəɣde -y || 23. yaw vrátíʃ didi | də -y k'í | yaw vrɨt | ʃ°tɨri s°wór wítçət | wəʃzdey || 24. ǰattəy || ε badbáxt | ye -m ʃ°tɨrət | cə kúm wózomdəy? || 25. ye -t k'ínən? || 26. yaw ǰatte -y || ʒb wəʃkəv ʃittəy | 27. wúzəm yaw gəndəʃ pəçətə -y | 28. ʃ°tɨrəm dəǰd. | 29. yáwiʃt ɣɨ wəʃkəv ʃittə -y | yaw g°ndəʃ | yútəv tər bozór || 30. xálgiʃ | pəʃte -y || yet éiz? || 31. yáwiʃt ǰatte -y | yem wəʃk gəndəʃ | sbk ʃ°tɨr yəm rándən || 32. mɨrdámíʃ ǰatte -y || b° beaql°ve | wəʃk g°ndəʃe | həc kuy sək ʃ°tɨr nə dərzd || 33. yáwiʃt | cɨ ɣɨ yárkən | ʃ°r mindá vitte -y ɣɨ | táydəv || 34. ɣɨ wəʃkəv ʃittəy | nə ʃ°tərvən góttəy | nə wəʃk || 35. yáwiʃt | tər yóman | mɨs | hət kərtəy ki | ya badbáxt | sáki fand dətəy || 36. sak | yaw náne | ʃáye -n || 37. yáwiʃt | yaw náne ʃittəy || 38. yaw | saɣirá víttey || 39. ɣɨ nā'n mɨrdáyı s°k xúr s°wór gəǰtə -y | 40. nówdə -y ɣɨ | wəʃzde -y yi ɣay ki | 41. yi dəy | ʃə | ɣɨ sər dərzd || 42. yaw nəynəy | 43. xūr rəɣdəy | t°ra sər || 44. ya dəy | ya xur dəǰtəy p°yár || 45. ya mɨrdá | cənən waʃte -y || 46. ε -m kaʃ wəʃzdey | daráw dər nɨw° víttey || 47. ǰattəy || ɣɨ nánət ʃittəy | 48. wuz ré -çə -m pədsə ʃix | arz t°sárəm || 49. yaw ǰatte -y | ɣɨnə -n bu dəʃd || 50. yiw t°sávən xús | t°sar | dərz p° ɣɨ qárzən || 51. ya kaʃ | yaw lup dəɣdi dəǰdəy | wózomdə -y tər ɣɨ xun || 52. yaw vrátíʃ ǰattə -y || ye -mət c° kúmən wózomdə -y? || 53. yaw ǰatte -y ki | ɣɨ ná'n mɨrdá | çəm dətəy | yə'məm dəǰde -y || 54. yáwiʃt ɣɨ | ná'ne -y ʃittə -y | yaw mɨrdáəy yúttəy | tər bozór || 55. mɨrdámíʃ pəʃte -y | yəm mɨrdá -y s°tár góǰəv? || 56. yáwiʃt ǰattəy || sak | sbk baf p°rəçodə -m pərvəndən || 57. mɨrdámíʃt yaw dət izo | yáwiʃt táydəy.

ПАЛАТОГРАММЫ ВАХАНСКИХ СОГЛАСНЫХ

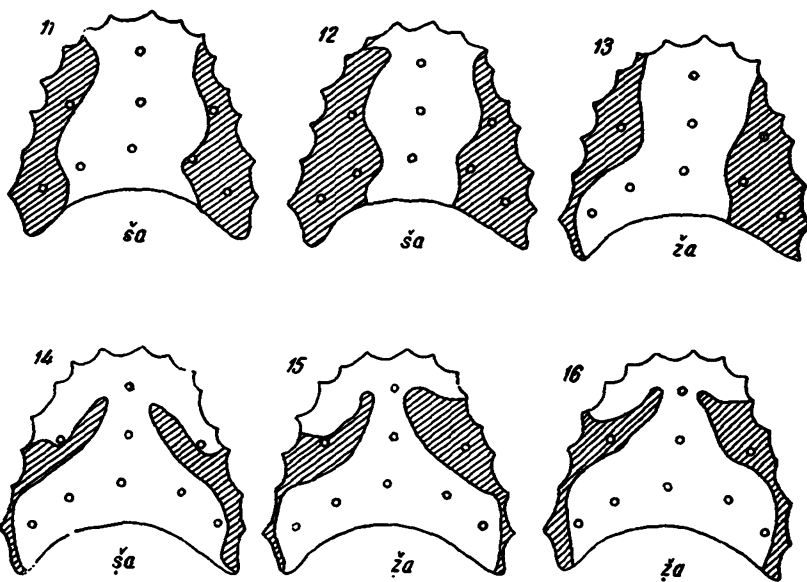
Переднеязычные
Смычные и аффрикаты

Щелевые

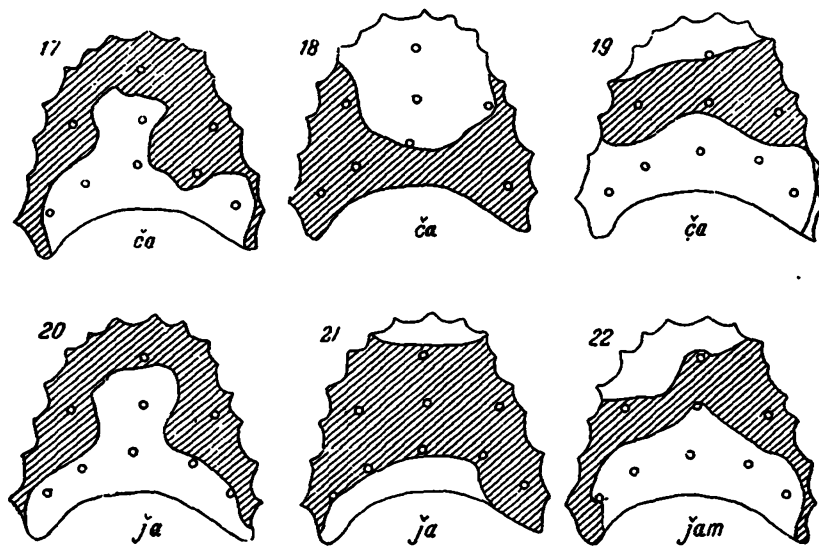

Двухфокусные

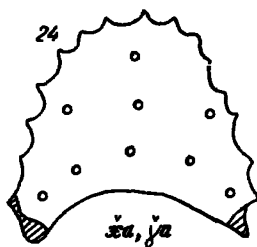
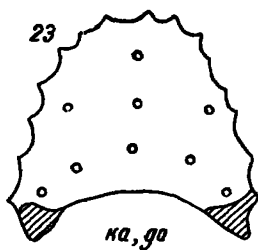
Щелевые

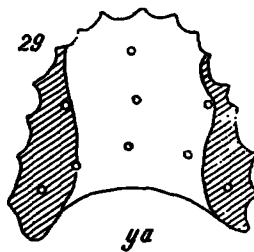
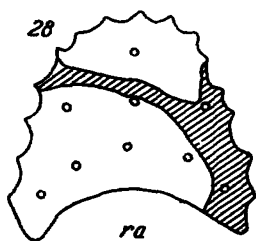
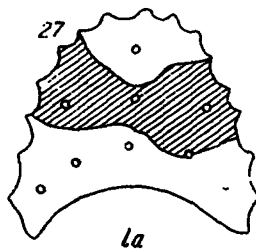
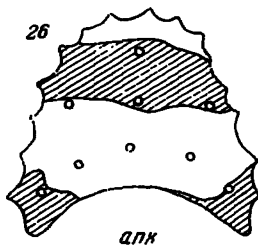
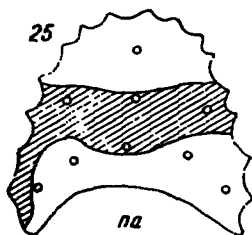
Аффрикаты

Заднеязычные

Сонанты

ИШКАШИМСКИЙ ЯЗЫК

Ишкашимцы в пределах Советского Союза живут лишь в одном кишлаке Рын Ишкашимского района, численностью около 400 человек. Общее число ишкашимцев вместе с зарубежными составляет около 2 тысяч человек. Несмотря на малочисленность говорящих, ишкашимский язык не однороден и складывается из трех разновидностей, или диалектов: собственно ишкашимского, зебакского и сангличского. На территории Советского Союза представлен ишкашимский диалект.

Ишкашимский язык явно отступает перед таджикским и сохраняет сейчас значение, по существу, лишь домашнего языка.

Ишкашимский язык изучался, как и язгулямский, очень мало. Имеющиеся немногочисленные тексты¹ записаны фонетической транскрипцией, не могущей дать достаточного представления о составе гласных фонем. Как и для других языков, фонемный состав консонантизма выявляется более ясно. Значительно более четкое понимание ишкашимского вокализма дал И. И. Зарубин, который, как и в других случаях, подошел в своих исследованиях к ишкашимскому языку фонологически и дал провизорное определение его гласных фонем.² Предположительно состав гласных определялся им в следующем виде: *i*, *e*(?), *a*, *o*, *u*, *ï*(?). Вопрос после *e* означает неуверенность в наличии фонемы *e*, а вопрос после *ï*, определяемого как гласный смешанного ряда с широким диапазоном, означает неясность того, одна или две фонемы скрываются за многообразными звуковыми вариантами смешанного ряда. Таким образом, основной задачей исследования явилось уточнение состава фонем ишкашимского вокализма.

Осведомителями при исследовании были ишкашимцы из селения Рын: Юсуфбеков, преподаватель Сталинабадской партийной школы; Раматов, студент 4-го курса Педагогического института, и Камардинов, студент 1-го курса Мединститута. Ишкашимскому языку удалось уделить при исследовании меньше времени, чем другим языкам. Поэтому в дальнейшем весьма желательно более углубленное исследование

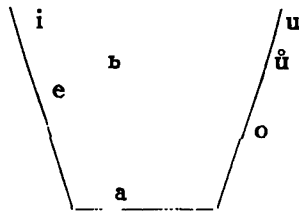
¹ См. указанную на стр. 209 работу Моргеншерна, также: G. A. Grierson. Linguistic survey of India, vol. X. Calcutta, 1921; его же: Ishkashmi, Zebaki and Yazghulami. London, 1920.

² Ишкашимские тексты И. И. Зарубина в настоящее время готовятся к изданию.

ишкашимской фонетики, в частности применение аппаратов для определения длительности гласных и артикуляции ретрофлексных согласных.

ВОКАЛИЗМ

Ишкашимский вокализм насчитывает 7 фонем: *i, e, a, o, ŷ, u, ʉ*. Фонема *ʉ* — редуцирующийся гласный смешанного ряда, отличающийся от остальных, нередуцирующихся гласных. Из группы нередуцирующихся гласных наибольшей устойчивостью, насколько можно судить по слуховым впечатлениям, выделяются фонемы *o* и *e*. Ишкашимские гласные могут быть представлены в следующей таблице:

ФОНЕМЫ *i, e, a, u, ŷ, o*

Фонема *i* является неогубленным гласным переднего ряда верхнего подъема и при отчетливой речи имеет узкий диапазон звучания, лишь незначительно расширяясь под влиянием сонантов *m, n, r, l, w*, увулярных *q* и *x* и в меньшей степени смычных *t* и *d*. Расширяющее влияние перечисленных согласных сказывается заметнее в неударенном исходе слова. Но и в этом положении при отчетливой речи фонема *i* не расширяется ниже 5-го подъема (вариант «*i*»), так что ее диапазон колеблется между «*i*» и «*i*», причем узкий вариант «*i*» является для нее более характерным. Примеры: «*fri*» 'хорошо', «*mind* || *mɪnd*» 'заснул', «*digár*» 'другой', «*šidúk*» 'плакать', «*i*» 'его', «*áwi* || *áwɪ*» 'он', «*nɔɲɪ* || *nɔɲɪ*» 'мать' (косв. падеж), «*xɪ* || *xɪ*» 'свой' (*xi šɔtɔr* 'свой верблюд').

В быстрой речи в неударенном исходе слова фонема *i* может расширяться сильнее — до «*e*» и даже иногда до «*e*», т. е. несколько ниже 5-го подъема: «*nɔɲɪ* || *nɔɲe* || *nɔɲe*», «*áwi* || *áwɪ* *áwe*», «*xɪ* || *xɪ* || *xɛ*». Возможность такого расширения *i* в безударном исходе обеспечивается тем обстоятельством, что противопоставляющаяся *i* фонема *e*, насколько можно судить, не встречается в этом положении. При более отчетливой речи фонема *i*, как уже говорилось, всегда восстанавливает свое узкое звучание.

Примеры на употребление фонемы *i*: *dir* 'далеко', *did* 'дым', *fri* 'хорошо', *viš* 'подстилка', 'постель', *mid* 'сливки', *vin* 'борода', *nič* 'нос', *vrič* 'бровь', *lip* 'много', *jik* 'все', *ti* 'твой', *i* 'его', *xi* 'свой', *kadi* 'когда', *tika* 'кусок', *šidúk* 'плакать', *misúk* 'спать', *nidúk* 'сидеть', *dirú* 'он имеет',

digdón 'очар', *bibi* 'бабушка', *čiz* 'что', *digár* 'другой', *čylim* 'чили́м' 'калья́н'.

Фонема *e* — неогубленный гласный переднего ряда с широким диапазоном по подъему: от открытого «e» до закрытого «e̞» (от 3-го до 4-го и несколько выше подъема). Более широкое «e̞»-образное звучание фонемы *e* характерно для ее положения между смычными, а также в соседстве с увулярными и с сонантами *ɣ* и *ʃ*: «*ɣeɣn*» 'масло', «*neɣ*» 'сегодня', «*deɣ*» 'живот', «*dɛd*» 'он ударил', «*wet*» 'он положил'.

Более узкий вариант («e» или «e̞») возникает в соседстве со щелевыми и носовыми: «*mɛnɟ*» 'яблоко', «*wɛnɟ*» 'он увидел', «*nɛzu*» 'он выходит', «*wɛp*» 'кровь', «*ɣɛf*» 'веник', «*frest*» 'она полоскала'.

Как сужение, так и расширение *e* не является обязательным, и при более четком произношении почти во всех фонетических положениях восстанавливается основной вариант фонемы, образующийся на 4-й или несколько ниже ступени подъема («e, e̞»). Так, при отчетливом произношении вышеприведенные слова имеют следующее звучание «*nɛɣ* || *neɣ*», «*dɛɣ* || *deɣ*», «*dɛd* || *ded*», «*wɛt* || *wet*», «*nɛzú*», «*wɛp* || *wɛp*», «*ɣɛf* || *ref*», «*frest*». Более широкие и более узкие варианты сохраняются в полном стиле речи лишь в тех фонетических положениях, где наиболее сильно выражено влияние согласного окружения. Так, если оба согласных оказывают расширяющее влияние, то широкое звучание *e* сохраняется и в полном стиле речи: «*ɣeɣn*» 'масло', а в положении между двумя носовыми, напротив, сохраняется узкое звучание *e*: «*mɛnɟ*» 'яблоко'.

Противоположение фонем *e* и *i* доказывается тем, что обе они могут встречаться в одних и тех же фонетических положениях: *niç* 'нос' и *deç* 'мех', 'бурдюк', *digár* 'другой' и *dedük* 'бил', *ɯriç* 'бровь' и *sreš* 'клей', *wɛp* 'кровь' и *ɯip* 'борода', *mind* 'он заснул' и *mɛnɟ* 'яблоко'. Кроме того, могут быть найдены и пары слов, различающихся только гласными *i* и *e*: *mid* 'сливки' и *med* 'середина', 'поясница', *dir* 'далеко' и *der* 'живот', *did* 'дым' и *ded* 'ударил'.

Как говорилось при описании фонемы *i*, в неударенном исходе слова она может расширяться вплоть до варианта «e̞», заходя тем самым в произносительный диапазон фонемы *e*. В результате в тех словах, где расширение *i* в «e̞» появляется не спорадично, при более нечеткой речи, а более или менее закономерно, благодаря влиянию того или иного расширяющего согласного, имеются предпосылки для перехода *i* > *e*. Случай такого осуществившегося перехода зафиксирован в слове *xí* 'свой', имеющем дублетное произношение с *e*: *xí* || *xɛ*.

Примеры на употребление фонемы *e*: *med* 'поясница', *der* 'живот', *wɛrɛ* 'десна', *veɣ* 'вода', *ɯžer* 'вечер', *neɣ* 'сегодня', *ref* 'веник', *wɛp* 'кровь', *kel* 'нож', *mɛnɟ* 'яблоко', *rež* 'нары', *mel* 'овца', *ded* 'бил', *wedu* 'кладет', *dešu* 'дойт', *fredu* 'полощет', *nezu* 'выходит', *averu* 'находит', *bedór* 'бодрствующий', *jeɣk* 'карман', *teɣk* 'лезвие', *seɣčá* 'палочка'.

Фонема *a* — по преимуществу гласный нейтрального ряда нижнего подъема, равный русскому ударному *a* между твердыми. Под влиянием согласных со среднеязычной артикуляцией может продвигаться вперед, давая переднее «а» таджикского типа: «šart» 'условие', «šab» 'ночь', «кындауи» 'бревно', 'колода' (в косв. пад.), «žanon» 'мы убьем'. Рядом с увулярными, напротив, может несколько отодвигаться назад: «xáγm» 'съем', «paxš» 'давление', «bγad» 'пришел'.

Примеры на употребление фонемы *a*: *zas* 'сын', *az* 'я', *ač* 'открытый', *dam* 'спина', *šak* 'плохой', *katá* 'большой', *var* 'дверь', *kadi* 'когда', *karóš* 'горох', *šax* 'спитой чай', *tika* 'кусочек', *werá* 'десна', *tak* 'меня', *fak* 'тебя', *wan* 'его', *averú* 'находит', *γazúk* 'говорить', *óγad* 'он пришел', *day* 'дай', *sadúk* 'поднялся'.

Фонема *u* — огубленный гласный верхнего подъема, с очень узким произносительным диапазоном, каких-либо заметных вариантов не имеет и может лишь незначительно расширяться при сокращении, что происходит в неударенном положении при быстрой речи: «diru» 'он имеет', «wédu» 'он кладет', «mísuκ» 'спать'.

Примеры на употребление фонемы *u*: *dur* 'серп', *kuč* 'жена', *vru* 'брат', *xuša* 'колос', *kγuš* 'грязный', *sung* 'камень', *vur* 'груз', *kuγ* 'кто', *šu* 'черный', *dud* 'дал', *ud* 'принес', *diru* 'он имеет', *kadu* 'тыква', *jubór* 'арык', *pušók* 'одежда', *xub* 'хорошо', *darún* 'внутри'.

Фонема *ü* — огубленный гласный заднего ряда с диапазоном по подъему от 4-й до 5-й и даже немного выше 5-й ступени (от «о» до закрытого «у»). Таким образом, фонему *ü* можно определить как очень закрытое *o*. Для полного стиля речи характерно ее более открытое звучание в пределах вариантов «o, o, u»: «toγd || toγd» 'он пошел', «zoγd || zoγd» 'он взял', «ok || uk» 'один', «kot || kut» 'он посмотрел', «usúk» 'теленек', «ro || ro» 'три'.

Расширение или сужение *ü* происходит в тех же фонетических условиях, которые указывались для фонемы *e*. При более быстрой речи *ü* во всех положениях склонно к сужению, так что его иногда трудно бывает отличить на русский слух от фонемы *u*. В быстрой речи приведенные выше слова звучат соответственно следующим образом: «toγd || tuγd», «zoγd || zuγd», «uk || uk», «kut || küt», «usúk», «ro || ru».

Перед носовыми согласными фонема *ü*, повидимому, не встречается.

Противоположение фонем *ü* и *u* доказывается фактом употребления их в одних и тех же фонетических позициях: *vru* 'брат' и *rü* 'три', *wedu* 'кладет' и *dü* 'побьет', *ud* 'принес' и *ük* 'один', *šux* 'закрытый' и *šux* 'шаловливый', *kγsku* 'крыша' и *škü* 'хлев'. Так же могут быть найдены и пары слов и морфем, различающихся только фонемами *ü* и *u*: *gül* 'послелог совместности', *gul* 'немой', *wüsük* 'теленек', *wusuk* 'нести', *rü* 'три', *-ru* послелог нахождения на поверхности, *šü* 'он пойдет', *šu* 'черный'.

Примеры на употребление фонемы *û*: *ûk* 'один', *gû* 'три', *xûr* 'осел', *vûxs* 'змея', *pûrk* 'мышь', *ûsûk* 'теленок', *şûx* 'закрытый', *ûdûyd* 'дочь', *vûş* 'веревка', *zûydûk* 'он взял', *tûydûk* 'ушел', *şû* 'пойдет', *dû* 'побьет', *kûi* 'он посмотрел', *kûvd* род обуви, *gûl* поселег совместности.

Фонема *o* в основном своем звучании — открытый огубленный гласный заднего ряда, равный или близкий по подъему русскому *o*, артикулирующийся на 3-й ступени подъема (вариант «э»). Однако в положении перед носовыми согласными *m* и *l*, особенно в закрытом слоге, фонема *o* может заметно сужаться, вплоть до 4-й ступени, давая закрытый вариант «о»: «vɯop» 'братья', «nop» 'мать', «awondop» 'они', «şapop» 'мы уьем'. Таким образом, диапазон фонем *o* и *u* совпадает в варианте «о». Однако, насколько можно судить по имеющимся словарным данным, фонема *û* в положении перед носовыми не встречается, благодаря чему устраняется и возможность совпадения обеих фонем. К тому же указанное сужение *o* характерно только для быстрой речи: при отчетливом произношении восстанавливается основной вариант «э».

Примеры на употребление фонемы *o*: *to(t)* 'отец', *non* 'мать', *zoman* 'мальчик', 'парень', *ştok* 'девочка', *com* 'глаз', *jom* 'кружка', *gola* 'лепешка', *çoku* 'нож', *kybô* 'тюбетейка', *xon* 'дом', *byforû* 'хочет', *goxûk* 'делать', 'производить', *sombbd* 'он натер', *ôyad* 'он пришел', *sot* 'сейчас', *boj* 'сад', *sodá* 'простой', *bodrîng* 'огурец', *poşná* 'пятка'.

Из общих свойств рассмотренных гласных можно указать следующие. Для гласных, как передних (*i*, *e*), так и задних (*u*, *û*, *o*), характерна большая устойчивость по признаку ряда: передние гласные ни в каких условиях не отодвигаются назад, задние — не продвигаются вперед. Эта их устойчивость находится в связи с наличием редуцированной фонемы *ь*, имеющей широкий качественный диапазон от заднего до переднего ряда.

Для гласных *i*, *u* и *û* характерно усиление в начале слова соответствующим их качеству согласным элементом: перед *i* появляется «у», перед *u* и *û* — «w»: «yi || i» 'один', «yivno || ivno» 'у них', «wud || ud» 'принес', «wûk || ûk» 'один', «wûsûk || ûsûk» 'теленок'. Поскольку *y* и *w* в других случаях являются самостоятельными фонемами, то и начальные «у» и «w», возникающие сперва лишь как компоненты начального гласного, в некоторых словах могут фонологизоваться, отчего возникают такие дублетные формы, как *wûdûyd* || *ûdûyd* 'дочь', *wûstûk* || *ûstûk* 'косточка от абрикоса'. Фонема *e* в начале слова не засвидетельствована. Начальное *o* всегда является чистым и не сопровождается каким-либо согласным призвуком.

Со стороны длительности все гласные могут быть под ударением довольно долгими и достаточно напряженными. В неударенном же положении, особенно в быстрой речи, рассмотренные гласные могут заметно сокращаться, теряя свою напряженность. Однако очень сильного сокращения, которое доходило бы до степени редукции, для

рассмотренной группы гласных не наблюдается: все гласные в любом положении нормально не сокращаются ниже той длительности, которая необходима для сохранения их качественной определенности.

ФОНЕМА Ъ

Фонема *ъ* — гласный смешанного ряда, очень широкого диапазона как по ряду, так и по подъему. По подъему она охватывает четыре ступени, не доходя только до самого нижнего и до самого верхнего. Более закрытый тип звучания характерен для положения *ъ* в открытых слогах и в соседстве со щелевыми («ь, ɪ-»): «šɪ-d» 'стал', «п̣ьšt» 'вышел', «kɪ-nɪp» 'сделаю'; более открытый («ɛ-, e-, ə») — в закрытых слогах рядом со смычными и щелевыми увулярными, а также в исходе слова: «сɛ-» предлог исхода, «хɛ- bo» (фонологически хь bo) 'к себе', «šide-t ʎažd» (фонолог. šidyt ʎažd) 'заплакал и сказал', «хáɛ-v» 'ешьте'. Основными вариантами для фонемы *ъ* являются варианты более закрытого типа (от 5-й до 4-й ступени подъема), которые в полном стиле речи характерны для всех фонетических положений: «сь» предлог исхода, «ṣ̌ьdí» 'он ушел', «хáɛ-v» 'ешьте'.

По признаку ряда фонема *ъ* охватывает диапазон от переднего продвинутого назад до заднего продвинутого вперед ряда. Основным типом звучания является смешанный, продвинутый вперед, гласный (вариант «ь») с указанными выше пределами расширения до «ɛ-»): «т̣ьs» 'также', «ṿьd» 'был', «п̣ьst» 'нет' и т. д. Сильное продвижение вперед, почти до переднего ряда, происходит под влиянием согласных со среднеязычной артикуляцией, а в беглой речи также в соседстве с переднеязычными согласными: «šɪ-d» 'стал', «dayɛ-v» 'дайте', «ižɛ-t» 'принеси', «сɛ-lim» 'чили́м'. Продвижение назад наблюдается в соседстве с заднеязычными, а в особенности с увулярными: «к̣ьpdá» 'колода', 'бревно', «т̣ьx» 'мы', «т̣ьхт̣ьг̣ь» 'яйцо', «к̣ьp» 'сделай' и т. д.

Во всех указанных вариантах в беглой речи в соседстве с губными согласными, а также переднеязычными щелевыми s, z, š, ž, фонема *ъ* может огубляться, давая впечатление «ü- и «u-образного звучания: «ṣ̌ь°d» 'стал', «т̣ь°x» 'мы', «п̣ь°s» 'не', 'нет', «хáɛ°v» 'ешьте'.

В количественном отношении фонема *ъ* относится к типу редуцирующихся. Будучи более краткой даже в ударенном положении, в неудаченных слогах, особенно открытых, фонема *ъ* в обычной речи может редуцироваться, превращаясь в качественно неопределенный призвук, иногда полностью оглушающийся между глухими: «masl°át» 'совещание', «т̣°gú» 'умрет', «t°rosnók» 'трус', «с°fúr» 'четыре', «t°т̣ьx» 'вы', «т̣°хóp» 'мы', «ṣ̌°т̣ьr» 'верблюд'.

Примеры на употребление фонемы *ъ*: ṿьd 'был', п̣ьs 'не', 'нет', с̣ьt 'маленький', т̣ьs 'также', ṣ̌ьṭьr 'верблюд', f̣ьs 'лицо', т̣ь 'мой', к̣ьп̣ьt 'сделаю', т̣ьx 'мы', т̣ьрдá 'труп', т̣ьрд̣ьт 'люди', т̣ьхт̣ьrх 'куриное

йцо', *tırǒš* 'кислый', *šyt* 'глина', *kǒd* 'собака', *dbš* 'поздно', *dbǒm* 'хвост', *gugǒrd* 'спички', *xǒt* 'он встал', *šǒxsu* 'он проходит', 'переходит'.

КОНСОНАНТИЗМ

Ишкашимский консонантизм значительно отличается от консонантизма остальных памирских языков. Именно: ишкашимский язык не имеет в своем составе 1) плоскощелевых переднеязычных *ʒ* и *ʒ* и 2) заднеязычных щелевых *š* и *š*. Наряду с этим отличием, ишкашимский язык сближается с ваханским наличием в нем ретрофлексного ряда согласных. И. И. Зарубин отмечает в ишкашимском следующие ретрофлексные: смычные *ʒ* и *ʒ*, аффрикат *š* и боковой *l*. Последняя фонема — ретрофлексное *l*, отсутствующая в ваханском, составляет специфику ишкашимского языка. Она закономерно соответствует сочетанию *rd/rt* в других иранских языках и встречается в таких словах, как *kǒl* 'сделал', *avǒl* 'нашел', *xǒl* 'съел' и т. д.

Для настоящего времени в ишкашимском языке, во всяком случае для молодого поколения, существенно отметить постепенную утрату ретрофлексных. Учащаяся ишкашимская молодежь, живущая среди таджиков или других памирцев, уже потеряла часть ретрофлексных звуков, вполне характерных для ишкашимцев еще 30 лет тому назад. Из трех ишкашимцев, с которыми пришлось работать в Сталинабаде, один потерял все ретрофлексные за исключением *ʒ*: *šǒl* 'маленький', 'младший', а второй — за исключением *ʒ* и *š* (последнее особо не отмечалось И. И. Зарубиным): *šǒl* 'младший', *aǒl* 'открытый', *šǒb* 'ночь', *nbšl* 'вышел', *šǒx* 'закрытый', 'запертый'.

Характерно, что все три ишкашимца наиболее радикально утратили чисто ишкашимскую специфику — ретрофлексное *l* как черту, вовсе не имеющую поддержки в языковом окружении. Все три ишкашимца произносят приведенные выше слова (*kǒl*, *xǒl*, *avǒl*) и т. д. с простым, не ретрофлексным, переднеязычным *l*: *kǒl*, *xǒl*, *avǒl*.

Фонемы *ʒ*, *ʒ* и *š* артикуляторно и акустически совпадают с соответствующими фонемами ваханского языка и могут быть названы ретрофлексными лишь в применении к фонологическому ряду, в том же смысле, в каком понимаются ваханские ретрофлексные (стр. 221 и след.).

Следует отметить для ишкашимского консонантизма очень редкое употребление звонкого однофокусного аффриката *ʒ*, которое засвидетельствовано только в двух словах: *zonʒ* 'возьми' и *ʒi* 'так', 'такой'. Подчинительный союз, записанный И. И. Зарубиным через аффрикат *ʒa* 'что' (*kǒt ʒa*... 'увидел, что...'), встречен только в виде *ʒa*: *kǒt ʒa*, *kǒl ʒa*, *ʒaʒd ʒa* и т. д.

К тому же ишкашимский язык, находящийся под сильным влиянием таджикского языка, быстрее, чем другие памирские языки, воспринимает в свою систему консонантизма таджикские элементы. Например,

в ишкашимский язык вместе с суффиксом множественности *-ho* начинает проникать и фонема *h*, которая, являясь компонентом морфемы, приобретает и фонологическую значимость: *vrühó* 'братья', *katahó* 'старшие', *lew hó* 'дивы' (*lew hó yážd-on* 'дивы сказали'). В связи с этим ишкашимцы легче сохраняют *h* и в общих с таджикскими корневыми морфемах: *sohib* 'хозяин', *m̄slahát* 'совещание' и т. д. Впрочем, сохранение *h* в такого рода случаях зависит от навыков говорящего: из трех осведомителей ишкашимцев один предпочитал форму *sohib* и *m̄slahát*, а два *soib* и *m̄slát*.

Таким образом, с одной стороны, отсутствие некоторых специфических признаков консонантизма, характерных для других памирских языков (отсутствие *ϕ*, *δ* и *ǰ*, *ǰ̄*), а также утеря и стирание некоторых специфических черт (постепенная утеря ретрофлексных, малое употребление аффриката *ʒ*), с другой стороны — усвоение элементов таджикского консонантизма (проникновение фонемы *h*), — начинают сближать ишкашимский консонантизм с таджикским. Устойчивыми признаками ишкашимского консонантизма, отличающими его от таджикского и сближающими с памирским, остается в настоящее время: 1) противоположение *v* — *w* и 2) наличие активного (часто употребляемого) аффриката *s*.

ТЕКСТЫ

Оба текста записаны от преподавателя Партийной школы Юсуфбекова из селения Рын

1

1. v̄yd ūk t(ʌ)rosnók. í-no d̄y kuč̄ v̄yd. agár aw s̄y xón-ʌs tar var n̄št, xi kuč̄n m̄s xi-gūl z̄ūyd, s̄y-rú-i-za fay trosnók v̄yd. i kuč̄n sof s̄y wán-on bezór š̄yd, awónd-on b̄xóst-za s̄y xe mol xalós š̄yón. ūk š̄ab iv mol tar var š̄uk-bo š̄yd, awónd-on amdigár-gūl maslát k̄l-za: „nér-za m̄x-on tar-vár n̄št, wáni la k̄nón p̄y vár-ʌt, xak j̄iyón xón-bo, var š̄ux k̄nón, aw lak p̄y vár alú, nogáim a k̄y mán m̄rú-t, m̄x s̄y wan xalós š̄yón“. awónd-on xi mól-gūl tar var n̄št-ʌt, bad xák-on j̄yst xón-bo-t, vár-on tar xi mol š̄ux k̄l. t̄rosnók k-iv d̄ym ʒ̄yžd-ʌt, vár-i č̄kúk nad, a var š̄ux

1. Был один трусишка. У него было две жены. Если он выходил из дома, он брал с собой и своих жен, потому что был большой трус. Его женам от него нестерпимо стало, и они захотели избавиться от своего мужа. Однажды ночью, когда их муж собрался выйти наружу, они посоветовались между собой: „Когда мы сегодня выйдем, оставим его снаружи, а сами побежим домой, дверь запрем, а он пусть остается снаружи, может быть, он умрет от этого, и мы от него избавимся“. Они вышли с мужем наружу, потом сами убежали в дом и дверь от своего мужа заперли. Трусишка вслед за ними побежал, начал коло-

v̄d. s̄ymb̄nd-za ce šíd-ýt, zori ce kúl: „ať kón̄v var!“, awónd-on ať n̄s kúl. ba aw šíd-ýt ɣažd: „bóri m̄n-bo d̄b t̄x̄m̄b̄ɣ d̄áyv!“ . awónd-on í-bo d̄b t̄x̄m̄b̄ɣ k̄b s̄ymbúk dud, aw wán̄v-i z̄úȳd-ýt t̄úȳd.

2. p̄ ʔk dášt-i óyad-za s̄fúr léw-on d̄b̄óor š̄bd. lewhó ɣážd-on: „m̄x fak xáron!“ aw ɣažd: „t̄m̄b̄x m̄ák-bi ʒi na xár̄v, aúl šárt k̄nón, agár šárti ús̄v, inga mak(i) xár̄v, m̄s-za fril“. lewhó ɣážd-on: „fri, ar šárti-za tí-no ce vuní m̄x-on a k̄b wán rizól“. t(ɔ)rosnók ɣažd: „zón̄ɣ̄v sung, wáni yak digár-ḡúl sómb̄v-ýt, s̄b wan reɣn p̄váɣv, bá mak xár̄v. agár-za áz s̄b sung reɣn p̄váɣm, inga az t̄m̄b̄x xár̄m!“.

3. awónd-on ɣažd: „fril“. bad s̄ung-on z̄úȳd, s̄ymb̄nd-za s̄ung-on tar yak digár ce sómb̄d, reɣn n̄s n̄št. faga t̄rosák z̄úȳd t̄x̄m̄b̄ɣ-ýt, paxš kúl wán-za: s̄b darún reɣn n̄št. lew(h)ó s̄b wán-on t̄rós kúl-ýt, í-bo-n ɣažd: „agá-za t̄b m̄b̄c̄v ce xari, m̄x-on rozí, agá-za ce na xári, m̄x t̄b-bo fay mól-ýt hol d̄áyon!“ . aw ɣažd: „fri“. ív-ḡúl xón-bo š̄bd. awónd-on amidigár-bo ɣážd-za: „ner šab m̄x man xáron“. aw p̄zind man. šab š̄bd-ýt, aw ɣažd: „ner šab m̄b víši m̄suk-bo tar var wéd̄v“. aw ilá mind-ýt, bat x̄b, š̄bd k̄ndá-yi z̄úȳd-ýt, p̄ xi xob-jogá-yi wét-ýt, xak x̄sár poš kúl. barobár šab, lewhó óyad-on-ýt, k̄ndá-on tabár-ḡúl d̄úk nad. x̄b-on d̄éd-ýt, ba xák-on š̄bd m̄suk. awónd-on mind-ýt, bá aw óyad, k̄ndá-yi z̄úȳd-ýt, xak mind.

тить в дверь, а дверь заперта. Сколько он ни плакал, сколько ни просил: „Откройте двери!“ — они не открыли. Тогда он заплакал и сказал: „Дайте мне хоть два яйца“. Они дали ему два яйца через отверстие; он взял их и пошел.

2. Пришел в одну степь — встретил четырех дивов. Дивы сказали: „Мы тебя съедим“. Он сказал: „Вы меня не ешьте, заключим сначала одно условие; если вы его выполните, то тогда ладно, — ешьте меня“. Дивы сказали: „Хорошо, какое бы у тебя условие ни было, мы на него согласны“. Трусишка сказал: „Возьмите камни и трите их друг об друга, пока из них масло выжмете, а потом ешьте меня. Если же я из камня масло выжму, то я вас съем“.

3. Они сказали: „Хорошо“. Тогда они взяли камни, но сколько они ни терли камни друг о друга, — масло не выходило. Тогда трусишка взял яйцо, раздавил его и изнутри потекла жидкость. Дивы испугались его и сказали ему: „Если ты нас съешь, то мы согласны, а если не съешь, мы тебе много имущества и добра дадим“. Он сказал: „Хорошо“. Он вместе с ними пошел (к ним) домой. Они сказали друг другу: „Сегодня ночью мы его съедим“. Он понял это. Наступила ночь, и он сказал: „Сегодня ночью постелите мне постель снаружи“. Он притворно лег, потом встал, пошел, взял чурбан, положил на свою постель, а сам спрятался. В полночь пришли дивы и начали бить по чурбану топором. Хорошенько побили, а сами пошли спать. Они легли. Тогда он пришел, взял чурбан и лег сам.

4. sári pigá aw xbt-ýt waýúk nad: „člím mán-bo ižymv!“ . awónd-ón hamdigár-bo ýážd-za: „aw mččv dú“ . awónd-on tьrós kúl-ýt, i-bó-n člím ógad. ba сь man aw ýážd: „ner az táсьm!“ . awónd-on í-bo fay lip tilló-t-dawlát-on ógad. aw ýážd: „úgyona máni рь xi dam zónžv-ýt úsv“ . úk lew máni zúyd рь xi dám-ýt, í-bo хón-bo ud. a pi хón í-no íci пьst. ba áw-i ilakorí kúl-ýt, ýážd xi kučbn-bo: „kuč, léw-noy sar mьn vru léw-bo ižym!“ . lew tьrós kúl-ýt, júk nad. aw сь wan халós šd-ýt, a dawlát í-bo frind.

4. Утром он встал и принялся кричать: „Принесите мне чилим!“ . Тогда они сказали друг другу: „Он убьет нас“ . Они испугались и принесли ему чилим. Потом он сказал: „Теперь я пойду“ . Они принесли ему много золота и добра. Он сказал: „Кто-нибудь один возьмите это себе на спину и несите“ . Тогда один див взял это на спину и понес к нему домой. А дома у него ничего нет. Тогда он схитрил и сказал своим женам: „Жена, принеси голову дива моему брату диву“ . Див испугался, пустился бежать, он от него избавился, и добро ему досталось.

2

СКАЗКА О ТРЕХ БРАТЬЯХ¹

Фонологическая запись

1. vьd пьs vьd rú vrú-on vьd. 2. dь vru сь úk non. 3. úk vru сь úk nóni digár. 4. ív-no rú úsúk vьd. 5. čьt xí-no kút. 6. katahó-s пьs kút-on. 7. úk-pa áw мьs xí-no пьs kút. 8. a i vruhó i úsúk-on ded. 9. aw ógad za: i úsúk пьst. 10. aw xi úsúk šьkurúk nád-ýt. 11. i мьrdá-yi avúl. 12. zúyd-i, dášt-bo šьd. 13. kút-za: šьtьr ógad. 14. aw bad zúyd wán-ýt, p-i fsc-i wen sómbьd. 15. kút-za: šьtьrdór ógad. 16. úsúkdór šidúk nád-ýt, 17. ýážd: „o-vrú, ti šьtьr мь úsúk-i xúlúk“ . 18. aw ýážd: „o-vrú, ži na ýáž, šьtьr úsúk na харú“ . 19. aw ýážd: „p-i рьšьr kas, aw sof рь wen. 20. az šьm podšo-jo, arz кьnm“ . 21. „мь šьtьr рь ti úsúk-noy qarz-ьta, ть árzi na šú“ . 22. zomán šьtьr suwór šьd-ýt, túyd. 23. i vrudarbn-on wénd-za: aw кь šьtьr-ru suwór ógad-ýt, 24. ýážd-on: „o-badbáxt, сь kńjo-t ma šьtьr ógad? 25. kúy-no aw?“ . 26. aw ýážd: „тьmьx мь úsúk-ьv ded. 27. áz-ьm i мьrdá parà-dúd-ýt, 28. šьtьr zúyd“ . 29. awónd мьs xi úsúk-on žád-ýt i мьrdá-on bozór-bo ud. 30. mardám-on frút: „čiz am?“ . 31. awónd-on ýážd: „am úsúk-noy мьrdá, мьx man кь šьtьr parà-dayón“ . 32. mardúm-on ýážd: „o-ablá, oxír (|| oxer) мьrdá úsúk ič-ku кь šьtьr na zúyđk“ . 33. awónd-on сь xi ári izó xúl-ýt, túyd-on. 34. xe úsúk-on ded-ýt, na šьtьr-on zúyd na úsúk. 35. bad awónd-on рь xi bayn maslaát kúl-za: 36. xi čьt vrú-noy nóni žanon. 37. awónd-on i nóni žad. 38. aw sayír šьd. 39. xi non мьrdá-yi кь xúr vur kúl-ýt, 40. рь úk jo ógad. 41. úk odám

¹ Перевод дан при вариантах шугнано-рушанской группы на стр. 174.

р̄ь х̄ьrmán-ьs usír zûγd. 42. aw n̄lúst, 43. x̄ur р̄ь yaw š̄b̄d. 44. a odám x̄ur-i s̄ung-ḡul d̄éd za, 45. m̄yrdá сь x̄ur wat. 46. a zomán óγad š̄idúk nád̄b̄t, 47. γážd: „т̄ь-t m̄ь non ded, 48. az podš̄ó-jo árzi š̄ьm“. 49. aw γážd: „m̄ь-no d̄ь ūd̄úγd, 50. ūkyona j̄bdó k̄ón-ьt, р̄ь xi non qárzi zonz̄“. 51. a zoman i kata ūd̄úγd-i z̄úγd-ьt, xi x̄ón-bo óγad. 52. i vrudarón-on f̄rút: „mán-ьt сь k̄ónjo óγad?“. 53. aw γážd: „áz-ьm xi non m̄yrdá d̄úd-ьt, mán-ьm z̄úγd“. 54. awónd m̄ьs agzi xi non žád-ьt, i m̄yrdá-on bozór-bo ud. 55. mardóm-on f̄rút: „m̄ьx̄ ma m̄yrdá-ḡul číz-ьs góx̄əv?“. 56. awónd-on γážd: „m̄ьx̄-ьs wáni k̄ь х̄ьsrú š̄(ь)tók pará-dayón“. 57. mardóm wánəv-on v̄rón̄d-ьt, awónd-on t̄úγd.

Детализованная запись

1. v̄əd n̄əs v̄əd | ru vr̄uon v̄əd || 2. də vru | c̄ə wók non 3. uk vru | c̄ə wuk nóni digár || 4. ivno | ru wusúk v̄əd || 5. č̄č̄-ṭ xéno qot | 6. katahós | n̄ə-s kútón || 7. úkra | áu m̄ьs | xéno n̄ə-s kút || 8. a i vruhó | yi wusúkon ded || 9. aw óγad za | ye w̄osúk n̄st || 10. aw | x̄i w̄osuk š̄^hkurúk nád̄b̄t | 11. yi m̄ərdayi avúl || 12. z̄oγdi | d̄ašt̄ bo š̄^hb̄^d || 13. kút za | š̄^ht̄ər óγad || 14. aw bat | z̄uγd wán̄b̄t | pi fé- | ci wen sómb̄b̄t || 15. kút za | š̄^ht̄ərdór óγad || 16. w̄osukdór | š̄idúk nád̄b̄t | 17. γážd || o v̄rú | ti š̄t̄ər | m̄ь w̄osúki xolók || 18. aw γážd || o v̄rú | ži na γáž | š̄t̄ər w̄osúk na xarú || 19. aw γážd || pi p̄^hš̄ér kas | aw sof p̄^h wén || 20. az š̄ьm podš̄ó jo | árž k̄ě- | n̄^hm || 21. m̄^hš̄^ht̄ər | p̄^h tí wusúk noj | qárz̄b̄ta | te- | árzi na š̄ú || 22. zomán | š̄^ht̄- | r s^wór š̄bd̄ē- | t | toγd̄ || 23. yi vrudarónon wend za | aw | k̄^h š̄t̄ər ru s^wór oγád̄b̄t | 24. γážd̄on || o badbáxt | c̄^h k̄ón jot | ma š̄^ht̄- | r óγad? || 25. kújno aw? || 26. aw γážd || t̄^hmóx | m̄^h w̄osúkəv d̄əd | 27. áz̄ьm | i m̄ərdá pará d̄úd̄ēt | 28. š̄^ht̄ər z̄oγd || 29. awónd m̄ьs xe w̄osúkon žád̄b̄t | i m̄ərdáon bozór bo w̄ūt || 30. mardəmon frut || číz | am? || 31. awóndon γážd || am | w̄osúknoj m̄ərdá || m̄ьx̄ | man | k̄^h š̄^ht̄ər pará dayón || 32. mardəmon γážd || o ablá | x̄ér | m̄ərdá w̄osúk | ič̄ ky | k̄ь š̄^ht̄ər na z̄oγduk || 33. awóndon | c̄ē- | xe ári | izó xúl̄t̄ | t̄úγdon || 34. xe w̄osúkon d̄éd̄b̄t | na š̄^ht̄- | ron z̄oγd | na w̄osúk || 35. bad awóndon | p̄^h x̄ē báin | maslaát kul za | 36. x̄i č̄u- | ṭ vr̄uonj n̄on̄ə ž̄ənon || 37. awóndon | i nóni ž̄æd || 38. aw | sayer š̄^hb̄^d || 39. x̄i non m̄^hrdáy | k̄ē xur v̄ur k̄ule- | t | 40. p̄^h wuk jo óγad || 41. w̄uk odám | p̄^h x̄^hrmán̄ьs w̄usír z̄uγd || 42. aw n̄lóst || 43. x̄ur | p̄^h yáw š̄^hb̄^d || 44. a odám x̄uri s̄ung gul d̄éd̄ za | 45. m̄ərdá | c̄^h x̄ur wat || 46. a zomán óγad | š̄idúk nád̄ē- | t | 47. γážd || t̄ē- | t | m̄^h nón ded | 48. az podš̄ó^h jo árzi š̄^hb̄^m || 49. aw γážd || méno | de- | w̄od̄oγd || 50. w̄okyona j̄idó k̄ónē- | t | p̄^h x̄e nón qárzi zonz̄. || 51. a z̄omán | yi katá wud̄oγdi z̄úγd̄b̄t | x̄i x̄ón-bo óγat || 52. yi vrudarónon frut || mán̄b̄t | c̄^h k̄ónjo óγad? || 53. aw γážd || áz̄ьm | x̄i non m̄^hrdá d̄úd̄ē- | t | mán̄əm z̄uγd || 54. awónd m̄ьs agzi xe non ž̄æd̄ē- | t | yi m̄ərdáon | bozór bo w̄ūd || 55. mardəmon frut || t̄^hm̄ьx̄ | ma m̄^hrdá gul číz̄t̄ góx̄əv? || 56. awóndon γážd || m̄əx̄ьs wán̄i | k̄ē- | x̄ē- | š̄rú š̄^htók pará dayón || 57. mardə^hm | wánəvon v̄^hr̄ond̄ē- | t | awóndon̄ toγd ||

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Осетинский язык	5—58
Вокализм	10
Состав фонем и их характеристика	10
Дигорский диалект	10
Иронский диалект	14
Длительность гласных	18
Дигорский диалект	18
Долгие (сильные) гласные <i>e, a, o</i>	18
Краткие (слабые) гласные <i>э, і, и</i>	20
Фонема <i>э</i>	21
Фонемы <i>і, и</i>	22
Выводы	23
Иронский диалект	25
Сильные гласные <i>і, е, а, о, и</i>	25
Слабые гласные <i>э, ь</i>	28
Фонема <i>э</i>	28
Фонема <i>ь</i>	30
Общие выводы	32
К он с о н а н т и з м	34
Общие сведения	34
Смычные согласные	36
Щелевые согласные <i>з (š), ж (ž)</i>	42
Огубленные согласные	48
Кимограммы осетинских согласных	49
Ягнобский язык	59—79
Вокализм	64
Долгие гласные <i>і, ē, ǒ, ū, ʏ</i>	64
Краткие гласные <i>а, і, и</i>	66
Противоположение кратких <i>і</i> и <i>и</i> соответствующим долгим парам (<i>і, ē</i> и <i>ū, ǒ</i>)	69
К он с о н а н т и з м	70
Тексты (в фонологической и в детализованной записи)	72
Список слов в фонологической записи	75

	Стр.
Памирские языки	81—240
Шугнано-рушанская группа	84—175
Вокализм	85
Шугнанский вокализм	86
Состав фонем и их характеристика	86
Долгие гласные	86
Краткие гласные	92
Длительность гласных	98
В односложном слове	99
В двусложном слове	101
В исходе слова	104
Выводы	106
Рушанский вокализм	106
Состав фонем и их характеристика	106
Длительность гласных	110
Отношение фонемы <i>o</i> к долгим и кратким гласным (в односложном слове)	111
Длительность долгих и кратких гласных в двусложном слове	116
Длительность краткого <i>i</i> в исходе слова	118
Хуфский вокализм	120
Шугнано-рушано-хуфские соответствия	121
Бартагский вокализм	128
Бартагго-шугнано-рушано-хуфские соответствия	130
Консонантизм	135
Тексты	139
Шугнанские тексты	141
Рушанские тексты	146
Хуфский текст	154
Бартагский текст	157
Сравнительный текст по всем диалектам (Сказка о трех братьях в фонологической и в детализованной записи).	163
Ягуляемский язык	176—208
Вокализм	177
Состав фонем и их характеристика	177
Фонемы <i>a, ā</i>	177
Фонемы <i>i, e, o, ŷ, u</i>	180
Фонема <i>ə</i>	182
Длительность гласных	183
В односложном слове перед одним согласным	184
В односложном слове перед двумя согласными	187
В неударенном открытом слоге двусложного слова	189
Выводы	192
Консонантизм	193
Тексты	195
№№ 1—2 (в фонологической записи)	196
№ 3. Сказка о трех братьях (в фонологической и в детализованной записи)	207
Ваханский язык	209—229
Вокализм	210
Состав фонем и их характеристика	210

	Стр.
Устойчивые гласные <i>i, a, o, u</i>	211
Неустойчивые гласные <i>y, э</i>	212
Длительность гласных	215
В односложном слове	215
В двусложном слове	217
Выводы	220
Консонантизм	221
Тексты	224
№ 1 (в фонологической записи)	224
№ 2. Сказка о трех братьях (в фонологической и в детализованной записи)	225
Палатограммы ваханских согласных	227
Ишканинский язык	230—240
Вокализм	231
Фонемы <i>i, e, a, u, y, o</i>	231
Фонема <i>ь</i>	235
Консонантизм	236
Тексты	237
№ 1 (в фонологической записи)	237
№ 2. Сказка о трех братьях (в фонологической и в детализованной записи)	239

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

*Редактор издательства Г. М. Ибраимова
Технический редактор Р. А. Аронс
Корректоры Л. А. Ратнер и Н. И. Тарноградская*

*

РИСО АН СССР № 4947.
Пл. 24—72 В. М-41652. Подписано
к печати 19/IX 1953 г. Бумага
70×108/16. Бум. л. 7⁵/₈. Печ.
л. 20,89. Уч.-изд. л. 15,53. Ти-
раж 2000. Зак. № 727.
Номинал по прейскуранту 1952 г.
10 р. 30 к.

1-я тип. Издательства АН СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
16	22 снизу	žəvərɔtɑ	«səvərɔtɑ
41	13 „	см. на рис. 4	см. на рис. 3
45	21 сверху	«k'izg»	«k'izgə»
71	6 снизу	«γə»	«γə ^u »
88	5 сверху	ay stɔbɔw	ay stɔbɔw
89	6 „	mā lɔv	mā lɔv
93	20 „	«ē»	ī
226	1 „	ɔəɥd	əɔɥd
233	10 „	'спитой чай'	'скала'
233	19 „	kɔv 'кто'	gɔl 'немой'
234	14 снизу	'один'	'его'
235	10 сверху	«kɪ - nɔɪ»	«kɪ - nɔɪ»

В. С. С о к о л о в а. Очерки по фонетике иранских языков.

10р.30к.